

ЛЕА РЕЙН

18+

Хранитель ИСТОРИИ

Нью Йорк, 1920-е. Дэнни с детства может видеть прошлое, однако он и помыслить не мог, что однажды будет путешествовать во времени. Свои способности он собирается применить во благо и решает предотвратить катастрофы прошедших эпох.

Париж, 2040-е. Эдвард работает в полицейском отделении, которое охраняет историю. Он отправляется в прошлое, чтобы помешать другим путешественникам во времени его изменить.

Через серию странных случаев сталкиваются они, и они оказываются втянуты в борьбу с тайной организацией, которая собирается переписать историю по своему замыслу. При этом им предстоит не только сразиться с более могущественным врагом, но и узнать шокирующую правду о самих себе.

ПАРИЖ, 1462 ГОД

Таверна в Университетском квартале оказалась местом, где собирался всякий сброд. Низкий зал, свод которого опирался на толстый деревянный столб, был залит тусклым светом свечей, и разглядеть прячущегося молодого человека было почти невозможно. Он сидел за столом в уголке, кутаясь в черный плащ, и беспокойно крутил глазами. Сидящие за соседним столом девушка и парень тоже предавались волнению и ерзали, не в состоянии ровно сидеть, чем невероятно бесили.

Вы-то чего маячите, — недовольно подумал молодой человек. — За вами же не охотится убийца во времени.

Он рассмотрел странную парочку внимательнее. Девушка была слишком юна для того, чтобы сидеть в подобном месте со сборищем пьянчуг и гуляк. Кое-кто на нее уже недобро поглядывал, из-за чего она сильнее натягивала на голову капюшон. Парень рядом с ней был напряжен и смотрел на всех так, будто готов был разорвать каждого, кто приблизится к ним хотя бы на шаг.

Кто такие — не ясно. Но вряд ли убийце во времени есть до них дело.

Больше молодой человек не удостоил парочку вниманием, потому что ему нужно было думать о том, как выбраться из этой таверны незамеченным, а главное — живым.

Убийца был тут — сидел за дощатым столом в центре зала и пристально осматривал помещение. Тяжелый взгляд, каменное лицо, напряженная поза. Он не походил на гуляку, да и в принципе не был похож на жителя Средневековья. Но его костюмчик был вполне достоверный — почти не отличишь. Хоть убийца и выглядел довольно устрашающе, молодой человек его не боялся. Ну... может, чуть-чуть, но не так чтобы очень. Столько раз от него удирал, удерёт и сейчас.

Он сжал горлышко бутылки, чтобы быть готовым в любой момент сделать из нее «розочку». Такое оружие вряд ли бы ему помогло, но ничего другого, к сожалению, найти не удалось. А может, другое и не нужно, ведь вряд ли убийца начнет стрелять в таверне, полной средневекового народа.

Мимо прошла компания бражников. Молодой человек поднялся и последовал вместе с ними к стойке, где хозяин таверны за скромную цену мог налить любому желающему отвратительный на вид напиток.

— Эй, ты видел того типа, — сказал молодой человек, аккуратно указав в сторону убийцы, чтобы тот этого не заметил. — Подозрительно озирается. Может, выпроводишь его? А то мало ли что...

— Видел, — небрежно отозвался хозяин таверны. — Мне и самому его рожа не понравилась. Даже не выпил ничего. А на черта он, скажите на милость, в таверну приперся?

— Верно, — сглотнув, ответил тот и демонстративно повертел в руках бутылку, чтобы хозяин таверны не отозвался подобным образом и о его «роже». На самом деле он не выпил ни капли, и вовсе не потому, что брезговал, а потому что нелепый «Сухой закон» отучил его выпивать. Зато научил напиваться, как в последний раз, что и произошло однажды в кафе с Хемингуэем. Но это уже другая история.

— Надо бы разобраться с ним. Парни! — крикнул хозяин таверны куда-то в толпу.

Неизвестно откуда вынырнуло двое далеко не трезвых мужчин, которых он отправил разбираться с подозрительным типом.

Молодой человек, продолжая сжимать в руках бутылку, стал наблюдать за зрелищем.

А посмотреть там было на что.

Далеко не трезвые мужчины подошли к убийце, неуклюже схватили его за плечи и заставили подняться, аргументируя свои действия тем, что хозяин таверны приказал его выставить, а почему — лучше не спрашивать.

Убийца оглянулся и усмехнулся, явно догадавшись, кто к этому причастен.

— Нет проблем, я постою у выхода, — сказал он с легким американским акцентом.

Молодой человек знал, что убийца его не видит, однако не сомневался, что эта фраза предназначалась ему. Убийца будет ждать его на выходе, чтобы пустить ему пулю в висок, — вот что он имел в виду.

Дело приобрело скверный оборот, но внезапно произошло то, что дало молодому человеку шанс быстренько улизнуть. Когда убийца развернулся в сторону выхода, один из людей хозяина заведения резко толкнул его в спину и прокричал:

— А ну стоять, проклятый англичанин! Зря ты сюда заявился, потому что живым отсюда ты вряд ли уйдешь!

Молодой человек запоздало понял, в чем дело. В этом веке США еще не существовало, и все слышали не американский, а английский акцент. Девять лет назад закончилась Столетняя война, но англичан тут до сих пор не жаловали. Особенно таких подозрительных, как этот.

— Seriously*?! — насмешливо воскликнул убийца, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов. — Что бы ты знал, я не англичанин, а живым попробуй отсюда выбраться сам!

После этих слов он заехал мужику в челюсть. А потом на всякий случай заехал и второму. Кто-то заорал. Кто-то вскочил на ноги и кинулся с кулаками на убийцу. Не прошло и пяти секунд, как в таверне началась драка.

Молодой человек решил воспользоваться ситуацией и проскользнул к выходу. Убийца наверняка это заметил, однако это было уже неважно.

Он улизнул от него.

Опять.

* Seriously — серьёзно (англ).

НЬЮ-ЙОРК, 1922 ГОД

Дэнни с самого детства может видеть то, что не могут видеть обычные люди.

Впервые это случилось, когда ему было десять лет. Тогда он вместе с родителями гостил у родственников в Париже в небольшой квартирке на улице Лис. Заняться было решительно нечем, поэтому Дэнни просто сидел на подоконнике и глядел в окно.

По улицам гуляли дамы в плащах и широкополых шляпах, ступали мужчины в тёплых пальто, да нередко, скрипя колёсами, проезжали новомодные автомобили — словом, вид был вполне заурядный и неинтересный. Однако что-то вдруг зарябило, поплыло, покрывшись мутной серой пеленой, и из этого вида родился новый, который потряс Дэнни до глубины души. Мальчик так и подпрыгнул и едва не прилип к оконному стеклу, замороженно разглядывая то, что предстало его глазам.

Вместо улицы 1909 года он увидел какую-то другую улицу, словно сошедшую со старых фотографий. По дорогам стали проползать конные экипажи, привычные автомобили испарились, а вместо них появились дышащие паром машины, больше похожие на кареты без лошадей. Да и люди оказались совсем другими, точнее другой оказалась их одежда: мужчины ходили в трех пиджаках, надетых поверх друг друга (по крайней мере, так тогда показалось Дэнни), а женщины — в пышных многослойных платьях со множеством воланов и складок. Таким нарядам впору продаваться в антикварных лавках или вовсе висеть в музее, подумал тогда Дэнни.

Но это все же было не самое большое отличие. Самым большим отличием оказалась смена времени года: хмурая осень вдруг превратилась в сочное лето. Солнце заиграло бликами на окнах домов, деревья зашелестели изумрудной листвой, а небо засияло лазурью.

Дэнни с восхищением рассматривал новый невероятный вид и был им так увлечен, что даже не заметил, как в комнату вошла мама.

— Дэнни, что ты там увидел? — удивленно спросила она.

Дэнни вздрогнул, повернулся к маме, а потом снова взглянул в окно.

Но зрелище, что его так поразило, уже исчезло.

Он ничего не ответил, лишь захлебнулся от удивления воздухом и уставился перед собой невидящим взглядом. Мама этого не заметила, позвала Дэнни ужинать, и он послушно позволил увести себя в столовую. Об увиденном он никому не говорил, но никогда об этом не забывал.

После он видел подобное неоднократно. Раз — и какая-нибудь улица, площадь или комната полностью поменяются и превратятся в декорации для исторического спектакля. Сначала Дэнни казалось, что он сходит с ума. Рассказывать об этом он никому не решился, потому что знал, что ему либо не поверят, либо отправят куда-нибудь на лечение.

Видения не были страшными или ужасными, они не угрожали его жизни и в какой-то степени были даже интересными, а потому Дэнни быстро свыкся со своей непохожестью на других людей и стал считать себя особенным.

А он и вправду таковым был — он мог видеть прошлое.

Он видел то, что некогда происходило на улицах городов. Видел людей, которых уже давно нет в живых. Видел события, о которых сейчас пишут в учебниках и о которых рассказывают в школах (не всегда правдиво, конечно, но все же).

Впервые Дэнни узнал, какой он видит год, когда случайно заглянул в газету одного прохожего. Когда он смекнул, что по таким мелочам можно узнать дату, то стал присматриваться к ним внимательнее. Видел он разные эпохи, но чаще всего перед его глазами предстала 1889 год. Наверное, этот год был чем-то важен, но чем — Дэнни понять так и не смог. Помимо 1889 он видел Средние века, Америку колониального периода и даже Великую войну, которая закончилась не так давно. Впрочем, войну он видел собственными глазами, и приходила она к нему, скорее, в воспоминаниях или кошмарах, а не в видениях прошлого.

Однажды в Вашингтоне Дэнни увидел Авраама Линкольна. Шестнадцатый президент только приехал в театр Форда на спектакль «Наш американский кузен». Это был тот самый спектакль, во время которого Линкольна застрелил Джон Уилкс Бут. Дэнни, конечно, ужаснулся от того, что застал Линкольна за несколько минут до его трагичной кончины, но все же был очень горд тем, что увидел живую хоть какого-то президента. Уоррена Гардинга, который теперь занимал этот пост, Дэнни доводилось видеть только на черно-белых снимках в газетах.

Правда, в последнее время — а если точно, то в последние года два, — Дэнни видел прошлое очень редко. Чем старше он становился, тем короче были его видения и тем реже они приходили. словно вместе с тем, как ускользала его юность, терялась и невероятная способность, которая делала его хоть чуточку, но отличным от других людей. Теперь он все больше и больше становился похожим на обычного, заурядного взрослого. И это Дэнни не могло не удручать.

А может быть, виной всему работа, — думал он.

Дэнни работал в маленькой газетёнке «Нью-Йорк Ньюз», которая за почти сорок лет своего существования ничего толком добиться и не смогла. Он торчал в офисе с шести вечера до трёх утра и выезжал на ночные происшествия. Это отнимало слишком много сил. Каждый раз, когда Дэнни возвращался домой, то падал лицом в подушку и засыпал крепким сном вплоть до того момента, пока ему не приходилось подниматься на работу снова.

Я не успеваю думать о настоящем, о каком прошлом вообще может идти речь... — порой сетовал Дэнни.

Но все же он очень любил газеты. С ними он работал всегда. Сначала в школе, потом в университете. Он мечтал быть редактором, но понимал, что им так просто не стать — на первых порах все равно придётся бегать в качестве репортера, пишущего для колонки с последней страницы.

Дэнни учился в Принстоне, но окончить его не смог. Америка вступила в войну, и ему, как воздух, нужно было идти на фронт. Вызвался добровольцем, повоевал, едва выжил и решил, что к черту нужна эта проклятая война. После неё Дэнни был в глубокой депрессии и несколько месяцев прожигал страховые выплаты за ранения.

Мама, конечно, была шокирована и долго корила Дэнни за его простреленную ногу, будто он сам пустил себе пулю в бедро. Но, когда он снова начал ходить и даже бегать, успокоилась и стала считать своего сына героем. Сам Дэнни себя таковым не считал. Ему просто хотелось забыть войну, как страшный сон, и продолжить жить так, как он жил раньше. Увы, как раньше уже не получалось, потому что сам он уже был совсем другим человеком.

После того, как Дэнни относительно пришел в себя, он устроился в газету. Ему выделили небольшой участок города, и он стал выезжать на любые ночные происшествия,

которые там происходили. Всегда быть в центре событий — вот что было его главной задачей. А событий случалось достаточно, особенно после введения «Сухого закона». В основном, это были уличные драки, мелкие преступления, кражи, но иногда могло выпасть что-то действительно стоящее.

Сегодняшний вечер как раз преподнес то, что можно было назвать стоящим: в гостинице «Четыре сезона» застрелился какой-то турист.

Наконец-то я напишу что-то серьезное! — радостно думал Дэнни, рассекая широкие улицы Нью-Йорка. Концы его оранжевого шарфа разлетались в разные стороны и беспардонно хлестали прохожих.

Пятая авеню была оживлена даже в этот поздний час. Разной высоты дома ровно стояли вдоль дороги и с холодным каменным спокойствием взирали на происходящее. На дорогах вереницами застыли автомобили; раздраженные водители сигналили, но ускорить движение таким способом не могли. Прохожие спешили, вероятно, по домам, но не могли не обратить внимания на здание гостиницы, перед дверями которого уже выстроились баррикадой полицейские машины. Дэнни бросился прямо к этой баррикаде, но его перехватили.

— Мистер Готтфрид, вы, как всегда, подспели вовремя, — устало сказал полицейский детектив.

— Мистер Хейл. — Молодой репортёр поприветствовал мужчину кивком. — Есть подробности? Что это было? Самоубийство или все-таки нет? Вы не против, если я пройду?

— Конечно же, против. Вы там совсем ни к чему.

— Понял, — ответил Дэнни, отойдя в сторону.

Сдаваться так просто он не собирался. Ему нужно было сфотографировать место происшествия — не зря же он тащил с собой фотоаппарат, который, надо заметить, был не очень-то легким. Через главный вход его теперь вряд ли пропустят. Второй способ проникнуть в гостиницу — через служебный вход. Детектив приказал своим людям ступать на второй этаж, и эта информация Дэнни очень порадовала. Теперь он знал, на каком этаже произошла трагедия, а найти номер уже будет несложно — полицейские наверняка будут голосить на весь этаж.

Дэнни скользнул за угол гостиницы и побрел вдоль стены, украшенной лепниной. Полицейских у служебного входа не оказалось, однако там стоял один из официантов, который с задумчивым видом выпускал изо рта серый дым. Дэнни хотел прокрасться мимо него, но эта затея не увенчалась успехом.

— Простите, сэр, но вам туда нельзя, — грубо сказал официант, приблизившись к входу и загородив его собой.

Дэнни не растерялся. Он призвал на помощь все свои актерские способности и, изобразив глубочайшее оскорбление, стал говорить:

— Я полицейский фотограф. — Он указал на свой фотоаппарат, болтающийся на шее огромным кирпичом. — Мне нужно немедленно осмотреть кухню и сделать снимки.

— Зачем? — искренне не понял мужчина, но все же перестал щетиниться и даже как-то смутился.

— Не имею права разглашать эту информацию. Ну так пропустите или мне лучше позвать детектива, который мигом вас арестует за препятствие расследованию?

Официант ступешевался еще больше и, колеблясь, все же пропустил его внутрь. Дэнни невозмутимо переступил порог и понесся по лабиринту коридоров в противоположную от кухни сторону. Он думал, что будет долго плутать по гостинице, но, на удивление, быстро

разобрался и обнаружил узкий коридорчик с лестницей для прислуги. Очевидно, что за пару лет служения в газете Дэнни приобрел большой опыт ориентирования в гостиницах. В его работе они фигурировали часто. А почему — наверное, потому что в них всегда происходило все самое интересное.

Дэнни поднялся на второй этаж и сразу услышал громкие голоса. Дверь одного из номеров была раскрыта нараспашку, и полицейские только так около нее крутились. Дэнни спрятался за углом в коридоре и дождался, когда они угомонятся и скроются внутри. Ждать пришлось недолго. Вскоре все уже были в номере и, на радость одному репортеру, не закрыли дверь до конца. Дэнни приготовил фотоаппарат, прошмыгнул по коридору и быстро сделал снимок.

Все, конечно, сразу увидели постороннего. Но Дэнни от этого не смутился. Он стал изучать взглядом комнату и быстро запоминать каждую деталь. Вот на полу лежит труп с простреленной головой. Вот кровавые пятна на бежевой шторе. Вот приоткрытая дверь ванной комнаты. Вот стол, заваленный ворохом каких-то бумаг, смешанных, словно кто-то в них рылся.

А потом это ужасающее зрелище вдруг стало расплываться, исчезать, словно рисунок на запотевшем стекле. Документы были приведены в порядок, кровь со шторы исчезла, да и полицейские растворились, будто бы их тут и не было вовсе, а мертвый мужчина ожил и стал большими шагами прохаживаться по комнате, в волнении бормоча себе что-то под нос.

Дверь ванной комнаты чуть приоткрылась, и через небольшую щель в спальню скользнула подозрительная мужская фигура. Дальше — все произошло так быстро, что Дэнни едва смог уловить смысл случившегося, — фигура выстрелила из навороченного пистолета, и несчастный мужчина замертво повалился на пол.

Когда убийца прошел в центр комнаты, Дэнни детально смог его рассмотреть. Это был высокий человек с черными, как вороново крыло, волосами. У него была бледная сухая кожа, большие мешки под глазами и ледяной, словно безжизненный, взгляд. Он был в темных штанах и черной обтягивающей кофте с высоким воротом. К запястью крепилась странная конструкция с кожаным ремешком и гладкой блестящей пластиной в центре. Дэнни подумал, что это очень походит на наручные часы, но все же не решился бы утверждать это с точностью. Человек этот выглядел странно и был тут словно даже не к месту. Дэнни определенно его никогда раньше не видел, но отчего-то возникло ощущение, что это лицо ему знакомо.

Убийца опустился перед безжизненным телом, вытащил у него из-под пиджака пистолет и кое-как вложил в его скрюченную руку, собираясь выставить это как самоубийство. А потом подошел к столу и стал рыскать в бумагах.

— Мистер Готтфрид! — закричал кто-то, и видение растаяло, как утренний туман. — Вы уснули?!

Перед взором Дэнни застыло разъяренное, покрытое красными пятнами лицо мистера Хейла. Он шумно дышал через рот, обнажив два передних зуба, будто скалился. Дэнни тут же отметил, что детектив походит на крысеныша, не хватало только жиденьких усиков и оттопыренных ушей.

— Вы понимаете, что у вас нет права здесь находиться? Мне придется...

— Я знаю, кто убийца, — перебил его Дэнни.

— Что?.. — От удивления его маленькие глаза будто бы стали больше. — Никто не говорил, что это убийство.

— Это было убийство. Его застрелили, а потом вложили в его руку пистолет, чтобы выдать это за самоубийство, — проговорил репортер, чем ввел в замешательство не только детектива, но и всех полицейских, которые находились в комнате.

— Послушайте. — Мистер Хейл взял его за локоть и потащил в коридор. — С чего вы это взяли? — спросил он чуть тише.

— Скажем так, у меня свои методы.

— То есть вы утверждаете, что знаете убийцу в лицо?

— Я не знаю его имени, но если бы его увидел, то непременно узнал. За что этого человека могли убить?

— Есть предположения, что он перевозит контрабандный алкоголь. И... Почему я вам это говорю? Даже не смейте писать об этом!

— Вы же знаете, что я все равно напишу.

— Откуда вам известно, кто убийца?!

— Я видел, как подозрительный человек очень быстро выбегал через служебный выход, — выдумал Дэнни. — Мы с ним столкнулись, и выглядел он так, точно сотворил что-то ужасное. Судя по тому, что тут действительно случилось нечто ужасное, я осмелился предположить, что это был убийца. Я прекрасно его запомнил и смогу нарисовать его лицо.

— Мистер Готтфрид, вам говорили, что вы очень наглый молодой человек?

— Пару раз такое упоминали. — Дэнни пожал плечами.

— Но впервые ваша наглость принесла хоть какую-то пользу! Рисуйте, пожалуйста. Только прямо сейчас, чтобы мы немедленно послали офицеров на его поиски.

— Но я не могу сейчас. Понимаете, рисование — это такое дело... Тут нужно вдохновение.

— Не паясничайте, ради Бога! — взмолился детектив. — Или мне посадить вас за решетку? Быть может, там у вас появится вдохновение.

— Эээ, — пробормотал Дэнни. — Ладно. Дайте мне листок и карандаш, я все нарисую.

Мистер Хейл выудил из кармана записную книжку, открыл ее на чистой странице и сунул ему в руки. Дэнни приложил книжку к стене и стал рисовать, воскрешая в памяти лицо убийцы. Рисовал он хорошо. Он считал себя творческим человеком и был уверен, что творческий человек способен овладеть всеми видами искусства. Так он умел лепить скульптуры, рисовать, писать рассказы, играть на скрипке и многое-многое другое. Правда, все это он умел понемногу и делал не бог весть как, но все-таки делал и был собой очень доволен.

Через несколько минут портрет убийцы был готов. Мистер Хейл забрал свою книжку и стал оценивающе разглядывать работу Дэнни. Воспользовавшись тем, что полицейский отвлекся, Дэнни плавно отошёл от него на несколько шагов и нырнул за угол коридора.

Наверняка мистер Хейл разозлится, когда поймет, что Дэнни так незаметно скрылся. А когда в газете появится статья о сегодняшнем происшествии, то он вообще впадёт в ярость. Но что было делать, в карьере обычно пробиваются не просто талантливые и трудолюбивые, но еще и изворотливые. Это Дэнни давно уяснил.

ПАРИЖ, 1907 ГОД

Эдварду было тридцать, когда его жизнь разрушилась, как карточный домик, и вот уже два года он будто бы живёт в руинах.

Сначала погиб его пятилетний сын, потом с ним развелась жена, а после умерла мама. Все это обрушилось на него и разбило на миллионы мелких кусочков, из которых собрать себя обратно он уже не мог. И не был уверен, что когда-нибудь сможет. А если и сможет, то вряд ли снова станет таким, каким был раньше.

В уголках его глаз появились морщины. Взгляд, который раньше блестел каким-то задорным огоньком, потускнел и стал холодным и суровым. Черты лица заострились, а в чёрных, как уголь, волосах появились серебристые пряди. В общении с людьми Эдвард стал жесток. Если раньше он мог разрядить обстановку смешной шуткой, то сейчас его юмор был пропитан не щадящим никого сарказмом. Впрочем, и шутил он уже не так часто.

Теперь для него не существовало ничего, кроме работы. Он, конечно, и раньше погружался в неё с головой, но сейчас будто бы хотел потеряться и раствориться в ней окончательно. Эдвард мог часами сидеть с планшетом на коленях и чертить всякие схемы, таблицы или временные линии. Так он группировал информацию об ужасном преступнике, которого мечтал поймать, наверное, всю свою жизнь, и обо всех, кто был с ним связан.

— Тебе стоит отдохнуть, — неловко говорила его двоюродная племянница Жаклин, когда заставляла Эдварда за работой. — К тому же, это не твоя работа, а моя. Я же твой помощник.

— Можно подумать, ты способна сделать что-то толково, — холодно бросал он, даже не поворачивая к ней головы.

Жаклин не обижалась. Она понимала Эдварда и старалась ему помочь, ведь они были не чужими людьми. У них была такая небольшая разница в возрасте, что они воспринимали друг друга не как дядя и племянница, а как брат и сестра. Да и внешне они были очень похожи — черноволосые, темноглазые, с острыми чертами лица и одинаковыми носами с небольшой горбинкой.

Они вместе работали в новом секретном отделении полиции, которое занималось охраной истории и ловило вневременных преступников. Это отделение основал дед Жаклин, и там работали только избранные люди — в основном, путешественники во времени и те, кому они могли доверять.

Эдвард мог путешествовать во времени. Эту способность они с братом, Леоном, унаследовали от матери, которая являлась лишь носителем гена. Леон, правда, не горел желанием защищать историю и решил посвятить свою жизнь обыкновенной работе. Точнее, он хотел продолжить бизнес отца, поэтому остался в Нью-Йорке вместе с ним. Эдвард жил в Париже вместе с кузиной Анаис и ее дочерью Жаклин.

Жаклин не могла путешествовать во времени, но зато обладала другой очень полезной способностью — она могла видеть изменения истории. Чуть что в прошлом начнёт меняться из-за вмешательства других путешественников во времени, как голову Жаклин пронзает вспышка, и она видит, что поменялось и в каком году. Отчасти благодаря ее невероятному дару и удавалось фиксировать изменения истории и возвращать все на свои места.

Сколько Эдвард себя помнил, он всегда жил на две страны. Из-за работы отца они

переезжали то в США, то во Францию. Первый язык, на котором Эд научился говорить, был английский, поэтому у него остался легкий американский акцент, который французы слышали очень хорошо. Эдвард изучал мировую историю в Гарварде и был настоящим гением в этой области. Впрочем, ему было проще, чем другим студентам, потому что исторические события он мог видеть воочию. Например, однажды ему нужно было написать доклад о Томасе де Торквемаде, и Эд отправился в средневековую Испанию, чтобы посмотреть на великого инквизитора в действии.

Но Эдвард не стремился стать прославленным на весь мир историком. Он еще в школе твердо решил, что будет полицейским, стоящим на страже истории. Вообще, о существовании необычного полицейского отделения Эдвард узнал случайно, когда взломал базу данных французской полиции, чтобы выяснить, как продвигаются поиски опасного вневременного преступника. Для поимки этого преступника в 2015 году была собрана специальная группа, которая спустя какое-то время и стала этим защищающим историю отделением.

Надо заметить, что преступника поймать так и не удалось. Эдвард поклялся, что обязательно его посадит, даже если придется потратить на это всю свою жизнь. У него были личные причины, чтобы наказать этого человека.

Эдвард долго искал о нем информацию и насобирал очень много. На основе найденного материала можно было, наверное, написать целую книгу.

Преступника звали Жан Лобер. И он был самым первым путешественником во времени. Его история была так запутана, что Эдвард сам едва смог в ней разобраться.

Жан родился в 2157 году. Когда ему было двадцать, над ним провели эксперимент с целью создать путешественника во времени и отправили в прошлое. Все получилось, из 2177 года Жан переместился в 1305. Вот только это путешествие оказалось для него в один конец. Вернуться в своё время он уже не смог, и ему осталось только учиться жить в новом для него мире. Он научился, даже создал семью и зажил обычной жизнью обычного средневекового мужчины. Но в один ужасный день его маленькая дочка сильно заболела и умерла. Не успело ее тельце остыть, как Жана перебросило на несколько лет вперед. Он сразу понял, что дочка его была путешественницей во времени. Ее жизненная энергия переместилась в его тело и позволила прыгнуть вперед. С этого момента у Жана появилась надежда вернуться обратно домой. Он обзавёлся потомками и стал их убивать, выкладывая себе кровавую дорожку домой.

Эдвард ненавидел Жана. Много лет назад — Эда ещё тогда даже не было на свете, но он отлично знал о случившемся, — Жан напал на его семью, чтобы убить их и отобрать жизненную энергию. Его удалось остановить и даже арестовать, правда, каким-то образом он все-таки смог переместиться в безопасное место и скрыться от полицейских.

Эдвард был отчего-то уверен, что поймать Жана должен именно он. А ещё он считал своим предназначением защищать историю от всяких придурковатых типов, которые пытаются перекроить прошлое под себя. К сожалению, среди путешественников во времени такие встречались нередко.

Но вот уже настал 2048 год, а самый опасный преступник так и оставался на свободе.

Никто не говорил, что это будет легко, — твердил про себя Эдвард.

Сейчас он был в Париже 1907 года. Он долго искал приспешников Жана, но за все это время смог найти только двоих. Эдвард не был уверен, что у Жана очень много людей, ведь какой нормальный путешественник во времени пойдёт за типом, убивающим путешественников во времени?..

Первого приспешника Эд поймал год назад в 1927 году, но тот, придя в сознание после удара по голове, успел телепортироваться и был таков. Второго Эд обнаружил в 1907 году и очень надеялся, что сможет его поймать и вытрясти из него информацию о Жане. Впрочем, ещё одного провала Эдвард не мог допустить, поэтому готов был сделать что угодно, чтобы исход сегодняшней миссии оказался благоприятным.

Отель «Алмаз» находился почти в самом центре Парижа. Эдвард и его друзья, Гюстав и Камиль, с которыми он работал бок о бок вот уже несколько лет, сняли в нем номер. Они знали, что приспешник Жана остановился именно здесь, и были намерены его перехватить.

Эд сидел в бархатном кресле напротив окна и глядел невидящим взором на голографическое изображение, которое вывел в воздух из своих часов. Гюстав сидел напротив и листал газету. Камиль в это время бродил где-то внизу и выяснял, в каком номере поселился объект их слежки.

— Ты видел газету? — решил разрушить молчание Гюстав.

— Да. В этом каменном веке природные ресурсы использовались крайне нерационально, — без эмоций отозвался Эд.

— Я не об этом. — Гюстав зашуршал страницами. — Здесь пишут о волне терактов, которая прокатилась по многим европейским странам. Ты знаешь об этом?

— Разумеется, знаю. И я даже знаю, кто их устроил. Но это не наше дело. У нас другая миссия.

— Конечно, — вздохнул Гюстав.

Для Эдварда не было секретом, что Гюстав плохо разбирается в истории. Об одних событиях он даже не слышал, о других слышал, но путал даты, сдвигая их на пару-тройку десятилетий. Представления об эпохах у него тоже были размытыми. Эдвард пытался его чему-нибудь научить, но это было как об стенку горох. Гюстав не был тупым, у него просто не было страсти к истории. Если у него не хватало знаний, то он без проблем дорисовывал историческую картину собственным воображением и не видел в этом ничего зазорного. Эдвард бы тоже не видел, если бы это не несло большой урон маскировке Гюстава. Например, сегодня друг очень старался нарядиться в соответствии с эпохой, но походил больше на гангстера из тридцатых: белая полосатая рубашка, наплечная кобура, шляпа-котелок и очки-авиаторы. В какой-то степени вид был даже глупый, а очки такой формы в 1907 году ещё даже не изобрели, но Гюставу прощалось, потому что в остальном он был очень хорош.

— Как там его, — раздался в наушниках голос Камилля. — Маркель? Микаэль?

— Михель, — ответил Эд, устало потирая переносицу. — Михель Невё. А ты уже раздобыл форму?

— Я в костюме рассыльного, — сообщил Камиль. — Достать его не так и сложно, когда у тебя в часах есть подробный план отеля.

— Я смотрю, дело пошло, — констатировал Гюстав. Он слышал каждое слово Камилля из своих наушников.

— Ещё как, — согласился Камиль.

— Ладно, — сказал Эдвард. — Сейчас идёшь к стойке регистрации и плетёшь всякую чушь насчёт того, что один постоялец поручил тебе отдать посылку Михелю Невё прямо в руки, но забыл сказать номер его комнаты и все такое. Кто-кто, а администратор-то сможет помочь выяснить, в какой комнате он поселился.

— Понял, — ответил Камиль.

— Эд, — проговорил Гюстав. — А ты прямо на сто процентов уверен, что это тот отель?

— Я же не идиот, — бросил Эдвард. — Перед тем, как отправиться, я миллион раз все проверил.

— Ну а ты допускал возможность, что Невё мог каким-нибудь образом узнать, что мы за ним следим, и поменять отель? У меня предчувствие какое-то странное.

— Это тот отель, — ответил Эд тоном, не терпящим возражений.

Он был подготовлен к этой миссии основательно и не мог позволить себе даже мельчайшую ошибку. Когда упоминание о Михеле Невё появилось в 1907 году, Эдвард зафиксировал его передвижения в этом времени — те, о которых смог найти информацию, — и составил план перехвата. Что-то пойти не так уже просто не могло.

— Парни, не хочу вас расстраивать, — тихо проговорил Камиль через какое-то время. — Но администратор не слышал такого имени.

— Черт, — прошипел Эд и стал листать вкладки в своей голограмме. — Не может быть, он записался в регистрационной книге под этим именем.

— Значит, сейчас он не в этом отеле? — спросил Гюстав.

— Администратор говорит, что человека с таким именем здесь нет, — ответил Камиль.

— Ты, наверное, теперь доволен, — сказал Эдвард Гюставу, а потом глянул в окно и заметил знакомую фигуру, которая перебежала дорогу.

Эд даже не понял, что подвигло его повернуть голову, но если бы он этого не сделал, то все сейчас могло быть совершенно иначе.

— Странно. Он был тут и не зарегистрировался. Черт. Камиль, бегом за ним, не дай ему далеко уйти! — скомандовал Эдвард, подскочив на ноги. Он выключил голограмму, схватил лежавший на столе пиджак и кинул его в Гюстава. — Ты тоже шевелись.

— А что такое? — с непониманием спросил Гюстав.

— Невё убегает! Поднимай задницу, черт побери!

Гюстав, словно назло, не спеша поднялся с кресла и стал надевать пиджак, пряча под ним кобуру с оружием. Эдвард глядел, как Камиль выходит на улицу и идет следом за Невё куда-то за угол гостиницы.

— Быстрее! — не выдержал Эдвард, повернувшись к копавшемуся Гюставу.

А после схватил того за шкурку и телепортировался вместе с ним на улицу, выбрав для приземления аркаду, которая тянулась вдоль здания напротив.

Не успели они материализоваться в одной из арок, как улицу сотряс оглушительный взрыв. Эдварда и Гюстава — да и не только их, а всех, кто находился рядом с отелем, — отбросило ударной волной. Эд прилетел в каменную стену, больно ударившись плечом, а Гюстав налетел на деревянную дверь и едва ее собой не вышиб.

— Какого черта?.. — проговорил сбитый с толку Эдвард, озираясь по сторонам в поисках того, что взорвалось.

Перед зданием отеля творился хаос. На земле лежали люди — живые или мертвые, непонятно. Другие бегали, кричали, пытались помочь раненым, либо просто убегали прочь. Некоторые автомобили были искорежены и валялись кверху колёсами, как мертвые жуки, а другие вообще превратились в груды запчастей. Да и от самого отеля мало что осталось. Он дымился и горел, красные облака пламени окутывали его обжигающими объятиями и ломали, будто стремясь стереть с лица Парижа, а заодно и из истории.

— Нет-нет-нет... — в ужасе забормотал Эдвард. — Такого ведь не должно было

произойти, все должно было быть не так...

— Что у вас там случилось?! — послышался обеспокоенный голос Камиля.

— Кажется, мы едва не превратились в жаркое, — ответил ошарашенный Гюстав, карабкаясь по двери, чтобы подняться на ноги. — Эд... гляди, где очаг взрыва.

— Что? — спросил Эдвард.

Его взгляд стал метаться по страшному зрелищу, и Эд быстро понял, к чему вёл Гюстав. Неожиданно все вставало на свои места.

— Ублюдок, — выплюнул он. — Бомба была в нашем номере. Он хотел взорвать нас! Как он понял, кто мы? Камиль, где ты сейчас? Я убью этого урода.

— Я... иду за ним, — растерянно проговорил тот. — Думаете, это он подложил бомбу, чтобы избавиться от нас?

— Да. И он хотел, чтобы этот взрыв считали частью той серии терактов, которая сотрясла Европу! Когда он успел только придумать все это, гад.

— Я как будто жопой чувствовал, что что-то не так, — вставил Гюстав.

— Камиль, ты где? Мы сейчас же пойдём следом, — сказал Эдвард.

— Он идёт быстро, — запыхавшись, ответил Камиль. — Точнее уже бежит! Я побежал следом. Пока мы движемся прямо по улице Фобур-Сент-Оноре. Сообщу, если свернём.

— Гюстав? — Эд повернулся к другу. — Идти сможешь?

— Даже бежать, — отозвался тот.

— Тогда побежали.

Они сорвались с места, но вовремя сообразили, что догнать так быстро Камиля не смогут. По крайней мере, пешком. Кругом стояли брошенные автомобили. Эдвард подлетел к одному из них, посадил Гюстава за руль и покрутил заводную рукоятку, расположенную в передней части кузова. Когда Гюстав завёл двигатель, Эд забрался в кабину, и они рванули по дороге настолько быстро, насколько это было возможно на этом древнем «Рено».

— Аэромобили мне нравятся больше, — заметил Гюстав, неуверенно крутя баранку руля.

— Гони давай.

— Какое тут «гони»... — проговорил он, а после стал выяснять у Камиля дорогу.

Эдвард позвонил племяннице в будущее по второй линии. Обычно Жаклин подключена в общую сеть, но во время отдыха в отеле они решили от нее отключиться.

— Жаклин, проверь, почему отель, в котором мы поселились, взорвался, — сходу попросил он.

— Что?! — удивилась она и сразу стала громко стучать пальцами по экрану компьютера, что Эдварду было слышно даже через наушник. — А да, его взорвали... ничего себе. Но так раньше не было.

— Как Невё узнал, что мы пришли за ним? Почему отель взорвался?

— Здесь... ничего такого нет. Написано, что «Алмаз» был очередной жертвой террористов, — ответила Жаклин.

— Проклятый Невё. Как он мог узнать, что мы идём следом? И когда он успел подготовиться? Просто в голове не укладывается. Все ведь было сначала не так. Я точно убью этого урода. Я не позволю второму ублюдку от меня улизнуть!

— Ты не виноват, — сказала Жаклин.

— О чем ты? — переспросил Эд.

— Я знаю, что во взрыве ты начал винить себя. Но ты не виноват. Успокойся и не

нервничай.

Эдвард даже застыл после этих слов. Жаклин била прямо в цель. И как она только догадалась? Эдвард и вправду винил во взрыве себя. А кого ещё? Это он выслеживал приспешника Жана, и этот взрыв Невё устроил как раз для него. А в результате погибли десятки других людей, которые не должны были погибнуть сегодня, и черт знает, как после этого поменялась история.

— Спокойно, мы приехали, — сообщил Гюстав. — Невё побежал в тот переулок. Машина там не проедет. Дальше пешком.

— Классно, — буркнул Эд.

Не успели они выйти из кабины, как по улицам пронеслись глухие щелчки и эхом отскочили от стен домов, подобно упругим шарикам. Эдвард уже догадывался о природе этих щелчков. Но не желал признавать в них выстрелы.

— Камиль? — обеспокоено проговорил Гюстав.

— Что это было? — спросила Жаклин.

Эдвард включился в общую сеть, оставив племянницу на второй линии.

— Камиль? Как слышно? — сказал он.

— Это ты стрелял? Где ты сейчас? — спросил Гюстав. — Мы уже идём.

— Не утруждайтесь, — раздался чужой голос с линии Камиля. Эдвард и Гюстав взволнованно переглянулись. — Камиль на связь выйти больше не сможет. И боюсь, что уже никогда. Перестаньте нас преследовать, иначе то же случится и с вами. А теперь, прощайте. Надеюсь, больше мы с вами не пересечемся.

Что-то затрещало, захрустело, и связь разорвалась, сменившись страшным протяжным писком.

— Нет! — воскликнул Эдвард и понёсся вглубь переулка, чтобы отыскать этого урода, вытащить его из-под земли и уничтожить. Все внутри у него перевернулось, а в голове стало пульсировать так, что виски едва не разорвало. Не мог он потерять ещё одного своего человека! Не мог! Какой из него капитан, если обе миссии по выслеживанию приспешников Жана заканчиваются смертями людей из его команды?..

— Что там у вас? — обеспокоено спросила Жаклин, когда Эдвард снова к ней подключился.

— Что-то с Камилем.

— О боже, — прошептала она. — Я посмотрела новости... Прямо сейчас на одной из улиц Парижа нашли тело с простреленной головой. Точнее... господи. Ему снесло половину головы.

— Не говори этого, — зашипел Эд. — Не смей.

— Это Камиль, — все же сказала Жаклин.

НЬЮ-ЙОРК, 1922 ГОД

Уютное кафе на Пятой Авеню очень нравилось Дэнни. Он часто сюда приходил, чтобы выпить чашечку кофе, съесть какой-нибудь десерт и заняться работой. Когда за окном шумел город, здесь было спокойно и тихо. Дэнни обычно усаживался за столик под изогнутым металлическим бра, которое больше походило на причудливую ветвь дерева, и записывал в блокноте наброски статей.

Но не сегодня. Сегодня он сидел с газетой «Нью-Йорк Ньюз» и перечитывал свою статью об убийстве в гостинице. Он был очень горд своей работой — статья попала на первую страницу! Теперь его карьера просто обязана пойти в гору. Когда-нибудь он обязательно станет известным редактором, вроде Джозефа Пулитцера, накопит денег, приобретёт всю эту газетенку «Нью-Йорк Ньюз» и выведет её на такой высокий уровень, что она с лёгкостью составит конкуренцию «Таймс». И, быть может, потом, когда он станет таким же богатым и уважаемым, как Пулитцер, создаст свою собственную литературную премию.

Дэнни видел в этом смысл своей жизни. Он стремился многого добиться и, возможно, изменить мир.

А он и правда мог его изменить. Только ещё не догадывался, что сделать это ему предназначено совсем другим способом.

— Вы автор этой статьи? — раздался голос за спиной Дэнни.

Молодой человек выбрался из своих грёз и глянул через плечо. За соседним столиком сидел мужчина в теплом сером пальто и шляпе, которую отчего-то не снял в помещении. У него было продолговатое лицо, пронизательный взгляд, большой нос и сжатые в тонкую линию губы. На столешнице, рядом с чашкой кофе, лежал кожаный портфель, на котором громоздилась внушительная кипа бумаг.

— Как вы догадались? — удивился Дэнни.

— Я сижу здесь минут пятнадцать, и все это время вы сверлили взглядом первую страницу, при этом загадочно улыбаясь. Да и ваш фотографический аппарат говорит о том, что вы репортёр.

— Ах, да, — пробормотал Дэнни. — Просто впервые попал на первую страницу.

— Понимаю, — кивнул мужчина. — Какое-то время я работал в «Нью-Йорк Таймс». До сих пор помню, как меня отправили на Бродвей караулить вора, который снял пустой магазин и прорыл от него туннель до Сберегательного банка Бауэри. Не очень удачно, правда. Туннель обрушился, и вор оказался в ловушке, представляете? Я засел в кафе неподалёку и каждые полчаса бегал к телефону, чтобы докладывать в офис о том, как продвигается спасательная операция.

— Правда? — удивился Дэнни. — Это было давно?

— Лет двенадцать назад.

— А вы?..

— Максвелл Перкинс, — сообщил мужчина, протянув ему руку.

— Дэнни Готтфрид, «Нью-Йорк Ньюз», — машинально представился Дэнни и пожал его руку. — Вы сказали, что работали на «Таймс». А сейчас не работаете? Извините, если это не моё дело, но я все думаю, смогу ли стать чем-то большим, чем обычным репортером.

— Конечно, сможете. Главное упорство. Я сейчас работаю книжным редактором в издательстве «Charles Scribner's Sons», работаю с книгами, и эта работа мне очень нравится.

— Подождите. То есть в том издательстве? — Дэнни нервно усмехнулся и указал рукой на окно, за стеклом которого был виден уголок эlegantного десятиэтажного здания. На одной из его стен, которая смотрела на 48-ую улицу, красовалась огромная надпись:

CHARLES
SCRIBNER'S
SONS
PUBLISHER
AND
BOOKSELLERS
FOUNDED 1846*

— Да, — кивнул Максвелл Перкинс.

— Вы же тот, кто выпустил книгу «По эту сторону рая» Скотта Фицджеральда! — вдруг осознал Дэнни, и глаза его загорелись неподдельным восторгом. — Точно-точно! Я слышал про вас! Эта книга... она так меня впечатлила! Я ведь тоже учился в Принстоне. Ну, как учился... Когда мы вступили в войну, стало не до учебы, ну да ладно. История Фицджеральда впечатляет, это нечто совершенно новое. И это было написано... как будто про меня.

— Да, роман написан молодым автором о молодом поколении. Эта книга — портрет современной американской молодежи. Ваш портрет, мистер Готтфрид.

— Портрет поколения, которое спешило отправиться на войну и которое вернулось с нее совсем не таким, каким уходило, — чуть слышно проговорил Дэнни. — Знаете, после войны я был в глубокой депрессии. Я там много всего повидал, и мне хотелось просто забыть все это, вырвать из памяти. Но все же я смог осознать простую истину — я все еще жив. И все, что мне остается, это жить. Жить за тех, кто этого уже не может. Жить и делать то, что хочется. Я люблю газеты и, черт возьми, я счастлив, что жив и могу с ними работать!

— Вы удивительное поколение, — вдруг сказал Перкинс. — Вы молоды, но уже понимаете много больше любых этих консервативных мужей, с которыми я сейчас работаю. Вот сколько вам лет, мистер Готтфрид?

— Двадцать три.

— Всего двадцать три!

— А я уже чувствую себя стариком, — заметил Дэнни.

— Забавно, но я тоже чувствую себя стариком, и оттого-то, наверное, не пошел добровольцем на фронт. А вы что-то пишете? Я имею в виду, помимо репортажей для газеты. Быть может, вы захотите рассказать о войне?

— Ну, нет, — категорично ответил Дэнни. — О войне я писать не хочу. Не хочу возвращаться в прошлое. Лучше жить настоящим, оно ведь гораздо лучше. Разве что, нет легального алкоголя. Но эта проблема решаема.

— Как знаете, — ответил Перкинс и откинулся на спинку стула. — Но если передумаете, можете послать свои работы нам.

— Спасибо за предложение. Но вряд ли я передумаю.

Дэнни вернулся в свою квартиру, бережно держа свёрток газеты, будто тот был редкой фарфоровой вазой. Было раннее утро, мама должна была уже проснуться, а Дэнни ещё и не

ложился спать. Всю ночь он просидел в офисе, ожидая, когда напечатают газеты. Один из первых экземпляров он как раз и принёс домой, чтобы оформить его в красивую раму и повесить на стену.

— О Боже, Дэнни, поздравляю! — вдруг раздался голос мамы. Она выпрыгнула из гостиной и накинулась на сына с объятиями. — Я уже прочитала статью. Первая страница! И фотография! Просто невероятно!

— Спасибо, мам, — промямлил Дэнни, пытаясь от неё отстраниться. Обниматься он не очень любил.

Луиза Готтфрид была француженкой. Много лет назад во время путешествия по Европе она познакомилась с немцем — Дирком Готтфридом, отцом Дэнни. Какое-то время они жили в Праге, потом в Париже, а потом, когда Дэнни исполнилось пять лет, переехали в Нью-Йорк, где Дирк неожиданным образом оставил семью. Погиб он или просто сбежал — никто не знал. Однажды он вышел из дома и не вернулся. Луиза искала его, горевала и не знала, как дальше быть. Наверное, единственным, что помогло ей не сломиться, была забота о Дэнни. Она посвятила ему свою жизнь и делала все, чтобы ему доставалось все самое лучшее.

Иногда Луиза возила Дэнни к родственникам в Париж. Они пересекали Атлантику на больших пароходах, которые потрясали воображение Дэнни. Ему очень нравился океан, в детстве он даже хотел стать матросом, но когда в его жизни появились газеты, то детская мечта позабылась.

Дэнни был хорошо образован и знал три языка, на которых мог не только говорить, но и грамотно писать. Французский — от матери, английский — от страны, в которой он прожил большую часть своей жизни, а немецкий — от отца (этот язык Дэнни выучил сам, как бы в память о нем).

Отца Дэнни плохо помнил. Да и не только отца, а все своё детство в принципе. Виной тому было сотрясение, которое он получил, свалившись с велосипеда на одной из улиц Парижа. Мама всегда говорила, что Дэнни чем-то похож на отца. Иногда даже замечала, что он подозрительно на него похож. Смысл этой фразы Дэнни не понимал, но, разглядывая фотографии, сам замечал, что с пропавшим родителем у него много схожих черт. Прямоугольной формы лицо, светлые глаза и даже улыбка, — все это у них было одинаковое, словно мать-природа не стала заморачиваться и просто скопировала у одного и передала другому. А вот на маму Дэнни несколько не походил. Разве что волосы у них были почти одинакового цвета, светлые, с рыжеватым оттенком, но и то различались структурой: у Дэнни волос был кудрявый и мягкий, а у Луизы прямой, как игла, и сухой.

— Что-то поздно ты сегодня, — заметила мама.

— Ждал газету в офисе. А потом зашёл в кафе, чтобы перекусить.

— Пошли, я накормлю тебя завтраком, и ты расскажешь мне поподробнее о том, что произошло в этой гостинице.

— О, мне нужно много чего рассказать!

Дэнни любил рассказывать маме о своих приключениях на работе. Он рассказывал ей все, за исключением видений. Вот и сейчас за завтраком он поведал ей абсолютно все о самоубийстве, которое оказалось убийством; о том, как он увидел преступника (здесь он воспользовался той же версией о его побеге через черный выход, которую изложил мистеру Хейлу) и о встрече с известным редактором Максвеллом Перкинсом.

— Он предложил мне написать о войне, — сообщил Дэнни. — Но я не хочу.

— И не нужно. Ты опять будешь переживать из-за этого. Прошное было в прошлом, пусть там и остаётся.

— Да, думаю, ты права.

— Но ты мог бы написать о чем-нибудь другом, — сказала Луиза. — Какой-нибудь рассказ. Ты хорошо пишешь.

— У меня есть рассказы. Думал, отправить их в какой-нибудь журнал, но беда в том, что они все похожи на статьи из газеты.

— Отправь, — посоветовала мама. — От тебя ничего не убудет, если ты попробуешь это сделать. А может, даже прибудет, если журнал у тебя их захочет купить.

Дэнни задумался над этим советом и решил, что мама права. Вдруг эти рассказы, которые сейчас пылятся в ящике, смогут принести деньги? А вдруг они смогут помочь Дэнни прославиться? Быть может, эта встреча с Перкинсом была неспроста. Это наверняка был знак!

Дэнни проглотил завтрак и кинулся в свою комнату, решив перебрать бумаги из стола. Он даже забыл снять верхнюю одежду — так и ходил в ней по квартире. Нужно было найти несколько приличных рассказов, которые было бы не стыдно отправить Скрибнерам. Разглядев свои старые работы, Дэнни обнаружил, что они не так плохи, как он думал, и из них вполне получился бы даже сборник.

Окрылённый этой идеей, он стал собирать бумаги в стопку, но неожиданно его охватило странное чувство, будто из легких резко вышибло весь воздух.

Одно мгновение — и весь мир вокруг переменялся, и Дэнни едва не угодил под колеса конного экипажа.

НЬЮ-ЙОРК, 1889 ГОД

— Осторожнее, сэр! Так можно и убиться! — прокричал кучер с высоты козел и проехал мимо ошарашенного, ничего не понимающего Дэнни.

Дэнни только успел увидеть бледное от ужаса лицо дамы, которая сидела внутри кабины экипажа и, кажется, крестилась, и готов был перекреститься сам. Он стал вертеться по сторонам, пытаясь понять, как оказался посреди Пятой авеню, когда еще секунду назад был в своей комнате и перебирал рассказы.

Наверное, это очередное видение, — заключил он. — Только слишком реалистичное.

Дэнни определенно видел прошлое. Сейчас по Пятой авеню не ездят конные экипажи, да и люди одеваются совершенно иначе. Дэнни часто видел 1889 год и готов был поклясться, что и сейчас перед его глазами предстал именно он.

Но почему я вижу старую Пятую авеню, а не свою комнату? — тут же осознал Дэнни. — Ведь обычно в видениях появляются те места, которые я вижу в настоящем.

Как ни странно, Дэнни быстро нашел этому объяснение — только что он прочел свой рассказ, действие которого происходило на Пятой авеню в 1889 году, и, очевидно, это повлияло на его видение. А ведь Дэнни даже не знал, что может видеть что угодно, независимо от своего местонахождения в настоящем.

А как кучер и та дама в экипаже смогли увидеть меня?.. — появился еще один вопрос.

И действительно, если Дэнни мог видеть кого-то из прошлого, то никто из прошлого никогда не мог видеть его.

От этих размышлений у Дэнни кругом пошла голова, а из-под ног словно вышибло почву. Он пуще прежнего стал озираться по сторонам и вдруг понял, что все вокруг чересчур реально.

— Какого черта тут происходит?.. — пробормотал он себе под нос и поспешил убраться с дороги, пока его действительно не пришиб экипаж.

Дэнни остановился около стены здания на пересечении улиц и попытался привести в порядок сбившееся от волнения дыхание.

Дул легкий ветерок, который неприятно пах лошадыми. Этот запах резко пробрался в ноздри, и Дэнни побледнел от ужаса, ведь в видениях никогда раньше ничего не ощущалось. С каждой секундой размышлений Дэнни терялся все сильнее. Возможно, у него уже появились догадки насчёт того, что случилось. Но поверить в это было невозможно.

Он не мог попасть в прошлое.

Однако все кругом было настоящим. Настоящие, живые люди, которые косились на него с подозрением, настоящие экипажи с настоящими лошадыми, настоящий холодный воздух, настоящие звуки и даже настоящая, осязаемая стена дома позади него.

Как такое возможно?

Те видения, в которых ты видел прошлое, были же как-то возможны, — подметил внутренний голос. — Почему бы не быть возможным этому?

Нет, это какой-то бред. Не может это происходить на самом деле. Наверняка за чтением рассказов он уснул и все это лишь странный сон.

— Сэр, у вас все хорошо? — спросил кто-то. — Да на вас лица нет. Вы сейчас как будто в обморок упадёте!

— Что? — промямлил Дэнни, едва ворочая языком, и взглянул на своего внезапно появившегося собеседника.

Это была хорошенькая девушка в бордовом многослойном платье с буфами на рукавах. Она взирала на него с любопытством из-под широких краев пестрой шляпки с плюмажем, словно пыталась запомнить каждую деталь его внешности.

— Вам нужна помощь? — спросила она.

— Нет-нет, я в порядке, — поспешил ответить Дэнни.

— Что-то не похоже.

— Наверное, я схожу с ума, — сказал Дэнни, скорее, себе, нежели своей собеседнице. Она с ним говорит! Она его видит и слышит! Значит, он и впрямь перестал быть сторонним наблюдателем прошлого. Теперь он стал его полноценным участником! И что теперь с этим делать?

— Я была в сумасшедшем доме и знаю, как выглядят сумасшедшие. Поверьте, вы на них совсем не похожи.

— Какой сейчас год? — вдруг спросил Дэнни.

— А вот сейчас похожи, — заметила девушка, и ее глаза блеснули огоньком интереса. — Десятое августа 1889 года. А что? — с вызовом, словно на что-то провоцируя, спросила она.

— Да я просто выпил вчера лишнего... — стал придумывать Дэнни, пытаясь обрести спокойствие. Ему нужно собраться, чтобы действительно не выглядеть сумасшедшим.

Он, черт возьми, в прошлом!

— Все с вами ясно, мистер?..

— Дэнни Готтфрид, «Нью-Йорк Ньюз», — представился он.

— Нелли Блай, «Нью-Йорк Уорлд», — в тон ему представилась она.

— Да ладно?! — воскликнул он, поражаясь ещё больше. — Вы же... Вы написали «Десять дней в сумасшедшем доме»! И вы совершили кругосветное путешествие, как Филеас

Фогг*!

— Какое кругосветное путешествие? — удивилась Нелли. — Не совершала. А что... неплохая задумка.

— Нет-нет, простите, я вас с кем-то спутал, — поспешил сказать Дэнни.

Вот идиот! Она ещё не отправлялась в кругосветное путешествие! Она ведь вернулась из него только в 1890 году. А совершила она его, между прочим, всего за 72 дня, так что, если учитывать, что сейчас только август, она могла еще даже не начать его планировать! Надо научиться сначала думать, а потом говорить...

— Но все же про сумасшедший дом вы были правы, — подметила девушка. — Приятно, что вы меня знаете.

Да она же работает на Пулитцера, как ее не знать, — подумал Дэнни. — А ещё в этом году она умерла. В смысле в моем, 1922 году. Ей было 57. Что ж, у неё ещё целых тридцать три года впереди.

Дэнни был так поражён этим знакомством, что едва стоял на ногах. Это была одна из известнейших журналисток своего времени, и ее работы заслуживали уважения, так что его реакция была вполне естественной.

— Послушайте, мисс Кокрейн, — неуверенно проговорил он.

— Откуда вы знаете мое настоящее имя?! — изумленно воскликнула она.

— Я... — Дэнни замялся.

Он знал настоящее имя этой девушки — Элизабет Джейн Кокрейн. А еще он знал ее домашнее прозвище — Пинк. Он знал о ней многое, вот только эти знания вряд ли могли ему помочь. Разве что, могли помочь отпугнуть ее, что Дэнни было совсем не нужно. Впрочем, он сомневался, что отважную Нелли Блай что-то могло отпугнуть, но все же нужно сначала думать, а потом говорить.

— Я журналист. И много знаю. А вообще, о вас ходит много сплетен, — нашёлся он.

— Что ж, — вздохнула Нелли. — От сплетен никуда не деться.

— Это точно, — согласился Дэнни. — Я хотел предложить вам... Быть может, если вы сейчас не заняты, мы можем немного прогуляться?

— Хотите написать обо мне еще сплетен?

— Что?! Нет! Ни в коем случае.

— Я журналистам не доверяю.

— Но вы же сами журналистка.

— В том-то и дело! — Нелли развела руками. — Но знаете... я все же приму ваше приглашение. Я сейчас направляюсь в офис, так что, если желаете, можем поехать туда вместе. Ваш офис же находится в «газетном ряду»?

— Конечно, — ответил Дэнни. — Нет проблем.

На самом деле, проблемы были — он не знал, как правильно нужно ловить экипаж.

Впрочем, Дэнни и не пришлось этого делать. Нелли сама остановила извозчика, вытянув руку с зажатой в пальцах монеткой, и они забрались в неудобную кабину, пропахшую табаком.

Здание «Нью-Йорк Ньюз» находилось недалеко от здания «Уорлд», куда и держала свой путь Нелли. Но идти в свой офис Дэнни вовсе не собирался, ведь, по сути, он там ещё не работал. Да и вряд ли Джеймсу Томпсону, главному редактору «Ньюз», которого Дэнни в своём времени называет сварливым стариканом и который в этом времени ещё вполне молодой и полный сил, стоит портить психику своим появлением.

— Чем вы сейчас занимаетесь? — любопытно спросила Нелли.

— Пишу статьи.

— А помимо них?

— Пишу рассказы.

— О чем? — допытывала Нелли.

— Исторические. О всяких исторических событиях.

— Интересно.

— Ну а вы? — задал встречный вопрос Дэнни.

— Ищу сенсации, — просто ответила Нелли.

— Вы готовы ради них на все? Даже позволили запереть себя на десять дней в сумасшедшем доме, — протянул Дэнни.

— Да. Все просто, мистер Готтфрид. Если я хочу чего-то добиться, я этого добиваюсь, несмотря ни на что. Мистер Пулитцер делает историю, и я собираюсь стать ее частью. Мои статьи о сумасшедшем доме на острове Блэкуэлл* обличили то, как обращаются с несчастными пациентами в этой клинике. И это привело к тому, что условия лечения стали улучшать не только в этой клинике, но и во многих других. Я обратила внимание властей на эту проблему, я заставила их себя услышать. Я смогла что-то изменить!

— Вы стараетесь привлечь внимание людей к важным проблемам. Это похвально, — сказал Дэнни и призадумался.

Он ведь никогда не писал подобные статьи. Только новости и происшествия. Может, стоит взяться за что-то более масштабное? Вот только позволит ли старикан Томпсон ему самовольничать? Вряд ли. Но Дэнни докажет ему, что он годится для большего, чем для колонки «срочных» новостей.

— Спасибо, мистер Готтфрид. Кстати, вы, случайно, не из семьи немецких иммигрантов? — вдруг спросила Нелли, пристально разглядывая своего спутника и словно анализируя его.

— Вы правы, — чуть поразмыслив, ответил Дэнни. — Мой отец немец, а мать француженка. Сам я вырос в Штатах, поэтому считаю себя американцем.

— А ещё ваша одежда... Черное пальто, желтый жилет и этот яркий шарф... Это выглядит очень... необычно.

Дэнни смутился. Его одежда и вправду не очень-то вписывалась в 1889 год.

— Какое-то время я провел в... Загребе. Сейчас многие так одеваются. Это такая мода... в славянских странах.

— Очень любопытно, — кивнула Нелли.

Неужели купилась? — удивился Дэнни.

— Но Загреб это?.. — спросила она, намекая на продолжение.

— Королевство Хорватия и Славония, — пояснил Дэнни. — Вообще, мы с родителями много колесили по Австро-Венгрии, а какое-то время даже жили в Богемии, в Праге.

В принципе, это была правда. Только когда они жили в Праге, Дэнни был слишком маленьким, чтобы что-то понимать. Он толком ничего и не помнил, словно все это было давно прочитанной и уже напрочь забытой книгой — он помнил, что её читал, но вот о чем в ней шла речь, сказать уже было трудно. Да еще и это сотрясение. После него из памяти Дэнни многое пропало.

А ещё было трудно вспомнить, в каких годах существовало то или иное государство, потому что эти маленькие страны Европы слишком любят то собираться, то распадаться.

Как в 1918 году распалась эта самая Австро-Венгрия, и Королевство Хорватия и Славония стало Государством словенцев, хорватов и сербов со столицей в Загребе, а после в этом же 1918 году — Королевством сербов, хорватов и словенцев со столицей в Белграде.

Дэнни это знал только потому, что сам недавно был в Загребе, когда они с матерью последний раз ездили в Европу.

Но во времена, когда жила Нелли Блай, все это было просто Австро-Венгрией с её многочисленными коронными землями.

— Значит, вы часто путешествуете, — заключила журналистка.

— Не то чтобы часто, но путешествую.

— Обычно американцы ездят в Париж или Лондон, а вы в Загреб. Почему?

— Мама любила путешествовать по Австро-Венгрии и познакомилась там с моим отцом. Он тоже путешествовал, и они стали путешествовать вместе. Отец пропал, когда я был маленьким, и теперь в поездки мама берет меня. Мне кажется, что мы ездим по всяким славянским странам — то есть коронным землям, — потому что так мама вспоминает свою молодость. А вообще, у нас родственники в Париже, поэтому мы, как и все остальные, обычно ездим в Париж.

— Как вы считаете, должны ли эти земли бороться за независимость? — неожиданно спросила Нелли, словно это было единственное, что она услышала из его объяснения.

Дэнни вскинул брови и в какой-то степени даже оскорбился от такой резкой смены темы. Он тут выложил о себе нечто личное, а ее больше волновали какие-то чертовы коронные земли.

Ну ладно, земли, может, и не чертовы, но все равно обидно.

— Простите, это интервью? — спросил Дэнни. — Да и какая разница, что я думаю по поводу независимости этих стран... то есть коронных земель.

— То есть вы считаете, что все эти коронные земли должны быть самостоятельными странами?

— Вы решили написать политическую статью? — язвил он в ответ.

— Просто скажите. Или вы боитесь выразить своё мнение? — сказала Нелли, явно провоцируя.

— Я журналист, и вот чего-чего, а мнение своё выразить не боюсь! — повелся Дэнни. — Я считаю, что национальная культура этих земель подавляется. Например, в Королевстве Богемия только недавно был разрешён их же родной чешский язык наравне с немецким. Мы, как американцы, боровшиеся за независимость от британцев, должны понимать, каково приходится этим народам жить под угнетением других.

— Да, думаю, я с вами согласна, — проговорила девушка, и Дэнни испугался, что в репертуаре Нелли Блай может появиться ещё какая-нибудь статья или книга об Австро-Венгрии.

— Зачем вы это спрашивали?

— Проверяла, умный вы человек или нет.

— И я прошел проверку?

Нелли не ответила, только загадочно улыбнулась и повернулась к окну.

— Ох, поглядите, мы уже подъезжаем.

— Ох, hvala bogu*, — пробормотал он себе под нос.

— Что?

— Говорю, неужели так быстро?! А я и не заметил, как мы проделали весь этот путь.

— Посмотрите в окно, вон туда, — попросила Нелли, указав рукой на пустое пространство по левую сторону от здания «Нью-Йорк Трибьюн». — Здесь будет построено шикарное здание Нью-Йорк-Уорлд-билдинг. Оно будет просто огромным! Этажей двадцать шесть, не ниже. А венчать его будет золотой блестящий купол со шпилем. Сравните: здание «Трибьюн», если со шпилем, дотягивает до двадцати этажей, а «Таймс» и того ниже — пятнадцать. Вы только представьте, что здесь вырастет такое высокое здание! Самое высокое здание в мире!

До 1894 года, — про себя подметил Дэнни. — Недолго оно будет высоким. Его переплюнет Манхэттен-Лайф-Иншуранс-Билдинг.

— В это просто трудно поверить, — решил подыграть Дэнни. Высокими зданиями его, конечно, было не удивить, но вот отсутствию Нью-Йорк-Уорлд-билдинг он, конечно, удивился, особенно если учитывать, что видел его почти каждый день.

Экипаж остановился, и им пришлось покинуть кабину. Когда нужно было расплачиваться с извозчиком, Дэнни вывернул карманы своего пальто и с ужасом воскликнул:

— О боже, кто-то украл мои деньги!

Деньги у него были — 100 долларов 1914 года выпуска. Вряд ли они устроят людей в 1889 году.

— Наверное, стянули, пока я стоял ни жив ни мертв посреди Пятой авеню! — продолжил причитать он.

— Как так?! — тоже с ужасом воскликнула Нелли. — И много у вас было?

— Не то, чтобы очень много, но мне не оставили совсем ничего! Теперь я не смогу помочь вам расплатиться за экипаж.

— Ничего страшного. Я заплачу сама. Но как же вы поедете потом обратно?

— Об этом не беспокойтесь, я сейчас все равно иду в офис. Попрошу у своего друга в долг.

— Ну ладно, смотрите сами, — ответила Нелли и отдала свои деньги извозчику.

Дэнни было стыдно позволять девушке платить не то, что за себя, но и за него самого, но никак иначе он поступить не мог. Деньги же не могли появиться у него из воздуха. А сядясь в экипаж с Нелли Блай, он не подумал о том, как будет расплачиваться.

— Что ж, мистер Готтфрид, — проговорила журналистка. — Думаю, теперь нам с вами стоит разойтись. Мой путь лежит в нашу старую редакцию. Жду не дождусь, когда же будет построено здание Нью-Йорк-Уорлд-билдинг...

— Что ж, мисс Блай. Желаю вам удачного дня. Быть может, мы с вами ещё когда-нибудь пересечемся.

— Отчего-то мне кажется, что так и будет.

Дэнни попрощался и пошел дальше, не особенно задумываясь, куда именно идет. Ему просто хотелось прогуляться по старому Нью-Йорку и почувствовать этот дух прошлого. Это было невероятно. Небоскребы, которые раньше Дэнни видел каждый день, ещё даже не существовали. А те здания, что существуют здесь, в его времени уже давно сравнивали с землёй. Как же, однако, быстро Нью-Йорк стал расти ввысь. И неудивительно — куда на острове Манхэттен ещё расти, если не ввысь?

Встреча с Нелли Блай заставила Дэнни задуматься о многом. Журналистка поднимает серьезные вопросы, и, наверное, оттого ее работы стали столь популярны и так будоражат общественность. Надо бы поучиться у неё искать сенсацию.

Дэнни бродил по улицам города, размышляя о своём предназначении в этом мире. Он ещё не знал, каким образом добьётся своих целей, но был уверен, что добьётся. После этого небольшого приключения что-то в нём переменилось.

Она не побоялась отправиться в сумасшедший дом, — думал Дэнни. — А я боюсь собственного прошлого. Может, и не нужно его бояться. Может, стоит написать о войне. Война — одна из главнейших тем. Если я напишу о ней и напишу правдиво, то, быть может, у людей в будущем отпадёт желание затевать нечто подобное вновь.

* Charles Scribner's Sons/ publisher and booksellers/ founded 1846, — «Сыновья Чарльза Скрибнера»/ издатель и книготорговцы/ основано в 1846 году (англ.)

* Филеас Фогг — герой книги Жюль Верн «Вокруг света за восемьдесят дней».

* Остров Блэкуэлл сейчас называется островом Рузвельта.

* Hvala bogu, — слава богу (сербохорв.)

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Вневременное полицейское отделение находилось в XIV округе на втором этаже старинного особняка, расположенного недалеко от катакомб Парижа. Первый этаж снимала частная клиника «Триаль», что было очень удобно, потому что иногда кто-то мог вернуться из прошлого покалеченным. Правда, как оказалось, чаще сотрудники возвращались из прошлого мертвыми, и помощь клиники была уже ни к чему.

Когда Жаклин рассказала Жерару Жиллену, основателю и главе вневременного отделения, о случившемся, он выскочил из своего кабинета, оставив собеседование с новой сотрудницей, и собрал всех участников сегодняшней миссии за отдельным столом в уголке.

Все сотрудники работали в одном огромном зале, поделённом на несколько секторов. Здесь было много металла, стекла и голографии, и все светилось голубым светом, исходящим от огромных сенсорных мониторов.

— Еще год назад вы были группой из четырёх человек. А что теперь? — шипел Жерар Жиллен, расхаживая взад-вперёд и нервно вскидывая руки. — Вас осталось только двое. Двое! Эдвард, ты — капитан. Жизни этих людей — твоя ответственность! — Мужчина остановился и яростно указал пальцем на Эда. — Твоя, черт подери! Половина людей из твоей команды мертвы. Это — на твоей совести.

Эдвард сидел рядом с Жаклин. Его лицо было напряжено, а руки впивались в подлокотники кожаного кресла так сильно, что костяшки пальцев налились белым цветом. Жаклин боялась, что ещё чуть-чуть и Эдвард вскочит на ноги и врежет Жиллену — её дедушке, между прочим, — по его морщинистому лицу. Но Эд сидел, не шевелясь, словно замороженная статуя.

Бедный Эдвард, — думала Жаклин. — Это ужасно несправедливо.

— Ладно, — вдруг вздохнул Жиллен. — Я сразу хотел так поступить, потому что это правильно, но не хотел, ведь Эдвард очень хорошо показал себя вначале. Теперь это, как видно, неизбежно. Я отстраняю Эдварда от этого задания и разделяю группу. Теперь Гюстав занимается поисками Лобера. А Эдвард просто спасает историю. Звания, как вы можете догадаться, здесь уже не имеют значения.

— Что?! — Тут Эдвард уже не выдержал и вскочил на ноги. Его бледная кожа покрылась красными пятнами от злости, а в глазах появилось столько ярости, что, казалось, он и правда готов разорвать Жиллена на части.

— Ты будешь работать с Жаклин как одиночный вневременной агент. А Гюставу я уже подыскал нового координатора.

— Агент? Это вам что, сраное ЦРУ что ли?! — воскликнул Эд. — Вы не сможете меня отстранить! Это моё дело!

— Я уже тебя отстранил, — процедил Жиллен. — Ты не можешь вести дело из-за личной заинтересованности. И это обсуждению не подлежит. А если вздумаешь самовольничать, я отдам тебя под суд.

— Сукин сын, — сплюнул Эд и резко пихнул металлический стол с огромным сенсорным монитором, который опасно накренился, но выстоял.

— Эдвард, — проговорила Жаклин и попыталась дотронуться до его плеча, но он резко дернулся и зашипел:

— Отвали.

Дядя у нее был с дерьмовым характером, но Жаклин уже к этому привыкла.

— Проходите сюда, — сказал Жиллен, словно ничего не произошло, и глянул в открытые двери своего кабинета.

В зал прошла невысокая девушка в синем брючном костюме и голубой рубашке. Её белые волосы были коротко подстрижены и струились мягкими волнами, едва касаясь плеч. Она выглядела немного растеряно, но держалась достаточно крепко для человека, который впервые пришёл в отделение, где работают путешественники во времени. Именно с ней общался Жиллен, когда Жаклин подняла его на уши после известия о смерти Камиля.

— Знакомьтесь, это Эдит Фабре, — продолжил Жиллен. — Наш новый сотрудник, эксперт по истории и информационным технологиям. Я как раз собирался назначить ее на должность специалиста по кибербезопасности, но раз тут такое дело, то она станет новым координатором Гюстава. А специалиста по кибербезопасности все равно придётся искать... — протянул он и почесал седой затылок.

— Привет, — проговорила Эдит и неловко улыбнулась.

Жаклин помахала ей пальцами и пихнула локтем Эдварда, чтобы он хотя бы поздоровался с новенькой. Но Эдвард даже не повел бровью. Так и стоял ко всем спиной, поставив руки на стол и сгорбив спину. Жаклин понимала, что он чувствует вину и считает, что смерть Камиля теперь останется на его совести. К тому же, его отстранили от самого главного дела, которому он посвятил всю свою жизнь. В последние годы в жизни Эдварда происходило мало хорошего. Иногда он даже мрачно шутил, что его жизнь паршива настолько, что хуже некуда. Но он ошибался. Хуже всегда найдётся куда.

— Привет, Эдит, — чуть ли не проворковал Гюстав.

Жаклин отвлеклась от мыслей о дяде и скосила взгляд в его сторону.

— Нахрен! — внезапно воскликнул Эдвард и ударил руками по столешнице, из-за чего все присутствующие в зале невольно вздрогнули.

— Эдвард, возьми сегодня выходной, это приказ, — сказал Жиллен, стараясь не показывать своего раздражения

Жаклин позавидовала его выдержке. Но на самом деле дед не сердился на Эдварда. У них в семье все знали, что Эд слишком вспыльчивый и может сказать все, что вертится у него в голове, но сейчас его выходки уже переходили все границы и явно были не лучшим приветствием новой сотрудницы.

— Первый разумный приказ за сегодняшний день, комиссар, — бросил Эдвард. — Счастливо оставаться.

Он испарился из участка так быстро, что никто даже не успел моргнуть глазом.

Жиллен шумно выдохнул.

— Ладно, а теперь мы попытаемся исправить то, что случилось в 1907 году, — подвёл он итог.

Эдвард материализовался в гостиной своего дома, чем напугал кухню, которая спокойно сидела за столом и шила камзол эпохи рококо.

— Блин! — воскликнула она. — Из-за тебя строчка съехала. А чего ты так рано? — Она повернулась в сторону Эдварда, который уже подобрался к бару и выудил оттуда бутылку виски.

— Все плохо, — сообщил Эд, сделав глоток прямо из горла. — Хуже не бывает. И я не

знаю, как можно это исправить.

— Что случилось?

— Анаис, я... — Он зажмурился и сделал глубокий вдох. — Я дал столько обещаний. И... я не смогу их исполнить. Меня отстранили.

— Но почему?! — искренне не поняла Анаис. — Ты же самый крутой вневременной полицейский.

— Так думаешь только ты. Я сильно напортачил. Из-за меня погибли люди, из-за меня погиб Камиль...

— О чем ты?

Эдвард рассказал все, что сегодня приключилось с ними в Париже 1907 года, и в качестве трагичного финала выдал историю о своём отстранении от задания.

— Я должен остановить Жана! — негодовал он. — Я обещал тебе, себе, своей матери, да всем, черт возьми! Это должен сделать именно я. Я не думаю, что Гюстав с этим хорошо справится. И не думаю, что у него есть должный стимул. А знаешь... плевать. Пусть меня отдадут под суд, но я все равно остановлю Жана. С поддержкой отделения или нет, но я это сделаю.

— Эд, я не думаю, что тебя отдадут под суд.

— Твой отчим сказал иначе.

— Он просто пригрозил тебе. Ты же знаешь, что он этого не сделает.

— Не уверен. Но как бы там ни было, я сделаю так, как считаю правильным.

— Я верю, что ты справишься, — приободрила его Анаис. — И без поддержки ты не остался. Можешь рассчитывать на мою помощь. Я тоже кое-что смыслю и попытаюсь помочь, чем смогу. Возможно, с этим делом действительно лучше тебя никто не справится. Они столько лет пытались, но разве продвинулись хоть на шаг? Только когда пришёл ты, все начало двигаться с мертвой точки. Вы уже нашли приспешников Жана!

— Как нашли, так и потеряли, — мрачно отозвался Эд. — Но все же кое-что выяснили. Жан отправляет своих людей в прошлое. Думаю, они собирают для него ещё энергию путешественников во времени.

— Они паладины! — с ужасом воскликнула Анаис.

Однажды Жан Лобер создал тайный орден, в который входили носители гена путешественника во времени. Они убивали других путешественников во времени и впитывали в себя их энергию, выступая в качестве сосудов для этой силы. После Жан заставил их совершить ритуальное самоубийство и забрал всю накопленную ими энергию. Не известно, что заставило этих людей вступить в этот орден и убивать ради этого человека. Возможно, Жан использовал какие-то препараты, которые захватил из своего 2177 года. Эдвард знал, что Жана отправляли не с пустыми руками, так что в его арсенале вполне могло оказаться какое-нибудь гипнотизирующее или подавляющее волю вещество.

— Паладины во времени, — подтвердил Эдвард. — Это что-то новенькое. Предыдущие паладины охотились только в том времени, в котором останавливался Жан, а эти отправляются в прошлое. Я думаю, тот человек, за которым мы сегодня следили, Михель Невё, отбыл из настоящего. Я точно этого не знаю, но у меня есть основания полагать, что Жан может сейчас находиться где-то здесь, рядом с нами. Я вообще мог бы поймать его уже сегодня, если бы все не пошло таким дерьмовым образом! Не понимаю, как Невё догадался и успел все изменить. А сейчас... я не знаю, что может вывести меня на след Жана. Невё наверняка сейчас хорошенько зашкерится.

— Если Жан в настоящем, то ты можешь отследить его по камерам наблюдения. Хакни эти камеры на дорогах и пробей записи по поиску лиц, чтобы отыскать физиономию Жана. Где-то он должен был засветиться.

— Ты так говоришь, будто бы это раз плюнуть.

— Ты же компьютерный гений!

— Не такой уж я и гений.

— Да ладно, — фыркнула Анаис. — Только вспомни, как в школе ты самостоятельно взломал базу данных французской полиции и узнал о существовании вневременного отделения.

— Кстати об этом... — Эдвард замялся и виновато посмотрел на кузину. — Я сделал это не совсем самостоятельно.

— То есть?

— Мне кое-кто помог.

— И кто же?

— Эдвард.

— Ммм, — протянула Анаис. — Какой Эдвард?

— Сноуден, — ответил Эдвард, и кузина уставилась на него во все глаза. — Мы с ним старые приятели, к тому же тезки. Я просто отправился в прошлое, в Москву, подружился с ним и попросил помочь. Ну, ты же знаешь, как это бывает.

— Боже мой, Эдвард! Колумб, Хемингуэй, Кеннеди, а теперь ещё и Сноуден! С кем ещё в прошлом ты успел подружиться?

— Я устану всех перечислять, — с улыбкой отозвался он.

Но его улыбка была недолгой. Спустя мгновение он вспомнил все, что сегодня случилось в его несправедливой жизни, и вновь впал в отчаяние.

— Просто невероятно, — ахнула Анаис. — Я уверена, что человек, который имеет такие знакомства, справится с любой проблемой. Ты можешь делать невероятные вещи. Так делай их! В этом твоё призвание.

— Что ж, — заключил Эд. — Спасибо за мотивацию. Пойду невероятно нарушать закон.

Эдвард и вправду решил не подчиниться приказу Жиллена. Это, конечно, понесло бы за собой серьёзные последствия, но Эд был уверен, что когда он поймает Жана, то непослушание компенсируется сполна. Как говорится, победителей не судят.

Он уселся в библиотеке, где было много старых бумажных книг. Эдвард давно такими не пользовался, предпочитая больше электронные. С развитием технологий производство бумажной продукции несколько не уменьшилось, а даже, наоборот, увеличилось, потому что людям всегда нужно материальное подтверждение своих трудов, а не какой-то эфемерный электронный документ, который, не ровен час, возьмёт да исчезнет. Однако появились некоторые движения или принципиально настроенные люди (вроде Эдварда), которые сводили использование бумаги к минимуму. У Эдварда не было ни тетрадей, ни записных книжек: всю свою работу он делал только в электронном виде.

Эд зашёл в своё хранилище исторических документов и выбросил его в воздух в виде голограммы.

Анаис была права насчёт камер наблюдения — такое вполне могло сработать. Вот только Эдвард понятия не имел, как это воплотить в жизнь. Нужен был хороший хакер, а хорошего хакера он знал только одного — Сноудена. Обратиться к нему с такой просьбой

было бы рискованно как в прошлом, так и в настоящем, потому что он мог узнать о путешествиях во времени. Эд и так чуть не прокололся в тот раз, когда просил его помочь взломать базу данных французской полиции, ведь технологии были более продвинутыми, чем во времена молодого Сноудена. Эд даже не помнил, как смог это объяснить. Но ему повезло, все прокатило.

Во второй раз ему так повезти не могло.

Пока не появился какой-нибудь способ, чтобы воплотить идею Анаис в жизнь, Эдвард решил заняться другими делами. Он открыл всю имеющуюся информацию о первом приспешнике Жана, которого они с ребятами поймали в 1927 году и которого почти сразу же упустили, и стал внимательно ее просматривать — вдруг было что-то, что они проглядели.

— Эдвард, там опять пришла эта кошка драная, — сообщила Анаис, оторвав его от изучения документов. — Я бы ее не пускала, но она пронырливая.

— Чего-чего? — не понял Эд.

— Я про Элинора.

— Не говори про нее так. Она же моя жена.

— Бывшая жена.

— Ну и что?

— Наверняка пришла что-то еще у нас отсудить. — Анаис закатила глаза.

Элинора в семье Эдварда не любили. С самого начала она не вызвала ни у кого восторга, а когда сбежала от Эда после смерти сына, то ее и вовсе возненавидели.

— Не у нас, а у меня. Ну да ладно. Я сейчас.

Эдвард убрал голограмму и отправился в прихожую. Там его ожидала женщина, в которой было очень непросто узнать Элинора.

Элинора всегда была блондинкой с мягкими волнистыми волосами. Она носила одежду пастельных тонов — персиковую, мятную, незабудковую. А ещё очень любила блески и мех. Ни один предмет ее гардероба не обходился без меховой или блестящей отделки. Сейчас же перед ним стояла темноволосая незнакомка в огромных чёрных очках и черном пальто, которое доставало чуть ли не до самого пола.

— Нужно поговорить, — заявила она и вцепилась мертвой хваткой в запястье его руки.

— Ты покрасила волосы? — глупо спросил Эд.

Этот факт его так удивил, что он даже не заметил, насколько Элинора была взволнована.

— Я должна сказать тебе кое-что важное, — произнесла она.

— Но зачем ты их покрасила?

— Эдуард! — воскликнула она.

Французское имя резануло слух. Его уже давно так не называли — даже в документах теперь написано «Эдвард».

Эд с непониманием уставился на Элинора и, наконец, увидел, что она выглядит обеспокоенной, словно случилась какая-то катастрофа.

— Что-то произошло? — сглотнув, спросил он.

— Все не так, как кажется, — ответила Элинора. — Все гораздо серьезнее. Никому не доверяй. Никому, слышишь?!

— Чего?.. — Эдвард ожидал услышать что угодно — пожар, потоп, землетрясение. Но это заявление совсем сбило его с толку.

— Я не могу всего тебе рассказать, но могу предупредить. Не доверяй агентству. Не

доверяй никому. Все на самом деле не так, как выглядит. Не позволяй им тебя обманывать.

— О чем ты?

Она глянула на экран часов, будто куда-то опаздывала, и поспешила к двери. Эдвард был уверен, что смотрела она там вовсе не на время — наручные часы уже давно перестали показывать только его.

— И никому не говори об этом разговоре, — сказала она на выходе. — Ни Гюставу, ни Жаклин, ни своей сестре. Никому.

— Что? Подожди! Какой же это разговор?! Объясни внятно. О чем ты говоришь?

— Еще рано. Но ты должен быть осторожен. — Она взглянула на него. Из-за темных очков совсем не было видно ее глаз, но Эдвард почувствовал, что в них полно печали. — А теперь прощай, Эд.

Он совсем ничего не понимал. На секунду ему показалось, что Элино́р сошла с ума, но она совсем не походила на слетевшего с катушек человека.

Хотя откуда ему знать, как должны выглядеть ненормальные? Может, из-за нервов она действительно поехала крышей.

Элино́р ушла, оставив Эдварда теряться в догадках. Он так крепко задумался, что не заметил, как сзади подкралась Анаис.

— Что ей было нужно? — спросила она.

— Ничего, — ответил он.

— Ее давно не было видно. А сейчас заявилась вся такая загадочная. Ты видел, что она сделала с волосами? Жуть.

— Да, жуть, — отрешенно ответил он.

— Так что она хотела?

— Ничего она не хотела. Просто зашла забрать... кое-что. Ладно, мне надо заняться делом, — резко перевёл он тему. — Я там пытался придумать, как можно спасти кучу людей, когда меня так бесцеремонно стали донимать всякой ерундой.

После этих слов Эдвард двинулся обратно в библиотеку, не дав Анаис возможности спросить что-то ещё.

Обычно он ничего от сестры не утаивал. Но этот визит Элино́р был таким странным, что Эдвард решил держать слова бывшей жены в секрете, как она и попросила. По крайней мере, пока он не поймёт, что все это значило.

Хоть они и развелись после страшной трагедии, он не ненавидел ее так, как ненавидели ее остальные члены семьи. Отношения после развода у них были нормальные. Эдвард её даже не осуждал. Он понимал, что она хотела избавиться от всего, что напоминало ей о смерти ребёнка. Возможно, он и сам хотел избавиться от того же. Больше всего о трагедии им напоминали они сами, потому развод был единственным выходом.

Если бы Эдвард рассказал Анаис о том, что ему сообщила Элино́р, то сестра бы точно разразилась дикими ругательствами и высказала о ней все, что думала. За два года Эдвард уже такого наслушался, и сейчас у него совсем не было настроения для негатива. Негатива на сегодня и так было достаточно.

Жаклин вернулась домой ближе к вечеру. Поскольку она не могла перемещаться ни во времени, ни в пространстве, ей приходилось добираться на машине. Аэромобиля у неё, к сожалению, не было — в продажу их никогда не пускали.

Вообще, аэромобили пустили в использование как транспорт для экстренных служб.

Ими пользуются полицейские, «скорая» и группы захвата. В секретном полицейском отделении тоже есть один такой аэромобиль. Правда, для поимки преступников его никогда не использовали. Эдвард и Гюстав иногда брали его, чтобы поразвлечься, гоняя по воздушным коридорам, на что Жерар Жиллен благополучно закрывал глаза, ведь было бы жалко, если бы это чудо техники просто пылилось в гараже.

Ещё аэромобили были у богачей. Некоторые влиятельные личности мира уже давно ими обзавелись. От служебных они отличались покраской и отсутствием различных опознавательных знаков. Иногда над головой можно было заметить, как пролетает черная или синяя воздушная машина без мигалки — это означало, что ею управляет какая-то влиятельная шишка. Насколько это было справедливо по отношению к населению остальной планеты, Жаклин не знала. Но, добираясь до дома по обычным дорогам, часто задавалась этим вопросом. А если день у нее выходил таким же тяжелым, как сегодня, то она и вовсе проклинала всех политиков и чиновников, на которых не действуют законы простых людей.

Придя домой, Жаклин стала искать Эдварда. Надо было срочно сообщить ему шокирующую новость.

— А он в библиотеке, — сообщила ей мать.

Жаклин сразу отправилась туда. Когда она распахнула двери, Эдвард погасил голограмму, на которой были изображены, вроде как, временные линии, и сделал вид, что ничего не происходит.

— Что ты там делал? — спросила Жаклин с непониманием, потому что раньше Эдвард от нее ничего не прятал.

— Да так, переписывался с... кое с кем. Ну что там Жиллен? Ненавидит меня?

Жаклин не была дурочкой и прекрасно понимала, что он соврал и перевел тему. У него всегда была такая тактика — если назревает разговор, который ему не хочется продолжать, он переключается на другую тему. Жаклин не стала возмущаться и выпытывать, что за временные линии он там рассматривал, потому что ей и самой не терпелось обсудить сегодняшние события.

— Уже нет, — начала она. — Мы отправили Гюстава, чтобы он предотвратил взрыв и спас Камиля. Бомба была прикреплена к одному из стульев, на которых вы сидели. Гюстав успел забрать этот стул и выбросить в Сахаре, так что отель цел и все люди живы. Потом он пошел искать Камиля, но... все вышло очень странно.

— О чем ты? — не понял он.

— Выстрелы были слышны, но Гюстав не смог отыскать, откуда они раздавались, хотя тело Камиля в настоящем появилось как раз на том месте, куда Гюстав и пришел в 1907 году. Это было очень странно. Но еще страннее было то, что тело было с обезображенным лицом, из-за чего не понятно, действительно ли это Камиль.

— К чему ты клонишь? — недоверчиво спросил Эдвард и взволнованно подобрался на диване. — Что тело на самом деле не принадлежит Камиллю?

— Да, — подтвердила она. — Мы отправили его на экспертизу, так что скоро должны прийти результаты ДНК.

— Бред какой-то, — фыркнул Эд. — То есть Камиль подстроил свою смерть? Но зачем?

— Может, он был заодно с Невё, — предположила Жаклин. — Он говорил вам неправильную дорогу, чтобы вы не нашли Невё и его самого, и они вместе сбежали, подкинув чужое тело.

— Зачем Камиллю работать с Жаном? С тем, кто убивает путешественников во времени!

Он сам всегда мечтал от него избавиться. Бред какой-то выходит.

— Ладно, Эдвард, тебе не нужно об этом думать. Теперь это не в твоих обязанностях. Всем этим будут заниматься Гюстав и Эдит, а мы с тобой просто будем спасать историю.

— Что значит, не нужно об этом думать?! Как я могу об этом не думать? Я всю жизнь посвятил этому делу, я не могу просто перестать о нем думать! — возмутился Эдвард.

— Это был приказ, — сказала Жаклин. — Мне жаль, Эд, но ты больше ничего не можешь сделать.

— Зачем ты тогда мне все это рассказала?!

— Я просто хотела, чтобы ты не переживал. Люди живы. И Камиль, вроде как, тоже.

— Только он, вроде как, предатель, — заметил Эд. — Возможно, мы столько лет работали с человеком, который втайне сливал информацию о нас Жану. Действительно, что тут переживать?

— Прекрати.

— Все летит к черту, а мы теперь должны сидеть в сторонке. Тебя это не волнует?

— Я уверена в том, что Гюстав со всем справится.

— А вот я не уверен.

Жаклин удивилась.

— Что ты такое говоришь? Гюстав ведь твой друг.

— В том-то и дело, — Эдвард покачал головой. — И я знаю, что у него слабая хватка.

Жаклин хотела встать на защиту Гюстава и начать спорить, но решила, что это бессмысленно. Некоторые представители их семьи отличались гордостью и твердолобостью, и они бы с Эдвардом, скорее, подрались, чем пришли бы к какому-то выводу.

Вечером после ужина Эдвард заперся в своей комнате и продолжил думать о своем противозаконном расследовании. Он был намерен поймать Жана, даже если после этого его посадят в тюрьму. Сна не было ни в одном глазу, и Эд просидел до самой ночи с голограммой над головой. Его труды оказались не напрасны, потому что он смог обнаружить нечто, что разнилось с его знаниями об истории, причем очень сильно.

Первым президентом США оказался вовсе не Джордж Вашингтон.

Им был какой-то тип по имени Чарльз Келли.

И этот Чарльз Келли подозрительно походил на Камилля, повзрослевшего лет этак на тридцать.

— Да какого тут происходит, — изумленно пробормотал Эдвард и принялся смотреть в интернете информацию об этом периоде американской истории.

Кто-то все изменил! Хотя почему кто-то? Все изменил Камиль! Вот почему он сбежал, инсценировав свою смерть. Он сбежал для того, чтобы стать первым президентом США. Но почему Камиль, боровшийся с теми, кто меняет историю, сам захотел ее изменить?

Безумие какое-то.

И на черта ему вообще становиться первым президентом США?

Эдварда передернуло от злости, и он стал нервно искать, с какого момента в истории все пошло не так.

Это случилось перед Семилетней войной 1756–1763 годов. След Джорджа Вашингтона оборвался в этот период. Эд намеривался выяснить, что именно произошло с настоящим первым президентом США, и стал вспоминать картину того времени.

1753 год. В долине реки Огайо столкнулись колониальные интересы двух стран —

Англии и Франции. По Утрехтскому миру 1714 года, который положил конец Войне за испанское наследство, границы французских и английских владений в долине Огайо не были обозначены, поэтому на эти земли претендовали обе страны. Когда англичане собирались их заселить, французы поспешили построить защитные форты, потому что считали эту местность своей и отдавать ее так просто не собирались.

Майор (а по некоторым данным — полковник) Джордж Вашингтон, ещё юный и неопытный, был послан на переговоры с французами, чтобы выразить удивление его величества Георга II по поводу этих фортов и попытаться разрешить конфликт. Переговоры провалились: французы не собирались оставлять долину Огайо, и Вашингтону пришлось вернуться ни с чем. Итоги своей миссии он изложил в отчете, который был напечатан и разослан многим влиятельным лицам, чтобы продемонстрировать подлость французов, занявших английские земли и отказавшихся их покинуть. Это поспособствовало тому, что в английских колониях тоже создали отряды и укрепления для защиты.

Вашингтон возглавил один из таких отрядов, состоявший из добровольцев, которым много наобещали за участие в защите земель. Им было поручено добраться до развилки Огайо и помочь в строительстве форта отряду капитана Трента, который выступил задолго до них и уже начал работу. Поход этот оказался сложным: нужно было пройти 400 километров, пробираясь с громоздкими орудиями через леса. В день получалось преодолевать не более шести километров.

Дойти до пункта назначения отряду Вашингтона так и не удалось. По пути повстречались люди Трента, которые бежали назад, поведав о том, что французы уже отняли форт и принялись достраивать его сами, но уже, конечно, для себя. Так появился форт Дюкен, будущий город Питтсбург.

Несмотря на то, что смысл похода внезапно исчез, Вашингтон не собирался возвращаться назад. Он нашел хорошее место для сооружения укрепления, в котором можно было устроить привал и дожидаться дальнейших указаний.

В это же время оживились индейские племена. Белый человек для них был врагом, он пришел на их территорию и присвоил ее себе — любить его тут было не за что. Но многие коренные народы понимали, что выгнать его уже не получится, поэтому, когда между захватчиками назрел конфликт, они решили примкнуть к кому-то из них: большинство племен встало на сторону французов, потому что французы, в отличие от англичан, не устраивали им геноцид. Однако были и такие племена, которые примкнули к англичанам, но таких было считанные единицы.

Когда Вашингтон и его люди отсиживались в возведенном укреплении, один индеец из союзного с англичанами племени неожиданно объявился рядом и сообщил, что неподалеку остановился отряд французов. Вашингтон немедленно взял с собой сорок солдат и дюжину индейцев и ни за что разгромил этот отряд. Война еще объявлена не была, поэтому выходка Вашингтона вызвала настоящий скандал и оказалась поводом для начала Франко-индейской войны.

Вот что знал об этом периоде Эдвард. Он сравнил с тем, что написано в Интернете, и понял, что до нападения Вашингтона на французов практически все сходится. Единственное изменение в истории было в том, что среди членов отряда Вашингтона оказался Чарльз Келли. Ему внимания было уделено даже больше, чем самому Вашингтону.

Дальше уже начиналась переписанная история, которая Эдварда просто возмутила.

Когда началось это несправедливое нападение, французский солдат (возможно, это был

Невё) застрелил двадцатидвухлетнего Вашингтона, чего, конечно, вовсе не должно было произойти. Это сражение не было для англичан кровопролитным — здесь было ранено два человека, а убит всего один.

Теперь убитых стало два, и среди них — первый президент США.

— Bravo, Камиль, — буркнул Эд.

Место Вашингтона занял Келли, который прошел почти такой же путь, какой прошел Вашингтон, и стал отцом-основателем США. Не известно, для чего все это было нужно. Впрочем, Эдвард знать этого и не хотел. Он понял, в какой именно момент все пошло не так, и намеревался это исправить.

Найти подходящее изображение для того, чтобы вообразить местность и переместиться туда, было непросто. Фотографий не было. Нужно было довольствоваться рисунками. Но и рисунков не сказать, что было в изобилии. Эдвард кое-как смог отыскать какой-то карандашный набросок, изображающий Келли во время похода, когда отряд еще не знал, что форт занят французами.

Эдвард решил, что это вполне подходящее время. Он сможет схватить Келли — то есть Камилу — в лесу и вернуть его обратно в настоящее. Люди из отряда, конечно, его хватятся, но наверняка потом спишут его исчезновение на индейцев.

Сохранив изображение и скачав всю нужную информацию на часы, Эд стал готовиться к очередной миссии. Он выудил из шкафа кобуру с пистолетом и натянул ее поверх рубашки, а потом бросился к Жаклин, чтобы высказать ей все по поводу ее тормозного дара.

— Я только что видела такое... — проговорила Жаклин, выскочив из своей комнаты и столкнувшись с Эдвардом в коридоре.

— Как вовремя, — фыркнул он. — Я уже сам обо всем знаю. В последнее время твой дар глючит. Соберись уже!

— Это от меня не зависит, я же не могу вызвать его специально! И я, вообще-то, уже спала! Это правда был Камиль? Очень похож.

— Видимо, он самый. Мне нужен костюм времен колониальной Америки. Где твоя мать?

— Она уже давно спит. Пойдем я сама тебе все найду. — Жаклин схватила его за руку и потащила вглубь коридоров.

В их доме была оборудована специальная комната для костюмов, которые шила Анаис для путешествий Эда. Ей очень нравилось создавать исторические наряды, вот только шить их приходилось из современных тканей. Правда, иногда Эд мог стянуть ту или иную вещь в прошлом и дать перешить сестре, либо заскочить в магазин и купить ворох каких-нибудь жутко дорогих тканей, но чаще всего ей приходилось довольствоваться именно современными материалами.

В гардеробной комнате для путешествий стояли рядами стеллажи, и на каждом стеллаже была табличка с периодом и страной, к которым относились висящие там вещи.

— Тут нет костюмов для солдат, — ответила Жаклин, шустро передвигая вешалки.

— Солдаты из отряда Вашингтона были в штатском.

— А если тебе надо будет общаться с нашими, с французами?

— Пристрелю какого-нибудь солдата и стяну у него форму. Давай быстрее!

— Иногда твои шутки бывают не очень смешными, — покачала головой Жаклин. — Но вот ещё что. У меня есть для тебя кое-какая вещица. Ее нам сегодня дед показал.

Она вытащила из кармана маленький браслет со странной красной кнопкой и вручила

его Эдварду.

— Как мило, — ответил он. — И что мне с ним делать?

— Это ловушка для путешественника во времени.

Услышав это, Эд уставился на диковинную вещицу с подозрением и стал держать ее двумя пальцами, словно она была заразной.

— И... как она работает?

— Хватаешь руку противника, щелкаешь ему на запястье браслет и нажимаешь кнопку. Появляется маленький шип, который вонзается ему в руку. И все, путешественник во времени не сможет переместиться.

— Вовсе не сложно, — язвительно сказал Эд. — И совсем не жутко.

— Шип берет образец клеток и на время отключает ген, — объяснила она.

— Тогда как я смогу переместить Камиля в настоящее, если поймаю его и заблокирую его ген этой штукой?

— Эм. — Жаклин закусила губу. — Ну, придумаешь что-нибудь, ты же у нас умный.

— Ну конечно, — вздохнул Эд.

— Если не хочешь, можешь не брать браслет.

— Нет, я возьму. Думаю, Камилю он придется по душе. Стать первым президентом США, только подумать!

ВИРДЖИНИЯ, 1754 ГОД

С помощью найденного рисунка Эдвард смог вообразить место, в котором ему нужно было появиться. Он распался на миллионы атомов и материализовался в Вирджинии 1754 года. Отряд солдат тяжело пробирался по лесу, и Эдвард юркнул за ближайший ствол дерева, чтобы его никто не увидел. 159 человек — вместе с Камилем 160 — тянулись вереницей, таща за собой огромные пушки и прорубая для них дорогу.

— Нам идет вдвое меньше жалованья, чем солдатам регулярной английской армии, — донеслось ворчание одного из солдат.

— А ты думал, в сказку попал? — ответили ему с раздражением. — Если что-то не устраивает, можешь ступать домой.

— Но как же французская угроза?..

Эдвард аккуратно выглянул из-за дерева и пробежался взглядом по лицам солдат. Все они были не в духе и не скрывали своего недовольства, причитая и проклиная все вокруг. Держало их тут только одно — угроза со стороны французов. Эд решил забраться вглубь леса и дожждаться вечера, когда отряд сядет на привал. Просто так присоединиться к ним он не мог. Камиль запросто мог наврать своим товарищам о том, что Эдвард — французский шпион. Ему бы поверили, ведь он стал одним из них, и тогда Эду бы не поздоровилось. Борьба против 160 раздраженных солдат ему совсем не хотелось, поэтому он решил к ним не соваться. Лучше прийти вечером, когда они выпьют и лягут спать. Найти их будет несложно — дорогу они вырубали, а уйти далеко все равно не смогут, ведь известно, что в день они пробираются только на четыре-шесть километров.

Лес был обыкновенным и очень густым. Пахло свежей листвой и сырой древесиной, где-то кричали птицы и жужжали насекомые. Эдвард посмотрел вверх, отметив, как тесно переплетены ветви деревьев над головой. В настоящем тут наверняка расположены мелкие американские городки. Даже трудно представить, что сейчас эта территория принадлежит Британии.

Великобритания — маленький островок-метрополия, который в определенный момент

истории смог завладеть двадцатью двумя процентами земной суши. Британская Империя существовала с 1707 по 1997 год и была самым крупным государством за всю историю человечества, — всплыли факты в голове Эдварда, которые он заучивал во время учебы.

Сейчас, в 1754 году, Британия и Франция активно раздирают американские земли на свои колонии. Впрочем, враждовать им тут осталось недолго. Вскоре развернется франко-индейская война, которая продлится до 1763 года и окончится победой Британии. Но и Британия надолго здесь не задержится — против нее выступят сами колонии и уже в 1783 завоюют себе независимость.

И неужели Камиль по доброй воле решил стать центральной фигурой всего этого? — подумал Эдвард. — Более того, неужели у него хватило ума, чтобы все это проверить?

Конфликт с Огайо, а конкретно та битва с французами, где решил отличиться Камиль, спровоцировала начало франко-индейской войны. Называлась она Стычка у Грейт-Медоуз и случилась 28 мая 1754 года. Эдвард не знал, какое сегодня число, но судя по тому, что отряд Вашингтона только пробирался к форту, это был конец апреля. Ждать целый месяц до этой стычки он не был намерен и вообще собирался со всем покончить за несколько часов. У него был план: пробраться в лагерь, когда стемнеет, подкрасться к Камиллю и переместиться с ним в настоящее. Улизнуть этот сукин сын, конечно, мог с легкостью, но Эдвард решил по прибытии в настоящее сразу же защелкнуть на его руке браслет, который дала ему Жаклин. Если действовать очень быстро, то все должно сработать. Главное, сразу же приготовить браслет, чтобы успеть его закрепить.

Эдвард сел на поваленный ствол дерева и вытащил браслет, чтобы потренироваться его быстро защелкивать. Он действовал наподобие наручника и закрывался за две секунды. Оказалось, это не такая плохая вещица, как Эдвард подумал сначала. Оставалось только гадать, насколько быстро он включится, если его активировать.

Как поймать сообщника Камилля со стороны французов, которым предположительно был Невё, Эдвард пока не знал. Времени до заката было еще много, и Эд решил прочитать всю скачанную на часы информацию. Нужно было найти, где скрывается этот сообщник на данный момент, чтобы придумать, как с ним разобраться.

Эдвард не знал, сколько вот так просидел, копаясь в голограмме и в перерывах фотографируя природу. Ноги затекли, и ему пришлось подняться, чтобы их размять. Он немного прогулялся и скользнул взглядом по стволам деревьев. На одном из них была вырезана какая-то надпись, которая Эдварда очень привлекла. Он подобрался ближе и разглядел её:

14 08 2016

Восемь цифр, которые сначала показались ничем не примечательными, через пару секунд обрели смысл.

— Какого черта?! — воскликнул Эд.

Это была дата его рождения.

Эдвард прошёлся по лесу, рассматривая стволы других деревьев, но ничего подобного больше нигде не увидел. Тогда он вернулся к поваленному дереву, сел на него и крепко задумался.

В Америке в 1754 году именно на том месте, где Эд устроил себе привал, появляется дата его рождения. Вряд ли это совпадение. Но кто ее вырезал? Тот, кто знал, что Эдвард будет именно тут. Может быть, это сделал Камиль? Он наверняка знал, что Эд просто так не оставит его предательство и попытку изменить историю. Но что это значит?

Предупреждение о том, что Камиль готов к встрече с Эдвардом?

— Урод, — плюнул Эдвард.

Он был полностью погружен в раздумья об этой выходке своего некогда друга и сначала даже не услышал, что позади что-то прошелестело. Когда прошелестело во второй раз, Эд встрепенулся. Первая мысль была об индейцах, поэтому он вытащил пистолет и приготовился по необходимости выстрелить. Здесь, в основном, бродили союзные с англичанами племена, но это не означало, что их не нужно было опасаться.

— А вот и я! — воскликнул кто-то, резко выскочив из-за дерева.

Эдвард едва не выстрелил, но вовремя понял, что это всего лишь Гюстав.

Гюстав, облаченный в синюю форму французской армии.

— Кретин! — воскликнул Эдвард. — Кретин, потому что подкрался и потому что напялил это! Кто вообще надоумил тебя это надеть?!

— А что не так? Я разве не француз?

— Француз, который заявился на английскую территорию во французской форме. А теперь прикинь, какие у тебя шансы выжить, — посоветовал Эдвард.

— Все высказал?

— А ещё у тебя усы дурацкие. С такими в этом времени никто не ходил.

Гюстав закатил глаза. Эдвард хотел прокомментировать еще какую-нибудь деталь его внешности, но не успел, потому что поступил звонок по наушнику. Он принял его и услышал голос Жаклин.

— Эдвард? Все в порядке? Я отправила к тебе Гюстава. Он разберется с сообщником Камиля со стороны французов.

— Что?

— Ты что, думал, я пропущу все веселье?! — шутливо возмутился Гюстав.

— Тогда добро пожаловать на вечеринку, — съязвил Эдвард.

— В общем, так, ребята, — оборвала их Жаклин. — С сегодняшнего дня мы с вами будем работать отдельно. Вскоре приедет Эдит, и Гюстав будет работать с ней. А мы с тобой, Эд, останемся вдвоем и будем ловить Камиля.

— Кто такая Эдит? — не понял Эд.

— Сегодня мы с ней уже работали, — поделился Гюстав. — Она была со мной в ухе, когда я исправлял образовавшееся положение в отеле «Алмаз». Она хорошенькая. Блондинка. С голубыми глазами, и фигура у неё что надо...

— Я записываю разговор, — перебила Жаклин. — Потом обязательно дам Эдит его послушать.

— Ни к чему, — бросил Гюстав. — Я могу сам повторить для неё все, что только что сказал.

— И когда ты вообще успел ее разглядеть, если она все это время была с тобой в ухе? — с непониманием проговорила Жаклин.

— У нас новенькая? — снова не понял Эд.

— А ты, оказывается, глухой и слепой, — цокнул Гюстав. — Жиллен представил её нам, когда ты еще распсиховался.

— Мне было не до того, — буркнул Эд. — Жаклин, ты что-то нашла про сообщника Камиля?

— Да, кое-что нашла. Он в форте Дюкенъ, так что Гюставу придется идти туда. И да, ты был прав, это наш старый друг Михель Невё.

Эдвард успел поделиться этой теорией с Жаклин перед тем, как отправиться в прошлое, и теперь, когда связь Камиля с Невё подтвердилась, он был вне себя от бешенства.

— Отлично, — пробормотал Гюстав. — Я надеюсь, мне дадут лошадь? Это, судя по всему, далеко.

— Тебе ее не дадут. Тебе придется ее украсть. И пока никуда не иди, там полно англичан. Подожди Эдит, она придет к нам домой и сразу с тобой свяжется, — проинструктировала его девушка.

— А что говорит Жиллен? — спросил Эдвард.

— Я ему рассказала обо всем, что произошло. Он, конечно, не поверил. Он не помнит, что первым президентом США был на самом деле Вашингтон. Пришлось будить маму, чтобы она ему все объяснила.

Люди, которые не имеют гена путешественника во времени, воспринимают измененную историю так, точно она настоящая. Из-за этого всегда было сложно работать под началом Жиллена, потому что у него не было гена путешественника во времени. У матери Жаклин, Анаис, этот ген был, но она лишилась его, когда выпила специальную сыворотку, захваченную одним человеком из 2177 года. Этот человек был послан в прошлое вслед за Жаном, чтобы остановить его бесчинства, но так и не смог этого сделать. Анаис выпила сыворотку, которую он ей подарил, и лишилась своей способности путешествовать во времени. Однако воспринимать мир как обычный человек все же не стала — она помнила настоящую историю, даже если ее изменяли.

— Хорошо, — согласился Эдвард. — А как это восприняла Эдит? Она сразу же тебе поверила? Или она тоже путешественница во времени?

— Эдит? — Жаклин задумалась. — Я не обратила внимания. Она была, конечно, удивлена, но...

— У нее тоже есть ген, — вмешался Гюстав. — Она сама мне сегодня сказала.

— И что она может?

— Ничего.

— То есть как ничего? — переспросил Эдвард. — Почему она тогда уверена, что он у нее есть?

— Ее родители путешественники во времени. Но она за всю свою жизнь ни разу не смогла отправиться в прошлое, хотя очень пыталась. Ее это беспокоит, так что если ты с ней когда-нибудь будешь говорить, то не касайся этой темы. Все мы знаем, какой ты грубый.

— Я вижу, вы уже успели поговорить по душам, — заметил Эд, а сам призадумался, откуда эта Эдит вообще взялась ровно в тот момент, когда их предал Камиль. Уж не ему ли на замену она пришла, чтобы стать для предателей очередным своим человеком в отделении?

— Ну ладно, — заговорила Жаклин. — Я свяжусь, когда придет Эдит. Пока можете отдохнуть и морально готовиться к тому, что вас ждет.

— Как всегда, умеешь настроить на нужную волну, — не удержался от замечания Эд.

Жаклин отключилась. Эдвард и Гюстав уселись на поваленное дерево и стали играть в голографические гонки. Кругом было тихо и мирно, солнце все ещё светило достаточно ярко. Который был час — они не знали, но решили, что когда раскалённый шар начнёт заваливаться за горизонт, то двинутся за отрядом. Солдаты за это время не успели уйти далеко — хвост отряда было видно среди деревьев, — поэтому Эд и Гюстав предусмотрительно спрятались за длинной еловой веткой.

— А вдруг здесь есть какие-нибудь опасные насекомые? — с опаской поговорил Гюстав.

— Понятия не имею, — отозвался Эд. — Но в отряде все пока еще живые и здоровые.

— Но они движутся, а мы сидим на месте.

— Так иди и подвигайся.

— Я вообще не люблю всяких этих букашек.

— Что, большой страшный полицейский боится насекомых? — Эд хохотнул.

— Не правда! — воскликнул Гюстав. — Не всех. Только ядовитых.

— Ну, конечно.

— Смотри! — вдруг прошептал Гюстав и указал куда-то в сторону

— Что там? Паучок?

— Заткнись. Там какой-то тип.

Эдвард глянул туда, куда указывал друг, и увидел, что вдалеке действительно бредет какая-то фигура, пробираясь через лес к прорубленной отрядом Вашингтона дороге. Этот тип был один, и стоило только гадать, как он там оказался. Эд тут же выключил приостановленную гонку, и они с Гюставом попытались спрятаться за раскидистую ель. Правда, не очень удачно. Человек их все равно заметил и стремительно двинулся в их сторону.

Это оказался парень, которому на вид было не больше двадцати лет. У него были чёрные волосы и резкие черты лица. Хмурые брови тяжело нависали над глазами и придавали ему грозное выражение. Одежда была странной — чёрный плащ, будто бы из Средневековья, и трикотажная водолазка под ним.

— Вы из отряда Вашингтона? — по-английски спросил незнакомец, подойдя к ним поближе. — Я из расквартированного в Винчестере полка. Хочу присоединиться.

Эдвард даже не сомневался, что это путешественник во времени.

— Не знаю, чувак из «Матрицы», откуда ты взялся, но люди из расквартированного в Винчестере полка должны присоединиться через несколько дней, — сказал Эдвард. — К тому же, тебя не напрягает, что рядом со мной сидит французский солдат, который уж совсем никак не может входить в отряд Вашингтона.

— Понятно, — протянул парень. Если он и смутился, то не подал виду. — Путешественники во времени. Вы откуда?

— Из Франции.

— Из... Европы? — с неуверенностью уточнил незнакомец.

— Ну да, откуда ещё, — нахмурился Гюстав.

— Я из американских колоний на Марсе. Нью-Вашингтон. Меня зовут капитан Томас Форд. И, если позволите, историю спасу я. Так мне будет спокойнее.

— Лучше это сделаем мы. Так будет спокойнее мне, — возразил Эдвард. — И не знаю, что ты собрался спасать в таком костюме, но историю вряд ли.

— Это костюм колониального периода. В колониях такие носили.

— Лет сто назад, может, и носили, — подметил Эд.

— Типа умный?! — воскликнул Томас. Ситуация явно накалялась. Характерами они либо не сошлись, либо, напортив, были слишком похожи. Так или иначе, сейчас начнётся. — Вы, земляне, всегда считаете себя крутыми и думаете, что знаете больше об истории Земли. Но я тебя уверяю, что простой парень с плантации одевался именно так.

— И в особенности он надевал под низ трикотажную кофту.

— Но он уж точно не сидел с голограммой под деревом и не играл в гонки!

— Замолчите! — вмешался Гюстав. — Давайте разберемся нормально. Кто вы такой?

— Я уже сказал. Я — капитан Томас Форд. И я пришел сюда, чтобы спасти историю.

— Ну, мы тоже не мимо проходили, — заметил Гюстав.

— Да разве не видно, что он сумасшедший?! — воскликнул Эдвард.

— Эй, полегче, — возмутился Томас. — Вы можете ступать домой и спать спокойно.

История в руках профессионала.

— Да, — согласился Эд. — Она в руках профессионала. В моих руках!

— Я же говорю, что все земляне считают себя крутыми. Я не знаю, как мне с ними договориться, — пробормотал Томас себе под нос. Видимо, с капитаном кто-то тоже говорил по наушнику.

— Почему вы так говорите? — спросил Гюстав и уставился на молодого человека с недоверием, словно размышляя, сумасшедший он все же или нет. — Что значит «земляне»? Вы хотите сказать, что вы... не человек?

— Мы одного вида! — воскликнул капитан, не на шутку оскорбившись. — Если я марсианин, это не значит, что я не человек! Это просто расизм!

— Хорошо, — протянул Гюстав. — Я не хотел вас обидеть.

Эдварда передернуло. Что за бред? Главное, сдержаться и не пристрелить этого типа на месте.

— Так значит, вы с Марса, — продолжал разговор Гюстав.

— Из американских колоний на Марсе. А вы вообще из какого века? Из железобетонного, что ли?

— Что?! — воскликнул Эдвард, потому что прозвучало это как оскорбление, хотя он толком и не понял, было ли в этом что-то оскорбительное.

— Как вы здесь оказались? — спросил Гюстав.

— Я работаю в «Агентстве времени». Компьютер в моем корабле засёк изменение в истории. Я находился на Спутнике-3, между прочим, и мне было весело, пока Нью-Вашингтон не стал Нью-Келли. Пришлось братья за работу.

— На корабле, — повторил Эд. — На космическом корабле?

— Разумеется. Космолёт вне времени. Я прибыл сюда на нем, а на чем ещё?

— То есть вы прибыли на машине времени? — уточнил Гюстав.

— На космолёте вне времени, — поправил Томас.

— Ну разумеется, — в тон ему сказал Эд.

— Ладно, ребята. Это мое задание. Возвращайтесь в свое время и дайте мне спасти историю Марса, — отчеканил капитан.

Эдвард уже не выдержал и бросился в его сторону с кулаками, но Гюстав успел его перехватить.

— Спокойно, — сказал он. — Может, нам действительно стоит предоставить это ему?

— Ты что, debil?! Он сумасшедший путешественник во времени. Я не позволю, чтобы какой пацан с шизофренией остался в этом веке один!

— Не мысли узко. Может, он говорит правду?

— А еще он вас слышит, — заметил Томас, а потом резко выставил перед собой серебристое оружие с широким стволом. — Мне, правда, очень неловко, но я не намерен больше церемониться. Из-за этого типа по имени Чарльз Келли изменился мир. Так что валите отсюда со своими допотопными знаниями и предоставьте это дело

профессиональному агенту во времени.

Эдвард и Гюстав в замешательстве подняли руки и переглянулись. Теперь сумасшедший капитан не только раздражал, но еще и пугал. Кто знает, на что он способен?

— А если не свалим? — решил узнать Эдвард.

— Я вас расщиплю, и от вас даже мокрого места не останется. Оу, — вдруг проговорил Томас, глянув на запястье Эда и заметив черный ремешок с голографическими часами. — Я был прав. Вы из железобетонного. Век двадцать первый или двадцать второй, если не ошибаюсь?

— Середина двадцать первого, — ответил Гюстав.

— Ну а ты, супер продвинутый марсианин, из какого? — Эдвард постарался сделать безразличный тон, но все же ему было интересно, что тот на это ответит.

— Из сорок первого, — просто ответил Томас.

— Не верю.

— Пожалуйста. — Тот только пожал плечами. — Мне ваша вера не нужна.

— Быть может, мы с вами как-то договоримся? — предложил Гюстав. — Давайте работать вместе. Судя по всему, ни вы, ни тем более мы не собираемся отсюда уходить. Так давайте же объединим усилия и спасем историю вместе!

— Назовите хоть одну причину вас не убивать.

— Убив нас, придурок, ты изменишь свое настоящее. Как ты вообще работаешь?! — возмутился Эдвард. — Есть ли кто-то над тобой или ты доброволец от народа? Мы работаем в полицейском отделении и занимаемся спасением истории уже несколько лет.

— Откуда мне знать, что вы действительно пришли сюда спасать историю? — не унимался Томас.

Вместо ответа Эдвард вывел с часов свое удостоверение с фотографией.

Томас опустил пистолет, вчитался в удостоверение и во все глаза уставился на новых знакомых.

— Дебюсси? — проговорил он в замешательстве. — Вы же создали... — Тут Томас резко замолчал, прикусив губу.

— Создал что? — спросил Эдвард.

— Нет-нет. Я спутал, это был другой Эдуард Дебюсси. Он был из двадцать третьего века. Быть может, это ваш потомок, кто знает, — протараторил Томас не очень-то убедительно.

— Значит, мы договорились? — полюбопытствовал Гюстав.

— О чем? — не понял Томас.

— Ну, вы нас не убиваете и все такое, и мы спасем историю вместе.

— Думаю... — парень был взволнован и словно к чему-то прислушивался. Наверное, к голосу, который беседовал с ним в ухе. — Да.

— Вот и отлично! — Гюстав хлопнул в ладоши. — Эдвард? Согласись, что его помощь нам пригодится.

— Я не понимаю, какого черта тут вообще происходит. Но я не собираюсь выпускать этого типа из своего поля зрения.

— Вы извините, что угрожал, — затараторил Томас. — Я, конечно же, не собирался стрелять. Есть протокол, так что если бы я вас убил, меня бы посадили. Я просто хотел припугнуть.

— Кто-то звонит, — сообщил Эд, пропустив слова странного парня мимо ушей, и

глянул на часы.

— Жаклин разволновалась? — предположил Гюстав. — Или Эдит пришла? Мне никто не звонит.

— Это мой брат, — в смятении сказал Эд и принял вызов. Говорил он уже на французском.

— Дай наушник, — попросил Гюстав. — Или сделай громче.

Эд от него только отмахнулся. Впрочем, Гюставу тоже позвонили, и ему пришлось отвлечься на звонок.

— Решил я, значит, узнать, как дела у моего любимого братца, — заговорили из наушника Эдварда. — Заглянул к нему на огонек, а его нет дома! Он, видите ли, в очередной раз отправился спасать мир.

— Время-то видел?! В Париже ночь!

— В Нью-Йорке вечер, — возразил Леон. — Я сразу после работы.

— И что? Это отменяет разницу во времени? — огрызнулся Эд. — И вообще, откуда ты взял этот номер? Он рабочий.

— Жаклин дала. Тут у вас еще какая-то цыпа. Говорят, Вашингтон больше не президент. А еще наша французская Госпожа президент тоже больше не президент. А Англия — республика!

— Надо полагать, что настоящее сильно изменилось, — пробормотал Эдвард, не очень-то удивившись. — Но мы тут, как бы, разбираемся с этим, так что если у тебя что-то срочное, то говори, если нет, позволь нам разобраться.

— Да нет, — ответил Леон. — Позвонил выразить свое неудовлетворение этой ситуацией. Я посижу у вас, пока все не уляжется. Америка в руинах. Ну, удачи. Тут с тобой Жаклин, кстати, хочет связаться.

Эдвард разъединился с братом и тут же принял звонок племянницы.

— Это ужас! Вы должны все исправить! — заголосила она. — Я столько всего увидела... Лучше бы не видела!

— Я понял, что все дерьмово. Ближе к делу.

— Эдит пришла к нам домой, так что теперь мы можем подумать о том, что делать дальше. Дед поговорил с мамой, но я слышала, как он кричал что-то о том, что хочет отдать тебя под суд за то, что ты отправился в прошлое в рамках дела о приспешнике Жана. Но потом рассудил, что ситуация нестандартная, и успокоился.

— Ясно.

— А почему его могли отдать под суд? Я что-то пропустил? — раздался удивленный голос Леона.

— Потом объясню, — шикнула Жаклин.

— Простите, если я вас отвлекаю... — проговорил Томас, который все это время стоял в сторонке. На этот раз говорил он по-французски. И, как оказалось, говорил сносно.

— Это кто? — спросила Жаклин, услышав чужой голос.

— Новый друг, — ответил Эд.

— У меня есть космолёт, который может становиться невидимым. Мы можем начать спасать историю прямо сейчас.

Эдвард не до конца верил рассказам странного парня. Томас действительно был путешественником во времени, в этом Эдвард не сомневался. Но то, что он марсианин из

сорок первого века, который прилетел на космической машине времени, — это был уже перебор. Эд решил ставить под сомнение каждое его слово, потому что сам порой придумывал в прошлом всякие небылицы.

Гюстав же, который всегда верил в инопланетян, едва ли не прыгал от восторга. Он чуть не лопнул, когда Томас предложил использовать его космолёт. Эдвард попытался переубедить дуга, но это оказалось невозможно. Гюстав был намерен следовать за марсианином, даже если бы отказался Эдвард. Но Эдвард не отказался. Он принял предложение Томаса, потому что не хотел оставлять Гюстава с ним один на один. К тому же ему все равно нужно было пристально следить за новым знакомым, чтобы тот не испортил историю.

От Жаклин ему пришлось отключиться. Та стала задавать много вопросов, на которые Эд ответить не мог. Вдобавок любопытный Леон отобрал у неё один наушник и едва не заболтал Эдварда до смерти. Гюставу тоже пришлось отключиться от Эдит — она находилась в одной комнате с Жаклин и Леоном, и когда Эдвард отключился, они набросились с вопросами на него.

Однако Жаклин нужно было записывать разговоры. Когда ребята возвращали историю на место, Жиллен не помнил, зачем команда отправлялась в прошлое. Ему нужно было послушать некоторые отрывки, чтобы потом составить отчеты. Эдвард это понимал, поэтому пообещал, что свяжется с племянницей сразу же, как они подберутся к отряду и начнут действовать. Жиллену все равно необязательно было знать о космическом корабле и марсианине — меньше знает, крепче спит.

Томас вёл Эдварда и Гюстава по лесу, маневрируя между деревьями. Они шли в противоположную от отряда сторону и забирались все глубже в дебри. Космолёт — если он, конечно, существовал — оказался оставлен слишком далеко. Эдвард на всякий случай держал руку поближе к пистолету, чтобы успеть его вытащить, если этот тип вдруг решил устроить им ловушку.

— Зачем ты так далеко припарковался? — недоверчиво поинтересовался Эдвард.

— Она иногда промахивается, — ответил капитан. — Я отправился проверить, насколько далеко находится отряд, и заодно изучил местный климат.

— Она? — переспросил Гюстав.

— Ее зовут «Черная жемчужина». — Томас остановился, развел руки в стороны и с восхищением посмотрел вверх. — Вот она.

— Тут ничего нет, — скептически сказал Эд и про себя выругался.

Все-таки сумасшедший, — подумал он.

— Она же невидимая, — напомнил Томас. — Точнее находится в режиме голографической маскировки, и я не могу ее снять. Что тогда будет с людьми, которые заметят космический корабль, зависший над лесом в XVIII веке? Снаружи вы ее увидеть не сможете, но мы можем ненадолго подняться на борт. Я перегоню ее на другое место поближе к отряду. Мне вообще нельзя пускать посторонних, но так и быть, вас я пушу на пару минут.

Томас одернул рукав плаща. Его левое запястье было обтянуто широким кожаным ремнем с большим экраном. Томас побарабанил пальцами по этому экрану, и неожиданно что-то произошло. Эдвард не успел понять, что именно. Его словно на мгновение расщепило, а потом он уже стоял внутри огромной машины со множеством экранов и рычагов.

Здесь все было чёрного и белого цветов. Стены были покрыты мягкой обивкой и украшены россыпью черных звезд. Металлические перила тянулись вдоль стен, видимо, для удобства, чтобы во время движения можно было за них держаться. Ещё здесь было шесть кожаных кресел — три у одной стены и три у противоположной. Между ними стоял стеклянный стол, привинченный к полу. За ними находилась зона управления, где было два руля, как у самолета, и множество кнопок разных размеров и форм. Над всем этим громоздились сенсорные экраны, а позади — лобовое стекло, за которым простирался бесконечный зеленый лес.

— Добро пожаловать на борт «Черной жемчужины»! — радостно воскликнул капитан судна. — Ничего не трогайте. Сядьте вон в те кресла и не поднимайтесь.

Эдвард не верил своим глазам. Значит, все это было правдой. Парень был из будущего и у него был свой космический корабль!

Ну нет, — подумал Эд. — Может, это я уже спятил.

— Значит, вот так инопланетяне и похищают людей, — проговорил Гюстав, несмело двигаясь в сторону кресел и озираясь по сторонам.

— Лучом телепортации? — переспросил Томас. — Не думаю. Вероятно, они делают это с помощью антигравитационного поля. Для него характерно яркое флуоресцентное свечение. Садитесь в кресла, пожалуйста, — попросил он снова.

Эд стоял на месте ни жив ни мертв и пытался принять существование всего, что находилось вокруг. Гюстав же прошёл мимо кресел и вошёл в зону управления, где разглядывал всякие кнопки и рычаги.

— Похоже на космический микроавтобус, — придя в себя, прокомментировал Эдвард.

— Микроавтобус?! — возмутился Томас. — Не слушай этого человека, крошка, ты совсем не похожа на микроавтобус.

— А зачем тогда эти кресла?

— Эти кресла для команды.

— Где твоя команда? — спросил Эд, насторожившись. Неужели здесь ещё несколько подобных инопланетных психов?

— Их нет.

— Они внизу? Что они делают?

— Их в принципе нет. Я один.

— Кто с тобой тогда беседует в ухе?

— Это... моя помощница, — с заминкой ответил капитан. — Но ее здесь нет. Она на станции в 4023 году. На корабле я прибыл один.

Пока они беседовали — если этот допрос можно было назвать беседой, — Гюстав изучал панель управления. Эдвард прищурился, чтобы понять, что он там делает. Гюстав провел рукой по одному из штурвалов и даже как-то побледнел.

— Отойди! — вдруг воскликнул Томас, обратив на Гюстава внимание. — Не рассматривай руль! Это консоль управления машиной времени!

— Почему? — любопытно спросил Эд. — У него сгорят глаза? Или она управляется силой мысли?

— Тут написано «Дебюсси», — пробормотал Гюстав.

— Так и знал, что люди из прошлого ни при каких обстоятельствах не должны рассматривать такие вещи, — затараторил Томас. — Отойди отсюда! Я вам сказал сесть в кресла! Немедленно прижмите свои задницы и ничего не рассматривайте!

— Ты удивился, когда услышал имя Эда, — сказал Гюстав, с подозрением покосившись на капитана. — Ты сказал, что он что-то создал... Ты что, хотел сказать, что Эдвард создал космолёт?! — осознал он и уставился на своего друга во все глаза.

Эдвард и сам был изрядно удивлен, поэтому подобрался к консоли управления и рассмотрел рули. Они были, в общем-то, обыкновенные, как штурвалы самолета, но у каждого была своя эмблема. На одном было по-английски написано «Агентство времени». На втором был квадратный циферблат сенсорных часов, в центре которого располагалось изображение песочных, а внизу вилась надпись — «Дебюсси». Действительно ведь его фамилия.

— Нет, — вздохнул Томас. — У тебя, несомненно, есть небольшая доля способности к логическому анализу, но... Эдуард Дебюсси и его супруга известны как изобретатели машины времени. Вообще-то, правильнее будет сказать, что изобретательница она, а ты создал парочку организаций, которые прошли эпохи и без которых машина времени стала бы большой проблемой.

— Элинор не особо интересуется машинами, — в смятении пробормотал Эдвард. — И она терпеть не может путешествия во времени.

— Да. А машина, да ещё и времени, для неё была бы совсем ударом, — подтвердил Гюстав. — И это при том, что она фанатеет по физике и космосу.

— Это не Элинор, — возразил Томас. — Твоя супруга лауреат Нобелевской премии в области компьютерных технологий. А Элинор к этой сфере не очень причастна.

— Но такой нет! — возмутился Гюстав. — Физика, химия, литература, но никаких компьютерных технологий!

— Она стала первой, кто ее получил. Фонд Нобеля решил увеличить количество номинаций примерно в середине пятидесятых годов 21-го века.

— Нет, — отрезал Эдвард. — У меня не может быть супруги. Я больше не женюсь, мне хватило одного раза. Что за бред?

Эдвард потёр руками глаза, обдумывая странные заявления марсианина и надеясь на то, что все это сон, а потом вдруг резко спросил:

— Кто она? Как ее зовут?

— Я не назову ее имя, — категорично ответил Томас. — Всему своё время.

— Очень любопытно, — заметил Гюстав. — У Эдварда будет жена, которая получила Нобелевскую премию по компьютерным технологиям и изобрела машину времени. А что скажешь про меня?

— Я ничего не могу сказать, — ответил Томас.

— Ой, да ладно тебе. Не знаешь или не хочешь?

— Не знаю.

— Ясно.

— Машины времени, значит, — задумчиво проговорил Эд. — И что, с помощью них никто не пытался изменить историю, чтобы, ну не знаю, править миром?

— Пытались, конечно, — ответил Томас. — Машины времени давно вне закона. Одно время они просто продавались, и любой желающий мог их купить. Но теперь их изъяли и запретили. Они есть только у нас. Президент Земли и президент Марса много лет назад создали «Агентство времени», чтобы предотвращать изменения истории. Машины времени производятся только для этой организации.

— Президент Земли и президент Марса?! — переспросил Эдвард. — Мне кажется, если

я услышу о будущем что-то еще, то у меня взорвется голова.

— Это я еще не сказал о президенте Солнечной системы, — пробормотал капитан.

— Ужас! — воскликнул Эдвард. — Поехали лучше спасти прошлое.

Он сел в пассажирское кресло и выжидающе посмотрел на Томаса. На этой парящей посудине все казалось абсурдным, поэтому хотелось поскорее сойти с неё на обыкновенную землю.

Капитан дождался, когда Гюстав последует примеру друга и сядет в кресло, и только после этого отправился в зону управления. Как он и говорил, на борту «Черной жемчужины» они пробыли лишь несколько минут, что Эдварда очень порадовало. Томас ввел новые координаты, и корабль подплыл чуть ближе к отряду Вашингтона. С помощью луча телепортации капитан выкинул всех, включая себя, в лес, и они принялись ждать удобного случая для проникновения в отряд.

Уже начало темнеть, поэтому люди Вашингтона стали заботиться о привале.

— Думаю, вам не терпится узнать мой план, — заметил Томас, когда они притаились между деревьев, поглядывая на солдат. — Собственно, зачем я предложил использовать свой корабль? Вот зачем. Я поймаю нарушителя с помощью блокиратора гена, а потом лучом телепортации помещу его в камеру на своем корабле. Нужно будет подобраться к нарушителю очень близко, ведь, как вы могли заметить, луч телепортации ударяет туда, где находится мой портативный компьютер, потому что он связан с главным компьютером на корабле.

— Как он перенес тогда нас? — с непониманием спросил Гюстав.

— У луча немаленький диаметр, так что он захватывает всех людей, которые находятся в радиусе одного-двух метров.

— Только людей?

— Можно поменять настройки и на растения, но я так никогда не делал. — Томас пожал плечами.

— То есть ты не можешь просто бахнуть своим лучом на Камиля и поймать его? — уточнил Эд.

— Могу, если он будет в радиусе одного-двух метров. Только это будет глупо, потому что он сразу сбежит. Нужно сначала заблокировать его способность с помощью этой вещицы. — Капитан достал из кармана браслет, очень похожий на тот, который Эдвард сегодня получил от Жаклин.

— Ну-ка, — проговорил он и вытащил свой, сравнив его с браслетом Томаса.

— Это же самая первая модель! — восторженно воскликнул марсианин. — Провальная, но все же!

— То есть как провальная?!

— Первые модели «Наручника» долго тестировали. Они работали, но срабатывали не на всех. Глупые, понадобилось немало времени, чтобы понять, что все дело в группе крови, на которую настроена модель!

— Ну благодаря тебе мы поняли это быстрее, спасибо. — Эдвард хлопнул Томаса по плечу.

— Нет, подожди! — воскликнул капитан, поняв, что сболтнул лишнего. — Молчите об этом. Вы же спасаете историю? «Наручник» должен развиваться своим ходом. Не вмешивайтесь в это.

— Я понимаю, — серьезно ответил Эд. — Мы об этом не будем распространяться. Так

ведь? — Он глянул на Гюстава.

— Ага, — кивнул тот. — Мы сможем потом долететь до форта Дюкенъ на твоём космолете?

— А там что?

— Второй нарушитель.

— Так их было двое?! — удивился Томас.

— Что бы ты без нас делал, Джек Воробей, — подметил Эд. — А ещё мы знаем, как они выглядят. А ты знаешь?

— Сначала я решил, что вы станете для меня балластом. Но теперь вынужден признать, что сотрудничество с вами в некоторой степени может быть полезным, — снисходительно ответил Томас. — Но и вы признайте, что без меня вы бы провалились.

— Это взаимовыгодное сотрудничество, — сказал Гюстав. — Думаю, мы бы все провалились, если бы не нашли друг друга в лесу.

— Не подлизывайся, — фыркнул Эд.

— Меня устраивает, — сказал Томас.

— Ладно, долго они там ещё будут копать?

— Подождём, когда некоторые уснут, а потом мы с тобой отправимся в лагерь. — Томас указал на Эда. — Гюстав, останешься тут, на шухере. Будешь говорить, нет ли волнений в отряде. У вас же единая сеть? Могу я к ней подключиться?

— Да, только нам нужно будет подключить ещё наших координаторов из настоящего. Они должны записывать разговоры, — ответил Эд. Видимо, Жиллену все же придется узнать о марсианине. — И, вероятно, у них будет много вопросов. Так что, Томас, готовься.

— Нет проблем, — отозвался он. — Люблю знакомиться с новыми людьми.

— Солнце уже садится, — обратил внимание Гюстав, посмотрев на темные клочки неба, которые просвечивали сквозь ветви деревьев. — Думаю, еще полчаса, и отряд уляжется.

— Чур заключенный наш, — сказал Эд. — Он из нашего времени и ответить должен перед нами.

— Ради бога, — ответил Томас.

— А еще, сможешь потом нас подкинуть в наше время? — попросил Эдвард. Томас с его машиной времени теперь уже не казался таким странным и опасным. — А то как мы доведем наших заключенных с заблокированным геном? Ты же все равно мимо будешь пролетать.

— Хорошо, — вздохнул капитан. — Главное остановить этих типов, а потом делайте с ними все что угодно.

— Договорились. А пока мы не начали, я немного отдохну, — сказал Эд и прислонился к стволу дерева.

День сегодня выдался слишком тяжелый. Прежде ещё ни один день не включал в себя столько событий.

Хотя, возможно, один день все же включал.

2036 год. Гарвард. Эдварду тогда было двадцать лет. Он стоял перед зеркалом и с мрачным выражением лица прикладывал к себе красную хламиду, больше похожую на платье. Он одолжил ее у своего соседа по комнате, который играл Цезаря в небольшом университетском спектакле.

Неужели я должен это надеть? — думал Эд.

Но ради доклада о Помпеях он был готов на что угодно.

Неожиданно дыхание перехватило, и Эдвард понял, что сейчас его принудительно забросит в прошлое. Такое случалось нечасто. Обычно он сам выбирал, куда и когда отправиться, но от принудительных путешествий во времени все же никогда не был застрахован.

Комната общежития сменилась очертаниями большого европейского города. Машины шумели, толпы людей сновали туда-сюда, а в воздухе отчего-то нестерпимо пахло гарью. Эдвард сразу же сделал вывод, что это Париж двадцатых или около того.

Но вот что это за запах? И почему люди так обеспокоены?

Эдвард проследил за их взглядами и увидел коричнево-серое облако дыма, которое поднималось ввысь, застилая собой все небо. Взволнованные птицы разлетались, спасаясь от охваченного огнём здания. Эдвард не сразу понял, что именно горит, потому что дыма было так много, что он почти полностью окутывал постройку, но потом различил обугленный шпиль и понял — это горит Нотр-Дам.

Шпиль, от которого остался только скелет, накренился вбок и рассыпался прахом. Кто-то неподалёку в ужасе вскрикнул. Эд оглядел толпу и заметил в глазах парижан слезы. Здание, которое стояло здесь почти десять веков, огонь сжирал за считанные минуты.

Время может отнять даже то, что кажется вечным.

Безжалостная стихия забирала Символ Парижа прямо на глазах его жителей. Это было жестоко. Все были уверены, что пятнадцатое апреля 2019 года надолго запомнят не только парижане. Эту дату надолго запомнит весь мир.

Хоть Эд и вырос в Америке, он оставался французом, а потому не мог не ощутить острую, словно битое стекло, боль.

Когда горел Собор Парижской Богоматери, Эдварду было всего три года. Он никогда не понимал, насколько велика была эта трагедия. Этот факт оставался для него просто фактом, историческим событием. Во всяком случае, Собор уже давно восстановлен, так что он никогда не драматизировал по этому поводу.

Но в этот день он воспринял это событие совершенно иначе: не простым ледяным фактом из учебника истории, а настоящей трагедией.

Надолго Эдвард в Париже 2019 года не задержался. Он, пораженный, вернулся в свою комнату, нацепил хламиду и, словно на автомате, отправился в Помпеи.

Возможно, после этого потрясения стоило остаться дома, но Эдварду нужно было лучше узнать о Помпеях и увидеть воочию вулкан Везувий, который жители Помпей считали всего лишь горой, пока тот не начал извергаться. Только так он мог хорошо написать или рассказать об историческом событии. Преподаватели даже иногда подмечали, что он пишет так, точно видел все собственными глазами, и даже не подозревали, насколько оказываются правы.

Приключение в Помпеи оказалось опасным. Хотя назвать приключением вылазку, где целый город был уничтожен и где тысячи людей погибли страшной смертью, было сложно. Эдвард провёл в Помпеях почти целый день, остался там до самого начала извержения Везувия и познакомился с одним русским парнем, тоже путешественником во времени. Его звали Эдгар Горностаев, и он сам не понимал, каким боком там вообще оказался: вроде, стоял в музее рядом с огромной картиной «Последний день Помпеи», а потом вдруг очутился в самих Помпеях. Эдвард очень хотел ему помочь, да только они случайно

разминулись и больше не виделись.

Когда Везувий бушевал на полную мощь, Эд вернулся домой с острым ощущением, что с этого дня его жизнь больше не будет прежней.

Сначала это казалось весело. Путешествовать по эпохам, присутствовать при исторических событиях, знакомиться с историческими личностями. Отчего-то все сначала представлялось просто историей. Люди воспринимались историей. Все они для него и так были мертвы, поэтому если и умирали, Эд не очень-то им сочувствовал. Он считал себя даже выше других. Он обладал невероятной способностью и знал все наперед, конечно, он не мог не возвыситься себя над другими. Но Помпеи заставили его взглянуть на все иначе. Он увидел боль и страдания исторических людей, понял, что они такие же люди, как и он сам, — живые, настоящие, из плоти и крови и способные чувствовать. А еще осознал, что у него, в общем-то, нет никаких преимуществ. То, что он из будущего, не означало, что он не сгорит, как все остальные (вспомнить несчастного Эдгара: кто знает, может, он так и сгинул в Помпеях).

Тогда ему даже захотелось изменить историю, но это было невозможно. Это было нельзя. Кто он вообще такой, чтобы корректировать события? Одно маленькое вмешательство — и изменится мир. Да, история порой бывает ужасна, жестока и наполнена страданиями, но это история, и ее остается только принять.

Вот так один день и два события сдули его это и заставил взглянуть на мир по-другому.

А теперь этот парень, буквально свалившийся с Марса, это это растоптал насовсем. Он знал то, что Эдвард даже не мог вообразить. Он знал двадцать веков истории Земли — и не только Земли, — которые Эдвард узнать никогда не сможет. Оказалось, Эдвард не такой уж и примечательный: взял на себя ответственность за спасение истории, а сам для этого, возможно, вовсе и не подходит.

Эдвард думал об этом, прикрыв глаза, и не заметил, как задремал. Перед его глазами горели Нотр-Дам и Помпеи.

Гюстав и Томас, сидевшие чуть поодаль, решили скрасить время ожидания разговорами. Гюставу было все интересно, поэтому он завалил парня из будущего кучей вопросов.

— Человечество заняло только Марс? Или другие планеты тоже? За пределами Солнечной системы кто-то живет? Вы можете летать в другие галактики?

— Нет. Да. Да. И да.

— А поподробнее? Когда началась космическая экспансия?

— Человечество начало экспансию в космос где-то в 22-ом веке.

— Ты летал куда-то далеко? Что ты видел?

— Я много всего повидал за свою жизнь, — задумчиво проговорил Томас. — Я живу на этом свете уже достаточно долго.

— Да тебе на вид лет двадцать, — возразил Гюстав.

— Так только на вид.

— Ну хорошо. А насколько долго?

— Достаточно долго.

— Расскажи, что ты успел повидать?

— Я видел падение Ниобеи, — ответил Томас и взглянул на темнеющее небо, словно видя там то, что некогда предстало перед его глазами. — Это было ужасно.

— Что за Ниобея? Когда это было?

— Это третья планета Системы Калора, многим похожая на Землю. На Земле тогда человечество только зарождалось, а там практически все живое погибло.

— Ты не можешь жить настолько долго.

— Нет, конечно, идиот, — резко сказал Томас, разрушив всю атмосферу. — На что мне машина времени, черт возьми?

— Тогда ответь, сколько тебе лет, черт возьми?! — в тон ему воскликнул Гюстав.

— Приличные люди не задают такие вопросы.

— Ты выглядишь лет на двадцать, не больше, — продолжил Гюстав. — И ведёшь себя так же. Но сейчас рассказываешь так, точно тебе сто.

— Сто, — протянул Томас. — Ах, если бы. Мне уже перевалило за двести.

— Гонишь.

— Вовсе нет. Мне двести три.

— Но ты... не стареешь. — Гюстав сделал скептическое лицо. Ему казалось, что тот его обманывает, но выглядел марсианин достаточно серьёзно.

— У меня есть ген путешественника во времени. Он долго мутировал. Мои родители были путешественниками, их родители тоже и родители их родителей. И с каждым поколением ген мутировал. Мой ген мутировал так, что полностью обратился на меня. Когда закончился подростковый период и моё тело сформировалось, ген сохранил мой облик, и теперь я каждый день распадаюсь на атомы и собираюсь в точно такого же человека. Это и есть моё путешествие во времени, обращённое на меня же самого. Поэтому я не старею.

— То есть ты бессмертный?

— Нет, меня можно убить, как обычного человека. Я не проверял, конечно, и, в общем-то, не собирался.

— Путешествия в космосе, — протянул Гюстав. — Наверное, ты действительно много повидал за свои двести лет.

— Да, — согласился Томас.

— А мы так можем? Я имею в виду, можем сейчас взять и махнуть на другую планету?

— На «Жемчужине» можете. Но вопрос в том, возьму ли я вас с собой.

— А без неё? Просто переместиться.

— Не-а. — Томас мотнул головой.

— Почему?

— Другая планета! Огромное пространство. А огромное пространство чем у нас измеряется? Временем. Можете ли вы переместиться через миллионы лет? Не думаю. Какая самая дальняя точка времени, в которой ты был?

— Ну, век, может, десятый. А Эд был в Помпеях. Ну, в тот самый день.

— А ещё раньше? Почему вы не перемещаетесь ещё раньше? Потому что у людей есть инстинкт самосохранения. Неизвестно, что может случиться, если вы выберете невообразимо дальнюю точку. Когда вы совершаете путешествие во времени, вы распадаетесь на атомы. Кто знает, может обратно вы собраться там уже не сможете. А в космосе тем более. Одно дело переместиться во времени и пространстве на Земле на сравнительно небольшое расстояние, другое дело переместиться в другую галактику. Два с половиной миллиона световых лет — и это только расстояние между галактиками. Один световой год — более шестидесяти тысяч земных лет. Один! А их два с половиной миллиона... Ты пробовал переместиться хотя бы на шестьдесят тысяч лет назад на Земле?

— Нет...

— Если попытаться переместиться в другую галактику... скорее всего, ты просто станешь космической пылью.

— Но «Жемчужина» может.

— «Жемчужина» — космолёт со встроенной машиной времени. Она может выбирать любую точку пространства и времени из когда-либо существовавших. И нет, Эдвард с женой не такие гении, чтобы изобрести нечто подобное. Они просто построили машину времени, которая перемещала людей по Земле.

— Да уж, всего-то, — буркнул Гюстав. — Хорошо, значит, атомы. Когда мы перемещаемся во времени, то оставляем после себя в воздухе золотую пыль. Это что, наши атомы? — ужаснулся он.

— Частички кожи, отмершие клетки той же кожи, всякая грязь из пор и тому подобное.

— Фу, — скривился Гюстав. — Раньше это казалось волшебным. Но теперь что-то не кажется.

— Чем больше знаешь, тем меньше этот мир кажется волшебным.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Пока Эдвард и Гюстав находились в прошлом, Жаклин и Эдит волновались за их судьбы в настоящем.

— Они говорили про космический корабль! — нервно говорила Жаклин. — Я точно слышала, что они говорили о космическом корабле! Мы все это слышали. Во что они опять влипли?

— А что, если тот человек представляет угрозу?! — поддержала ее панику Эдит. — Не будет же первый встречный предлагать им прокатиться на космическом корабле. Может, он безумец какой-то или реальный инопланетянин, который забирает людей для того, чтобы изучить нас как вид?

— Он может утащить их в космос и ставить над ними эксперименты!

— Да ладно вам, — оборвал их Леон, пока они не пустились придумывать теории ещё безумнее тех, что уже успели озвучить. — Они взрослые и вполне справятся с инопланетянами сами.

Он сидел в сторонке, спокойный, как удав, и копался в Интернете, выведя голограмму перед своим лицом.

Жаклин глянула в его сторону и возмущенно спросила:

— Неужели ты совсем не переживаешь за брата?!

— Нет. Я знаю, что с ним все будет в порядке, и жду, когда он уже расскажет о космическом корабле поподробнее. И тебе бы тоже не помешало расслабиться.

— Ты бесчувственный.

— Вовсе нет. Просто это вы паникерши. Лучше сидите спокойно и занимайтесь полезными делами. Работайте там или что вы вообще делаете. — Леон махнул рукой в сторону большого экрана, перед которым сидела Жаклин.

Они расположились в ее комнате за письменным столом, где стоял большой сенсорный монитор компьютера. У Жаклин под рукой всегда было все нужное для работы, если вдруг Эдварду придется незамедлительно исправлять историю. В принципе, для этого ей нужно было немного: подключение к Интернету — через компьютер или часы, не важно, — а также наушники, соединенные с особой станцией, которая может посылать сигнал во времени. Возможность общаться во времени появилась не так давно. И это была заслуга Жиллена — он сотрудничает с каким-то научным центром и предоставляет отделению

разнообразные крутые гаджеты.

— А чем занимаешься ты? — спросила Эдит, покосившись на Леона.

Похоже, его выпад в их сторону ее немного задел.

— Я сижу в Интернете.

— Это считается полезным делом? — продолжила она.

— А я здесь и не работаю, так что имею право. К тому же если я начну вам помогать, то проблем у вас появится намного больше. Я вообще не шарю в этом.

— Да, его лучше не подпускать сюда, — согласилась Жаклин. — Он вообще ни на что не способен.

— Эй! Я хорошо могу копаться в Интернете. Я столько всякой информации нашел, разве это не считается?

— Ладно, — согласилась Эдит. — Тогда... зачем ты вообще сюда пришел?

— Пришел в гости к братцу. И я, если честно, боюсь возвращаться в Нью-Йорк. Там какой-то новый режим, и у людей пунктик на особом ритуальном приветствии, которое я знать не знаю. Меня за это чуть не арестовали. Точнее арестовали, но я сбежал. Довольно неприятно было на самом деле...

— Это просто жесть какая-то, — сказала Жаклин. — У нас тоже все изменилось. И президент новый, что обиднее всего. Эстель Жаккар была первой женщиной-президентом Франции. И где она теперь?

— Она могла и не родиться. Много всего поменялось. Республика Великобритания как вам, а? — напомнил Леон.

— Неплохо, вообще-то, — проговорила Жаклин.

— Черт, — вдруг сказал Леон, листая фотографии в голограмме. Его чёрные кустистые брови поползли на лоб от удивления. — А вот это уже не очень. Девчонки, смотрите...

— Что там? — любопытствовала Эдит, подобравшись к нему ближе.

Жаклин тоже заинтересовалась.

Леон смотрел на фотографии в новостях. Сначала Жаклин не поняла, что не так — там был запечатлен остров Сите и мост Сен-Луи, — но потом заметила полицейские машины и карету скорой помощи и взволновалась.

— В Сене нашли тело молодой женщины, — сдавленно сообщил Леон. — Ее вынесло к острову Сите. Удалось установить личность. Это Элинор.

— Кто такая Элинор? — растерялась Эдит и глянула в сторону Жаклин.

Жаклин лишь прикрыла рукой рот и в ужасе посмотрела на Леона. Элинор? Может, это какая-то другая Элинор?

— Это жена Эдварда, — тяжело сглотнув, проговорил Леон. — Точнее, бывшая жена. Они разошлись года два назад, но иногда общаются. Общались.

Несколько минут они сидели в молчании, пытаясь переварить эту новость. Эдит не стала задавать лишних вопросов, чтобы ненароком никого не задеть.

— Мы не должны говорить ему об этом, — твердо сказала Жаклин, обретя небывалое самообладание. — По крайней мере, пока он не вернется домой. Может быть, это последствие изменения истории. Может, когда они вернут все на место, этого не будет.

— Будем на это надеяться, — ответил Леон. — Не знаю, что с ним станет, если это окажется и в нашей реальности. Все же она ему не чужой человек. Он и так уже многих лишился. Мы все многих лишились...

ВИРДЖИНИЯ, 1754 ГОД

После недолгого отдыха Гюстав растормошил Эдварда.

— Долг зовёт! — провозгласил он.

Эд тяжело поднялся на ноги.

Отряд Вашингтона уже улегся отдыхать, однако без защиты не остался — по периметру бродили часовые с оружием. Однако ни Эдварду, ни Томасу проникнуть туда не представлялось сложным. Они решили, что телепортируются в пространство между коричневой палаткой и деревянной повозкой с бочками.

— Сначала я подключусь к вашему чату, — напомнил Томас.

— А эта твоя помощница все еще с тобой? — поинтересовался Эд.

— Не, я от нее уже давно отключился.

Эдвард подключил линию Томаса в сеть, так что теперь марсианин мог говорить с ним, с Гюставом, а также с командой из 2048 года.

— Приём, меня кто-нибудь слышит? — сразу же начал Томас.

— Кто это? — раздался взволнованный голос Жаклин. — Эдвард? Ты там?

— Да. Все нормально, — поспешил успокоить ее Эд.

— Меня зовут капитан Томас Форд III. Я из 4023 года. И с Марса. Прилетел на встроенной в космолёт машине времени. А ещё мне двести три года. Приятно познакомиться, земляне. Мы пришли с миром.

— Чего? — недоверчиво сказал Леон и тихо присвистнул.

— Третий? — переспросил Эдвард. — Вас что, ещё два таких было?

— Да хватит уже, — с осуждением сказал Гюстав.

Защищает своего инопланетянина, — подумал Эд и даже приревновал друга к этому выскочке.

— Ладно, — с недоверием протянула Жаклин и решила тоже представиться. — Меня зовут Жаклин Дане. Я главный координатор в специальном полицейском отделении, занимающемся поиском вневременных преступников. Мы находимся в Париже 2048 года. Со мной рядом Эдит Фабре, тоже координатор, и Леон Дебюсси. Он... просто так.

— Отлично, контакт установлен, — довольно проговорил Томас. — Рад знакомству с вами.

— Видимо, сегодня мы работаем все вместе, — заключил Эдвард. — И нас даже больше, чем обычно. Мы решили, что отправимся за Невё вместе с Гюставом и Томасом на космической машине времени. Надеюсь, никто не возражает?

Он был очень рад тому, что команда была большой. Он привык работать в большой команде. Но потом вдруг вспомнил, что некоторых людей из своей старой команды он потерял, и заволновался, что может потерять кого-то ещё.

— Но дед сказал, что мы должны работать отдельно, — возразила Жаклин. — Мы с тобой, а Эдит — с Гюставом.

— И насколько эффективно это будет, особенно в такой тяжелый и непредвиденный момент? — спросил Эд. — Мы должны сделать все возможное, чтобы все исправить!

— Вот именно, — поддакнул Леон. — Там чувак с космической машиной времени! Сфоткай мне ее, кстати.

— Она невидимая.

— Да ладно вам, герр координатор, — вмешался Томас. — Что у вас за правила такие? Мы либо работаем все вместе, либо я работаю один и забираю с собой нарушителей. Вы же не хотите, чтобы я устроил межпланетный вневременной скандал? У меня такое однажды

было в Альфа Центавре, когда одна планета чуть не взорвала другую... — Он осекся, заметив, как на него покосились Эд и Гюстав. — В общем, не важно. И машина времени не космическая, а встроенная в космолет.

— Делайте, что хотите, — устало сказала Жаклин. — Все это... слишком. Я просто не знаю, как поступить правильно. Жан совсем уже не видит границ.

— Думаю, за этим стоит не только Жан, — вдруг заговорила Эдит. Эдвард удивился осведомленности новичка, но потом заключил, что раз она сегодня целый день работала с Гюставом, то должна была успеть ознакомиться с делом Жана Лобера и быть в курсе происходящего. — Здесь что-то более могущественное, чем просто один человек из будущего. Судя по всему, Жан хочет вернуться домой, поэтому убивает путешественников во времени. А здесь... здесь другое. Здесь конкретный захват истории. Возможно, мы имеем дело с какой-то организацией, которая хочет править миром.

— А ты сообщаешь, — заметил Эд. — Кстати, я Эдвард. Возможно, мы не познакомились должным образом, да я, честно сказать, тебя даже и не заметил...

— Это не важно, — оборвала его она. — Важно сейчас спасти Вашингтона.

Эдвард, явно не ожидавший такого заявления, нервно сглотнул. Гюстав усмехнулся, но воздержался от комментариев.

Эдит все же была права, и это понимали все. Сегодня Эдвард решил, что Невё — приспешник Жана и паладин во времени, но это было до того, как изменилась история. Теперь Эд не был уверен в своих предположениях. Это вмешательство было нелогично. Зачем Жану захватывать мир, если он столько лет мечтал вернуться домой? Он должен понимать, что его дом изменится, когда он вернется обратно. Тогда зачем ему все менять?

Но за все эти годы, что Жан пробирается в историю, его мир уже наверняка должен был измениться. Рождались новые люди, другие же, наоборот, не рождались, появлялись новые путешественники во времени, которые в свою очередь тоже ненароком меняли что-то в прошлом. Эффект бабочки мог просто снести всю его реальность и создать новую. Может быть, Жан это понял и захотел большего? Может, он решил, что раз не может вернуться домой, то со злости заберет себе целый мир?

Вопросов было много. И ответы на них еще предстояло найти.

— Так, Эдвард, — произнёс Томас. — Эдит говорит верно. Нам сейчас нужно спасти Вашингтона.

Он схватил Эда за рукав и переместил его к палатке так быстро, что тот даже не успел ничего понять. От неожиданности Эдвард чуть не уронил одну из бочек, что стояли в повозке, но успел ее удержать.

— Тише, — шикнул Томас.

— Мог бы предупредить, — шикнул Эдвард в ответ.

— Подожди, — раздался голос Гюстава из наушников. — Ты можешь путешествовать во времени самостоятельно? В смысле, точно так же, как и мы? Зачем тебе тогда машина времени?

— Почти, — проговорил Томас. — Я все это, конечно, могу, но это вредно для моего организма.

— В каком смысле вредно?

— Я старею.

— О чем вы? — не понял Эдвард.

— Долгая история, — отмахнулся Томас.

— Я тебе сейчас ее расскажу! — воскликнул Гюстав и на одном дыхании поведал ему о том, как мутировал ген Томаса.

— Так ты говорил серьезно, что тебе двести три?! — воскликнул Эд.

— Ну тише! — снова шикнул Томас. — Да. И если я перемещаюсь во времени своими силами, то начинаю стареть. Не знаю, как это работает, но я предпочитаю «Жемчужину».

— Ясно.

— Нужно найти нарушителя, — перевел он тему. — У тебя есть его фотка?

— Да.

Эд заметил, что марсианину неприятна поднятая тема, поэтому решил переключиться обратно на работу. Он быстро включил часы и нашел фото Камиля из своей фотогалереи. Они часто делали селфи в прошлом, пока никто не видел, а потом иногда их рассматривали, вспоминая, какие эпохи им удалось повидать.

На одной из фотографий было хорошо запечатлено лицо Камиля. Это был молодой мужчина с темной короткой бородой, крашеными белыми волосами и смягченными чертами лица. Он был добрым малым и всегда беспрекословно исполнял приказы. Эдвард и подумать не мог, что этот человек когда-нибудь захочет совершить нечто плохое. И не просто захочет, а действительно совершит. Они долго проработали бок о бок и стали друзьями. Камиль показал себя надежным товарищем, на которого можно было положиться. Эдвард ему доверял так же, как Гюставу, и теперь об этом очень жалел. Неужели он с самого начала был не тем, за кого себя выдавал? И как Эдвард мог этого не заметить? Может, Жиллен правильно сделал, раз отстранил его от задания...

Но стоп. Не Эдвард же нанимает людей. Их нанимает сам Жиллен. Эдвард просто принимает нового члена команды и всецело ему доверяется. Значит, во всем произошедшем виноват Жиллен. Это он запустил эту крысу в команду, как он смел после этого винить Эдварда во всех несчастьях!..

— Я запомнил, — сказал Томас, вырвав Эда из мыслей. — Думаю, мы быстро его отыщем.

— Да, — согласился он. — Этот сукин сын ответит за все.

— Ого, смотри! — шепотом воскликнул Томас и указал куда-то рукой.

Эд проследил за его жестом и заметил высокого солдата с орлиным носом и каштановыми волосами, закрепленными в низкий хвост. Он прошел в опасной близости от их укрытия, поэтому Эд с Томасом притаились. К счастью, человек их не заметил и скрылся где-то меж палаток.

— Двадцатидвухлетний Вашингтон! — восторженно воскликнул Эд.

— Я знаю! — так же восторженно ответил Томас.

Они оба в этот момент были похожи на двух безумных фанатов истории и на секунду даже забыли, для чего сюда пришли.

— Впрочем, ничего особенного, — взяв себя в руки, сказал Эд. — Я дружу с Кеннеди.

— А я с Рамзесом II, — бросил капитан. — Древний Египет всегда привлекал меня больше.

— Да вы оба крутые, поздравляю, но вы там для дела, вообще-то, — послышался недовольный голос Жаклин.

Координаторы нужны были как раз для таких моментов. В прошлом было много всего, на что с легкостью можно было отвлечься, и координатор возвращал с небес на землю. Еще он помогал в некоторых вопросах, касающихся информации: как правильно представиться

королю, какие ягоды можно есть, нет ли упоминаний о странных происшествиях в конкретном регионе и тому подобное. Хоть Эдвард и стремился обрести как можно больше знаний, он понимал, что знать все невозможно. Он был очень рад тому, что во всех приключениях его и его команду сопровождала Жаклин, которая могла за две секунды отыскать всю интересующую их информацию.

— Вы видите Камиля? — спросила она.

— Нет, — поспешил ответить Эд. — Пока заметили только Вашингтона. Видимо, придется идти и заглядывать в палатки.

— Если он из нашего времени и у него есть сообщник, то, вероятно, он взял с собой какие-то средства связи, — предположила Эдит. — Он был подключен к вашей станции, которая посылает сигнал во времени. Возможно, он может так же разговаривать с кем-то по наушнику.

— То есть нам искать чувака, который говорит сам с собой? — уточнил Эд.

— Возможно, — менее уверено ответила Эдит.

— Но Невё же раздавил его наушники, — напомнил Гюстав.

— Он мог подключить другие, он знал, как это делается, — сказала Жаклин.

— У меня появилась гениальная идея, — проговорил Томас, и Эд нахмурился от этого нескромного заявления. — Любое средство связи излучает особые волны. Даже если ваш Камиль сейчас ни с кем не разговаривает, его наушники все равно связаны с базовой станцией и поддерживают с ней контакт. Я могу выследить эти волны с помощью «Жемчужины»!

Капитан сел на землю, прислонившись спиной к повозке, и стал копаться в портативном компьютере на своей руке.

— Она сейчас просканирует местность и вышлет мне карту. Это займет пару минут.

— То есть вот так просто? — не поверил Эдвард. — Просто покажет на карте, где сидит Камиль?

— Да, — кивнул Томас. — Эдит, спасибо за наводку. Вы гений. И как я сам только до этого не додумался?..

— Ну а если у него нет никакого средства связи? — продолжил рушить надежду Гюстав.

— Да наверняка есть, — ответил капитан. — Вы, люди 21-го века, даже в туалет с собой берете всякие прибабасы.

Никто спорить не стал, потому что замечено было справедливо.

Через пару минут на экране портативного компьютера Томаса появилась небольшая карта местности с четырьмя синими точками. Одна находилась в лесу — это Гюстав. Две в самом сердце лагеря — это Томас и Эдвард. И последняя на периферии лагеря — однозначно Камиль.

— Это он. — Томас ткнул пальцем на последнюю точку. — Пошли за ним.

— Вы серьезно его нашли? — любопытствовал Леон.

Эдвард не сомневался, что брат только делал вид, что что-то понимает, когда на самом деле вообще не втыкал, что происходит.

— Сейчас мы его даже поймаем, — ответил Эд.

— Я всегда знал, что у меня крутой старший брат, — загордился Леон.

— Вообще-то, — вмешался Томас. — Пока что всю работу делал мой космический корабль.

— Пошли уже, — поторопил Эдвард.

Они с Томасом покинули свое укрытие и вышли в лагерь. По дороге они натолкнулись на солдат, которые грелись у потрескивающего костра, что-то пили и голосили. Пришлось обходить их стороной, чтобы они не заметили присутствие незнакомцев. Это заметно увеличило расстояние до синей точки, но Эд рассудил, что лучше пройти чуть больше и действительно попасть к этой точке, чем всполошить солдат и уйти ни с чем.

— Это палатка, — сказал Эдвард. — Он в палатке.

— И что в этой палатке? — спросил Томас.

— Не знаю. Может, у тебя есть рентгеновское зрение и ты проверишь?

— К сожалению, не захватил свои рентгеновские очки. — Томас сказал это на полном серьезе и даже расстроился. — Будем надеяться, что он там один.

— Я проверю, — сказал Эдвард и подобрался к палатке.

Он присел на корточки и чуть приподнял низ потрепанной ткани. Это была небольшая палатка для нескольких человек. Внутри стоял маленький столик, валялось всякое тряпье, сумки и ящики. Камиль тоже там был — сидел на ящике, опустив голову и сгорбив широкую спину. Совершенно один — видимо, отказался идти пить с остальными. А может, уже достаточно выпил, и теперь размышлял о своих идиотских поступках.

Эдвард невесомо опустил край ткани и вернулся к Томасу.

— Он один, — прошептал Эд.

Они старались вести себя крайне тихо, чтобы Камиль не узнал об их присутствии. Даже в наушниках все сохраняли тревожное молчание. Точнее, почти все — было слышно, как на заднем плане тихо бормочет Леон, но это не особо отвлекало.

— Хорошо. Возьми мой бластер. — Томас вытащил серебристое оружие и сунул его в руки Эдварда. Оно оказалось очень тяжелым и крайне непонятным.

— Это еще зачем? — опешил Эд.

— На всякий случай. Я проберусь под палаткой и нацеплю ему на руку браслет. А ты в это же самое время войдешь через главный вход и нацелишься на него.

— То есть окружаем его? Но почему я должен идти с этим? У меня есть свой.

— Если придется стрелять, то эта штукавина не оставит труп. Она его расщепит в пыль.

Нам же не нужны трупы, верно?

— Господи, Эдвард, — подала голос Жаклин. — Не убивайте его. Он нам нужен живым. И он...

— Что? Не заслуживает этого, несмотря на то что занял место первого президента США? — договорил он за нее.

— Он за это ответит по закону, — сказала Жаклин. — Ты не вправе судить его.

— Ладно, хватит разглагольствовать о морали. Берите его уже и все, — поторопил их Гюстав.

— Когда мы окажемся около палатки, посчитай нам до трёх, — приказал Томас. — На счет три мы одновременно войдём. Ты же видишь нас из своего укрытия?

— Не очень хорошо, — пробормотал Гюстав. — Я прячусь от часового. Кажется, он понял, что кто-то скрывается в кустах.

Томас и Эдвард встревоженно переглянулись.

— Чем скорее начнём, тем скорее закончим, — сказал Эдвард.

— Тогда начинаем, — подвёл итог Томас.

Они на цыпочках подошли к палатке. Томас сразу ринулся за неё, а Эд подошёл к входу. Гюстав затормозил, но все же начал отсчёт. На «три» Эдвард ворвался в палатку и наставил

на Камиля бластер. Тот подскочил, едва не захлебнувшись удивлением, поднял руки и даже попытался телепортироваться, но не успел, потому что Томас резко нацепил на его запястье «Наручник». Камиль, конечно, попытался телепортироваться снова, но его только мотнуло из стороны в сторону, как тряпичную куклу, и ни на метр не сдвинуло в пространстве.

— Что за?.. — проговорил он, с ужасом уставившись на диковинную штуковину на своей руке.

— Вас похищают инопланетяне! — радостно провозгласил Томас, нажав на кнопку своего компьютера, и всех троих переместило на борт «Черной жемчужины».

— Что, не ожидал такого поворота, сукин ты сын?! — воскликнул Эдвард, продолжая держать Камиля на прицеле.

Камиль, казалось, даже потерял дар речи. Он так побледнел, что почти слился с белой частью интерьера «Жемчужины», и стал озираться по сторонам, чуть не упав назад себя. На секунду его стало жаль. Он казался все тем же человеком, который ещё сегодня работал с Эдом бок о бок. Он не был похож на злого гения или на короля преступного мира. В нем не было абсолютно ничего злодейского. Он был обычным человеком. И Эд даже растерялся, потому что ожидал от него совсем не этого.

— Вы арестованы за попытку изменения истории. Сдайте оружие, пожалуйста, — попросил Томас, выставив вперед огромную ладонь и выжидающе посмотрев на пленника.

Камиль лишь застыл в немом ужасе.

— Вы что, уже на корабле? — спросил Гюстав. — А я тут для кого на шухере стою? Часовой уже не на шутку разволновался. Кажется, что он скоро свернёт шею, разглядывая что-то меж деревьев.

— А ты громче болтай, — упрекнул Леон. — Тогда он либо свернет себе шею быстрее, либо заметит тебя.

— Он у нас. И мы на корабле, — сообщил Эдвард всем, кто этого еще не понял. Голос его был ледяной, а руки продолжали сжимать бластер и целиться в бывшего друга.

— Я жду, — нетерпеливо сказал Томас, все так же держа ладонь перед Камилем.

Камиль, вроде бы, начал осознавать, что все кончено. Его поймали, и этот виток истории пройдет так, как должен был пройти. Словно на автомате он вытащил пистолет и вложил его в ладонь Томаса.

— Спасибо. — Томас неожиданно растянул губы в улыбке и, отбросив пистолет в кресло, подлетел вплотную к Камиллю. — Позвольте проводить вас в ваши покои. Надеюсь, «Черная жемчужина» придется вам по душе.

Он схватил нарушителя за шкуру и потащил его, как мешок картошки, в сторону металлической двери с круглым окном. Его действия совсем не вязались с вежливым тоном, каким он говорил, хотя и было понятно, что его вежливость была всего лишь издёвкой. Камиль не сопротивлялся. Он либо полностью смирился со своей дальнейшей судьбой, либо впал в ступор.

Томас приложил ладонь на небольшой экран, расположенный на стене, и дверь с шипящим звуком съехала в сторону. За ней оказалась небольшая комнатка с тремя металлическими креслами. Томас усадил сбитого с толку Камиля в одно из них и нажал на кнопку на своем компьютере. Кресло моментально выпустило железные путы и сковало Камиля по рукам и ногам.

— Это камера для путешественника во времени? — уточнил Эдвард, который все это время следовал за марсианином.

— Нет, это обычная камера, — ответил Томас. — Надеюсь, что нашему гостю тут будет удобно.

— Кто ты, черт тебя дерит? — спросил Камиль, наконец, обретя способность говорить.

— Я Томас Форд III. Я прилетел сюда из сорок первого века. Мы в будущем были крайне расстроены тем, что вы вздумали изменить историю Земли. Знайте, что просто так все это не останется. Если вы еще раз вздумаете сотворить нечто подобное, помните, что после вас еще существуют люди, которые все это видят и обо всем этом знают. Они найдут вас. И они вас остановят. Зарубите себе на носу, что все ваши задумки уже заранее обречены на провал! — толкнул речь Томас.

Камиль был шокирован и не знал, что можно на это ответить.

— А вот это я заберу. — Томас вытащил из ушей Камилля наушники и сунул их Эду. — Держи, может, пригодится.

— Ребят, — взволнованно проговорил Гюстав. — Может, заберете меня тоже? Кажется, часовой меня все же засек.

— Да, — ответил Томас, вспомнив о его существовании. — Я сейчас.

— А я пока поговорю с пленником, — сказал Эд.

Томас кивнул и выскочил из комнаты. Дверь за ним закрылась, и Эдвард понял, что заперт с Камилем один на один. Так было даже лучше. Ему нужно было много что обсудить с бывшим другом.

Ничего никому не сказав, Эдвард отключил свои наушники. Теперь никто не мог слышать, о чем он будет говорить с пленником. Точнее, как он будет с ним говорить.

Эдвард повернулся к Камиллю, посмотрев на него так, будто собирался вытряхивать из него долг в миллиард евро.

— Ну что? — спросил он, сложив руки на груди. — Я жду объяснения.

Камиль молчал, явно не собираясь ничего объяснять.

— Невё сейчас в форте Дюкенъ, — сообщил Эд. — Нам известно многое. Его мы тоже поймаем, так что даже не думай, что ваша затея с убийством Вашингтона сработает.

Тот никак не прокомментировал это заявление.

— Вопрос в том, какого хрена ты устроил? С каких пор ты заодно с Невё?

Камиль повернул голову в сторону и стал рассматривать стену, сделав вид, что Эдварда не существует.

— Я тебя спрашиваю, какого хрена ты устроил?! — взорвался Эд, угрожающе зависнув над пленником. Эта молчанка выводила его из себя. — Почему ты захотел стать первым президентом США?!

— Эдвард, — неожиданно проговорил Камиль. — Ты все равно не поймешь.

— Так объясни!

Эдвард не ожидал, но Камиль все-таки сдался и решил сделать попытку объясниться. Наверное, ему все же хотелось быть понятым. Сейчас они на разных сторонах, но еще сегодня утром ведь были друзьями.

— У нас есть сила, которой мы можем распорядиться с умом. Мы можем построить другой мир. Идеальный мир. Мы можем изменить ход истории. Я хотел стать первым президентом США, чтобы построить идеальную страну.

— Хрена с два! Не надо мне это дерьмо про утопию. Все это чушь собачья. Не бывает такого.

— Бывает, — возразил Камиль. — С помощью нашей способности можно было бы

исправить столько ошибок. Но ты ведь этого не понимаешь. Никто из вас не понимает.

— Нельзя исправлять ошибки прошлого! На ошибках прошлого нужно учиться, а если нет ошибок, то не на чем и учиться! Прошлое нужно помнить, чтобы извлекать из него уроки. А то, что ты удумал, это полное дерьмо!

— Говорю же, что ты этого не поймешь, — вздохнул Камиль. — Но знай, мы не единственные. И США не единственная страна.

— Кто с вами еще? Какие еще у вас планы? Говори! — Эдвард схватил его за ворот пиджака и хорошенько встряхнул.

— Нет. От меня ты больше ничего не услышишь. Разговаривать нам не о чем.

— А мне кажется, что мы еще не все обсудили. Я хочу знать, сколько еще таких же придурков, как ты, и где их искать. Какие изменения истории еще в ваших планах?

— Не знаю.

— Все ты знаешь.

— Я не собираюсь больше тебе ничего говорить.

— Рано или поздно все равно скажешь. — Эдвард отошел от пленника на пару шагов и высоко засучил рукава.

Камиль смотрел на него взволнованным взглядом. Было видно, что ему совсем не нравились действия Эдварда и тон, каким он произнес последнюю реплику.

Эдвард редко бывал жестоким, но все же бывал. Больше всего на свете он ненавидел, когда кто-то менял историю или когда он чего-то не понимал. Сейчас как раз были оба этих случая, поэтому Камиллю придется испытать на себе тот редкий приступ его жестокости.

Закончив с рукавами, Эдвард резко вернулся к Камиллю и заехал ему кулаком по челюсти. Если бы Камиль не был прикреплен к стулу, а стул — к полу, то он бы наверняка отлетел на пару метров.

Камиль на некоторое время замер со склоненной в сторону головой, неуклюже сплюнул на пол кровь, а потом нервно усмехнулся.

— Бить связанного безоружного человека? — проговорил он. — Совсем не в твоём стиле. Эдвард, ты катишься по наклонной.

— Отвечай. На. Вопросы, — прошипел Эд.

— Не. Буду, — в тон ему сказал Камиль.

В ответ на это Эдвард снова ударил его по челюсти, и стена корабля покрылась красными брызгами.

— Ну что, теперь есть что сказать?

Камиль ничего не ответил. Казалось, в его голове крутились шестеренки. Он нервно пытался придумать, что ему делать дальше. Наверное, он понимал, что не сможет долго сопротивляться и однажды все действительно расскажет.

Эдвард решил дожать.

— Кто с тобой работает? Сколько вас? Какие у вас дальше планы? Говори, твою мать!

Камиль поднял на него глаза и посмотрел с ненавистью и отвращением, как будто впервые в жизни видел перед собой этого человека.

— От меня ты больше ничего не услышишь, — сказал он. — Прощай. «Я научился смотреть на смерть как на старый долг, который рано или поздно придется заплатить». Видимо, сегодня день расплаты.

Камиль проговорил эти слова на одном дыхании, а потом начал задыхаться. Лицо его посинело, а из груди стали раздаваться страшные хрипы. Тело содрогнулось в предсмертной

агонии, голова откинулась назад, а рот заполнился белой пеной, которая перемешалась с кровью и заструилась по бороде и усам. В таком странном положении Камиль застыл и больше не шевелился. Это случилось так быстро, что Эдвард толком не успел ничего понять.

В одно мгновение Камиль цитирует Эйнштейна, а в другое уже полулежит в кресле, неподвижный и мертвенно бледный. Почему? Что могло сотворить с ним такое? Эдвард не понимал, но подобрался к нему и коснулся его шеи, чтобы убедиться в своих опасениях.

Камиль был действительно мертв. И на этот раз по-настоящему.

Томас телепортировал себя на землю и понял, что слегка промахнулся. Ему пришлось долго бродить по темному лесу и искать, где притаился Гюстав — тот уже успел забраться в дебри подальше от часового и теперь в красках описывал место своего нахождения. Томас решил, что умнее будет просто просканировать местность и найти Гюстава с помощью карты.

То, что Эдвард отключился от общей сети, поняли не сразу. Первой на это обратила внимание Жаклин, которая сначала пыталась до него докричаться, чем изрядно отвлекала Томаса, а потом догадалась проверить, подключен ли Эдвард вообще. Подключен он не был.

— С Эдом что-то случилось, — категорично сообщила она.

— Да с чего ты взяла? — спросил ее Леон. — Может, его сеть просто прервалась. У тебя всегда все странное — обязательно плохое.

— Я просто переживаю.

— С ним ничего не могло случиться на моем корабле, — попытался успокоить ее Томас. — «Жемчужина» — всегда была одним из самых безопасных мест во Вселенной... Ну, кроме тех моментов, когда она пытается себя дезинтегрировать без моего ведома. Это бывает... довольно опасно. Но сейчас с ней все в полном порядке.

— Ты оставил его один на один с Камилем? — уточнила она. Замечания капитана ее явно не успокаивали. Впрочем, Томас иногда столько болтал, что мог не только не успокоить, но и наоборот, поддать жару.

— Да. Но у Эдварда бластер и свое оружие, — ответил Томас, активно нажимая кнопки на своем компьютере. — А Камиль привязан к стулу металлическими ремнями и без оружия. Не думаю, что с ним что-то могло случиться. Карта получена, — перевёл он тему. — Гюстав, главное — стой на месте и не шевелись, а то я не смогу тебя найти.

— Да я и стою, — отозвался тот.

С помощью карты капитан смог в считанные минуты найти Гюстава и отправиться вместе с ним на борт «Черной жемчужины».

— Вот и все, — заключил Томас, кинувшись в зону управления кораблем. — Сейчас полетим дальше. Нужно пошевеливаться, потому что я не доиграл партию в покер с одним лунатиком. А я, между прочим, выигрывал! Я введу новые координаты, и мы...

— Эм, капитан, — неуверенно перебил его Гюстав. — У нас проблема.

— Какая? — Томас оторвался от консоли управления и развернулся.

Посреди салона его космического корабля стоял Джордж Вашингтон.

— Какого черта вы тут делаете, сэр?! — в волнении воскликнул Томас. — Какого черта он тут делает? — Этот вопрос он уже бросил в сторону Гюстава.

— Наверное, он бродил по лесу, — предположил Гюстав, и в его голосе звучали нотки вины, как будто он сам притащил Джорджа Вашингтона на корабль. — Меня же искали.

— Ну что ж, видимо, нашли.

— Что там у вас опять случилось? — с явным упреком спросила Жаклин.

— Джордж Вашингтон на корабле, — сдержанно сообщил Томас.

— Вы что делаете?! — в ужасе воскликнула Эдит. — Вы должны были его спасти, а не сломать его психику!

— Что нам теперь делать? — нервно спросил Гюстав.

— Я... подумаю, — с заминкой ответил Томас. — Я за Эдвардом.

Капитан кинулся в камеру, оставив Гюстава один на один с осоловелым Джорджем Вашингтоном. Удаляясь, он слышал, как Гюстав нервно обратился к Джорджу Вашингтону:

— На самом деле, все это сон...

Эдвард стоял ни жив ни мертв, когда в камеру влетел взъерошенный Томас. Представшее зрелище заставило капитана притормозить и схватиться за стенку.

— Это что за?.. — чуть не захлебнулся воздухом Томас.

Эдвард жестами велел ему заткнуться, и Томас, все поняв, отключил свою линию из общей сети.

— Какого черта ты сделал?! — спросил капитан. — Это так у тебя называется «поговору с пленником»?!

— Это не я... — растерявшись, ответил Эдвард. — Он процитировал Эйнштейна, а потом залился пеной и умер. Я ничего не мог сделать...

— А кровь на моей стене откуда? — Лицо Томаса даже окаменело, когда он увидел заляпанную белую панель.

Эдвард на это ничего не ответил. Впрочем, Томас понял все и без объяснений.

— Ладно, что тут у нас. — Капитан подлетел к труп, застывшему в кресле, и внимательно его осмотрел, словно был опытным врачом. Сначала посмотрел в глаза, опустив пальцами нижние веки, потом заглянул в рот, изучил ногти на руках, обошёл его кругом и, наконец, вынес вердикт: — Такое чувство, что он чем-то отравился. Ницше процитировал, значит?

— Эйнштейна.

— Не важно. Вероятнее всего, у него в зубе была встроенная капсула с ядом, которая активировалась с помощью кодовой фразы. Но почему? Что подвигло его расстаться с жизнью? О чем ты его спрашивал? — Томас развернулся к Эдварду и с подозрением на него посмотрел.

— Я хотел узнать, кто с ним работает и какие у них дальше планы.

— Он защищал информацию. Он понимал, что может проговориться, потому решил покончить с собой. Твои методы ведения допроса... Вот к чему они привели. Я это не одобряю. И даже не ожидал от тебя такого.

— Я сам не ожидал от себя такого.

— Не хочешь, чтобы об этом узнали остальные, так? И как ты им это объяснишь?

— Не знаю.

— Так. — Капитан потёр виски, усердно размышляя, как можно разругать всю эту нелегкую ситуацию. — У нас там Вашингтон на космическом корабле. Разберемся сначала с ним, а потом вернёмся к твоей проблеме.

— У вас там... что? — опешил Эдвард.

— У меня появилась идея, как все это можно исправить. Надеюсь, что она сработает. Идем.

Томас побежал на выход из камеры. Эдвард последовал за ним, снова подключившись к общей сети. На душе творилось невообразимое. С одной стороны Камиль заслуживал несколько ударов по морде, но с другой стороны Эдвард не мог принять то, что своими действиями довел его до самоубийства. Этот тип перешел все границы — предал отделение, изменил историю, заменил первого президента США собой, а потом еще отказывался называть имена тех, кто хотел проделать нечто подобное вновь. Понятное дело, что Эдвард вышел из себя. Он не считал себя хорошим человеком, с его работой невозможно было так о себе думать, но все же очень старался делать правильный выбор. Если ради спасения миллионов людей нужно было вытрясти информацию из одного, то тут и думать было нечего — он ее вытряхивал.

Вот только он не подозревал, что однажды все может закончиться так.

Томас не шутил по поводу Джорджа Вашингтона. Он действительно стоял посреди салона космического корабля и пытался анализировать происходящее.

— Ну наконец-то, — сказал Гюстав, завидев товарищей. — Я уже не знаю, как ему объяснить.

— Объяснить что? — недоверчиво переспросил Томас. — Устройство «Жемчужины»? Думаю, вряд ли ты его сам понимаешь.

— То, что мы ему лишь снялся, — так же недоверчиво ответил Гюстав. — Вы что, не слышали, как я тут перед ним распинался?

— Ах да, мистер Вашингтон, все это лишь ваш сон, — тут же подхватил Томас.

— Откуда вам известно мое имя?! — спросил Вашингтон.

— Так мы же сон, — ответил капитан. — Просто образы, смоделированные вашим подсознанием. Мы — часть вас. Понятное дело, что мы знаем ваше имя.

— Не понимаю, — растерянно признался он.

Для великого полководца он был еще слишком зеленым. Перед ними стоял всего лишь молодой юноша, который не так давно начал отправляться в опасные походы. Этот человек еще не был тем Вашингтоном, который участвовал в Американской революции. Это был вирджинский солдат, действующий от лица английского короля и не до конца понимающий, что происходит вокруг.

— Что это за место?! — спросил Вашингтон, стараясь держаться так, как подобает держаться солдату в нелегкой ситуации. Однако все же было видно, что его спокойствие трещит по швам, грозясь вылиться в неконтролируемую истерику.

— Не знаю, вы нам объясните. Ваше же подсознание это создало, — как ни в чем не бывало ответил Томас, усердно делая вид, что он тут ни при чем.

— Может, отправишь его назад? — поторопила Жаклин. — Хватит с ним болтать. Он не должен был всего этого увидеть.

— Эд, можешь с ним поговорить? — тихо произнес капитан. — У меня же есть кое-какая идея...

Томас не договорил и загадочно скрылся за одной из дверей, которых оказалось довольно много по всему периметру комнаты.

— Отвлекайте его, мне нужен эффект неожиданности! — Эти его слова уже донеслись из наушников и не были услышаны Вашингтоном.

Эдвард был не в своей тарелке после произошедшего с Камилем, а тут еще на голову свалился Вашингтон, который неведь каким образом оказался на корабле. Пришлось брать себя в руки и делать все, что требуется.

— Как я понимаю, вы сейчас следуете достраивать форт Дюкенъ? — неуверенно начал Эдвард, повернувшись к Вашингтону.

— Форт... чего? — не понял тот.

— Ты что несешь?! — возмутилась Эдит. — Дюкенъ — так называли этот форт французы, когда отняли его у англичан.

Эдвард сам уже понял свою ошибку.

Соберись, — мысленно приказал он себе. — Думай, прежде чем что-то сказать.

— Вы французские шпионы? — с подозрением спросил Вашингтон. — Это какое-то внушение? Вы привели меня в эту постройку, чтобы что-то... узнать? Или убить меня? Что вам нужно?

— Да ладно вам, мы разве похожи на французов? — нервно усмехнувшись, спросил Эд.

— У вас странный акцент. А этот парень во французской форме. — Он ткнул в сторону Гюстава.

— Уверяю вас, что никакая информация нам не нужна и убивать никого мы не хотим, — заверил Эдвард.

— Тогда почему вы стали задавать вопросы про форт?

— Да я просто... пытался поддержать дружескую беседу.

— Но что это за место? — спросил Вашингтон, оглядевшись. — Что это за безвкусное оформление? И откуда этот дом взялся тут посреди леса? Его тут раньше не было, я в этом уверен.

— Это же сон, — ответил Эдвард. — Во сне может произойти все, что угодно.

— Оформление вовсе не безвкусное! — возмущенно воскликнул появившийся в салоне Томас. — И простите меня, мистер Вашингтон, но кажется, вам пора просыпаться.

Томас резко кольнул Вашингтона в шею странным продолговатым прибором, похожим на авторучку, и будущий президент США свалился на пол без сознания, так и не успев ничего понять.

— Ну, или засыпать, — поправился Томас.

— Это что было? — спросил Эдвард.

— Мгновенное снотворное. Я верну его лагерь, и он будет думать, что все это ему действительно приснилось.

— А что с раной? Ты воткнул ему в шею иглу!

— Да он даже не заметит, — кинул капитан. — Эти штуки медицинские, они не оставляют больших следов. Ну все, я в лагерь. Отойдите в зону управления, но только ничего не трогайте!

Эдвард с Гюставом послушались капитана и отошли от греха подальше. Сам Томас переместил себя и Вашингтона с помощью луча телепортации.

— Ну и бред ты ему говорил, — заметил Гюстав, покосившись на друга.

— Сам как будто смог бы лучше.

Это все, что они успели друг другу сказать, потому что в салоне снова появился Томас. На этот раз один.

— Надо же из 159 человек в отряде на мой борт попал именно Вашингтон! — возмущенно провозгласил он. — Теперь следующая проблема. — Томас выразительно посмотрел на Эдварда.

— Я признаюсь, — ответил Эдвард. — Смысла нет все скрывать. Я виноват и готов понести наказание, которое сочтет нужным выдвинуть Жиллен.

— О чем ты? — с волнением спросила Жаклин.

— Я знаю, у нас есть такая статья — доведение до самоубийства. В общем, да. Камиль мертв. Он покончил с собой из-за тех методов, которыми я пытался вести допрос.

— Мертв? — с недоверием переспросила Эдит. — Ты отключился. Кто знает, что сейчас ты говоришь правду?

— Не надо, — глухо попросила Жаклин.

Эдвард ее не видел, но чувствовал, что племянница напряглась, как будто собиралась за него драться.

— А что? Вам не кажется это странным? — продолжила Эдит. — Сначала он хотел убить Камилля за то, что он стал первым президентом США, потом решил с ним поговорить, отключившись от всех нас, а потом Камиль оказывается мертв!

— Ты чего? — в недоумении спросил Леон, явно не ожидавший таких обвинений в сторону своего брата.

— Твое мнение не спрашивали, — процедил Эдвард. — Кто ты вообще такая? Откуда нам знать, что ты не в сговоре с Камилем и Невё? Откуда ты вообще взялась ровно в тот момент, когда все пошло наперекосяк?

— Я эти имена услышала сегодня впервые. И я никого не убивала.

Эдит этого не сказала, но Эдвард понял, что она хотела добавить «в отличие от тебя».

— Эдвард тоже никого не убивал, — вступился за него Томас. — Я осмотрел тело. Камиль знал, что рано или поздно у него будут требовать секретные сведения о людях, с которыми он работал. В его зуб была встроена капсула с ядом, которая активировалась с помощью кодовой фразы. Вы можете провести экспертизу и найти в его крови яд. Понимаю, Эдит, что вы в отделении только первый день и еще совсем не знаете людей, с которыми работаете, но все же не делайте столь поспешных выводов. И ты тоже, Эдвард. Никто из вас не имеет никаких задних мыслей. Все пытаются сделать только лучше. Поверьте парню из 41-го века.

Томас пусть и был заносчивым, но иногда мог толкнуть справедливую речь.

— А теперь, — продолжил капитан. — У нас есть одно незаконченное дело. И нам лучше поспешить его выполнить, пока ещё не поздно.

ПЕНСИЛЬВАНИЯ, 1754 ГОД

Всю дорогу до форта Дюкенъ летели в гнетущей тишине. Даже в наушниках все молчали. Такая большая команда, и никто не знал, что можно сказать, чтобы избавиться от этого напряжения.

Летели, однако, недолго — «Жемчужина» подобралась к форту Дюкенъ за считанные минуты и зависла прямо над ним.

Томас поменял свою одежду на форму французского солдата, нажав кнопку компьютера на своей руке. Стало понятно, что его одежда была сделана с помощью голографии. И этот факт отчего-то очень напряг Гюстава.

— То есть ты все это время ходил голый?! — воскликнул он.

— В смысле голый? — не понял Томас. — Это же голографическая одежда.

— Но ее же не существует на самом деле. Это просто волны света. Это не настоящая одежда!

— Не понимаю, в чем проблема. С тридцатого века все так одеваются. — Томас неодобрительно покачал головой, мол, какие вы в двадцать первом веке все ограниченные.

— Полагаю, нам нужно придумать план, — сказал Эдвард. — Или провернем то же, что

провернули с Камилем?

— Я... — начал Томас и замолк, будто не зная, как это продолжить.

— Что? — спросил Эд.

— Просто... не бери на свой счет, но я хочу, чтобы ты остался здесь.

Эдвард уставился на Томаса так, точно тот отвесил ему оплеуху.

— У тебя нет формы, это во-первых, а во-вторых, после всего, что навалилось на тебя сегодня, я хочу, чтобы ты отдохнул.

Отдохнул. Как же. Он просто боится, что Эдвард что-то испортит или снова доведёт кого-то до самоубийства.

— Я вполне в состоянии справиться со своей работой, — сдержано ответил Эд.

Гюстав тревожно молчал. Атмосфера на корабле почти ощутимо накалилась.

— Рассуди сам — для того, чтобы повернуть то же самое, что мы провернули с Камилем, нужно два человека, — продолжил убеждать его Томас. — Гюстав подходит больше, потому он в форме французского солдата. К тому же во время нашего похода в отряд Вашингтона он отдыхал. Справедливо будет, если вы поменяетесь местами.

— Я не отдыхал вовсе, а стоял на шухере, — возразил Гюстав.

Томас только отмахнулся. Очевидно, он вовсе не считал это за работу.

— Значит, ты хочешь оставить меня в лесу, чтобы я наблюдал со стороны за фортом? — задал закономерный вопрос Эдвард.

— Это ни к чему. Форт огорожен палисадом, так что из леса увидеть ты ничего не сможешь. Просто оставайся здесь.

— Эдвард, — аккуратно вмешалась Жаклин. — Может, он прав. Пусть они с этим разберутся вдвоем.

— Возможно, марсианский друг дело говорит, — поддержал её Леон, но прозвучало это так, будто Жаклин схватила его за ухо и заставила это сказать.

— Теперь даже вы считаете меня недоумком, — ответил Эдвард. — А с каких пор наш марсианский друг стал нами командовать?

— Ну, я капитан корабля, который везёт ваших пленников обратно в ваше время, а ещё у меня много крутых прибабасов. — Томас развёл руками, как бы говоря, что это и так должно быть очевидно.

— Справедливо, — согласился Эд.

— Без обид, — добавил Томас. — Но я правда считаю, что тебе лучше остаться.

Эдвард рухнул в кресло и вальяжно сложил ногу на ногу, старательно делая вид, что он ничуть не уязвлён словами капитана. Томас и Гюстав на него только косо и недоверчиво посмотрели.

— Вы так и будете стоять? — поторопил их Эд.

— Ладно, я сканирую местность, — проговорил Томас, уткнувшись носом в свою руку.

«Жемчужина» очень быстро отыскала устройство связи, расположенное в форте Дюкенъ. Томас, радостный, направил луч телепортации на себя, и их с Гюставом переместило на землю.

Эдвард вздохнул. Может, и хорошо, что он остался. Если эта вылазка закончится провалом, то это будет хотя бы не на его совести, потому что на его совести за сегодняшний день и так уже было много всего.

Форт еще не был достроен. Работа шла полным ходом. Палисад, однако, уже торчал

остроконечными столбами, огораживая территорию форта. На территории стоял палаточный лагерь и несколько недостроенных домов. Повсюду громоздились пушки на огромных колесах, повозки и прочая техника. Вечер был в самом разгаре и окутывал темнотой, но разожженные в нескольких местах костры давали много света. Отовсюду лилась французская речь. Солдаты сидели на земле или деревянных скамейках, ели, пили и болтали. В общем-то, они немногим отличались от их британских противников — такие же люди, только находящиеся по другую сторону баррикад.

Томас быстро оценил обстановку, а потом уткнулся в компьютер. Судя по обозначенной синей точке, Невё находился в нескольких метрах от места их приземления. Томас нарочно переместил их немного в сторону, чтобы они не возникли прямо перед носом нарушителя.

— Согласно карте, — сообщил Томас, покрутившись вокруг себя. — Он должен стоять — там. — Он ткнул пальцем в сторону стола, заваленного бутылками, флягами и остатками еды.

— Но там никого нет, — констатировал Гюстав.

Около стола и правда было пустынно. Все солдаты собрались вокруг костра в нескольких шагах от него.

— Возможно, он сидит среди тех солдат, — предположил Томас. — А свои наушники оставил в сумке рядом со столом.

— И что нам делать? Я даже не вижу его среди тех людей.

— Поднимите руки и медленно повернитесь! — неожиданно скомандовал кто-то за их спинами.

Томас и Гюстав синхронно побледнели.

В наушниках послышалось, как дернулся Эдвард.

— Я так и знал, что что-то пойдет не так! — раздался его голос.

В 2048-ом все сохраняли молчание, словно боялись, что любое слово может как-то испортить ребятам ситуацию.

— В чем дело? — по-французски спросил Томас, но все же сделал так, как ему приказали.

Гюстав решил последовать его примеру.

Перед ними стояли два солдата и держали ружья наготове. Они внимательно разглядывали незваных гостей и словно что-то решали.

— Черноволосый с хмурым видом и широколицый с глупыми гусеничными усами. Вроде подходят, — изрек один из них.

— Убьём на месте или как? — подхватил второй.

— В чем дело, ребята? — спросил Томас, изо всех сил притворяясь своим. — Что за шутки?

— Просто, — раздался еще один голос, и позади солдат вырос кудрявый человек с разноцветными глазами — один был карий, другой голубой. Это был Невё собственной персоной. — Я рассказал, что сегодня видел, как два английских шпиона ошиваются у стен форта, и был уверен, что они ищут способ проникнуть... — тут он осекся. Очевидно, его сбило с толку то, что вместо Эдварда с Гюставом пришёл кто-то другой. Томас мысленно позлорадствовал. Впрочем, под описание «черноволосый с хмурым видом» он тоже отлично подходил. — Что они ищут способ проникнуть сюда, — все же договорил Невё.

Михель Невё был среднего роста и имел стройную фигуру. Рядом стоящие солдаты были намного крупнее него. Однако Невё излучал много уверенности и силы, из-за чего

завладевал чужим вниманием и будто бы занимал больше пространства. Не было сомнения, что этот человек амбициозен и тщеславен, более того, он точно считал, что имеет право высоко о себе думать, словно делал что-то настолько замечательное, что все за это должны были возносить его до небес. Томас, правда, не отрицал, что и сам часто заносился, но он, по крайней мере, трезво себя оценивал, а вот в Невё он не видел ничего выдающегося.

— Один наш солдат, Камиль Моро, сегодня пропал. Куда вы его дели, английские шпионы? — продолжил Невё.

Значит, он понял, что с Камилем что-то случилось, — подумал Томас. — Возможно, он не смог с ним связаться, поэтому и решил, что его нашли.

— Не понимаем, о каком Камиле Моро идет речь, — ответил Гюстав.

— Нужно им как-то помочь, — заговорила Жаклин. — Невё все знает. Он их уничтожит.

— Я бы спустился вниз, если бы знал как, — нервно сказал Эд.

Было слышно, как он носится по кораблю. Наверное, он пытался найти окна, чтобы выглянуть на улицу и вообразить место, в котором нужно оказаться. Кроме лобового, никаких других окон на «Жемчужине» не было, но Томас оставил корабль, повернутым в бескрайний лес, так что Эдвард не мог увидеть форт Дюкенъ с высоты. Без четкой картинки у него не было шанса спуститься вниз. Томас сейчас ничем не мог ему помочь. Если он отправится за Эдвардом, то может потерять Невё, а этого нельзя допустить, особенно если в голове уже начал вырисовываться способ его схватить.

Правда, вероятность всего пятьдесят процентов, — невесело подумал Томас, но тут же себя приободрил. — Хотя пятьдесят процентов — это не так и мало.

И решил рискнуть, пока ещё было не слишком поздно.

Одна секунда — и он переместился за спину Невё. Вторая — вытащил «Наручник» и вцепился мертвой хваткой в своего противника. На третью французские солдаты всполошились и стали стрелять. К ним присоединились те, что грелись у костра. На четвёртую Томас и Невё исчезли.

Гюстав понял, что находится на линии огня, причём совершенно один, поэтому быстро стал думать, куда можно исчезнуть. Первое место, которое пришло ему на ум — комната космического корабля.

Только он начал исчезать, как резкая боль пронзила его бок.

Он появился на «Жемчужине» с простреленным животом и, окровавленный, распластался перед креслами.

Эдвард глядел в лобовое стекло, пытаясь что-то увидеть, когда в его наушниках затрещали выстрелы. Через несколько секунд позади что-то шлёпнулось. Он обернулся и сразу же побледнел.

В зоне отдыха на полу лежал Гюстав. Его синяя форма французской армии была покрыта багровыми пятнами крови в районе живота.

Эдвард сразу же бросился к нему и опустился рядом, чтобы помочь.

Гюстав был жив. Но жизнь не собиралась надолго задерживаться в его теле — рана была очень большой, а пуля могла задеть органы. В наушниках голосили, но Эдвард словно находился в вакууме и ничего не слышал. Он схватил Гюстава и, наплевав на Невё и на весь мир вокруг, переместился с ним в кабинет главного доктора, Анжи Триаля, с которым была

договоренность о лечении путешественников во времени.

НЕВАДА, 1957 ГОД

Томас, схватив Невё, попытался нацепить на его руку «Наручник», но преступник начал перемещаться по разным эпохам, одновременно молотя руками. Томас не отцеплялся от него и пытался переместить его на свой корабль. Они словно играли в перетягивание каната — Томас тянул Невё на «Жемчужину», а Невё тянул Томаса в любое другое место, которое приходило ему на ум. Не известно, сколько тумачков они надавали друг другу, пока декорации вокруг них сменялись одна за другой. И не известно, сколько эпох они посетили за все это время. Томас был уверен, что после такого обязательно постареет года на три, но сдаваться вовсе не собирался. Он был упрям. Очень упрям. А ещё чувствовал ответственность. Он это начал, значит, должен был завершить как полагается. Если он все профукает, Эдвард его возненавидит. Пусть справедливо, но это все равно будет очень неприятно. Именно в его глазах он хотел выглядеть достойно. Эдвард был его прадедом. Хотелось бы, чтобы он им хоть чуточку гордился.

В один из моментов Томасу все-таки удалось остановить перемещения Невё. Наручник защелкнулся, и они оба свалились в золотистый горячий песок.

Томас поднялся на ноги и в замешательстве огляделся, приняв представшую перед его глазами пустыню за пески Марса. К счастью, это был вовсе не Марс. Видимо, во время потасовки Невё хорошо заехал Томасу по голове, раз перед его глазами все расплывалось красным цветом.

Невё попытался исчезнуть, но у него ничего не вышло. Он очень скоро понял, что все дело в странном браслете на его руке, поэтому начал его дергать, но эти попытки ни к чему не привели — разве что только вызвали боль, от которой лицо Невё аж перекосило.

— Что за черт! — отчаянно воскликнул он.

Томас проигнорировал его терзания. Он пытался сфокусировать зрение, что было непросто из-за подбитого глаза, и наконец смог разглядеть испытательный полигон, расположенный в нескольких шагах от места их приземления.

— Невада, — вынес он вердикт. — Период Холодной войны, когда здесь испытывалось ядерное оружие. Ну у тебя и интересы.

Томас выставил вперёд запасной бластер (первый так и остался где-то у Эда), чтобы Невё больше ничего не учудил. В ухе с капитаном уже никого не было. Видимо, из-за частых перемещений связь разорвалась, ведь наушник Томаса в принципе не был предназначен для сигнала 21-го века и держал связь с такой примитивной станцией с огромным трудом.

— Стой смирно, — приказал капитан. — Сбежать у тебя теперь не получится.

— И что теперь? — спросил тот. — Пристрелишь меня?

— Хотелось бы, но ты нужен в отделении живым.

— Думаешь, нацепил эту штуку — и я теперь обезврежен? Я ведь неспроста выбрал Неваду 1957 года. С минуты на минуту здесь все сметёт к чертовой матери ядерным взрывом.

— Я прилечу за тобой. Ты даже заметить не успеешь, как я окажусь здесь на своём космическом корабле и отвезу в отделение.

— Космическом... корабле? — удивленно переспросил Невё.

— Ах, да, ты же не в курсе. Я из будущего. И с Марса. Так что...

— Опустит оружие, псих! — крикнул кто-то за спиной Томаса.

Теперь удивился Томас. Он медленно поднял руки и развернулся. Позади стояло

человек пять в чёрных костюмах и с автоматами, нацеленными на него. Невё как ни в чем не бывало обошёл Томаса и, взяв протянутый ему пистолет, остановился среди этих людей, злорадно сверкнув разноцветными глазами.

Томас понял, что облажался. Как эта банда путешественников во времени тут появилась — оставалось загадкой. Возможно, они были очень продуманы. Возможно, они договорились, что когда кому-то из них в прошлом грозит опасность, то они перемещаются в заранее оговорённое место и в обозначенное время.

Если они такие продуманные, то это не просто кучка каких-то любителей. К тому же их много и они все с автоматами. Видимо, тут творится что-то очень серьёзное. Теперь они не кажутся жалкими преступниками, которые вздумали изменить историю. Теперь они выглядят как преступная организация, у которой имеются четкие инструкции и план действий в критической ситуации.

Нельзя недооценивать противника. Никогда.

Томас, тебе двести лет, а ты наивен, как пятнадцатилетняя школьница, — упрекнул он себя. — Не надо было с ним трепаться, черт побери.

— Он ваш, — снисходительно изрёк Невё.

Томас быстро сообразил, что сейчас будет. Пока люди в чёрном вскидывали автоматы, он быстро переместил себя на «Жемчужину».

Они действительно могли его сейчас расстрелять, не будь он таким шустрым. Стоя на корабле, он благословлял свою быструю реакцию.

Но сдаваться так просто Томас не желал. Он решил вернуться туда уже на корабле и схватить их всех.

Капитан даже не обратил внимания, что его корабль покинули все пассажиры, кроме мертвого тела в камере. Он ввел новые координаты и переместился в Неваду 1957 года. «Жемчужина» по-прежнему была невидима. Но внизу рядом с тем самым полигоном все равно не было никого, кто мог ее увидеть. Томас облетел полигон вокруг и как следует рассмотрел поверхность, однако обнаружить хотя бы одного человека не смог.

Тогда он решил просканировать местность на предмет жизненных форм, а именно — человека. На экране большого компьютера появилась только одна точка, к которой Томас подлетел ближе. Правда то, что оказалось там в действительности, привело его в ужас.

В песке валялась окровавленная кисть руки, обтянутая «Наручником».

Невё отрезали руку, чтобы избавиться от блокиратора гена!

Видно, «Жемчужина» чуток промахнулась.

— Нужно оказаться здесь немного раньше, — сказал Томас сам себе и принялся вводить новые данные. — Я вас всех заберу, уроды.

Он пустил «Жемчужину» по временному потоку в обратную сторону, но она лишь дёрнулась пару раз и осталась на месте.

Томас не понял, что произошло, поэтому ввёл новые данные снова.

Корабль опять заупрямился и не стал его перемещать.

— Да что такое? — не понял он, решив попробовать ещё раз.

«Чёрная жемчужина» ещё никогда в жизни так себя не вела. Бывало, промахивалась, но чтобы отказываться перемещаться по заданным данным — такое было впервые.

Томас пробовал и пробовал, но ни одна его попытка не увенчалась успехом, будто сама Вселенная хотела, чтобы Невё и его люди в чёрном сбежали.

— Несправедливо! Я мог их поймать! — разозлился он, хлопнув руками по рулю.

Где-то вдалеке грохнул взрыв, и огромное грибовидное облако взмыло в небо, окрасив его в рыжий огненный цвет. Сейчас тут и правда снесет все к чертовой матери. Удачное место выбрал Невё.

Томас судорожно ввёл новые координаты 2048 года, и на этот раз корабль послушался.

Капитан оказался в 21-ом веке. Живой, почти невредимый и опозоренный собственным кораблем.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Эдвард сильно переживал за Гюстава. Рана оказалась страшной, но доктор Триаль уверил, что исход операции будет положительным. Он позвал своего помощника и увез Гюстава в операционную, приказав Эдварду отправляться домой и ждать результатов там — как только все будет закончено, Триаль позвонит.

В палату проникнуть не удалось, а сидеть в полупустой клинике не хотелось, поэтому Эд переместился в комнату Жаклин, где на него тут же набросились с вопросами.

Эдвард сам не знал, что произошло внизу, поэтому смог рассказать только о том, как услышал пальбу, а потом на борту космического корабля появился раненый Гюстав.

— Он же не умрет? Скажи, что с ним все будет хорошо! — потребовала Жаклин, вцепившись пальцами в его руку, будто была утопающим, который держится за последнюю спасательную соломинку.

— Доктор Триаль обещал, что все будет хорошо, — бесцветно отозвался Эд.

Он ему верил — это же был доктор, как ему можно было не верить.

Гюстав был для Эдварда самым лучшим другом. Они дружили очень долго, почти десять лет — столько же времени Эд проработал в отделении.

Окончив Гарвард, Эд пришел работать к отчиму своей кузины и был в отделении самым молодым работником. Конечно, всерьез его сначала не воспринимали и постоянно шептались за спиной. Его считали выскочкой, который толком не смыслил, чем они там все занимаются. А между тем Эдвард имел в своих часах личные дела с хорошо прописанными взлетами и падениями практически каждого работника. Эти дела находились вместе с информацией о полицейском отделении, которую Эдвард хранил еще со школьных лет. Он вполне мог использовать эти личные дела, чтобы кому-то что-то доказать, но решил, что гораздо выше этого.

Через несколько недель в отделении появился Гюстав и работники переключились на него, потому что он был еще более интересным объектом для сплетен. Гюставу на тот момент было всего 18 лет — после школы он пришел работать к Жиллену. Не известно, где Жиллен его откопал, но Эд был очень рад, что в отделении появился человек, с которым он мог общаться на равных. Они очень быстро стали лучшими друзьями и слаженной командой, утерев нос всем, кто сплетничал за их спинами.

Люди в отделении сменялись не то, чтобы очень быстро, но все же сменялись. Те, кто был с Эдом на первых порах, уже практически все куда-то ушли. Он проработал здесь почти десять лет и сам уже мог осуждать новеньких за их неопытность, но не собирался расходовать свою энергию на такие мелочные проблемы настоящего. В принципе он редко замечал то, что происходило в настоящем, потому что вся концентрация уходила на прошлое.

Гюстав тоже не платил людям той же монетой. Вообще он был образцовым парнем и всегда слушался приказов. Он мечтал работать в полиции, ловить всяких злодеев и следить за порядком, но тут неожиданно выяснилось, что он путешественник во времени. Мечта его,

однако, практически не пострадала. Возможно, он получил то, о чем и не мог мечтать. Он стал ловить злодеев во времени и сохранять порядок в истории. Полицейский во времени — наверное, это было даже круче обычного полицейского.

— И почему никто из вас не надел пуленепробиваемый пиджак, — сетовала Жаклин, не на шутку переживая за друга. Эдит сидела рядом с ней, чуть приобняв ее за плечи, и гладила по спине.

— Потому что они бы не подошли по стилю к этой эпохе, — сказал Эд.

— Почему никто не сделал еще какие-нибудь пуленепробиваемые костюмы. Во всяком случае, вы могли бы надеть обычные бронежилеты!

— А где этот ваш марсианин? — вспомнил Леон.

— Не знаю. Невё вполне мог его убить. Но будем надеяться, что он выкарабкался из этой передраги.

— История вернулась на круги своя, — сообщила Эдит. — Вашингтон был президентом. Все, на первый взгляд, выглядит так же, как и было. Возможно, ему удалось остановить Невё.

Неожиданно в комнате материализовался Томас собственной персоной, чем привел всех в ужас. Он покачнулся на ногах, а потом рухнул на диван. Выглядел он не очень — лицо было в синяках и ссадинах, а ранее идеально уложенные черные волосы теперь торчали во все стороны.

— Ну и денек у меня был, — пробормотал капитан. — В отделении вас не было, поэтому я решил прийти сюда. У меня на корабле до сих пор лежит труп, поэтому буду признателен, если вы его заберете.

— Ты... — Эдвард задохнулся на полуслове. — Что, черт возьми, произошло?!

— Где Гюстав? — спросил Томас.

— В больнице с простреленным животом!

— Я не хотел, чтобы так вышло. Надеюсь, он поправится. Карла меня просто убьёт.

— Объяснишь ты или нет, что там случилось?

Томасу ничего не оставалось, как пересказать события этой непростой стычки и взять всю вину на себя. Эдвард хотел подскочить и наорать на тупого марсианина, но потом решил, что сам бы вряд ли справился лучше. Невё ждал, что за ним кто-то придет, поэтому устроил засаду.

— Я пытался за ним вернуться, но корабль меня не слушался. Я, наверное, был похож на муху, которая бьется в стекло. Вроде бы вот этот момент, практически перед носом — только подлети и схвати Невё. Но передо мной словно стояла какая-то преграда, которая не позволяла это сделать. Не знаю, в чем там было дело и что они сделали со временем, но попасть туда я не смог.

— А что, если это сделал... он, — зловещим шепотом предположил Леон.

— Кто «он»? — переспросила Эдит.

Впрочем, не одна она не поняла, о ком заговорил Леон.

— Человек, который руководит временем, — объяснил он. — Эдвард однажды с ним сталкивался.

— Какой прок ему от этого? — бросил Эд.

— Постойте, что?! — воскликнула Эдит. — Руководит временем? Это еще как?

— Он словно видит все, — принялся рассказывать Леон. — Он может переместить путешественника во времени туда, где он нужен. Он может, наоборот, не дать

путешественнику переместиться туда, где он не нужен, но хочет побывать. Наша сестра в молодости всегда путешествовала принудительно, и мы считаем, что это было дело рук этого человека.

— Это что, личный бог путешественников во времени? — усмехнулся Томас. — Я о таком раньше не слышал.

— Я, кажется, поняла, о ком идёт речь, — заключила Эдит, резко побледнев. — Моя мама рассказывала нечто подобное. Она сказала, что встречалась с этим человеком, но считала его просто сумасшедшим путешественником во времени.

— Ладно, — оборвал Эдвард. — Это не мог сделать он. Он не стал бы помогать Невё сбежать.

— Откуда ты знаешь? — возразил Леон. — Может, стал бы. Может, Невё должен был сбежать, чтобы наше будущее стало таким, каким оно должно стать.

Все замолчали, задумавшись над этим вопросом. Осознавать такие вещи было волнительно и пугающе. С одной стороны — наука давно находит подтверждение тем вещам, которые раньше казались невероятными, но с другой стороны — в мире все равно остаются невероятные вещи, объяснение которым наука найти еще не смогла. Существует ли судьба? бог? душа? жизнь после смерти? Вечные вопросы, на которые вечно пытаются найти ответы. Категорично отвечать на них не получается, потому что никто не знает, как там обстоит все на самом деле.

Бог путешественников во времени — может, прозвучало достаточно глупо. Но все же Томас был недалек от истины. Тот человек выступал чем-то вроде высшей силы и корректировал жизненные пути некоторых людей. Он знал все — будущее, прошлое, видел различные варианты развития событий — и иногда пытался что-то объяснить или что-то показать. Кем он был: более могущественным путешественником во времени или действительно высшей силой — об этом оставалось только гадать. Во всяком случае, нагнать страху он мог хорошо.

— Почему Невё и его друзья вообще выбрали этот период перед стычкой у Грейт-Медоуз? — решила отвлечь всех Эдит.

— Это можно считать началом франко-индейской войны, — глухо ответил Эдвард. — Первая битва. Карьера Вашингтона только начиналась. Нужно было только заменить его в самом начале пути и делать все то же, что делал он.

— Даже удивительно, действительно ли Камиллю удалось быть Вашингтоном? — спросила Жаклин, подключившись к разговору, чтобы отодвинуть невеселые мысли.

— Судя по тому, что я видел дома, — протянул Леон. — Совсем не получилось.

— Он и не стремился, — сказал Эд. — У него были другие цели. Путь до президентства он, может, прошел и похожий, причем наверняка не без помощи своих загадочных дружков. Но вот уже после он стал все перекраивать. И я уверен, что перекраивал он не своими мозгами. Он был лишь инструментом. За этим кто-то стоит. И этот кто-то наверняка прячется в нашем времени и ждет, когда все станет так, как ему хочется. За этим вполне может стоять Жан. А что, если в его реальности Вашингтон вовсе не был президентом? Что если какие-то путешественники во времени изменили мир так, что тот мир, который знаем мы, вовсе не оригинальный. Что если Жан хочет вернуть все так, как было? Тогда это получается, мы защищаем ложную историю? — Эдвард даже растерялся от таких мыслей.

— Давайте не будем о таком думать, — сказала Жаклин. — У нас есть эта история, и мы будем защищать ее.

— А что скажешь ты, парень из 41-го? — спросил Эдвард. — Когда Жана Лобера отправили из 2177 года, вся история изменилась? Она не должна была идти так, как идет?

— Не знаю, — ответил капитан. — Для меня ваша история, это моя история. Я ничего не знаю про Жана Лобера из 2177 года, потому что в нашей истории такого не было. Но чисто логически, да. Вся история изменилась, когда его отправили в прошлое.

— Она бы не изменилась настолько сильно, если бы Жан не нашел способ вернуться домой, — заметила Эдит. — Мы могли бы сейчас жить в совершенно другом мире.

— Нас бы не было вовсе, — сказал Леон. — Мы могли бы и не родиться.

— Да, и могли бы не построить машину времени, — подметил Томас.

— Точно, — сказал Эдвард. — Я построю машину времени... ну... судя по всему, совсем скоро...

— Что?! — воскликнул Леон. — Ты построишь машину времени?!

— Не ты, а твоя жена, — возразил Томас.

— Ну да. Мы с женой, которая станет лауреатом Нобелевской премии по компьютерным технологиям, построим машину времени. А это значит, что путешествия во времени будут возможны для людей в 21-ом веке. В истории Жана первый путешественник во времени появился в 2177. Значит, начиная с 14-го века нашей эры вся история Земли идет неправильно. И это... не очень хорошо. Да это просто ужасно!

— Надеюсь, ты не собрался это исправлять? — насторожился Томас. — Потому что тогда я стану твоим врагом. Я понимаю, что ты хочешь сделать все правильно. Но теперь правильно так. И мы будем защищать то, что у нас есть.

— Эдвард, он прав, — сказал Леон. — Мы тогда не родимся.

— Но тогда не родятся и Невё с Камилем, и прочие типы, которые пытаются захватить мир.

— То есть ты хочешь пожертвовать всеми нами? — спросила Эдит. — Ты нас убьешь.

— Мы не родимся.

— Но мы уже рождены! Если ты все это вздумаешь изменить, то ты нас убьешь. Даже не убьешь, а сотрешь из истории. Нас не будет существовать. Никто никогда не узнает, что мы когда-то были. Мы просто превратимся в... ничто. Я не хочу этого. Да никто не хочет.

— Я сказал тебе, Эдвард, что если ты думаешь обо всем этом на полном серьезе, то на твоём пути буду стоять я, — жестко сказал Томас, и это было совсем не похоже на того слегка легкомысленного марсианина, которого успел узнать Эд. — Поверь, тебе не стоит иметь во врагах такого человека, как я. В гневе я могу быть еще хуже, чем был сегодня ты.

— Ты мне угрожаешь?! — возмутился Эдвард.

— Я просто тебя предупредил. На моем месте ты бы поступил так же.

— На эту планету тебя вообще не звали! — вдруг вспыхнул Эд. — Ты приперся и начал гнуть пальцы, мол, какой ты продвинутый. Не приди ты, мы бы с Гюставом разделились, и, возможно, все закончилось бы нормально. Но ты пришел и все испоганил. Давай-ка выгружай тело в отделении и вали с этой планеты, пока мы сами тебя не вышвырнули.

Эдвард не орал, но говорил достаточно жестко. Томас поднялся на ноги и выглядел при этом задетым. Он не стал зубоскалить в ответ, возмущаться и вообще выглядел как ребёнок, которого отчитали взрослые. Эдварду стало совестно за свою вспышку, но виду подавать он не стал.

— Если информация об изменении истории дошла до моего века, значит, ничего у вас с Гюставом не получилось, — бесцветно сказал Томас. — Тело выгружу в море. И да, я знаю,

где он находится.

С такими словами капитан растворился в воздухе.

— Возможно, ты был слишком суров, — проговорила Жаклин. — Он ведь хотел помочь.

Эдвард это понимал. Но для одного дня неудач было катастрофически много и надо было на кого-то выплеснуть эмоции. Наверное, это был самый провальный день в его жизни. Но и противник, по словам Томаса, был куда сильнее, чем все те, с кем Эд сталкивался до этого, так что это тоже нужно было учитывать.

Через некоторое время позвонил доктор Триаль и сообщил, что с Гюставом все хорошо. Пару дней проваляется в больнице, но жить обязательно будет.

Хоть одна хорошая новость все же была.

Пока никто не видел, Леон украдкой зашёл в интернет. Несмотря на возвращенную историю, Элинор так и была мертва.

Брату об этом он говорить пока не стал.

НЬЮ-ЙОРК, 1889 ГОД

На протяжении нескольких недель Дэнни развлекался, перемещаясь в различные эпохи. Когда до него дошло, что он может перемещаться не только во времени, но и в пространстве, — а точнее и во времени, и в пространстве, — то стал путешествовать в другие страны.

Первым делом он посетил Париж времен Первой республики. Увиденное зрелище его ничуть не впечатлило: революция, террор, разные кровавые расправы, поэтому он поспешил оттуда убраться и, чтобы разбавить неприятный осадок, переместился в Арль 1888 года, где познакомился с Винсентом Ван Гогом. Этот художник обрел известность не так давно, и для Дэнни было диковинным, что при жизни его работы не нравились людям.

Ещё Дэнни путешествовал по средневековой Испании. Он побывал на коронации Изабеллы I Кастильской, потом переместился почти на тридцать лет вперёд и познакомился с Христофором Колумбом. По-испански Дэнни говорил не блестяще, но все же с Колумбом ему побеседовать удалось.

— Знаете, сеньор, вы чем-то напоминаете мне моего приятеля сеньора Эдуардо, который на днях повстречался мне вместе со своей женой прекрасной сеньорой Эльвирой. Вы, случайно, не родственники? — заметил Колумб за кружкой вина в захудалой таверне.

— Вряд ли, сеньор Колон*, — отозвался Дэнни. — Я англичанин. Родственников в Испании нет. Интересно, а чай здесь дают? Ну эту бурду пить просто невозможно!

— Что такое чай? — нахмурился Колумб.

Как оказалось, чай в Европу ещё не завезли. Англичанина из себя изобразить не удалось. Впрочем, вино и в правду было отвратным.

После Дэнни долго путешествовал по Англии и Франции и почему-то захотел поглядеть на Жанну Д'Арк. В итоге эта затея оказалась полным кошмаром, потому что шла Столетняя война, а войны в жизни Дэнни было и так уже слишком много.

В целом, он остался под большим впечатлением от своих путешествий и решил поделиться своими впечатлениями с другими. Конечно, он не был дураком и не стал рассказывать о путешествиях во времени всем подряд. Он решил написать исторические приключенческие рассказы, которые намеревался выслать Максвеллу Перкинсу.

Преыдущие рассказы он убрал обратно в ящик. Путешествия показали, что в них допущено множество фактических ошибок. Дэнни собрался написать новые и отправить в издательство уже качественную работу. Это могло бы благоприятно сказаться на его будущем. Вот только теперь Дэнни уже не так сильно задумывался о своём будущем. Теперь в его жизни оказалось поразительно много прошлого. И это начинало ему даже нравиться. Ему хотелось ещё столько всего повидать!

О работе в газете он, конечно, не забыл. Он продолжал работать как раньше, но теперь после работы часто отправлялся в прошлое. Это, однако, не означало, что он променял сон на путешествия. Дэнни открыл для себя интересную вещь — он мог вернуться в настоящее ровно в тот момент, когда его покидал.

Сегодняшнюю вылазку он спланировал в 1889 год. Нужно было удостовериться, получила ли Нелли Блай деньги, которые он выслал ей во время своего второго путешествия в 1889. Это путешествие было не очень примечательным, за исключением того, что Дэнни

удалось раздобыть приличную сумму, правда, не очень приличным способом. Деньги ему были нужны, чтобы вернуть долг и, может быть, устроить ужин в «Дельмонико» на двоих.

Дэнни разузнал, где жила Нелли Блай, и переместился на её улицу. Попал он практически точно — пришлось, конечно, подождать несколько минут, когда она вернётся с работы, но это было не так сложно. Когда знакомая фигура журналистки мелькнула в толпе, Дэнни кинулся ей навстречу.

— Мисс Кокрейн! — радостно воскликнул он.

— Мистер Готтфрид?! — удивленно ответила она, но после секундного смятения просияла. — Какой сюрприз!

— Я проходил мимо, и вот, вижу — знакомое лицо! Вы получили деньги, которые я вам отправил?

— Получила. Но, право, не стоило беспокоиться. Если бы вы отдали их лично, я бы не приняла.

— Потому я и не отдал их лично. Вы, я вижу, спешите домой?

— Не сказать, что очень спешу, но да.

— Я подумал, быть может... — начал Дэнни, но не успел произнести те слова, которые долго репетировал в своей голове, потому что на него неожиданно кто-то налетел с радостным возгласом:

— Дэнни!

Он был так потрясён, что сначала даже не понял, что произошло. Потом до него дошло, что у него на шее висит какая-то сумасшедшая девушка в темно-синем платье и огромной шляпе с пышными перьями.

— Простите, черт возьми, — проговорил Дэнни, отплевываясь от перьев, которые залезли ему в рот. — Но какого черта?!

Он отцепил от себя девушку и заглянул ей в лицо. Молодая, может, лет двадцати, с темными волосами и бледной кожей. Она глядела на него и лучезарно улыбалась, отчего на её щеках появились ямочки. Красивая, но... абсолютно не знакомая!

— Я тоже рада тебя видеть, черт возьми. — Она шутливо толкнула его в плечо.

— Кто вы такая?!

— Ты что, шутишь? — Тут её улыбка мигом погасла. — Скажи, что ты шутишь.

— Я похож на шутника? — нахмурился Дэнни.

— Но как же... — растерянно проговорила девушка и сделала маленький шагок назад.

— Мне очень неловко прерывать этот душещипательный момент, — встряла Нелли и немного покраснела, оправдывая своё прозвище — Пинк. — Но вы всех своих бывших дам не помните?

— Что?! Она?.. Да как вы... Да с чего вы взяли?! — возмутился Дэнни.

— Ну, судя по тому, как эта дама вас приветствовала и как обращалась к вам по имени, вы были достаточно близки.

— Но это не так, — пустился он в объяснения. — Я впервые вижу эту девушку!

— Как скажете, мистер Готтфрид. А сейчас, если позволите, я очень спешу домой.

— Нет!

— Думаю, вам надо кое с чем разобраться. Прощайте. — Нелли нервно улыбнулась и, резко развернувшись на каблуках, последовала в сторону своего дома.

Она выглядела так, будто ее предали. Не то, чтобы Дэнни собирался строить с ней какие-то отношения, но все-таки хотел разузнать о ней больше и, может быть, даже

подружиться. Неловкая сцена с этой незнакомкой сбила все планы. Вряд ли Нелли теперь так легко пойдет на контакт. Дэнни не знал, что ему теперь делать: бежать за Нелли и пытаться ей все объяснить или пообщаться с незнакомкой в синем платье и узнать, откуда она его знает. Так он метался из стороны в сторону до того момента, пока Нелли не скрылась из виду, оставив ему только один вариант.

— Да что же это такое?! — воскликнул Дэнни, обратившись к девушке. — Я собирался пригласить Нелли Блай на ужин!

— Невелика потеря, — хмуро ответила та.

— Кто вы такая?

— Меня зовут Айла Вукчич, — представилась она.

— Мисс Вчук... Вучк...

— Ох, американцы. — Она закатила глаза.

— Вы из Хорватии? — почему-то решил Дэнни. Наверное, это из-за того, что они с мамой недавно были в Загребе.

— Из Англии, вообще-то. Отец с Балкан.

— Я Дэнни Готтфрид.

— Я знаю, — вздохнула Айла.

— Так откуда вы меня знаете? — спросил Дэнни.

— У нас с вами были захватывающие приключения в Лондоне. Вообще-то, не такие захватывающие, скорее — ужасающие. И, вернее, не были, а будут.

— Понятно, — ответил Дэнни. — Я с вами ещё не познакомился.

— Почему? Вот только что и познакомились. Теперь ясно, откуда вы знали моё имя.

— Лондон, значит? — переспросил Дэнни. Теперь эта ситуация стала казаться ему любопытной. — Когда?

— Не скажу. Я лишь скажу, что в первую нашу встречу вы спасли мне жизнь.

— Айла Вукчич, — проговорил Дэнни, в этот раз он смог произнести её фамилию правильно. Он попытался вспомнить что-нибудь об этой девушке из мировой истории, но понял, что впервые слышит ее имя. — У вас кольцо! — вдруг воскликнул он, указав на её руку.

— Да, — замямвшись, ответила Айла.

— Вы замужем! О боже, надеюсь, не за мной?..

— Если вам это кажется настолько ужасным, то я вас успокою — нет. Вы не мой муж. Я леди Хант. Лорд Ричард Хант — мой муж.

— Леди? Не очень-то вы похожи на леди.

— Приличные люди дамам такое не говорят, — заметила Айла.

— Ну, а я не очень приличный.

— С этим я, пожалуй, соглашусь. — Айла сложила руки на груди и хмыкнула. — К тому же, я в Америке, черт возьми. И леди я стала совсем недавно. Ещё не поняла, что тут к чему.

— А насколько мы были с вами... близки? — поинтересовался Дэнни.

— Я... не могу ответить на этот вопрос.

— Да ладно, расскажите, — протянул Дэнни. — Я ведь потом это все равно узнаю.

— Долго рассказывать.

— Я собирался провести тут довольно много времени, так что не тороплюсь.

— Не подходящее место, — отнекивалась Айла.

Дэнни не собирался сдаваться:

— Так давайте найдем подходящее.

— Я остановилась в отеле. Можем отправиться в ресторан, — вдруг предложила она.

— Если ваш муж будет не против, что я ужинаю с вами...

— Мой муж в Лондоне.

— Вы путешествуете одна?! — изумился Дэнни. — В викторианскую эпоху*?!

— Со мной служанка, — понуро ответила Айла. — Да и если бы я была одна, то что с того?

— Но это же... викторианская эпоха. Занятно. Впрочем, ладно. Идём в ресторан.

Айла проводила Дэнни к дверям отеля, в котором она остановилась. Это было шикарное здание, буквально кричащее о своем богатстве. Дэнни еще не доводилось бывать в таких местах. Его семья зарабатывала прилично, но они все равно не смогли бы снять номер в подобном месте. Это был отель для иной прослойки общества. И, судя по всему, леди Хант как раз в нее входила.

Вестибюль был украшен, как королевский дворец — лепнина под потолком, хрустальные многоярусные люстры, обтянутые шелком диванчики, картины в резных рамах, гобелены, раскидистые растения и много-много золотого цвета. От всего этого у Дэнни закружилась голова.

— Нам сюда. — Айла указала рукой в сторону белоснежных дверей, у которых стоял метрдотель и приветствовал гостей учтивыми кивками.

Айла проплыла по залу и остановилась около шикарного столика у окна. Дэнни проследовал за ней и, как подобает джентльмену, пододвинул для неё стул. Они уселись, и Дэнни тревожно огляделся. Когда он собирался пригласить Нелли Блай на ужин, то был готов к тому, что придётся потратить много денег в «Дельмонико». В этом же месте Дэнни не был уверен, что сможет заплатить хотя бы за себя.

Официант подал меню, и Айла, словно нарочно, скрылась за его кожаной обложкой.

— Так откуда вы меня знаете? — спросил Дэнни, привлекая к себе ее внимание.

— Я же говорила, что мы с вами познакомились в Лондоне, — бросила та, мельком взглянув на него поверх меню.

— А поподробнее?

— Не могу сказать.

— Почему?

— Давайте лучше поговорим о вас, — перевела тему Айла. — Какими судьбами вы в этом году? Мне очень интересно.

— Пришел к Нелли Блай.

Дэнни показалось, что Айле эта новость не очень понравилась.

— И чем вас привлекла эта Нелли Блай? — с недовольством спросила она.

— Хотел поговорить с ней о журналистике и тому подобном.

— Ну, конечно. — Айла едва заметно закатила глаза.

— У вас странная привычка закатывать глаза.

— А у вас странная привычка говорить то, что джентльмен не должен говорить даме, — парировала девушка.

— Мне представляется, что вас беспокоит тот факт, что я хотел пригласить мисс Блай на ужин.

Айла сделала безразличное лицо.

— Мне все равно.

— А выглядит так, точно нет.

— Чего вы добиваетесь, мистер Готтфрид? — резко спросила она.

— Хочу понять, в каких мы с вами отношениях.

Айла не ответила и погрузилась в чтение меню. Дэнни внимательно её разглядывал и неожиданно понял, что своими дерзкими выходками ее немного расстроил. Но если она действительно знала его, то, приглашая в ресторан, должна была учесть, что Дэнни сделает все возможное, чтобы найти ответы на интересующие его вопросы. Он же всё-таки репортёр.

Подошёл официант. Айла что-то заказала, но Дэнни даже не услышал, что именно. Он продолжал разглядывать её, погруженный в свои мысли. Когда пришла его очередь, он буркнул:

— Мне то же самое.

Далее они погрузились в молчание. Айла уж как-то сильно ушла в свои мысли, и Дэнни стало немного некомфортно. Он никак не мог разгадать, что вертится в голове у этой девушки, кто она такая и как они будут связаны. Ясно было одно: их жизненные дороги сплелись таким образом, что встречи перепутались и потеряли хронологическую последовательность.

— Что ж, — заговорила Айла, решив разрушить тишину. — Какие у вас сейчас планы? Спасение Линкольна?

— Чего? — не понял Дэнни.

— Ну, вы же вроде как преследуете благородную цель — исправление катастроф прошлого.

— Исправление катастроф прошлого? — чуть слышно повторил Дэнни.

Фраза шокировала. Вернее, сбивала мир с привычной оси и закружила его по-новому. Дэнни по-другому взглянул на путешествия во времени. Чем он вообще занимался все эти недели? Путешествовал по прошлому и бессмысленно подвергал свою жизнь опасности. А вместо этого он мог сделать что-то полезное. У него есть такой потрясающий дар, и как он его использовал?! А что, если этот дар возник не просто так?! Что, если он должен использовать его во благо?

Предотвращение катастроф прошлого. Звучит очень... сложно. Но действительно благородно.

Дэнни вспомнил, как во время поездки в Вашингтон у него возникло видение с Линкольном. Шестнадцатый президент вошёл в театр «Форда», даже не подозревая, что там ему суждено умереть. Дэнни тогда почувствовал волну холодного ужаса, только представив, какой кошмар творился в этом театре. Президента ведь застрелили на глазах у всех!

— Я что, спас Линкольна? — едва слышно спросил Дэнни.

Если такое возможно, то он должен это сделать.

Хотя почему «если»? — спросил он себя. — Я действительно могу это сделать.

— Не знаю. Его, вроде, застрелил какой-то тип, который был в сговоре с тем актером, Бутом. Но вы же и хотели это изменить.

— Его же застрелил сам Бут, — поправил Дэнни.

— Да? — переспросила Айла. — Я плохо знаю подробности.

— Вы считаете, что я должен его спасти?

— Вы сами мне об этом рассказывали. Различные катастрофы, теракты, убийства — вы это исправляете. Разве нет?

— Ещё нет. Но идея... мне нравится, — ответил Дэнни.

— И что же получается, это я вас надоумила? Какой-то замкнутый круг выходит.

— Выходит, — ответил Дэнни, не особо вдумываясь в её слова.

А слова Айлы оказались в высшей степени правдивыми.

Больше они не обсуждали ничего провокационного. Когда принесли заказ, они принялись обсуждать кухню. Потом переключились на Нью-Йорк и неожиданным образом заговорили о Всемирной выставке, которая проходила в Париже.

— Через три дня я отплываю в Париж, где меня будет ждать муж. Он обещал показать мне выставку, — поделилась Айла.

— Выставка замечательная, — заметил Дэнни.

— Вы там бывали?

— Нет. Но я читал.

— Там возвели странную трёхсотметровую арку из металла. Ее должны будут разобрать через двадцать лет. Половина Парижа ждёт не дожждётся, когда это случится. Хочется поглядеть, из-за чего весь сыр-бор.

Дэнни хмыкнул:

— Что ж, эта половина Парижа ничего не дожждётся — Эйфелеву башню не разберут.

— Мне так нравится, когда вы говорите что-то о будущем.

— Я говорю такое часто?

— Бывает. Может, даже не осознаете, но говорите.

— Наверное, я много выболтал.

— Наверное. — Айла улыбнулась.

— Спойлеры.

— Ч... что? — растерялась она.

— Не знаю. Слово всплыло. — Дэнни даже сам не понял, что сказал.

Айла пожала плечами, а потом перевала тему:

— Вы как, надолго сюда заглянули? Или только ради ужина с Нелли Блай?

— Я хотел решить это, исходя из обстоятельств, — сказал Дэнни.

— И каковы обстоятельства?

— Таковы, что вынуждают меня на какое-то время тут задержаться.

— Хотите сделать ещё одну попытку пригласить Нелли Блай?

— Оставим Нелли Блай. Я знаю её историю. И меня в ней нет, — устало ответил он.

Айла растянула губы в улыбке. Новость ее явно обрадовала. Дэнни решил, что она подумала, что те обстоятельства, которые вынуждают его задержаться, связаны с ней. И это была правда. Дэнни сам не понимал отчего, но чем дольше он находился в обществе Айлы, тем меньше ему хотелось ее оставлять.

После ужина он вдруг предложил:

— Леди Хант, не желаете ли вы прогуляться по городу?

— Зовите меня просто Айла, — попросила она. — И да, желаю.

Они покинули здание отеля и стали бродить по улицам города. Было уже поздно. Небо потемнело, и город вскоре должен был погрузиться во мрак. На прогулку у них было не так много времени, и Дэнни это расстроило.

— Ваш муж... эээ хороший человек? — вдруг спросил Дэнни.

Факт существования этого мужа, да ещё и лорда, его очень напрягал.

— Вроде, да. Не знаю. Его нашли родители. Но я не хотела за него замуж. Я в принципе не хотела замуж... Это... только потому, что он граф, а у нас много денег. Это было выгодно

для наших семей.

— Значит, вы его не любите?

— Я видела его лишь несколько раз, так что не знаю. В свадебное путешествие я поехала со служанкой. Вторым городом в нашем путешествии будет Париж. Если он не сможет приехать и туда, то я просто не знаю, что сделаю. Хотя, — Айла горько хмыкнула, — что я могу сделать?

— Мне жаль, что у вас все сложилось таким образом, — сочувственно сказал Дэнни.

— Я все равно никогда не смогла бы быть с тем человеком, которого люблю.

— А с ним что? — как-то резко спросил он.

— Он живёт в другой стране.

— У вас не жизнь, а сюжет для романа, — изрёк Дэнни, уколотый ревностью.

А потом подумал, какого черта он вообще творит? Айла, конечно, красивая, но она замужем и у неё своих сердечных проблем хватает. И вообще, он пришёл сюда к Нелли Блай, а не к ней.

Но она сама ведь сказала что-то насчёт того, что они в будущем будут часто пересекаться. Понятное дело, что он заинтересовался.

А что, если этот человек из другой страны — это я?.. — нескромно подумал Дэнни.

Как бы там ни было, спрашивать напрямую было некрасиво. Но Дэнни все равно намеревался это выяснить. Айла отплывет в Париж через три дня. Почему бы ему не задержаться в Нью-Йорке 1889 года на три дня?

Дэнни в самом деле решил остаться. Во всяком случае, ему уже приходилось проводить в прошлом несколько дней, так что это не было для него проблематично. Он поселился в том же отеле, в котором жила Айла, только этажом ниже — там было дешевле, хотя и ненамного. Дэнни пришлось провернуть ещё одну аферу, чтобы раздобыть денег. Хотя аферой это назвать было сложно. Это была кража. Дэнни ограбил банк. И уже во второй раз.

Ну я же не много взял, — утешал он себя. — Больше так не буду.

На следующий день Дэнни снова пригласил Айлу на прогулку. Они изучали Нью-Йорк, ходили по магазинам, ели в шикарных ресторанах (развлечения, сам того не подозревая, оплачивал муж Айлы), а также иногда посещали Центральный парк.

Дэнни часто возвращался мыслями к Линкольну. Он действительно мог его спасти. Вроде, это хорошая идея спасти жизнь человеку, который освободил американских рабов. Дэнни решил, что по возвращении домой обязательно обдумает его спасение. К тому же если Айла, которая знает его будущее, говорит о том, что он будет исправлять трагедии прошлого, значит, так это и должно быть.

— А что полезного я сделал ещё? — спросил Дэнни, когда они ехали в экипаже по улицам города. — В смысле, сделаю. Спасение Линкольна — это же не единственная моя миссия, как я понимаю.

— Я не должна говорить.

— Но почему?

— Ты сам должен ко всему прийти. Я не хочу сейчас менять твоё будущее.

— Если бы ты мне не сказала о Линкольне, я бы сам вряд ли додумался, — справедливо заметил Дэнни.

— Думаю, мне предначертано было это сказать. Все должно происходить... само собой. Не думаю, что рассказывать намеренно о твоём будущем — это само собой.

— Ну хотя бы капелюшечку? — попросил Дэнни.

— Нет, — категорично ответила Айла.

— Ну пожалуйста.

— Ещё чего.

— И тебя никак не переубедить?

— Никак.

Дэнни повернулся к окну, приподнял толстую бархатную штору и задумался. Он с детства любил смотреть в окна — будь это дом, кэб, машина или лайнер. Такую любовь к окнам объяснить было сложно. Наверное, Дэнни просто нравилось наблюдать за миром через стекло, будто бы он смотрел за глупыми рыбами, плещущимися в аквариуме.

— Если ты на меня обижаешься, — заговорила Айла, когда заметила, что Дэнни непривычно притих, — то это не сработает. Я все равно тебе ничего не расскажу.

— Я не обижаюсь, — заверил Дэнни. — Я размышляю, как тебя разговорить.

— У тебя все равно ничего не получится.

— А ты умеешь вселить надежду.

Они были где-то в Гарлеме. В этом веке Гарлем был ещё вполне уважаемым районом с многочисленными многоэтажными домами. Дэнни рассматривал кафешки, которые попадались им на пути, и неожиданно заметил небольшую афишу на двери одной из них. Он прочитал, что на ней написано, и вдруг закричал:

— Остановите здесь! Остановите немедленно!

Кучер резко затормозил. Дэнни схватил Айлу за руку и выволок её из кабины, потащив к дверям кафе.

— Что такое?! — удивилась Айла.

— Сейчас я тебе кое-что покажу. Точнее кое-кого. Ну обалдеть можно! —

Он захлебывался восторгом, не в силах держать себя в руках.

Айла была сбита с толку, но Дэнни не стал ничего объяснять. Просто распахнул двери и провёл девушку внутрь помещения. Они уселись за деревянный столик недалеко от сцены, на которой уже стоял пятнадцатилетний паренёк и показывал фокусы с картами.

— Дэнни, я не понимаю, что мы тут делаем, — проговорила Айла, с непониманием оглядываясь по сторонам.

— Я предлагаю тебе заглянуть в будущее, — загадочно проговорил он. — Будешь потом об этом вспоминать. Уверяю тебя, ты будешь в шоке!

— А что для этого нужно сделать? — поинтересовалась она.

— Просто смотри на сцену.

Мальчик, стоящий на сцене, ловко орудовал картами. Некоторые посетители заинтересованно за ним наблюдали. Другие же, наоборот, сидели со скучающим видом и, очевидно, ждали, когда уже будет играть музыка, чтобы пуститься танцевать.

Паренёк был невысоким, с темными пушистыми волосами и хорошо сложенной фигурой. Он недурно показывал фокусы, заставляя заинтересованную публику дивиться и теряться в догадках — магия это или всего-навсего ловкость рук.

— Кто он? — полюбопытствовала Айла.

— Его зовут Эрик Вайс, — изрёк Дэнни. — Но вскоре ты услышишь о нем как о Гарри Гудини, великом фокуснике и иллюзионисте. Мы с ним знакомы. Я как-то брал у него интервью, но это было ещё перед войной.

— Войной?

— Ах да, Великая война, как ее называют, — Дэнни покачал головой и решил не останавливаться на этой теме. — Ну вот, я брал у него интервью для школьной газеты. Он фокусник, а сейчас разоблачает спиритуалистов, чем изрядно потрепал нервы публике.

— Интересно. Как, говоришь, его зовут? Великий Гудини?

— Я так не говорил, но да, именно так его и будут звать.

— Надо запомнить.

— Только тише. Не пали контору.

— Чего? — нахмурилась Айла.

— В смысле я тебе этого не говорил.

— Иногда ты выражаешься очень необычно.

— Ну, я же из будущего. — Дэнни пожал плечами.

А сам призадумался, откуда в его голове вообще берутся все эти странные словечки.

Дэнни провёл с Айлой три дня. Каждый день они выдумывали что-то интересное и отправлялись исследовать Нью-Йорк. Это было увлекательно для них обоих. Для Айлы — потому что она была тут впервые. Для Дэнни — потому что Нью-Йорк 1889 года сильно отличался от Нью-Йорка 1923 года.

Однако время шло быстро и час отъезда Айлы неумолимо приближался. Дэнни решил проводить её на пароход. Они ехали в экипаже и молчали. Это была, наверное, самая тяжелая тишина, которая когда-либо между ними возникала — обычно они болтали так, что заставить их умолкнуть было практически невозможно.

Они вышли на пристани в Нью-йоркской бухте. Вдалеке виднелся островок и возведённая на нем Статуя свободы — подарок Франции ко Всемирной выставке и столетию американской революции.

Гюстав Эйфель, чьё имя носит Эйфелева башня в Париже, проектировал каркас для американской статуи. Работы затянулись, и к столетию статуя не успела. На Всемирной выставке в Филадельфии в 1876 году была представлена только рука с зажатым в ней факелом, однако и этого хватило, чтобы произвести впечатление на публику. Статуя была завершена в 1884 году, а привезена в Нью-Йорк в 1885. Но пьедестала для ее возведения не было, что задержало ее установку ещё на год. Джозеф Пулитцер выступил с призывом в газете «Уорлд» поддержать сбор средств, и только в 1886 году Статуя свободы заняла своё место в Нью-йоркской бухте.

Светло-зелёная, она возвышается над водой и всем своим видом олицетворяет свободу. Семь лучей на короне символизируют семь морей и семь континентов. Правая рука поднята к небу и сжимает факел. Левая прижимает к груди табличку с надписью «JULY IV MDCCLXXVI», что означает «4 июля 1776 года» — дату принятия Декларации независимости.

Дэнни не бывал на открытии статуи, да и мыслей у него таких ещё не возникало. Зато он много раз поднимался на смотровую площадку в короне и, будучи ещё ребёнком, на вершину факела. Из-за теракта, произошедшего во время войны, факел закрыли для посетителей, так что теперь подняться туда невозможно. Если ты, конечно, не можешь попасть на него иным образом — например, с помощью перемещения в пространстве.

Оказавшись в бухте, Дэнни вдруг вспомнил свои приключения, связанные с этим местом. Прежде всего это многочисленные поездки на трансатлантических лайнерах, в числе которых и самая первая, когда они с мамой впервые причалили к берегам другого

континента. А ещё не очень удачная — но все же интересная — репортерская миссия, возложенная на него руководством газеты.

В 1921 году ему нужно было фотографировать приезд одной известной французской ученой. Это была Мария Склодовская-Кюри. Дэнни знал о достижениях этой женщины и искренне ей восхищался. Она открыла два новых химических элемента — радий и полоний. Что самое интересное, полоний она назвала в честь своей родины — Польши. Мари Кюри стала первой женщиной, которая получила Нобелевскую премию. Более того, она была первой, кто получил ее дважды. Первую премию по физике она получила совместно со своим мужем, Пьером Кюри, и их другом, Анри Беккерелем, а вторую — по химии и уже полностью лично.

Одна американская журналистка, Мэри Мэлони, которая взяла себе псевдоним Мисси, договорилась с мадам Кюри о её визите в Америку для чтения лекций. Мари согласилась. Она нуждалась в радиии для своих экспериментов, который стоил очень дорого, а Мисси пообещала ей помочь собрать деньги.

Мари прибыла в Америку на борту парохода «Олимпик». На пристани ее ждало множество людей — польские патриоты, медики, студенты, а также фоторепортеры и кинооператоры, которые стояли у самого трапа. Оркестр играл «Марсельезу», Польский национальный гимн и «Знамя, усыпанное звёздами».

Мари пришла в ужас от такого скопления народа и сказала, что не спустится, пока репортеры не уйдут. Дэнни пытался её сфотографировать, но из-за скопища народа протиснуться было сложно. Фотографии получились размытыми, и за это он потом получил нагоняй от своего босса, старикана Томпсона. Мисси повезло больше, поскольку эта поездка произошла благодаря ей, она находилась рядом с мадам Кюри и даже сфотографировалась вместе с ней и её дочерьми.

Ох уж эта Мисси, — подумал тогда Дэнни, впервые ощутив дух конкуренции.

Впрочем, надо было отдать должное этой журналистке. Она помогла Мари Кюри получить радий, который на торжественной церемонии ей вручил сам президент Гардинг.

Хоть фотографии и получились неудачными, статью Дэнни написал приемлемую. Надо заметить, что это был один из первых его репортажей, во многом определивший дальнейшую судьбу в газете.

Сейчас, стоя на пристани почти тридцать пять лет назад, Дэнни ощутил какое-то смятение. Трудно было поверить, что Мари Кюри ещё не бывала в этой бухте. Она еще даже не получила свои Нобелевские премии. Она сейчас работала домашней учительницей в Варшаве и даже не подозревала, какой великой ей суждено стать.

Как же сильно все может измениться за какие-то тридцать с хвостиком лет, — подумал Дэнни. — Как же сильно за такой короткий промежуток времени может измениться мир.

Он решил отгородиться от воспоминаний и размышлений, обратив все своё внимание на Айлу. Она с грустью глядела на горизонт, лишь бы не смотреть на черно-белую махину парохода, стоящую у самого берега. Дэнни самому было очень грустно. За эти дни он успел сблизиться с Айлой, причём так, что теперь казалось, будто они знакомы целую жизнь.

— Я буду скучать, — призналась Айла, и Дэнни заметил в её глазах слезы.

Возможно, вот оно, то самое подтверждение, ради которого он решил остаться в этом времени на три дня.

— Мы с тобой ещё увидимся? — спросил он.

— Ты — да. А я... думаю, для меня это последняя встреча.

— Но... я же могу путешествовать во времени. Я могу прийти хоть когда.

Айла покачала головой.

— В последний раз, когда я тебя видела, ты сказал, что мы вряд ли с тобой снова увидимся.

— Но мы же увиделись. Вот сейчас.

— Думаю, это исключение. Ты ясно дал понять, что наш год — 1888.

— Так странно, что для меня это первая встреча, а для тебя последняя. Это... нечестно. Но я постараюсь что-нибудь с этим сделать. И, Айла... — Он осекся, заметив, что она не смогла сдержать слез, которые покатались крупными бусинами по её щекам.

Наверное, между ними действительно было (будет) что-то серьезное.

Все-таки не зря он решил здесь остаться. Это было важно прежде всего для неё.

Дэнни решил не болтать всякую ерунду и просто поцеловал ее.

Для него это был первый поцелуй, для неё — последний.

Она знала его хорошо, он ее — ещё не очень.

Она была замужней женщиной. И... о господи мама бы его за такое убила!

Но мама об этом не узнает.

— Дэнни, — проговорила Айла, когда он от неё отстранился. — Если я тебя больше не увижу, я хочу кое-что знать.

— Что?

— Твоё полное имя.

Дэнни устремил невидящий взгляд сквозь неё. Просьба была неожиданной. Своё полное имя он не любил. Оно казалось ему странным и несовременными. Он всегда был Дэнни. Просто Дэнни.

— Я им не пользуюсь.

— Но все равно скажи.

— Для тебя это важно?

— Да!

— Ну хорошо, — вздохнул Дэнни. — Только не смейся. Демосфен. Меня зовут Демосфен. Это древнегреческий оратор. Мама у меня с причудами. Но даже она уже не зовёт меня полным именем. Дэнни было уменьшительным, но теперь стало полноценным именем.

— Очень любопытно. Я всегда гадала, какое же у тебя полное имя.

— Надеюсь, этот факт не изменит твоё мнение обо мне, каким бы оно сейчас ни было.

— Ох, нет, Дэнни. Конечно же, нет. Ничто не изменит моё мнение о тебе. Абсолютно ничто. — Последнюю фразу она нарочно подчеркнула, словно за ней крылось больше, чем было произнесено вслух.

* На испанском языке имя Христофора Колумба произносится как Кристобаль Колон.

* В Викторианскую эпоху девушкам и женщинам запрещалось путешествовать без сопровождения.

НЬЮ-ЙОРК, 1923 ГОД

У Дэнни был выходной, и он решил посвятить его составлению плана по спасению Линкольна. Он заключил, что ничего сложного в этом нет. Нужно переместиться в тот самый день (14 апреля 1865 года) к знаменитому театру Форда и перехватить Бута до того, как он совершит убийство.

Дэнни мог перемещаться в любое место и время. Стоило ему только подумать о какой-

нибудь эпохе или каком-нибудь историческом событии — и картинка сама появлялась перед его взором. Спустя мгновение он сам становился частью этой картинки, будто бы проходил сквозь завесу, разделяющую эпохи. Путешествия во времени проходили легко и безболезненно, так что неудивительно, что Дэнни активно ими злоупотреблял. Перемещаться в пространстве было и того легче. Дэнни мог попасть в абсолютно любые уголки мира, только о них подумав.

После путешествия в 1889 год и знакомства с Айлой на душе было тоскливо, и Дэнни решил переместиться в закрытый для посетителей факел статуи Свободы. Небо было серое, вода тоже. Остров Манхэттен скрывался за пеленой легко тумана. Ветер дул с невообразимой мощью, но Дэнни стоял, облокотившись о перила, и даже не боялся сорваться вниз. Концы оранжевого шарфа болтались за спиной, а полы чёрного пальто разлетались в разные стороны, словно крылья. Дэнни был похож на темного ангела, взирающего с высоты на людской мир.

Возможно, он действительно был ангелом, который должен направить свой дар в правильное русло.

Вот только Дэнни не очень-то верил в ангелов, демонов или в потусторонние силы. Медиумов, которые якобы общаются с духами, он считал шарлатанами. Мистер Гудини показал, что фокусы — это ловкость, сила и упорная работа над собой, а вовсе не магия. Тогда что такое эти путешествия во времени? С этим ещё предстояло разобраться.

Как бы там ни было, дар он все же мог кое-куда применить. Однако в голове ещё были сомнения по поводу Линкольна. Спасти его было проще простого, но стоило ли это делать? Наверное, стоило. Процесс интеграции чернокожих в американское общество не был завершён. Да, они получили независимость, перестали быть рабами, но все же это не означало, что они обрели полную свободу. Линкольн мог ещё многое сделать. Стоит хотя бы попытаться его спасти.

— Как продвигаются дела с рассказами? — поинтересовалась мама за ужином.

— Я ещё не написал, — отозвался Дэнни. В последнее время он много путешествовал, собирая информацию, но приступить к чему-то серьёзному ещё не успел.

— Уже полгода с ними занимаешься. Мог бы пока отправить старое.

— Не хочу старое. Хочу отправить что-то хорошее. А хорошее у меня пока не готово, — упрямо проговорил он. — Мама, а что, если я могу сделать кое-что, что может измерить мир? — вдруг перевёл он тему.

— Уверена, что у тебя это получится.

— Нет, ты не поняла. Я действительно могу сделать кое-что, что может изменить мир, вот только в лучшую или худшую сторону — это не известно. Хотя я на девяносто процентов уверен, что в лучшую. Остальные же десять процентов говорят, что мир просто станет другим. Не лучше и не хуже, а просто другим. И вот. Стоит ли мне это делать?

— А что именно ты хочешь сделать?

Изменить прошлое, — ответил он про себя. Но вслух сказать это он, конечно, не мог.

— Пока не важно, что именно. Важно, что я могу это сделать. Но стоит ли?

— Если ты думаешь, что то, что ты хочешь сделать, может улучшить этот мир, то отчего бы не попробовать?

Когда он услышал подтверждение своего решения из уст матери, то окончательно во всем убедился.

Он спасёт Линкольна.

ВАШИНГТОН, 1865 ГОД

Дэнни пожелал появиться в Вашингтоне 14 апреля 1865 года и, словно по мановению волшебной палочки, распался на атомы и материализовался рядом с театром Форда в этот роковой день. Спектакль уже начался, но до самого убийства было ещё много времени, поэтому Дэнни решил побродить по окрестностям. О передвижениях Бута в этот день он практически ничего не знал, так что перехватить его прямо сейчас не сумел бы.

Наверное, стоило все же поподробнее изучить этот момент, — пронеслось в его голове.

С уроков истории Дэнни запомнил лишь то, что перед тем, как застрелить Линкольна, Бут наведился в «Стар Салун» Талтавула, который находился неподалёку от театра.

Вот там-то я его и найду, — решил Дэнни.

Он долго ходил по городу, рассматривая здания и улицы, будто сошедшие с иллюстраций учебника по истории. Вашингтон уже окутала темнота, поэтому что-то увидеть было непросто. Однако Дэнни был в восторге и от того, что смог разглядеть. После прогулки он вернулся к театру Форда. Здание театра было довольно угрюмым, а в наступившей темноте и вовсе производило какое-то удручающее впечатление. Хотя, возможно, такое впечатление оно производило лишь потому, что Дэнни знал, что там убьют одного из выдающихся людей в истории.

— Нет, — оборвал он сам себя. — Сегодня никого не убьют.

С такими мыслями Дэнни решительно направился в «Стар Салун». За деревянной стойкой стоял тучный мужчина с густой бородой и наливал напитки — видимо, это был сам Питер Талтавул, хозяин заведения. Дэнни подобрался к нему и для приличия заказал немного выпить. Со стаканом в руке он занял удобную наблюдательную позицию и принялся ждать.

Было почти десять вечера, когда к стойке подошёл кучерявый человек с усами и заказал виски и немного воды. Дэнни узнал его сразу же. Это был Джон Уилкс Бут собственной персоной. Не узнать его было трудно, потому что он имел достаточно запоминающуюся внешность. У него было овальное лицо и широкий чуть выпирающий подбородок. Глаза светились каким-то злорадным блеском. Усы изгибались подковой и наполовину скрывали рот, который, Дэнни был уверен, кривился в усмешке. Вот он, убийца Линкольна. Стоит себе как ни в чем не бывало, прокручивает в голове злые мысли, и никто даже не догадывается, чем по его вине обернётся сегодняшней вечер.

— Давно вас не видели на сцене, мистер Бут, — заметил Талтавул, наливая ему напиток. — Так о вас могут и позабыть.

— И все же, — вмешался стоявший рядом мужчина, словно его мнением кто-то интересовался. — Тебе никогда не стать таким же выдающимся актером, каким был твой отец.

Бут осушил стакан одним глотком и усмехнулся, отчего его усы странно дрогнули. Дэнни никогда не понимал моду на усы и считал, что они только мешают — наверняка половина еды остаётся в них!

— Когда я уйду со сцены, то буду самым знаменитым человеком в Америке! — изрек Бут в ответ.

Его собеседники лишь переглянулись и пожали плечами. Разумеется, они не поняли,

что он имел в виду. Дэнни, который стоял в нескольких шагах от Бута и слышал каждое его слово, был единственным человеком — кроме самого Бута, конечно, — кто понял смысл этой фразы.

Вот ублюдок, — со злостью подумал Дэнни.

Джон Уилкс Бут происходил из известной актерской семьи. Его отец был актером, а старший брат, Эдвин, игравший в шекспировских пьесах, вовсе считался величайшим Гамлетом XIX столетия. Джон пошёл по стопам родственников и тоже стал актером, причём довольно неплохим.

Однако, наверное, о нем вряд ли бы кто-то помнил, если бы он был только актером.

Во времена Гражданской войны Бут был тайным агентом Конфедеративных Штатов Америки и поставлял им контрабандные медикаменты. Он был ярким сторонником Юга и ненавидел Линкольна, потому что тот выступал за отмену рабства, которое было основой экономики южных штатов. Долгое время Бут вместе с другими заговорщиками планировал похищение Линкольна, считая, что это нанесёт удар Северу. Но план с похищением не увенчался успехом. Гражданская война подходила к концу, и Конфедерации оставалось существовать недолго. Нужно было действовать решительно, и вместо того, чтобы похитить Линкольна, Бут вздумал его убить. И не только его. У него был целый план по обезглавливанию правительства США. В этот же день должны были быть убиты ещё три влиятельных человека: госсекретарь Сьюард, вице-президент Джонсон и генерал Грант. Однако остальные заговорщики не справились с возложенной на них миссией, и из четырех намеченных жертв погибла только одна — Линкольн. Эндрю Джонсон и Улисс Грант в будущем стали семнадцатым и восемнадцатым президентами соответственно.

Но сегодня все поменяется, — сказал себе Дэнни, словно пытаясь приободриться. — Жертв не будет совсем.

Когда Бут покинул пивную, Дэнни тенью последовал за ним. Убийца направлялся к заднему входу театра Форда, уверенно следуя по темным закоулкам. Бут практически не играл в этом театре, но часто бывал здесь у своих друзей, поэтому отлично знал как само здание, так и его окрестности. Он наметил убийство на 22.15 — в это же время будут совершены и три других нападения.

Дэнни прикинул и понял, что до рокового события осталось меньше десяти минут. Он ускорил шаг и вытащил свой пистолет, который остался у него с войны. Дэнни в принципе не носил с собой оружие, но в это путешествие решил захватить. Нет, убивать Бута он не собирался, потому что этот тип ещё должен был ответить за свой жуткий план перед законом. В смысле, Бута все равно убьют, но пусть это лучше сделают служители закона, иначе его могут посчитать несчастной жертвой, а не злым заговорщиком, коим он являлся на самом деле. Пистолет был взят чисто на всякий случай, ведь эта вылазка казалась гораздо опаснее предыдущих.

Дэнни сжал пистолет в левой руке и подлетел к Буту, хорошенько приложив ему правым кулаком по голове. Удар, однако, вышел плохой — не даром же Дэнни в своё время выгнали с бокса. Хотя... запрещенные приемы у него всегда выходили лучше, странно, что сейчас получилось не очень. Надо было отыскать какую-нибудь деревяшку и садануть ею Буту по башке, да только сейчас уже было поздно. Наверное, придется угрожать ему пистолетом и удерживать силой. Дэнни уже приготовился к этому, но, на счастье, Бут, ещё раз качнувшись, крутанулся вокруг себя и наконец свалился на землю. Дэнни облегченно выдохнул и оттащил злодея в сторону, чтобы его никто не обнаружил.

Поразительно, что одна такая мелочь может кардинально изменить всю американскую — а может, и мировую, — историю.

Дэнни был очень доволен собой и едва ли не прыгал от радости. Не зря он живет на этом свете — он действительно может изменить мир в лучшую сторону, о чем всегда и мечтал!

Но радость была преждевременной. Дэнни забыл, что когда он берется за дело, то план редко идёт как надо.

Позади раздался какой-то шорох, а после кто-то схватил Дэнни и, резко его развернув, впечатал в стену здания. Перед глазами возник черноволосый человек в аккуратном пиджаке в вертикальную полоску. Его лицо показалось знакомым. Дэнни моментально вспомнил, где его видел, но не успел как следует удивиться, потому что напавший ударил его под челюсть. Зубы клацнули, из глаз брызнули искры, а после все потемнело, и Дэнни потерял сознание, свалившись рядом с несостоявшимся убийцей.

— Вот дерьмо! — выругался Эдвард. — Да что им, сука, от американских президентов-то надо?

Ещё пару мгновений назад они спокойно сидели в отделении и в очередной раз пререкались с Жилленом, но Жаклин вдруг увидела, как какой-то парень напал на убийцу Линкольна до того, как произошло убийство, и Эдварда незамедлительно отправили в прошлое. Теперь он присутствовал при ужасной катастрофе и, судя всему, не мог уже ничего исправить. Было совсем не похоже, что Бут готов сейчас подняться на ноги и отправиться убивать президента.

— Просыпайся, чувак, — сказал Эд и с надеждой похлопал Бута по щекам. Тот на это никак не отреагировал. — Я опоздал.

Эдвард мог бы прийти и раньше. Он появился тут несколько минут назад, но потратил много времени на то, чтобы сориентироваться на задворках театра. Это оказалось довольно сложно, учитывая, что тут стоит такая темень, что ничего толком не разглядеть.

— Он... мертв? — с опаской спросила Жаклин.

— Нет, но без сознания. А вот Линкольн должен быть мертв через пять минут. Если бы я пришёл чуть раньше, то все было бы нормально!

— Ты и так проходил вокруг этой пивной черт знает сколько времени! — Это вмешался Жиллен.

— Я искал дорогу к заднему входу. Я же не Бут, который знает тут все досконально!

— Тогда отправляйся во второй раз, — посоветовала Жаклин. — Теперь ты знаешь дорогу.

— Нет, — отрезал Жиллен. — Не известно, что случится, если ты попадешься самому себе на глаза. Это во-первых. А во-вторых, я не думаю, что тебе стоит это делать, особенно после того, что случилось с тем марсианским типом, когда он пытался поймать Невё, но не смог попасть в нужный момент.

— Думаете он не пустит?

— Мы не знаем, на чьей он стороне. И вообще не знаем, действительно ли это делает он.

— Но... — протянула Жаклин. — Делать же что-то надо. И кто вообще тот парень, который напал на Бута? Он работает с Невё? Зачем им спасти Линкольна?

— Без понятия. Но я заберу его с собой. Он может вывести нас на Жана.

Эдвард приблизился к неудачливому спасателю и как следует его разглядел, включив фонарик на часах. Рыжий, кудрявый, усыпанный блеклыми веснушками. Выглядел очень молодо — совсем ещё мальчишка, хотя на лбу уже появились горизонтальные морщины, точно он всегда хмурился. Он был в черном пальто и оранжевом шарфе, что совсем не вязалось ни с этой эпохой, ни с той, в которой жил Эд. Камиль и Невё, когда отправлялись портить прошлое, хотя бы пытались одеваться в соответствии с эпохой, почему этот не оделся нормально? Не сказать, конечно, что Эдвард сам был одет подобающе, но он вообще-то не особенно сегодня планировал куда-то перемещаться. Вчера и так был сумасшедший день, причём, как у отделения, так и у Невё и его террористов. Эдвард и не думал, что сегодня кто-то снова вздумает чудить.

— Ты его раньше видел? — спросил Жиллен.

— Нет. Но... — Эд вдруг заметил рядом с парнем пистолет, который, видимо, выпал во время их небольшой потасовки, и взял его в руки. — У него Кольт М1911. Ранний период выпуска, серийный номер 154704, с левой стороны клеймо «G.H.S». Такие выпускались с 1914 по 1918 год. Судя по всему, парень прибыл из 1910-х. Или даже 1920-х.

— И что? — Познания Эдварда в области оружия совсем не произвели впечатление на Жиллена.

— Если я перемещу его в наше время, то это будет для него билет в один конец. Путешествие в будущее для путешественника во времени из прошлого всегда оказывается путешествием в один конец.

— Он преступник, и он все равно должен ответить за то, что сделал, — непреклонно ответил Жиллен.

— Нет, — неожиданно сказал Эдвард.

Он убрал пистолет в карман своего пиджака, чтобы это чудо техники не валялось тут прямо на улице. Если его кто-то найдет, то прогресс может наступить раньше, чем ему следует.

— То есть как это «нет»? — Жиллен даже растерялся от этого заявления. — Ты сам сказал, что он может вывести нас на Жана!

— Я передумал. Я поговорю с ним здесь. Только после того, когда придумаю, как исправить образовавшееся положение. — Эдвард нацепил на руку парня «Наручник», который, он очень надеялся, сработает на его группу крови.

«Наручник» — так его еще не называли. Кодовое название — «ловушка для путешественника во времени». «Наручником» его назвал Томас. Эдвард посчитал это название более подходящим, а главное — коротким, поэтому теперь так и называл эту штуковину. То, что первые модели были провальными, сильно тревожило. Точнее, не совсем провальными, они все же действовали, но только на определённую группу крови. А вот на какую — Эд не знал. Вероятность того, что «Наручник» подействует на рыжего парня, была мала. Значит, нужно разобраться с изменённой историей как можно скорее, пока он не очнулся.

— И все же это очень глупый поступок. — Эдвард покачал головой, глядя на паренька. — Я имею в виду — спасти Линкольна. Против Линкольна был целый заговор, его убийство планировалось давно. Однажды на него даже совершили покушение. Так или иначе, его все равно бы убили — не Бут, так кто-нибудь другой. Я даже готов поспорить, что он прожил не так долго после этого спасения.

— Ты прав, — согласилась Жаклин, очевидно, проверяя новую историю в интернете. —

Он прожил около двух недель, а потом его... убили.

— Но он все равно должен умереть здесь и сейчас. — Эд снова подобрался к Буту и проверил, в каком тот состоянии. Убийца приходит в себя и не думал.

— А может, пусть так оно и останется? Дадим президенту пожить ещё немного, что в этом плохого? — предложила Жаклин. — История ведь изменилась не так сильно.

— Исключено, — хрипло возразил Жиллен. — Мы сохраняем историю такой, какая она должна быть. Хоть я этого и не помню, но если Линкольна убили в этом театре, то он должен быть мертв в этом театре. Прямо сейчас.

Эдвард задумался. Жиллен прав. Даже малейшее изменение в истории может повлечь за собой разрушительные последствия. Он всегда твердил, что нужно помнить об эффекте бабочки. Эд был уверен, что история поменялась гораздо сильнее, чем считает Жаклин. Об этом событии было создано столько книг, столько фильмов, столько исследований. Может, какой-нибудь прославленный историк начал свою деятельность именно с исследования об убийстве Линкольна. Может, новая версия убийства его уже не привлекла и он не стал ее исследовать, может, из-за этого он не стал прославленным историком и не написал кучу книг, которые перевернули представления об истории у других людей. Жизненные пути многих могли поменяться, возможно, поменяться кардинально... Нет, Линкольн должен умереть прямо сейчас, как и было написано во всех учебниках по истории.

— Но уже поздно, — сказала Жаклин. — Бут без сознания. А времени уже точно больше 22.15.

— Ещё не поздно, — ответил Эдвард.

В его голосе прозвучала какая-то жуткая решительность, от которой ему самому даже стало жутко.

— Что ты удумал? — едва слышно спросила Жаклин.

Жиллен же никак не комментировал. Эд был уверен, что тот уже все понял и, более того, был с этим согласен.

Эдвард вытащил из-под пиджака свой пистолет и щелкнул предохранителем.

Если Линкольна застрелит не Бут, история, конечно, тоже изменится. Но это должно произойти, потому что если Линкольна не застрелят сегодня, то история поменяется ещё сильнее. Может, сейчас уже нельзя вернуть историю в точности такой, какая она была, но сделать максимально похоже ещё есть возможность.

— Нет... — Раздался слабый голос Жаклин. Похоже, и она наконец поняла, что Эдвард собирается сделать.

— Я должен, — ответил он. — Кроме меня это сделать все равно больше никто не сможет.

— Стой!..

Но Эдвард уже отключил наушники. Сейчас ему совсем не нужен был координатор. А может, ему просто не хотелось, чтобы племянница стала свидетельницей чего-то ужасного.

Джон Уилкс Бут вошёл в театр Форда около 22.07 и поднялся по винтовой лестнице. Он двигался тихо и медленно, буквально скользя вдоль стен. Около белой двери, ведущей к ложам, сидел Чарльз Форбс, лакей Линкольна. Никакой охраны не было. Говорят, что телохранитель президента сидел в пивной вместе с его кучером. Бут вручил лакею свою визитку и благополучно переступил порог, подперев дверь с обратной стороны заранее принесенной ножкой от музыкальной подставки. Затем Бут подошел к двери президентской

ложи и приготовился. В одной руке он держал нож, в другой — маленький однозарядный пистолет «деринджер». Когда в пьесе начался смешной момент, Бут вошел в ложу и выстрелил президенту в голову. Звук выстрела был заглушен хохотом, поэтому публика не сразу поняла, что произошло.

В президентской ложе началась суматоха. В тот день там находилось четыре человека: Авраам Линкольн, его жена Мэри Тодд Линкольн, майор Рэтбоун и его невеста Клара. Первая леди истошно кричала. Майор бросился на Бута и попытался его задержать, но тот полоснул его ножом по левой руке и махнул через ограждение на сцену. Во время прыжка он зацепился за украшение в виде американского флага и сломал ногу. Однако, несмотря на это, поднялся и обратил взор к ошалелой публике, которая не понимала, является ли это частью представления или нет. Бут поднял окровавленный нож над собой и провозгласил:

— *Sic semper tyrannis!*

Такова участь тиранов.

Девиз штата Вирджиния.

Некоторые считают, что он воскликнул нечто вроде «Свобода Югу!». А, возможно, и обе этих фразы. С точностью установить не удалось, потому что показания свидетелей разнились.

Как бы там ни было, когда сообразили, что именно произошло, Бут уже похромал за сцену и практически беспрепятственно скрылся.

Его обнаружили только к концу месяца, 26 апреля. Амбар, в котором Бут прятался, подожгли, чтобы заставить его выйти. Когда он вышел, то его смертельно ранили в шею. Умирая, он сказал очень сомнительную вещь:

— Передайте моей матери, что я погиб, сражаясь за свою родину.

Такова была реальная история. Эдвард знал об этом событии очень хорошо. В своё время ему довелось прочитать кучу книг о Линкольне и посмотреть много документальных фильмов. Линкольн был его любимым президентом. Кто бы мог подумать, что теперь Эдварду придётся стать частью этих событий и застрелить своего кумира. Мог ли он вообразить для себя более ужасную участь?..

Впрочем, Эдвард не сильно раздумывал — у него на это не было времени. Линкольн должен был быть мертв ещё десять минут назад, поэтому затягивать больше было нельзя.

Вообразить президентскую ложу оказалось проще простого, Эдварду даже не пришлось смотреть картинки в часах. Через мгновение он уже стоял рядом с белой дверью, а перед глазами маячил затылок Линкольна с растрёпанными серыми волосами.

Тут стало жутко. Все это показалось каким-то бредовым сном. Но во сне от волнения не бегают ледяные мурашки и в висках не стучит так, точно кто-то бьет рядом по наковальне.

Эдвард поднял пистолет и прицелился Линкольну в затылок.

Выстрелить — и все.

В теории это казалось не так сложно. Но на практике стрелять в голову человеку, которым восхищался всю жизнь, было просто чудовищно.

История есть история. Да, в ней есть место жестокости, но это история. Он поклялся её хранить, какой бы ужасной она ни была, а значит, должен был сделать то, ради чего сюда явился.

Руки вспотели и пистолет едва не выскользнул. Эдвард снова прицелился и положил палец на спусковой крючок.

Видел ли он раньше смерть? Ещё как. Приходилось ли ему убивать? Никогда. Хотелось

ли этого ему сейчас? Ни в коем случае. История историей, но это убийство, которое теперь останется на его совести.

Майор Рэтбоун вдруг развернулся и увидел Эдварда. Реакция этого человека была на редкость хорошей. Он вскочил и бросился в сторону чужака. Тут уже ничего не оставалось. Эдвард выстрелил в затылок Линкольна, причём несколько раз, чтобы наверняка попасть. Когда Рэтбоун налетел на Эдварда, Линкольн уже лежал головой на ограждении, украшенном американским флагом, а его жена истошно кричала.

Наверняка Линкольн умер мгновенно, хотя должен был умереть на рассвете следующего дня. Может, так было даже лучше — ему не пришлось умирать в агонии?..

Но Эд об этом не сильно размышлял. Майор Рэтбоун пытался выбить из его рук оружие, поэтому пришлось врезать ему по лицу. Пока была такая возможность, Эдвард решил бежать. Он оттолкнул растерявшуюся Клару и перемахнул через ограждение, смягчив приземление кувырком.

Вышло шумно. Пистолет был без глушителя, а синхронизировать выстрелы с хохотом не вышло, поэтому все уже должны были понять, что произошло.

Актеры, игравшие в пьесе, забились в дальний угол сцены, публика в зале теперь смотрела только на Эдварда.

Sic semper tyrannis!

Это сказал Бут.

Я тоже должен это сказать, — пронеслось в голове Эдварда.

На него глядели с ужасом. Он сам был в ужасе. Время словно растянулось, сжалось до одного этого мгновения. Мозг превратился в кашу, и никаких дельных мыслей в голове не осталось. Все, что он смог сказать:

— Твою мать.

А потом прыгнул за кулисы и скрылся с глаз долой.

В закоулке на земле лежало два человека — Джон Уилкс Бут и Дэнни. Темноволосая женщина в коротком блестящем платье подошла к ним и печально покачала головой. Она знала, что тут произошло. Точнее — видела. Но вмешиваться не стала. По крайней мере, до этого момента.

Она опустилась рядом с Дэнни и слегка потрясла его за плечо.

— Пора подниматься, малыш, — тихо проговорила она.

Дэнни не пошевелился.

— Он скоро вернётся и заберёт тебя, — сказала она. — Ты должен уходить.

Но Дэнни был без сознания и не слышал ее слов.

— Ну какой же он всё-таки придурок. — Она невесомо коснулась его щеки, где уже все опухло и посинело, и сердце в её груди сжалось от боли. — Бедный ты мой.

Женщина взяла Дэнни за руку и переместила его домой.

Эдвард возвращался к Буту и странному парню из прошлого. Его всего трясло от пережитого кошмара, но он постарался взять себя в руки. Ему ещё предстоял важный разговор, так что он не должен был раскисать.

Но, вернувшись вниз, Эдвард понял, что «Наручник» не сработал. Парень исчез.

А вот Бут очнулся и уже поднялся на ноги.

— Что произошло? — с непониманием спросил он, потирая затылок.

— Линкольн мертв, — глухо отозвался Эд. — Беги.

Дэнни открыл глаза и обнаружил себя в своей кровати. Голову пронзила адская боль, а перед глазами все поплыло.

— Нацисты! Холодная война! Смартфоны! — вдруг провозгласил он. — Что за фигня. Это что... будущее?!

А потом обратно провалился в забытье и благополучно забыл о том, что видел.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Эдит осталась под большим впечатлением от первого рабочего дня. Правда, она ещё не решила, хорошим оно было или плохим. Скорее, ни тем, ни другим — оно просто было. Перемещения во времени, несомненно, были опасными, однако не перестали ее привлекать. Она всю жизнь ждала своего первого прыжка во времени, ведь родители готовили ее к этому с малых лет. Но годы шли, и вот Эдит уже стукнуло двадцать пять, а ни одного путешествия во времени она так и не получила.

— Может, мне просто это не суждено, — как-то пожаловалась она своей матери.

— Но это невозможно, у тебя есть ген. Что-то ты должна мочь, — категорично заверила та.

Мать, отец, тетя, двоюродная сестрица — вся родня Эдит могла путешествовать во времени. Только она одна, как белая ворона, не могла абсолютно ничего.

Помочь с этим обещал Жерар Жиллен. С ним познакомила мама. Эдит так и не поняла, откуда она взяла этого полицейского, но только узнав о том, где он работает, девушка предложила свою кандидатуру на любую свободную должность.

— А какое у вас образование? — немало удивившись ее напору, спросил Жиллен.

— Информационная безопасность, бакалавр. И еще разбираюсь в истории. С самого детства готовилась, но... как видите.

В отделение как раз требовался специалист по кибербезопасности, и Жиллен собирался предложить ей эту должность. Однако произошло кое-что непредсказуемое, и он решил нанять Эдит помощницей путешественника во времени. Он объяснил, в чем заключается работа, и Эдит это показалось так интересно, что она сразу же согласилась. Что касалось ее проблемы, то Жиллен обещал хорошенько подумать над ней, как только они разберутся со всеми трудностями.

Трудностей оказалось на удивление много. Так много, что Эдит сегодня удалось поспать только четыре часа. Перед тем как начинать второй рабочий день, ей пришлось выпить кофе, чтобы случайно не уснуть за рабочим столом.

Однако за рабочим столом ей сегодня ещё не довелось побывать. С утра они всей командой решили спуститься вниз, в клинику, навестить Гюстава. Известие о его ранении Эдит сильно встревожило. Вчера они довольно много времени провели вместе и успели подружиться. С Гюставом было легко и весело, и Эдит, если честно, была довольна, что в напарники ей достался именно он, а не злобный Эдвард.

Хоть доктор Триаль еще ночью, сразу после операции сообщил, что причин для беспокойства нет, у Эдит отлегло от сердца только тогда, когда она увидела состояние Гюстава воочию. Его жизни действительно ничего не угрожало. Да и вел он себя как обычно — шутил, улыбался. Когда Эдвард поставил на тумбу рядом с его кроватью огромный пакет красных яблок, Гюстав шутливо заметил:

— Думаю, такое количество яблок прикончит меня раньше пули.

В общем, не скажешь, что этому человеку накануне продырявили живот. Он даже рвался на работу, но доктор Триаль запретил.

— В течение недели никакой работы, молодой человек! — грозно сказал он.

Эдит была согласна с доктором на все сто процентов. Как бы Гюстав себя ни вёл, от неё не укрылась нездоровая бледность его кожи и синие мешки под глазами, так что незачем ему было рисковать собственным здоровьем, особенно после такой операции.

После посещения больницы Жиллен дал Эдит задание — сходить в букинистический магазин и купить старинные исторические книги из списка, который он выслал ей на часы. Эдит выпустила в воздух голограмму, просмотрела этот список и двинулась за покупками.

Сейчас все больше и больше людей отказывались от бумажной продукции и покупали книги в электронном виде. Мотивы у всех были разные: кто-то сэкономил место в доме, кто-то просто любил читать с экрана или голографии, а кто-то спасал деревья. Эдит, возможно, была старомодной, но очень любила бумажные книги. Когда она увидела библиотеку Жерара Жиллена, которую он собирал в своём кабинете, то едва не лишилась чувств. Это была очень хорошая коллекция, где преимущественно были исторические книги и биографии. Вообще, коллекция собиралась для сотрудников, но в век технологий все предпочитали искать информацию в интернете.

В обязанности Эдит не входило бегать по магазинам, однако она была рада помочь Жиллену приобрести новых полкожителей. К тому же она догадывалась, зачем ей было дано это задание — чтобы она не сидела сложа руки, ведь, пока Гюстав лечится, ей было некого координировать.

Эдит нашла практически все книги и теперь возвращалась в отделение с огромной стопкой в руках. Ей уже не терпелось их как следует рассмотреть, но с такой ношей путь до рабочего стола оказался слишком долгим.

Ох, ну почему они такие тяжелые, — сетовала она про себя.

Хотя чего удивляться. Она пакеты с продуктами-то еле до дома доносит, а тут целая стопка толстенных книг!

Когда Эдит шла в свой сектор по узкому коридорчику, зажатому между матовыми стеклянными стенами, на ее пути, словно из воздуха, появилась фигура. Эдит врезалась в неё и, вскрикнув от неожиданности, выронила все книги. Сначала она не поняла, что произошло, но спустя пару мгновений до нее дошло, что перед ней материализовался Эдвард, по-видимому, только вернувшийся из какого-то путешествия в прошлое.

— Это же раритет! — возмущённо воскликнула девушка и кинулась собирать драгоценные книги. Мягкие кудри цвета белого золота волной закрыли лицо, и она нервным жестом заправила их за ухо.

— Извини, — пробормотал Эдвард и опустился рядом, чтобы помочь.

Помощник из него оказался так себе. Глаза беспокойно бегали туда-сюда, руки дрожали, а движения были резкими и неуклюжими. Он ронял все, что брал в руки, и от такого обращения с раритетными вещами Эдит пришла в ужас. Книги и так старые, а после такого и вовсе могут развалиться!

— Давай я лучше сама, — терпеливо сказала она, пододвинув к себе тома, чтобы Эдвард к ним не прикасался.

Этот тип поначалу не вызвал у неё доверия. Когда она вчера впервые здесь оказалась, он устроил какой-то скандал и обругал мсье Жиллена. Он показался грубым и злобным. Наверное, именно такое нелестное первое впечатление и подвигло Эдит обвинить его в

убийстве Камиля во время вчерашней миссии. Конечно, она погорячилась. Она его совсем не знала, поэтому не имела права спускаться на него всех собак. Эдит решила больше не судить его лишь по тому, какое впечатление он производил, и по возможности найти с ним общий язык. Все же хотелось работать без конфликтов, в дружественной атмосфере.

— Ты в порядке? — настороженно поинтересовалась она.

Эдвард открыл было рот, чтобы ответить, но не успел произнести и звука, потому что позади кто-то грозно воскликнул:

— Ну и почему ты опять отключился?!

Это была Жаклин. Сначала она выглядела строгой, но, увидев бегающие туда-сюда глаза дяди, резко побледнела и даже пошатнулась. Эдит не понимала, что происходит, но спрашивать стеснялась.

— Зачем?.. — едва слышно спросила Жаклин. Глаза ее блестели, а на лице отразились боль и... страх? горечь? разочарование? Наверное, все вместе. — Ты... как ты мог?..

Рядом возник Жиллен и дотронулся до плеча Эдварда, но тот вдруг подскочил на ноги и смел его руку, словно дотошное насекомое.

— Как я мог?! — рявкнул Эдвард в ответ, отчего Жаклин даже дернулась, точно он собирался на нее наброситься. — А как я мог оставить историю изменённой, когда была возможность вернуть все на место?!

— Но она все равно осталась другой! — стояла на своём Жаклин.

— Но не настолько другой!

— То, что ты сделал...

— Я сделал правильно!

— Так, всем заткнуться, — оборвал их Жиллен, заметив сидящую на полу Эдит, которая подбирала книги и опасно наблюдала за перепалкой. — Жаклин, помоги Эдит. Эдвард, пойдём со мной в кабинет.

По лицу Эдварда было ясно, что он хотел отстоять свою правоту, однако Жиллен уже схватил его за локоть и потащил в сторону кабинета. Жаклин тяжело сглотнула и, провожая их затуманенным взглядом, опустилась рядом с Эдит.

— Что произошло? — растерянно спросила Эдит. Она была взволнована этой сценой и очень хотела знать, отчего Жаклин так всполошилась на дядю.

— Очередная опасная миссия, — уклончиво ответила та.

Эдит поняла, что Жаклин не желает делиться подробностями, поэтому спрашивать ничего больше не стала.

Жиллен усадил Эдварда на диван в своём кабинете и стал прохаживаться взад-вперёд, как делал всегда, когда был зол или встревожен, и, судя по выражению его лица, сегодня был второй вариант.

— Что бы там ни случилось, об этом никто не должен знать, — сообщил он.

— Видимо, теперь убийство Линкольна действительно можно назвать частью теории заговора, — мрачно отозвался Эдвард.

— Не смешно.

— Я и не смеюсь.

Жиллен фыркнул. Он был семидесятилетним долговязым стариком с узким морщинистым лицом и копной серых волос, что делало его похожим на безумного ученого из какого-нибудь научно-фантастического фильма. Однако, несмотря на свою внешнюю

сухость и хрупкость, этот старик внушал силу и власть. В отделении его уважали, ведь он был, как говорится, старый волк. Пятьдесят лет проработал в полиции, и больше тридцати из них посвятил поискам опасного вневременного преступника. Эдварда ещё не было на свете, когда Жиллен, ничего не смыслящий в путешествиях во времени, взялся за это дело. И хоть именно в нем он продвинулся, мягко сказать, не далеко, он смог сделать много другого. Все это отделение было результатом его трудов, и, как следствие, на нем, как на начальнике этого отделения, лежала ответственность за всю мировую историю.

В жизни каждого есть человек, подвигами которого мы восхищаемся и на которого хотим равняться. И что бы Эдвард ни говорил или ни думал, Жиллен для него был именно таким человеком.

— Ну как ты вообще? — Жиллен вдруг перестал мельтешить и опустился рядом с Эдом.

— А вы как думаете? — глухо отозвался он, даже не подняв на него взгляд.

— Да, — согласился начальник. — Я просмотрел все нюансы истории, и... Черт побери, я ведь действительно думал, что тот тип, который застрелил Линкольна, был в сговоре с Бутом! Об этом написано во всех учебниках истории. А это, оказывается, был ты. Но я, в общем-то, позвал тебя не из-за этого.

— Нет?

— У меня есть... очень плохие новости.

Эдвард ничего не ответил.

Очень плохие новости, — невесело подумал он. — Как будто до этого новости были сплошь хорошие.

— Вчера вечером... ты, судя по всему, был еще в прошлом... В общем, в водах Сены, около берегов острова Сите, было обнаружено тело молодой женщины. Его вытащили на берег и проверили документы. Они отсырели, но все же личность установить удалось. Это была Элинор.

Последняя фраза — как удар по лицу. Эдвард отшатнулся, точно Жиллен и правда отвесил ему оплеуху, а потом разозлился, до боли сжав кулаки.

— Какого хрена вы несете?! — воскликнул он. — Я вчера виделся с Элинор! Она приходила ко мне домой, и мы... говорили... — Эдвард резко побледнел, вспомнив тот странный разговор.

Элинор была взволнованна и пыталась о чем-то предупредить. Она говорила, чтобы Эдвард никому не позволял себя обманывать и никому не доверял. Чтобы не доверял... агентству? Какому агентству? Она имела в виду отделение? Но в чем тут можно обманывать?

Ещё есть «Агентство времени», — вспомнил Эд. — То, в котором работает марсианин.

Во всяком случае, Элинор точно что-то знала. Что-то важное. То, о чем не должна была знать. Наверное, именно из-за этого она и погибла. Из-за этого ее убрали — а Эдвард не сомневался в том, что смерть ее была неестественной. Вот только кто это сделал? И почему она говорила так туманно? Если она знала, что ей грозит опасность, то почему не попросила помощи? Эдвард смог бы ей помочь!

— Прости, но это действительно была она. Ее мать опознала тело и подтвердила. Полиция теперь ведёт расследование. Если к ее гибели кто-то причастен, то его обязательно найдут.

Эдварду хотелось устроить погром. Вскочить и разломать все к чертям собачьим, выпустить гнев и отчаяние. Но он застыл и не шевелился, словно если сдвинется с места, то его мир обрушится.

Хотя Эдвард чувствовал, что после всех пережитых трагедий рушиться уже было нечему.

Жиллен чувствовал себя палачом. Ему часто доводилось сообщать людям трагичные новости, такова была его профессия. Но говорить подобные новости своим близким было в миллион раз тяжелее. Тем более Эдварду, у которого в последнее время и так все было негладко. Жиллен вполне представлял, что он сейчас испытывает. Его жена, Агата, была немного старше его и уже давно покоилась в могиле, но он до сих пор помнил тот страшный день, когда узнал о ее кончине. Однако они прожили долгие счастливые годы, состарились, а вот бедняжка Элинор была еще совсем молода. Тридцать два года — вся жизнь еще впереди. Несправедливо и страшно, когда погибает такой молодой человек, еще толком не успевший ничего взять от жизни.

НЬЮ-ЙОРК, 1923 ГОД

— Вставай, тебе скоро на работу, — проговорил некто, чей голос нагло прорвался в глубокий сон.

Дэнни с трудом разлепил тяжелые веки и огляделся так, точно пытался сообразить, где находится. К окну подлетела женщина, очень похожая на маму, и отбросила в сторону тяжелые занавески. Дэнни зажмурился от яркого света, а когда привык к нему, то понял, что находится в своей комнате и что рядом с окном действительно мама.

Как я тут оказался? — подумал он, слегка дотронувшись до левой половины лица. Челюсть с этой стороны отчего-то жутко болела.

— Я не застала, когда ты вернулся, — проворковала мама. — Надеюсь, ты не ходил опять в этот ужасный спикизи-бар*?

— Нет, — прохрипел Дэнни в ответ.

— Что с тобой случилось?! — вдруг воскликнула Луиза, заметив, в каком Дэнни состоянии. Она тут же подлетела к кровати и опустилась рядом с сыном, повернув его голову к свету. — Да у тебя же вся щека опухла!

— Ай! Наверное... — Он попытался вырваться из хватки матери, но та не пускала.

— Ты всё-таки там был! Это же отвратительное место, Дэнни! Кто это сделал?

— Да мы... да я... да просто не поделили... что-то. Ничего страшного.

— Господи!

— Да мне даже не больно.

Вообще-то, было бы не так больно, если бы ты меня отпустила, — недовольно подумал он.

— Так же нельзя, Дэнни!

— У меня расследование. Вот, например, мэр Нью-Йорка там часто бывает. Это моя работа. Мне никуда не деться.

На самом деле, бар никак не был связан с работой, и был он там от силы два раза. Но не говорить же матери, что Дэнни провёл вчерашний вечер в компании Джона Уилкса Бута.

— Пожалуйста, будь осторожен. Ради всего святого.

— Конечно. Я всегда осторожен.

Луиза сделала вид, что эти слова ее удовлетворили, и начала хлопотать, чтобы помочь Дэнни с отеком. Пока она бродила по квартире, Дэнни проверил своё запястье, которое отчего-то горело, будто он сунул руку в камин. Виновником дискомфорта оказался странный металлический браслет, который сидел как влитой или... как будто приколотый к коже.

— Что за шгуковина?.. — пробормотал Дэнни, пытаясь стянуть ее с руки, но любые

манипуляции причиняли жгучую боль. — Что там вообще произошло?

Дэнни попытался восстановить события прошедшего вечера в памяти и неожиданно все понял.

Тот человек! — со злостью подумал он. — Он тоже путешествует во времени! И что он сделал с моей рукой?!

Дэнни внимательно разглядел браслет и обнаружил замочную скважину. По-видимому, его можно было открыть только с помощью специального ключа. Но ключа-то нет! Ходить с браслетом не вариант — он причиняет немало беспокойства и боли. А значит, так или иначе, нужно что-то придумать. Например, взломать замок. Дэнни не умел взламывать замки, поэтому нужно было найти того, кто умеет.

И, кажется, я знаю, кто может мне с этим помочь, — пронеслось в его голове.

Гарри Гудини. Вот он-то точно запросто вытащит его из этой ловушки.

Правда, Гарри сейчас наверняка в прескверном настроении. Совсем недавно он поссорился со своим другом, Артуром Конан Дойлем, и они оба опубликовали друг о друге нелестные статьи, которые сделали их врагами. Проблема была в том, что Гудини не выносил сверхъестественное, а Дойл, наоборот, верил в духов и был ярким приверженцем спиритизма. Он искренне верил, что Гудини обладает сверхъестественными способностями и что все его фокусы — настоящая магия. Поначалу это забавляло Гудини, но потом стало крайне раздражать и даже обижать. Гарри всю свою жизнь тренировал тело, ловкость и выносливость, подвергал себя разным опасностям, после которых едва оставался жив, изучал устройство замков, выдумывал реквизит — словом, потратил много сил, чтобы стать тем, кто он есть. И он искренне хотел, чтобы люди знали, что все это даётся ему не так просто, что все это — результат упорных трудов, а не какая-то... магия.

В общем, Дэнни решил, что Гудини сейчас лучше не тревожить. А вот на три года раньше вполне можно прийти.

Конечно, после того как мама поможет ему справиться с отеком.

НЬЮ-ЙОРК, 1920 ГОД

К Нью-Йорку 1920-го года Дэнни испытал смешанные чувства. С одной стороны — это ностальгия по недавно прошедшим годам, но с другой — слава богу, что они уже никогда не вернуться. Все же послевоенные годы стали для него периодом депрессий, из которых он вылез с огромным трудом. Дэнни не собирался задерживаться здесь надолго. Нужно было только заглянуть к мистеру Гудини в гости и дело с концом.

Дэнни появился напротив дома Гудини на 113-й улице в Гарлеме, специально выбрав правильный момент, чтобы застать фокусника дома. Сейчас Гарри снимался в кино и часто ездил на гастроли, так что дома появлялся редко. Наверное, когда он бывал в Нью-Йорке, то предпочитал отдыхать, но тут Дэнни решил обнаглеть и потревожить его.

Дверь отворил сам Гарри Гудини, и Дэнни переступил порог, пройдя в уютный коридорчик.

Гарри был невысоким человеком, всего пять футов три дюйма* (а Дэнни целых шесть футов два дюйма*), однако обладал очень крепкой и мускулистой фигурой. На голове его была копна тёмных кудрявых волос, уже тронутых сединой. Взгляд острый, но дружелюбный, а мягкая улыбка очень располагала к себе. Это был харизматичный человек, который своим обаянием завоевывал многих.

— Добрый вечер, мистер Гудини, — тут же начал Дэнни. — Вероятно, вы меня не помните. Я однажды брал у вас интервью, и ещё мы несколько раз пересекались в городе да

на ваших представлениях...

— А, мистер Готтфрид! — воскликнул Гудини, и рыжеватые брови Дэнни поползли вверх. Право, он совсем не ожидал, что великий фокусник его запомнил. — Чем могу быть полезен?

— Эээ... — замялся молодой человек, тут же решив, что он глупо приперся к звезде такого масштаба. — Мне очень неудобно вас об этом просить, но я попал в переделку, и помочь мне сможете только вы.

— В чем же дело?

Дэнни вытянул руку и продемонстрировал фокуснику браслет.

— На меня напали и прицепили эту штуковину. Я не знаю, как от неё избавиться. Думаю, взломать замок под силу только вам.

Гудини взял Дэнни за запястье и рассмотрел браслет. Откуда ни возьмись — действительно, словно по волшебству — в его руке появилась маленькая отмычка. Если бы Дэнни не знал, что Гарри иногда прячет их в рукавах, то на самом деле бы решил, что он умеет создавать предметы из воздуха.

Пара секунд — и браслет раскрылся, высвободив руку из цепкой хватки. Дэнни облегченно вздохнул, словно избавился от тяжёлого груза.

— Большое спасибо! — радостно воскликнул он.

— О боже, вам нужно оказать медицинскую помощь! — заволновался Гудини.

Дэнни сначала не понял, в чем дело, но потом глянул на руку и увидел, что ее заливает кровь. Браслет на самом деле был приколот к коже какой-то короткой иглой.

— Царапина, — бросил Дэнни. Все было и правда не так страшно, но Гудини уже потащил его в комнату и усадил на диван.

— Я все же помогу вам с этим.

— Однажды мне прострелили бедро. Вот там действительно было много крови.

— Воевали? — спросил фокусник, отыскав в шкафу коробочку и выудив оттуда бинт с раствором.

— Ага.

— Пошли добровольцем?

— Да.

— Жалеете? — спросил Гудини. Он уже принялся обрабатывать рану. Там действительно осталась небольшая — но все же очень глубокая — царапина, которую сильно зажгло. Дэнни поборол себя, чтобы не поморщиться, и сконцентрировался на ответе для Гудини.

— Не знаю. Я повидал Италию. Возможно, итальянская земля показалась бы мне намного живописнее, если бы не была усыпана телами убитых. Но все же я многое понял. О жизни. Наверное, я бы не был тем, кем являюсь сейчас, если бы принял тогда другое решение.

— Это тяжело для такого молодого человека, как вы, — констатировал Гудини. — Но все же... это смело.

— Чаще мне говорили, что это было глупо.

— Они были не правы. Каждый все-таки сам выбирает свою дорогу. Даже если эта дорога опасна.

— Да, — вздохнул Дэнни. — Кстати, я видел ваши фильмы. «Повелитель тайны» и «Мрачная игра» мне очень понравились. Собираетесь ещё где-то сниматься?

— Пока работаю в Голливуде. Но вскоре собираюсь открыть свою кинокомпанию.
«Гудини Пикчерз Корпорейшн». Я это знаю, — подумал Дэнни, но вслух сказал иное.

— Отлично! С нетерпением жду ваших новых работ.

Жаль, конечно, что их будет не много, — пронеслось в голове Дэнни. — Гудини к этому делу быстро охладел. Но лично мне его фильмы нравятся.

— Ну вот и все, — заключил Гудини, закончив перевязку.

— Бесконечно вам благодарен, мистер Гудини, — ответил Дэнни, поднимаясь с дивана.

— Пустяки.

— Не смею вас больше задерживать. Может быть, мы с вами пересечемся в Лондоне. Я собираюсь на ваше шоу!

Вот прямо сейчас туда и отправлюсь, — решил Дэнни. — Я и так хотел на нем побывать, но у меня тогда не получилось.

* Спикизи-бар — нелегальное питейное заведение, где продавали алкогольные напитки во времена «Сухого закона».

* Пять футов три дюйма — 160 см.

* Шесть футов два дюйма — 188 см.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Прошло две недели после того, как Элинор похоронили. Эдвард был разбит. Жиллен обещал, что полиция отыщет виновного, однако они заявили, что это было самоубийство, и закрыли дело.

Эдвард не понимал, почему они так поступили. Он был уверен, что Элинор не могла покончить с собой. Ее кто-то убил.

Или... может, он просто хотел найти виновного в ее смерти? Погиб человек — нужно же кого-то в этом обвинить. Должен же за это кто-то ответить!

Когда Гюстав вышел из больницы, им с Эдит приказали заниматься поисками Жана. Они просматривали источники и искали любые упоминания о нем в мировой истории. Эдварду и Жаклин было поручено исправлять изменения в прошлом, но, на удивление, никто больше не рвался перекраивать историю. О Невё и его странных дружках в черных костюмах ничего не было слышно. О рыжем парне, который умудрился сбежать вместе с «Наручником», — тоже.

Эдвард был уверен, что это лишь затишье перед бурей.

Однако он не собирался терять столько свободного времени и воспользовался этим затишьем, чтобы заняться своим собственным расследованием. Эд по-прежнему был уверен, что Жан находится рядом, а после того, как Томас рассказал о вооруженных людях в черном, уверился в этом только сильнее. У них современное вооружение, современные технологии, да и завербованный приспешник (Камиль) тоже современный, значит, они точно прибыли из 2048 года, а следовательно, и Жан должен находиться здесь. Идея отыскать его физиономию на уличных камерах наблюдения была достаточно сложной, особенно если учитывать, что Жан мог быть вовсе и не в Париже. Нужно было обратиться за помощью к более могущественной инстанции.

Не так давно президент Эстель Жаккар учредила «Ибис» — спецподразделение, занимающееся борьбой с политическим терроризмом и направленное на выполнение некоторых секретных заданий. Поимка Жана Лобера вполне могла стать одним из таких секретных заданий «Ибиса». Насколько Эдвард знал, это спецподразделение подчиняется министру внутренних дел Эммануэлю де Ла Сиверру. Но обратиться к этому человеку просто так он, конечно, не мог.

Зато вполне мог обратиться к президенту. Мало кто знал, но Эдвард был с ней лично знаком.

Он познакомился с Эстель Жаккар в 2030 году, когда ей было семнадцать лет. Эдварду было девятнадцать, он учился в университете и перемещался по эпохам только так. Из 2035 в 2030 год было не такое уж и захватывающее путешествие, если честно. Но дальше у него в тот день отчего-то не получилось.

На самом же деле у них была разница в три года, и старше была Эстель. Она родилась в 2013 году, Эдвард же родился в 2016. Но в путешествиях во времени всегда все запутано, поэтому, когда Эдвард познакомился с Эстель, он был старше ее на два года.

Они повстречались у подножия Триумфальной арки. Эстель была чем-то расстроена и плакала, и Эдвард решил узнать, что с ней случилось. Как оказалось, она направлялась в сторону школы и увидела на улице своего парня, целующимся с какой-то другой девушкой.

Эдвард детально высказался по поводу поступка этого придурка и, поскольку ему все равно было нечего делать, пригласил Эстель в кафе.

В тот день Эстель, самая лучшая ученица и будущий президент страны, благополучно прогуляла школу и провела день с загадочным взрослым парнем. Они гуляли по городу, а когда Париж накрыли сумерки, решили подняться на верхушку Эйфелевой башни. Там они и поцеловались. Точнее... Эстель поцеловала Эдварда, а он ей просто ответил, чтобы не расстраивать. Не то, чтобы она ему не понравилась. Эстель была красива и умна. У нее были прекрасные длинные волосы цвета пшеничного поля, зеленые, как изумруды, глаза и лицо в форме сердечка. Она могла поговорить о политике и об истории и была вполне интересным собеседником. Эдвард видел все ее достоинства, но в романтическом смысле она его просто не привлекла. Поцелуй для него ровным счетом ничего не значил, и Эдвард о нем вскоре благополучно забыл. Зато Эстель, как потом оказалось, придала этому большое значение и даже по-настоящему влюбилась в Эдварда. Узнал он об этом только спустя долгое время, когда она делала карьеру в политике и давала интервью для разных интернет-ресурсов. Конечно, его имени она при этом никогда не называла, но описывала их встречу в таких красках, что не нужно было применять чудеса дедукции, чтобы понять, о ком идет речь. Каково же было его удивление, когда знакомая расстроенная девочка стала стремительно подниматься вверх и через несколько лет заняла пост президента Франции. Гюстав даже иногда шутил, что если бы Эдвард не упустил свой шанс, то сейчас мог бы быть мужем президента. Но Эдвард не разделял его восторгов. Может, если бы тогда у них с Эстель что-то завязалось, то она могла бы и не стать президентом Франции.

Эдвард отдавал себе отчет в том, что будет неразумно вновь появиться в жизни Эстель, однако его уже так все достало, что он готов был прибегнуть к любым методам, лишь бы остановить Жана.

И вот, спустя почти двадцать лет, Эдвард предстал перед Эстель, объявившись в Елисейском дворце прямо посреди президентского кабинета.

На первый взгляд может показаться, что телепортация — вещь простая, но на деле она требует больше сил, чем путешествие во времени. У Эдварда были большие проблемы с телепортацией — его всегда перебрасывало в прошлое. Разобраться с этим ему помогла Анаис, которая в юности тоже столкнулась с похожей проблемой. После усердных тренировок Эдвард понял, что нужно представлять не время, а место, и научился отделять перемещения во времени от перемещения в пространстве. Телепортироваться было проще, если хорошо знать место, в котором нужно появиться. Тогда не нужно глядеть на фотографии и рисунки, потому что если на них глядеть, то есть риск переместиться именно в тот момент, когда они были сделаны.

Эдвард хорошо знал кабинет президента, потому что миллион раз видел его в новостях. Это был небольшой, но шикарный зал с бело-золотыми, украшенными воздушной лепниной стенами. С потолка свисали огромные многоярусные люстры, сверкающие на свету серебристым светом. Посередине стоял резной стол цвета темного шоколада, а позади него был белый камин, над которым возвышалось большое зеркало. Эдвард увидел себя в отражении и поправил ворот чёрной армейской водолазки, в которой постоянно ходил. Кабинет президента производил поистине головокружительное впечатление, словно это был кабинет не президента, а... королевы. И Эдвард выглядел тут совсем не к месту.

Эстель Жаккар стояла напротив огромного во всю стену окна и глядела на город, придерживая рукой белую занавеску. Сейчас у неё были короткие обесцвеченные волосы,

которые вились крупными кудрями и едва касались плеч. Она всегда носила аккуратные строгие костюмы из дорогих тканей и чёрные кожаные оксфорды.

Эд появился так не заметно, что Госпожа президент его даже не заметила. Чтобы обратить на себя внимание, он решил побряхтеть.

Эстель среагировала мгновенно. За секунду она вытащила из-под пиджака пистолет с глушителем и направила на незваного гостя.

— Упс, — опешил Эдвард, поднимая руки.

— Упс?! — переспросила Эстель.

— Я понимаю, как это выглядит...

— Как вы обошли охрану?

— Я её и не обходил.

— Я сейчас же прикажу вас арестовать!

— Подожди, Эстель. Ты меня помнишь? Мы однажды встречались. Эйфелева башня, придурок-парень и так далее.

— Что? — На лице Эстель появилась тень узнавания, а потом это выражение сменилось злостью. — Тогда я тем более прикажу тебя арестовать!

— Дело касается национальной безопасности! Позволь объяснить.

Словосочетание «национальная безопасность» подействовало на Эстель. На людей такого рода это словосочетание всегда действует.

— Изволь.

— В это может быть трудно поверить, но я путешествую во времени...

— А, ты из этих, — кинула она и тут же убрала оружие.

— Из каких? — смутился Эдвард.

— Из спецотделения. Вы ловите преступников, которые путешествуют во времени.

— Ты знаешь о путешествиях во времени?

— По-твоему, я не знаю, что финансирует государство? Надо заметить, что вы не очень-то справляетесь со своими обязанностями. Совсем не оправдываете бюджет, который был для вас выделен.

— Но... — Эдвард не ожидал такого поворота и тем более не ожидал, что она будет что-то критиковать. — Вообще-то, мы отлично справляемся. На международном уровне. Я исправил ситуацию с Линкольном.

— Так это был ты? Министр внутренних дел получает ваши отчеты и поделился, что один тип из спецотделения застрелил Линкольна вместо этого... как его?

— Буга.

— Да.

— И, по-твоему, мы плохо справляемся?

— Вы были созданы для поиска Жана Лобера. Ну и где он?

— Нам не хватает ресурсов. Я убеждён, что Жан Лобер находится в 2048 году. То есть где-то прямо рядом с нами. Нужно организовать его поиски. И я хотел попросить, чтобы этими поисками занялся «Ибис».

— Хорошо, а что с остальными? Люди, которые заменяют Вашингтона и спасают Линкольна, что с ними?

— Найдем Жана, найдем и всех остальных.

— Так. — Эстель, кажется, всерьез задумалась над этим предложением. — Давай присядем.

Президент указала на диванчики перед своим столом, и они с Эдвардом на них разместились.

— Вы уверены, что за этими изменениями в истории стоит Жан Лобер? — спросила она.

— На самом деле у нас несколько теорий, — начал Эдвард. — Сначала мы искали приспешников Жана, которые рыскали по прошлому. Зачем они рыскали — непонятно, но мы думали, что они просто развлекались. Потом они начали убивать людей, и мы решили, что они паладины во времени. Но потом они стали менять историю. И мы решили, что кто-то хочет захватить таким образом мир. Сначала мы подумали, что Жану это ни к чему, но потом вспомнили, что он прибыл из будущего и из-за его вмешательства в прошлое та история, которую он знал, полностью изменилась. Так что у нас есть два предположения — либо Жан пытается воссоздать свою историю, либо эти происшествия с ним вовсе не связаны.

— То есть вы ничего толком не знаете? — уточнила Эстель.

— Если мы поймем Жана, то сможем узнать все наверняка.

— Почему вы тогда решили, что те люди являются приспешниками Жана?

— Я нашёл фотографии, которые были сделаны в 1920-х. На них было изображено три человека: Невё, который замешан в истории с Вашингтоном, другой человек, имя которого мы узнать не смогли, и Жан. Поскольку все трое оказались путешественниками во времени, то мы решили, что это не может быть совпадением, а значит, они все заодно.

— Ты на сто процентов уверен, что Жан находится в нашем времени? Если я задействую секретную организацию, то мне нужны гарантии, что столько средств будет потрачено не впустую.

— Приспешники Жана отправлялись в прошлое из нашего времени. Я сделал вывод, что Жан находится здесь.

— Но... — задумалась Эстель. — Если эти люди не являются приспешниками Жана, значит, он может быть и не здесь. Вероятность пятьдесят на пятьдесят.

— Черт-черт-черт! — воскликнул Эдвард, поняв, что Эстель права.

Как он не подумал об этом раньше? Он ведь делал выводы, исходя из того, что Невё и остальные заодно с Жаном, но после подмены Вашингтона связь Жана и Невё уже была под вопросом.

— Искать такого человека, как искать иголку в стоге сена, учитывая, что он перепрыгивает через целые десятилетия, — мягко заметила Эстель, словно хотела утешить.

— Но я должен его найти и посадить! — Эдвард вскочил на ноги и начал прохаживаться по кабинету, как обычно делал Жиллен.

— Эдуард, — позвала Эстель, подскочив к нему, чтобы он не мельтешил.

— Я должен! Я обещал!

— Эдуард, — снова позвала Эстель.

— Что?! — рявкнул он.

— Я могу помочь. У меня есть большие возможности. И «Ибис» мы можем не трогать. Мы можем работать над этим... вместе.

СПУТНИК-3, 4023 ГОД

Томас и Карла Торне были лучшими друзьями. Они познакомились, когда Карле было семнадцать, а Томасу — сто девяносто девять. Сейчас Карле уже двадцать один. Томасу же двести три, но он всегда выглядел на двадцать. По крайней мере, до той заварушки с

Вашингтоном. После неё Томасу уже спокойно можно было дать двадцать пять.

Карла была родом из испанских колоний. Отличительная черта этих колонистов — серебристые татуировки на руках. У каждой семьи был свой символ, который они изображали на коже. У семьи Карлы это были огромные листья. Они вились по смуглым рукам девушки, словно драгоценные браслеты, и переливались на свету. У Карлы были чёрные, закрученные в тонкие дреды волосы, которые она либо собирала в пучок, либо украшала разноцветными резинками. По национальности она была испанкой африканского происхождения. Она очень редко спускалась на Землю в прошлом, утверждая, что чёрным, да ещё и женщинами, редко там жилось хорошо. Томас не пытался ее уговорить, хотя иногда замечал, что если кто-то вздумает ее притеснять, то он тому обязательно врежет по морде.

Карле гораздо уютнее жилось на космической станции, на которой располагалась штаб-квартира Агентства времени. Девушка работала в медицинском блоке и помогала раненым солдатам. Они с Томасом познакомились, когда его привезли к ней в отсек со сломанной рукой. Томас часто попадал во всякие переделки, поэтому было решено закрепить за ним личного врача, с которым он держал связь на протяжении всего путешествия в прошлое. Этим врачом оказалась Карла. На тот момент она была слишком юна для того, чтобы делать сложные операции, но следить за показаниями здоровья на панели, к которой подключен Томас, и давать ему рекомендации вполне могла.

Так они и подружились. Карла стала для Томаса первым близким другом за последние тридцать лет. Он не хотел ни к кому привязываться, потому что все люди кругом старели и умирали, а он так и оставался молодым и живым. Но тут он сдался. Он устал от одиночества, и ему нужен был друг. Томас, конечно, понимал, что рано или поздно придется отпустить Карлу, но предпочитал об этом не задумываться и просто наслаждался жизнью.

Томас и Карла любили проводить время на Спутнике-3. Это был огромный развлекательный центр, где играли в запрещённые игры. Спутник-3 не принадлежал ни одному государству и находился на нейтральной территории. Предприимчивый бизнесмен нашёл это белое пятно в пространстве над Марсом и организовал казино. Ни одно государство ничего сказать не могло — территория нейтральная, а значит, ничьё законодательство там не действует.

Там действительно не действовали законы. Это было очень опасное заведение, оно занимало первое место в рейтинге по уровню преднамеренных убийств в Солнечной системе, а может, и во всей галактике. На Спутнике-3 развлекались отчаянные, смелые или очень богатые. Томас и Карла подходили по всем критериям, так что в принципе не удивительно, что они предпочли это место какому-нибудь центру дешевых симуляций.

Впрочем, Томас однажды подвергался пыткам Вселенной — это те пытки, когда через твой человеческий мозг пропускают всю Вселенную, — так что уже ничего не боялся.

— Моя ставка — три доллариона, — изрек Томас, оглядев своих противников в покер.

— Какой нынче курс на долларионы? — спросила темноволосая незнакомка в чёрных очках, которая показалась Томасу смутно знакомой. Выглядела она лет на тридцать. У нее были острые скулы, прикрытые волнами волос, и яркие красные губы, которые очень сильно выделялись на ее бледном лице. О глазах ничего сказать было нельзя, но Томас был уверен, что если бы она сняла очки, то он быстро бы вспомнил, где раньше мог ее видеть.

— Один долларион — пятьдесят евронионов, — любезно ответил он.

— Чем дальше — тем хуже, — посетовала она, но все же набрала достаточное количество евронионов.

Игра продолжилась в гнетущей тишине. Томас поднял ставку, отчего женщина в очках раздраженно фыркнула.

— Европейские колонии в упадке? — решила поинтересоваться Карла, чтобы поддержать разговор. К тому же как житель Европейской колонии она очень переживала за свой дом, хоть давно там и не бывала.

— Не знаю. — Женщина пожала плечами. — Очень давно не садилась на Марс. Слышала что-то про «Детей свободы». Революционная организация против землян.

— О боже, опять война. — Томас закатил глаза. — Америка и Англия и так недавно воевали за колонии.

— Теперь колонии хотят отвезать свою независимость.

— Со временем ничего не меняется, — вздохнул Томас.

— Ну ладно, детишки, — сказала женщина и открыла свои карты.

Томас и Карла сделали то же самое.

Результат вышел такой:

— Фулл-хауз, как вам, а? — сообщила незнакомка, даже не поглядев на то, что вышло.

Томас взглянул на свои карты и расплылся в хитрой улыбке. Карты были электронные, на каждой пластине высвечивался определённый номинал. Он давно взломал систему электронных карт и мог подделывать ту карту, которую ему было нужно.

— Я не вчера родился. Стрит флеш. Как вам, а?

— А у меня как всегда пара, — пожаловалась Карла.

— Но у тебя был бубновый король вместо валета! — воскликнула женщина, ткнув в Томаса. — Ты мухлевал!

— Как ты узнала?! Значит, ты тоже мухлевала?

— Мои очки подключены к системе электронных карт, и я вижу все карты, которые разыгрываются за этим столом, — просто ответила она.

— Неплохо, — одобрил Томас.

— Так и что же нам делать? — спросила Карла.

— Думаю, правильно будет поделить банк пополам. Половину нам, а половину...

Кстати, как тебя зовут?

— Зовите меня просто L. — Женщина обворожительно улыбнулась, забрала предложенную половину и поднялась из-за стола, видно, решив, что благоразумнее будет отсюда убраться, пока они не передумали. Половина была все же лучше, чем ничего.

L была высокого роста и ходила, покачивая бедрами из стороны в сторону. Волнистые волосы цвета горького шоколада струились мягким шелком по её узкой спине. Томас глядел ей вслед со странным чувством тревоги. Казалось, что так уже раньше было. А потом он неожиданно понял — так действительно было. Он уже видел эту женщину — именно так она удалялась, когда накачала его парализатором и угнала его чертов корабль! Его словно прошибла молния, и он поспешил ее догнать.

— Подожди! Я знаю, кто ты!

L остановилась и выглянула из-за чёрных очков, окинув Томаса подозрительным взглядом.

— Интересно. Я тоже знаю, кто ты, — прошептала она. — Томас Форд Дебюсси Третий, бывший космический пират, а теперь вневременной агент и президент Солнечной системы. Что будет, если люди узнают, чем ты занимался до того, как стал президентом? А что будет, если узнает она? — женщина кивнула в сторону Карлы, которая сидела за столом

и с непониманием смотрела на Томаса.

— Я... поменял приоритеты, — в замешательстве проговорил он.

— Разве людей это волнует? Не важно, каким ты стал теперь. Ты был преступником.

Прошое часто определяет нас в глазах других.

— Это было сто лет назад. Нормальные люди столько не живут.

— Тем более.

— Ты говоришь мне о моем преступном прошлом, хотя сама украла мой космолёт!

— Я не президент. — Она пожала плечами. — И я думаю, тебе пора на корабль.

Сделать то, что ты должен сделать. А иначе... ты не родишься.

— Не понял, — признался Томас.

L развернулась и ушла, не удосужившись ничего объяснить. Томас решил не выпытывать. Космолёт она ему, конечно, не вернёт. Да и произошло это лет девяносто назад, так что срок годности преступления уже давно вышел. Главное он убедился — это действительно была она. Только вот что она такое?..

Он вернулся к Карле, словив все виды её непонимающих взглядов.

— Просто показалось, что я ее раньше видел, — объяснил Томас.

— Ну да, — бросила Карла. И прозвучало это немного ревниво.

Они собрались было сыграть ещё, но неожиданно перед глазами Томаса все потемнело. Он ухватился за край стола и ощутил, как внутри все сводит от острой боли. Сначала было терпимо, но потом словно кто-то начал резать его изнутри. Томас не выдержал и взвыл, повалившись на пол и свернувшись в клубок.

Карла среагировала сразу. За время, проведённое рядом с Томасом, у неё выработался рефлекс. Когда ему плохо, больно, когда он страдает, она сразу же бросается ему на помощь. Он был не просто ее пациентом. Он был ее самым близким и дорогим человеком.

Карла упала рядом с ним на колени и схватила его за руку, чтобы проверить показания его здоровья на компьютере.

— Черт... — простонал Томас.

От боли его начало трясти. С лица схлынула вся краска, и он стал похож восковую фигуру.

— Сейчас, — мягко проговорила Карла, открывая приложение здоровья.

Но то, что ждало в этом приложении, ввело ее в ступор. Там, где должны высвечиваться данные о состоянии организма Томаса, не высветилось ничего. Словно Томаса и не существовало вовсе.

— Нет данных! — воскликнула Карла. — Том, что с тобой?

— Мой проклятый прадед... как она узнала? Я распадаюсь и собираюсь снова. Я парадокс... Карла... Меня не существует. Я закольцован своим геном, но протяну не долго.

— Что?

— На корабль... Верни нас на корабль.

Карла мгновенно настроила луч телепортации на компьютере Томаса. Сработало быстро. Луч перенёс их прямо на борт «Чёрной жемчужины» и даже по пути не потерял в открытом космосе.

— А теперь... проверь информацию об Эдуарде Дебюсси.

Эта просьба показалась странной, но если Томас просил, то это было неспроста. Карла уложила друга на пассажирское кресло и бросилась к главному компьютеру, приказав ему

показать всю информацию о предке Томаса.

Причина недомогания Томаса быстро нашлась.

Эдуард Дебюсси женился на Эстель Жаккар.

— Пришло время, — прокричал Томас. — Вези нас в Елисейский дворец. На сцену теперь должен выйти я.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Когда Эдвард и Эстель обсуждали Жана Лобера, посреди президентского кабинета кто-то появился.

Госпожа президент отличалась быстрой реакцией, поэтому спустя секунду уже целилась в незваных гостей из своего пистолета. Это был рефлекс, который у нее срабатывал при виде любых посторонних. И в нем не было ничего удивительного — Эстель занимает свой пост полтора года, и за это время на нее уже было совершено два покушения. На ее месте Эдвард бы тоже так реагировал.

— Вы еще кто такие? — спросила она, покрепче стиснув рукоятку оружия.

Эдвард поднял взгляд на чужаков и даже как-то разочаровался.

— Знакомая марсианская рожа, — заметил Эдвард, встав рядом с Эстель. Просить ее убрать оружие он не стал. — Какого черта надо?

Чужаки не выглядели преступниками — Томас был так бледен, что больше походил на призрак, и вообще еле стоял на ногах, из-за чего пришедшей с ним хрупкой девушке пришлось взвалить его на свои плечи. Вряд ли эти двое пришли сюда для того, чтобы убить Эстель. Да и оружия у них не было. Однако Эдвард не собирался переубеждать Госпожу президента в том, что опасности нет, потому что он и сам не был в этом до конца уверен. После слов Элинор он стал относиться к Томасу иначе. В прошлый раз марсианин им помог — хотя назвать это помощью было трудно, — но это не означало, что они стали лучшими друзьями.

— Отойди от президента! — возмущённо воскликнул Томас и вырвался из рук девушки. Оказавшись без опоры, он качнулся в сторону и влетел в стену, точно был изрядно пьян.

— Том! — Девушка подлетела к нему и снова взвалила его на свои плечи.

— Мы работаем, — нахмурился Эдвард, не понимая, что происходит и отчего Томас так скверно выглядит. Белая кожа, заострённые черты лица — он больше походил на недоделанную мраморную скульптуру, только капельки пота на лбу и безумный взгляд выдавали в нем человека.

— Нет уж! — не унимался Томас. — Я не позволю вам пожениться!

— Что? — Эстель нервно усмехнулась и даже решила опустить пистолет. — Вы не так поняли. Мы просто работали над одним серьезным делом, и кем бы вы ни были, вас оно не касается.

— Мы работаем над вопросом национальной безопасности, — решил пояснить Эдвард. — А тебе, марсианин, лучше...

— Этот вопрос решу я, — перебил Томас. — Я приведу тебя к Жану Лоберу, но только при условии, что ты больше не подойдешь к Эстель Жаккар ни на шаг.

Это заявление ввело Эдварда в ступор. Ну конечно! Проклятый марсианин из будущего знает, где находится Жан. Тогда почему он не сказал об этом во время миссии с Вашингтоном? Что за игру он устроил? И стоит ли ему вообще верить?

Не доверяй никому, — эхом пронеслись в голове слова Элинор. — Не доверяй агентству...

Эдвард посмотрел на Эстель, как будто спрашивая, что она думает по поводу этого предложения.

Эстель убрала оружие и поинтересовалась:

— Откуда вы знаете, где находится Лобер?

— Просто мы из будущего, — ответил Томас. — И хотим помочь.

— И какой тебе от этого прок? — спросил Эд, посмотрев на марсианина с недоверием.

— Я не хочу, чтобы ты женился на Эстель Жаккар, — бросил Томас.

— Тебе-то какое дело?

— Ну так ты согласен или нет?

Эдвард замолк, пребывая в сомнениях. Это было чересчур просто, а он знал, что так просто никогда не бывает.

— Ну и чего ты размышляешь? — возмутилась Эстель, видимо, всерьёз настроенная на сотрудничество. — Если этот человек из будущего согласен выдать Жана, то о чем тут еще думать?

— О том, что нам его принесли на блюдечке. Зачем? Почему не приносили раньше?

Томас поспешил объяснить:

— Ты, который из будущего, сказал мне об этом совсем недавно. Я сам раньше знать не знал ни о каком Жане Лобере. Ну так что? Предложение действует только сегодня, успевай воспользоваться такой уникальной возможностью.

— Попахивает подставой, — честно ответил Эдвард.

— Да ладно тебе. Я думал, мы теперь отличная команда. Но если сомневаешься... — Марсианин засучил рукав плаща и отстегнул компьютер. Когда широкий ремень оголил руку, то стало видно, что по предплечью Томаса вьется какой-то серебристый кабель, который уходит прямо под кожу. Томас отключил от этого кабеля прямоугольный предмет, похожий на флеш-накопитель, и продемонстрировал его Эдварду. — Без этой штуки я протяну не больше получаса. И я готов оставить ее здесь. Вот так я тебе доверяю.

— Но, Том, тебе нельзя без модуля, — не на шутку взволновалась пришедшая с ним девушка.

— Все нормально, Карла, — уверил ее Томас.

— Нет, не нормально! — возмутилась она.

— Что это за штука и почему она так важна? — спросил Эдвард.

— У Тома аллергия на все, на что только возможно, — начала объяснять Карла. — На орехи, цитрусы, пыльцу, насекомых и многое другое. В один прекрасный день он решил от неё избавиться и установил в себя соответствующий медицинский модуль. Этот модуль и правда помог ему справиться с аллергией, вот только теперь без него его жизнь невозможна. Через полчаса после отсоединения он отекает, кашляет, покрывается пятнами и задыхается, словно отдувается за все те моменты, когда модуль спасал ему жизнь. Без него он умрет.

— Возьми его, Карла. — Томас протянул девушке модуль.

— Ну нет! — воскликнула она. — Немедленно установи его обратно!

— Я быстро. Ничего страшного не случится.

— Ты же умрешь! Я как твой врач тебе запрещаю.

— Ну, врачей я не особенно слушаюсь.

— Это не смешно.

— Ну как хочешь. — Томас подобрался к столу президента и положил модуль там.

Карла, видимо, поняла, что Томаса не переубедить, поэтому сдалась, подлетела к столу

и схватила модуль в свои руки так, точно он был самым ценным предметом во вселенной.

— Ну вот, — изрек Томас, повернувшись к Эдварду. — Я оставляю здесь Карлу и модуль — все самое важное, что есть в моей жизни, — в качестве залога. Теперь пойдешь ловить проклятого Жана или нет?

Эдвард не знал, верить в эту историю с аллергиями или нет. Томас и Карла вполне могли разыграть спектакль, чтобы заманить Эдварда куда-нибудь в неизвестное место. Однако если появилась возможность поймать Жана, то стоило рискнуть. Эдвард не был беспомощным и вполне мог в случае чего за себя постоять.

— Ладно, — согласился он наконец. — Валяй.

Томас удовлетворенно кивнул и подполз к Эдварду, взяв его за рукав кофты. Через мгновение они растворились, оставив после себя облако золотого тумана.

Эдвард не понял, куда его переместил Томас, но сам неожиданно решил перетянуть его в другое место. Они оказались на крыше дома Анаис, где Эд пихнул марсианина к кирпичной трубе и приставил к его лицу пистолет.

— Об этом ты мне не сказал, — пискнул шокированный Томас. — Так вот за что ты извинился.

— Кто убил Элинор?! — спросил Эдвард и свободной рукой схватил его за ворот плаща.

— Что?.. — растерялся тот.

— Назови мне имя убийцы Элинор! — потребовал Эдвард.

— Её не убивали.

— Не ври!

— Это правда, Эдвард.

— Спрашиваю в последний раз, кто ее убил?!

— Она сама себя убила! — взорвался Томас.

— Она не могла...

— Но убила!

— Ты врешь, сукин сын. Знаешь, что она мне сказала перед тем, как ее убили? «Не доверяй агентству»! Ты единственный, кто связан хоть с каким-то агентством!

— Что за бред? — фыркнул Томас. — Нет. Я не вру.

— Назови мне хоть одну причину тебе верить.

— Послушай, Эдвард, — терпеливо начал Томас. — Форд — это ведь не моя фамилия. Это имя. Томас Форд — это два имени. Моя фамилия Дебюсси. Я твой правнук, а ты мой прадед. Я не стал бы тебя обманывать. Так что убери, пожалуйста, пистолет от моего лица, а то пахнет он не очень. — Он отодвинул от себя дуло, словно то было лишь назойливой мошкой.

— Что ты несешь?

— Знаю, что в это трудно поверить, поэтому я без резких движений покажу тебе одну фотографию. — Томас медленно подтянул к себе руку, в которой так и сжимал снятый компьютер, и через несколько секунд вывел в воздух изображение. — Здесь мы с тобой.

Эдвард уставился на фотографию. Там были изображены Томас и какой-то семидесятилетний седой старик. Они обнимали друг друга за плечи и с улыбкой глядели в камеру, словно дед и его внук. И... этот дед и вправду был похож на Эдварда, если бы он постарел лет на сорок.

— Что за... черт?..

— А если и это не убедило, то ты записал видео. — Томас провёл пальцем по голограмме и включил появившееся там видео с физиономией того самого старика.

— Привет, Эдвард, — заговорил он, и у Эдварда по спине пробежались мурашки. — Странно, да? Плохо помню, что случилось в тот день, но слушай Тома. Он хороший парень и действительно пытается помочь. — Старик посмотрел куда-то в сторону, словно собираясь с мыслями, и Эдвард увидел металлический предмет, который тянулся по его правому виску и уходил под седые волосы. Что это за приспособление, разобрать так и не удалось. — Иногда, оглядываясь назад, я думаю, что было бы, сложись все иначе. Ведь это было слишком тяжело. Все, что происходит в твоей жизни сейчас, это ещё цветочки. И у меня есть возможность сказать тебе что-то, чтобы все изменить. Но я не стану этого делать. Просто будь готов к тому, что дальше будет хуже, но никогда не забывай, что в жизни не бывает все только черным и только белым. Вообще, жизнь — это дикая палитра красок, где есть такие цвета, о существовании которых ты даже не подозревал. И каждый видит эти цвета по-своему. Например, это не черный, а обсидиановый или цвет ночного неба. Ты видел цвет ночного неба? Разве оно чисто черное? И... наверное, ты думаешь, к чему я все это говорю? К тому, что... — Он опустил взгляд, а потом резко устремил его в камеру. — То, за что ты стоишь, это правильно. Не останавливайся. Никогда.

Видео закончилось. Лицо старика застыло, и его печальный взгляд был устремлён прямо на Эдварда. Это было так жутко, что внутри все свернулось в тугой узел.

— Я иногда прилетаю к тебе, — сказал Томас, разрушив напряжённую тишину и погасив голограмму. — Мы общаемся. Ведь твой сын, Томас Форд Первый, улетел в будущее на экспериментальной машине времени и застрял в тридцать восьмом веке. Он работал над машиной времени, которая может путешествовать в будущее, но не очень в этом преуспел. А у нас любые машины времени запрещены, кроме служебных, конечно, так что он не смог ни доделать её, ни вернуться назад. Я навещаю тебя, потому что... у тебя никого не осталась. Знаю, видео не внушает оптимизма, но на самом деле у тебя была не такая и ужасная жизнь. Ты был счастлив. Рядом с тобой были люди, которые тебя любили. Наверное, это самое главное.

— Но...

— Во избежание некоторых вопросов скажу сразу, что я знаком с тобой уже стариком. Я тебя видел несколько раз в юности, но мы с тобой не общались. Во время заварушки с Вашингтоном я тебя просто не узнал. Если бы узнал, то первая встреча оказалась бы более... адекватная. Так что я сам виноват в том, что сейчас ты ко мне относишься с недоверием.

Эдвард отступил и оглядел Томаса с ног до головы. В марсианине с самого начала было что-то знакомое. Что-то, что он видел в самом себе. Эта манера поведения, эти чёрные, как уголь, волосы, эти скулы и даже форма носа, — ну вылитый Эдвард в двадцать лет. И как он мог не заметить этого раньше? Впрочем, раньше было и не до этого.

— Я отведу тебя к Жану, — сказал Томас. — Просто... поверь мне.

Томас сдержал обещание. Он привел Эдварда к небольшому увитому плющом домику в городке Живерни. Место было очень симпатичное — кругом пестрели цветы, шуршали листвой деревья и голосили мелкие птички. Домик стоял на отшибе города и прятался за ветвями кустарника, только ярко-синее окно выделяло его среди этой зелени.

Эдвард не верил, что самый страшный преступник в истории нашел себе убежище в

таком живописном месте.

— Он живет там, — сообщил Томас.

— Тогда вперед, — скомандовал Эд и двинулся по узкой дорожке в сторону кованой калитки.

О жутком видео он предпочёл не думать. Ну, увидел он себя будущего, и что с того? Эдвард много всего повидал за свою жизнь, так что это не должно было казаться таким уж странным. Просто небольшое послание из будущего. Не особенно воодушевляющее, но Эдвард другого, в общем-то, и не ожидал. Даже удивительно, что он сможет дожить до такого возраста.

С такими мыслями Эд толкнул калитку, которая оказалась не заперта. Дорожка за ней продолжалась и вела к крыльцу, на котором стояли резиновые сапоги и простого вида удочки, точно тут жил какой-то сельский рыбак. Рядом с крыльцом росли розы, благодаря которым воздух был пронизан их густым ароматом.

— Очень мило, — заметил Томас, следуя за Эдвардом. — У меня на Марсе тоже раньше рос цветок. Правда, он помер.

— Жаль, — бесцветно ответил Эдвард.

— Очень. Но зато у нас много кактусов. А я обожаю кактусовый сок! Но чай все же люблю больше.

Эдвард постучал в деревянную дверь, решив, что если в течение минуты никто не откроет, то он ее выбьет.

На удивление замок изнутри щелкнул, и дверь отворилась. На пороге возник Жан Лобер собственной персоной. Сонный, в растянутой футболке и со спутанной шевелюрой, словно обычный человек, за спиной которого не было горы трупов. На его лице была тронутая сединой щетина, и Эдвард решил, что Жану должно быть уже за сорок. При виде незваных гостей он распахнул голубые глаза и застыл. Когда он сообразил, что происходит, то резко начал закрываться, но Эд уже сунул ногу в щель и дернул дверь на себя.

— Жан Лобер, — изрек Эдвард. — Я арестовываю вас за преступления против человечества и истории. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас. Вы имеете право на адвоката. Если вы не можете оплатить его услуги, то адвокат будет предоставлен вам государством, — зачитал он права, а потом решил добавить: — Хотя хрена с два с тобой вообще будут возиться, ублюдок. Радуйся, что я не пристрелю тебя на месте, хотя у меня есть приказ при необходимости тебя ликвидировать.

— Так ликвидируй, — хрипло сказал Жан.

— Ну нет, — покачал головой Эдвард. — Так просто ты не отделаешься. Руки! — Он ткнул в него пистолетом, и Жан послушно поднял руки.

— Классный домик, — между делом заметил Томас, заглядывая внутрь, но Эдвард вытолкнул его обратно за порог.

— Стой там.

Эдвард знал, что Жан Лобер не сможет переместиться в другое место. Для того чтобы телепортироваться, ему нужно убить путешественника во времени. Выбор, конечно, у него большой, но Эдвард не позволит ему убить ни себя, ни Томаса. Больше этот тип никого и никогда не убьёт.

— Ну что ж, — вздохнул Жан. — Сдаюсь.

— Ах да, я забыл сказать, — вставил Томас. — Мы из будущего, из 2048 года. Радуйтесь,

что у вас есть такая возможность переместиться на целых восемь лет вперед!

Эдвард не очень хорошо знал Томаса, но ему показалось, что марсианину просто нравится объяснять людям из прошлого, что он прибыл из будущего.

— Что? — не понял Эдвард.

— Это 2040 год, — сказал он.

— Ладно. Найдешь дорогу в кабинет Эстель сам? А я отправлю Жана за решетку.

— Ок, — ответил Томас.

Томаса долго уговаривать не пришлось. В горле уже начало першить, так что нужно было подключиться к медицинскому модулю как можно скорее. Томас растворился в воздухе и появился в кабинете президента Франции. Карла пила кофе с Эстель Жаккар и о чем-то с ней разговаривала, но, увидев друга, отбросила от себя чашку и кинулась к Томасу.

— Идиот! — воскликнула она, толкнув его в плечо, но потом резко переменила политику и крепко его обняла. — Никогда так больше не делай.

Томас кивнул.

Карла тем временем вытащила модуль и быстро присоединила его к серебристому кабелю на руке Томаса.

— Ну а где же Жан Лобер и Эдвард? — спросила президент.

— Они отправились в отделение, — ответил Томас.

— А где доказательство?

И, словно в ответ на этот вопрос, часы на руке Эстель пискнули, оповещая о входящем звонке. Эстель нажала на экран, и в воздух вышла голограмма, изображающая мужчину в черном костюме с галстуком. Томас увидел только затылок с небольшой лысиной, но все равно понял, кто связался с президентом. Эммануэль де Ла Сиверр, министр внутренних дел.

— Госпожа президент, — раздался голос из часов. — Новости от наших путешественников. Жан Лобер пойман. За тридцать три года своего существования они наконец справились со своей задачей.

Томас и Карла вернулись на «Черную жемчужину», которая зависла в нескольких метрах над Елисейским дворцом. Томас тут же без сил упал на пассажирское кресло и тяжело вздохнул.

— Ты придурок, — сказала Карла.

— Ну и что? — не впечатлился он.

— Ты мог умереть.

— Не мог. Карла, я же знал, чем все закончится. Эдвард мне рассказал.

— А ты не мог сказать об этом раньше, чтобы я не волновалась?

— Ну, прости.

— Я твой чертов врач и должна следить за состоянием твоего здоровья! — От эмоций Карлу даже трясло.

— Я знаю. — Томас взял ее за руку и усадил рядом с собой.

— Тупица! — воскликнула она. — И какого черта ты вообще начал перемещаться самостоятельно?! Ты же знаешь, что тебе это вредно!

— Да.

— Тогда почему?! — ее голос сорвался, а на глазах выступили слезы. — Почему ты так к себе относишься? Ты же не бессмертный! Я столько раз лечила тебя и зашивала твои

чертовы раны! Не уважаешь себя, тогда уважай хотя бы людей, которым ты не безразличен!

— Я... — Томас неожиданно помрачнел. — Я устал.

Карла взглянула на него полными слез глазами и удивленно замерла. Томас не ощущал себя больше легкомысленным парнем. Теперь он чувствовал себя двухсотлетним стариком, коим и являлся на самом деле. Наверное, Карла тоже что-то такое увидела, поэтому теперь сидела, будто оглушенная.

— О чем ты говоришь? — настороженно спросила она.

Томас не мог больше держать все в себе, поэтому решил высказаться.

— Люди вокруг меня... мои друзья, родственники, все кого я когда-то любил... все умирают. А я нет. Я устал так жить. Мне двести земных лет, разве это нормально? Думаю, если я умру на каком-то из заданий, то и слава богу. Давно пора. А если не умру, то хотя бы состарюсь. Мне уже... на все плевать.

— И... давно ты так решил? — упавшим голосом спросила Карла.

— Почти сразу же после Вашингтона.

— Нет... — Карла уже не сдержала слез. — Неужели ты специально подвергаешь себя опасности все эти полгода? Как ты так можешь? Я... каждый раз спасаю твою чертову жизнь, а выходит, она тебе и не нужна? А обо мне ты вообще думаешь? Я думала, мы друзья. Я переживаю за тебя, волнуюсь, думаю, как бы Томас не поранился. А Томас специально нарываётся на неприятности и хочет умереть. Да я сама тебя сейчас прикончу, тупица ты такая! — Она набросилась на него и начала барабанить по его груди.

Томас был в шоке. Он никогда не видел, чтобы Карла устраивала истерику. Наоборот, она в основном была достаточно хладнокровной, но тут... Видимо, он сильно ее задел, раз она так бурно отреагировала.

— Тихо, — пробормотал он, ухватив ее за руки. Но она вырывалась и продолжила кричать и обзывать его.

Тогда Томас крепко прижал ее к себе, и Карла не смогла больше двигаться. От бессилия она разрыдалась, уткнувшись в его плечо, и проговорила:

— Ненавижу тебя.

— Хоть в чем-то мы сошлись.

— Придунок.

— Я не думал, что ты так к этому отнесёшься.

— Ты вообще хоть когда-то думаешь? — всхлипнула она, прижавшись к нему сильнее.

— Ты же знаешь, что сначала я что-то говорю или делаю, а потом думаю.

— Томас...

— Прости, — выдохнул он.

— Пообещай, что ты больше не будешь подвергать себя опасности, — попросила Карла.

Томас молчал, словно размышляя над ее словами. Но на самом деле размышлять было не о чем. Если он удумал умереть, значит, ничто теперь его не переубедит. Он упрямый, как осел. Томас прекрасно знал о своем этом качестве. И Карла о нем тоже знала.

— Пожалуйста, — едва слышно произнесла она.

С ее лица схлынула вся краска. Губы посинели, как будто ей было холодно, а под глазами залегли темные круги. Томас видел, что ей больно и страшно, однако и это не могло его переубедить.

— Томас, — позвала она.

— Я уже все решил.

От этих слов Карла ещё сильнее стала рыдать.

— Ты не понимаешь, — сказал Томас. — Рано или поздно ты уйдёшь. Все уходят. А я остаюсь один. Всегда. Словно это мое наказание. За что? Я не знаю. Но что бы я ни делал, вот что я получаю. Мне это осточертело. Осточертело терять близких. В конце остаюсь только я и вся эта неподъемная боль. Могу я хоть раз уйти раньше? Рано или поздно у тебя будет своя жизнь, в которой мне практически не останется места. Обычная жизнь. Обычного человека. Какой у меня никогда быть не сможет. Так что просто проживи её. Но без меня.

— Мне не нужна такая жизнь, где не будет тебя! Ты потерял близких людей, ты знаешь, какую боль испытал, неужели ты хочешь, чтобы и я ее испытала? У меня кроме тебя никого нет. Ты мой самый близкий человек. И я люблю тебя. Ты не можешь меня оставить.

— Я не хочу видеть, как ты стареешь.

— Так давай стареть вместе. Ты же можешь! Вон, у тебя уже появилась на лбу морщина. Если ты так хотел нормальную жизнь, так проживи ее и умри как все остальные люди, — пыталась переубедить она.

— А что, если это не так работает? Мы же не знаем наверняка. Мы только предположили.

— Мы разберемся.

— Я не хочу. Не надо ничего придумывать. Я уже все решил.

— Тогда... — Карла вырвалась из его рук и поднялась. — Как только мы приедем, я попрошу меня перевести. Я не хочу видеть, как ты умрешь.

— Как хочешь, — ответил Томас. — Так будет даже лучше.

Для Жана Лобера была подготовлена специальная камера, из которой путешественник во времени не мог переместиться, как бы ни пытался. Она находилась в подвале дома, в бомбоубежище, прямо под клиником «Триаль», которую такое соседство ничуть не беспокоило. Эдвард затолкал туда Жана, пока Жиллен докладывал об успехе министру внутренних дел.

Жан сидел на кровати, сгорбив спину, и глядел в пол. На всякий случай на его руку надели ловушку для путешественника во времени. Эдвард подобрался к решетке, не веря, что главное дело его жизни завершено. Однако это был еще не конец. Еще было много всего, с чем ему предстояло разобраться.

— Где Невё? — спросил Эдвард, прислонившись к решетке.

— Знать бы кто это, — устало ответил Жан.

— Тип, который убил молодого Вашингтона.

— Какого еще Вашингтона?

— Джорджа Вашингтона! — воскликнул Эд, но потом закатил глаза и продолжил допрос. — Невё работает на тебя? Зачем ты пытаешься изменить прошлое?

— Ох, Эдвард. Сам подумай. На кой черт мне менять прошлое? Если в прошлом погибнет какой-нибудь человек, не дай бог, путешественник во времени, то может статься, я вернусь назад, и мне придется снова убивать людей, чтобы переместиться вперед. Так уже однажды было. И это было не очень-то приятно. Не пытайся повесить на меня все злодеяния этого мира. Хотя... сейчас я был бы не против вернуться немного назад, до того момента, как ты меня посадил.

— Откуда ты знаешь мое имя? Мы не знакомы. Ты меня никогда раньше не видел.

Жан приблизился к решетке и посмотрел на Эдварда исподлобья.

— Однажды ты станешь мне помогать.

— А то что?

— О, нет-нет! Это не угроза. Это всего лишь твое будущее.

— Я никогда не буду помогать... тебе.

— От моей жизни зависит твоя жизнь. Тебе придется.

— Эдвард, — раздался голос за спиной. Это в тюрьму вошел Жиллен. — Молодец.

Можешь идти. Я должен провести допрос. Не ты.

Эдвард ожидал увидеть на лице начальника ярость, но ярости не было. Хотя почти наверняка потом им предстоит серьезный разговор. Но зато теперь история свободна от Жана. Теперь все его жертвы отомщены.

И хоть Жан ее не убивал, но теперь отомщена и мама.

— Ты женился на Эстель Жаккар?! — воскликнул Гюстав, когда Эдвард появился на втором этаже.

Он успел вкратце рассказать о событиях сегодняшнего дня только Жаклин, и, видимо, племянница уже всем разболтала.

— Так сказал Томас. Он был очень несогласен.

— Почему я не удивлён? Она вполне в твоём вкусе.

— Ты о чем? — не понял Эдвард.

— Ну, блондинка, с короткими волосами, невысокая и имя у неё на «Э».

— Это тут при чем?

— Ты что, шутишь? Вспомни всех своих бывших. Они как под копирку.

— Бывших. Ты так говоришь, точно их целая толпа.

— Окей. Эмма, Эль, Элинора, Эстель, — перечислил Гюстав, загибая пальцы. — Целых четыре штуки. Все блондинки, все на «Э». И все достаточно выдающиеся — директор НАСА, директор Лувра, учёный-астрофизик и президент Франции.

— Эль и Эстель не считаются, — возразил Эдвард. С ними отношений у него не было.

— Ну все равно они тебе нравились, — не унимался Гюстав.

— И что?

— А то, что здесь прослеживается некоторая закономерность. Эдвард, тебе нравится определенный тип женщин. И... это меня напрягает.

— Почему?

— Потому что одна девушка очень подходит под твой типаж. И эта девушка мне нравится.

— Кто?

— Эдит.

— Вот только не она, — фыркнул Эд. — Даже не напрягайся. Я же говорил, что мне сейчас совсем не до этого.

— Я надеюсь, — с грустью отозвался Гюстав.

АГЕНТСТВО ВРЕМЕНИ, 4023 ГОД

Не успела «Черная жемчужина» добраться до посадочной площади в недрах станции, которую занимала штаб-квартира Агентства времени, как у Томаса на корабле появился незванный гость.

— Ну и что это ты тут устроил? — спросил этот гость.

Томас как раз стоял у панели управления и глядел в лобовое стекло, погруженный в

свои депрессивные мысли. Услышав чужой голос позади себя, он подпрыгнул от неожиданности.

— Какого черта?! — воскликнул он.

На пассажирском кресле развалилась женщина с бутылкой пива в руке. Это была уже знакомая Томасу L, которая черт знает каким образом пробралась на корабль. Видимо, она тоже могла путешествовать во времени, как и Томас, иначе объяснить это было нельзя. Вот только тут появился один вопрос — зачем она в свое время украла у него корабль со встроенной машиной времени, если вполне могла обойтись без него? Но размышлять об этом у Томаса не было сил. L закинула ноги на его журнальный столик и хлебнула из бутылки. От такой вопиющей наглости Томас чуть не взорвался.

— Что ты тут делаешь?! Это мой корабль! Я не позволю тебе угнать и его!

— Да сдался мне твой корабль, — ответила она. — Ты лучше скажи, почему ты так поступил с Карлой?

После невеселого разговора Карла расстроилась и заперлась в своей каюте, ни разу не появившись в кабине за весь путь до дома.

— Так будет лучше.

— Кому лучше? Она сказала, что любит тебя, а ты разнылся и сказал, что хочешь сдохнуть. Не дословно, конечно, но суть примерна такая. Кому тут будет лучше? Точно не ей. Но и не тебе тоже.

— Ты что, все это время была тут и подслушивала?! — решил Томас.

— Мне что, делать больше нечего? Немедленно соберись и пойдешь извиняться перед ней. Иначе случится нечто ужасное. Сказать, что именно? — L подалась вперед и очень серьезно посмотрела на Томаса.

— Что? — спросил он.

— Карла придет в свой отсек и возьмет лошадиную дозу транквилизатора, а потом вместе с этой дозой уляжется в кровать и вколет себе все до капли. На утро ее найдут мертвой. А ты... Ты будешь винить в этом себя, потому что это на самом деле будет твоя вина. Ты запишешься добровольцем на войну у Проксима Центавра*, где и помрешь. Но помрешь уже не так, как предполагал. Не легко и не просто, а с огромным грузом на душе, с неподъемной виной. Так что я советую тебе исправить все, пока еще не поздно. Пока у Карлы еще есть возможность прожить долгую и счастливую жизнь.

— С чего ты все это взяла? Ты же не из будущего. Откуда ты знаешь?

— Давай, Томас. Иди к ней. Ты все время ноешь, что одинок и никому не нужен, и даже не замечаешь, что уже стал для кого-то центром Вселенной.

— Кто ты такая? Откуда ты все это знаешь? И откуда узнала об Эдварде?

— Еще бы мне об этом не знать!

— Что это значит?

— Просто я вижу время. Я им руковожу.

— А это что значит? — Томасу даже стало жутко от этой женщины.

— Не твоего ума дело. Все, что ты сейчас можешь, это собраться и прожить нормальную жизнь, о которой ты так мечтал. Не понимаю, тебе принесли такую возможность на блюдечке, а ты от нее отказался. Где логика? Или ты боишься, что что-то пойдет не так, потому что у тебя все время все идет не так? Возможно. Но... лучше рискнуть, чем потом всю жизнь жалеть о том, чего ты не сделал. Не разочаруй меня, Томас.

Томас всерьез задумался над этими словами. Что-то в его голове перестраивалось, и он

начал смотреть на свою жизнь по-другому. Карла действительно сказала, что любит его, только он пропустил эти слова мимо ушей. Что это значило? Что она любит его как друга или намного больше? Она предлагала им вместе состариться. Значит, возможно, она любит его больше, чем друга. Наверное, он настоящая свинья, раз так обошёлся с ее чувствами. К тому же, если эта женщина по имени L говорит правду, то жизнь Карлы зависела от его действий. И он не мог стать причиной смерти самого близкого человека в его теперешней жизни.

— Вот то-то же, — удовлетворенно сказала L, словно слышала его мысли, и отклонилась обратно на спинку кресла, хлебнув ещё пива.

— Я не допущу, чтобы она так рано умерла, — твёрдо заверил Томас.

И ради Карлы действительно был намерен отказаться от всех слов, которые наговорил.

* Проксима Центавра, или Альфа Центавра С — красный карлик, ближайшая к Земле звезда после Солнца, находящаяся в звездной системе Альфа Центавра.

ЛОНДОН, 1920 ГОД

Дэнни очень понравилось выступление Гудини в Лондоне, а в особенности трюк с прохождением сквозь кирпичную стену. В одной из лож сидел Артур Конан Дойл и в полном замешательстве следил за этим фокусом. Заметив известного писателя, Дэнни невольно рассмеялся. Его лицо надо было видеть!

Когда шоу закончилось, Дэнни, как и собирался, пообщался с Гудини. Фокусник осведомился о здоровье его руки, которую не так давно освободил из металлической хватки дьявольского браслета, и Дэнни пришлось солгать, что все почти зажило. Он ведь не мог сказать, что после их встречи в Нью-Йорке сразу же переместился смотреть концерт.

Через некоторое время к Гарри пришёл знакомиться Дойл, и Дэнни решил не мешать, отправившись на прогулку по городу. Гуляя по Лондону, он неожиданно вспомнил Айлу. Хоть с того путешествия в 1889 год прошло не так много времени — по правде, Дэнни вернулся из него всего два дня назад, — он уже успел соскучиться по этой своенравной юной англичанке.

Она уверяла, что они познакомились в 1888 году, причем, как-то во время одной из прогулок даже упомянула, что это было самое начало осени.

Вы спасли мне жизнь, — вспомнил Дэнни ее слова.

Интересно, от чего именно?

И тут его осенило. Во второй половине 1888 года орудовал страшный маньяк — Джек-Потрошитель! От осознания этого у Дэнни похолодело в груди. Спас жизнь? Мог ли он спасти Айлу от Джека-Потрошителя? Но зачем Джеку-Потрошителю на неё нападать? Он ведь выбирал в качестве своих жертв девушек иного круга, к которому Айла никак не могла принадлежать. Но кто знает? Если он безумный маньяк, то мог для разнообразия выбрать жертву и из богатой семьи. Произойти могло все что угодно. И Дэнни почувствовал, что должен спасти Айлу немедленно. Объяснить это странное чувство он не мог — оно просто возникло. Но Дэнни ни секунды не сомневался в том, что оно верное.

Подгоняемый паникой, он поймал машину и приказал водителю отвезти его в Уайтчепел. Там, в этом печально известном районе, Дэнни бегал по улицам и заглядывал в прошлое, пока не увидел то, чего больше всего опасался увидеть.

На улице Хэнбери-стрит мужчина в темной, как ночь, одежде тащил вдоль стены дома миниатюрную девушку. И хоть Дэнни видел их со спины, он не мог не узнать прекрасное темно-синее платье Айлы, в котором она была во время их встречи в Нью-Йорке.

ЛОНДОН, 1888 ГОД

Дэнни даже не стал размышлять. В одно мгновение он преодолел границу времени и очутился позади маньяка. По пути Дэнни сунул руку в карман, чтобы вытащить пистолет, но запоздало понял, что пистолета у него нет. Наверное, потерялся во время стычки с Бутом. Вот же черт! Айла барахталась в руках убийцы и пыталась кричать, но тот крепко зажимал ей рот, из-за чего у девушки вырывалось только приглушенное мычание.

В правой руке Потрошителя блеснул нож. Дэнни сразу заметил оружие и решил — была не была, он справится и без своего пистолета. Его союзником был эффект неожиданности, а это было немало.

Молодой человек прыгнул к маньяку и схватил его за правую руку, свернув ее под

неестественным углом. Нож выскользнул и звякнул о булыжную мостовую. Айла вырвалась и тут же распласталась где-то рядом. Дэнни собирался хорошенько приложить Потрошителя о стену дома, но тот неожиданно крутанулся и ударил его в правый бок. Это место моментально налилось горячей, как раскаленное железо, болью. Дэнни с ужасом понял, что у маньяка был еще один нож. Возможно, он выскользнул из рукава с помощью какого-нибудь хитроумного механизма. Орудий для убийства людей было придумано много, не исключено, что существовало и нечто подобное.

Потрошитель с силой повернул нож в ране, и у Дэнни все смешалось перед глазами.

Вот он, конец, — пронеслась мысль в его голове.

Но убийца неожиданно ослабил хватку и попятился назад. Дэнни соскользнул по стене и поглядел на свой живот. Из него торчала небольшая рукоятка клинка. Потом он поднял затуманенный взгляд вверх и заметил, как фигура Потрошителя неустойчиво бредёт прочь по улице. Из плеча убийцы торчал нож, вероятно, тот самый, который выпал на мостовую. Воткнуть в него этот нож мог только один человек. Айла.

— Вы в порядке? Вы живы? — Девушка опустилась рядом с Дэнни. Ее глаза были полны ужаса и слез.

Дэнни хотел показать, что с ним все в порядке, но сам понимал, что в порядке он не был. Даже пуля в бедре, полученная на войне, казалась на так страшна, как развороченный живот.

— Бывало и похуже, — покряхтел он, не особенно веря в эти слова.

— О боже! Мы должны добраться до моего дома, мой брат вам поможет, он врач!

Айла попыталась помочь Дэнни подняться, но все ее усилия оказались напрасными. Дэнни уже не соображал. Перед его глазами все плыло, а тело перестало ему подчиняться. Через мгновение мир потух, как огонёк свечи, и Дэнни провалился в небытие.

Он очнулся в уютной комнате, обставленной дорогой мебелью. Напротив него был большой белый камин, на котором громоздились блестящие вазы разных форм и размеров. На стене, прямо над этими вазами, висела картина в широкой золотой раме. Дэнни глядел перед собой, не смея шевелиться, и пытался понять, что происходит. Все это он видел впервые. Как он тут оказался? А главное — где это «тут»?

— Вы проснулись? — спросил кто-то.

Голос прозвучал совсем близко. Дэнни скользнул взглядом в правую от камина сторону и увидел мраморный бюст на постаменте. В груди резко похолодело, потому что Дэнни решил, что говорил этот бюст, но потом он заметил кресло, в котором утопала миниатюрная девушка, и понял, что говорила она.

Это была Айла.

— Как вы? — спросила она, подобравшись к Дэнни и пристроившись рядом с ним.

Девушка куталась в шерстяную шаль и глядела на него сонным взглядом. Вероятно, она проспала здесь все то время, что Дэнни был без сознания.

— Что... случилось? — проговорил он охрипшим голосом.

Он попытался подняться, но бок пронзила боль, которая не позволила ему этого сделать. Дэнни оглядел себя и понял, что раздет по пояс и что практически через весь его живот тянется толстая белая повязка.

— Вас сильно ранили, и я привезла вас к себе. Мой брат зашил вашу рану, так что вам лучше не делать резких движений. Мы пытались отыскать у вас документы, чтобы сообщить

вашей семье о случившемся, но ничего не обнаружили, кроме билета на концерт какого-то Гоудена.

— Гудини, — поправил Дэнни.

— Пусть так. Вы пробыли у нас около двенадцати часов. То есть всю ночь. Если бы вы сказали, как вас зовут, то мы могли бы связаться с вашими родственниками и сообщить о том, что вы живы.

— У меня здесь нет родственников, — ответил Дэнни. — Я из Америки, путешествую.

— Понятно.

— Что ты вообще делала в том ужасном районе, Айла? Я понять не могу, почему Джек-Потрошитель на тебя напал.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? И кто такой Джек-Потрошитель?

— Тот маньяк, который вчера пытался тебя убить.

— Это вы его так прозвали?

— Не совсем... Ну так что ты там делала?

— Кожаный фартук убил женщину, Мэри Энн Николс. Эта женщина какое-то время работала у нас горничной. Мне было очень жаль бедняжку, она не заслужила такой участи, поэтому, чтобы предотвратить подобные зверства, я решила расследовать это дело, высматривая подозрительных личностей. Я его выследила, я его смогла найти! Но следила я за ним на расстоянии. Он прятал лицо за воротником, поэтому я хотела подобраться поближе, чтобы узнать, как он выглядит. Но, на мою неудачу, он заметил меня, и мне пришлось бежать. Как вы поняли, он меня догнал. Если бы не появились вы, то я сегодня была бы мертва. Правда, самое печальное, наши с вами жертвы были напрасны, потому что сегодня утром в газетах написали о втором убийстве. Видно, после того как я пронзила убийцу ножом, он не успокоился и решил убить еще одну женщину. Ее звали Энни Чэпмен.

— Ох, — вздохнул Дэнни. — Это не последняя его жертва.

— Думаете, он будет убивать еще?

— Я уверен в этом. Потрошителю приписывают от пяти до пятнадцати жертв.

— Но я слышала только о двух! — в ужасе воскликнула Айла.

— Думаю... эээ... еще услышишь и о других.

— Откуда вы знаете?

— Просто я тоже, можно сказать, расследую это дело.

— Вы среди добровольцев, которые патрулируют улицы Уайтчепела?

— Именно так, — оживился Дэнни.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Дэнни Готтфрид. Приятно познакомиться.

— Айла Вукчич. Добро пожаловать в особняк Вукчичей.

— Очень мило.

— Но все-таки, — задумалась Айла. — Откуда вы знаете мое имя?

— Не знаю. Наверное, услышал сквозь сон. Твой брат так к тебе обращался. Или мне показалось?

— Ладно...

— Твой брат ведь врач? Где он сейчас?

— Он ушел в больницу. Он там работает. В основном в морге, иногда проводит консультации для полиции. Он настоял на том, чтобы вы остались у нас, потому что в таком виде вы уж точно далеко не уйдете.

— Резонно.

В общем, я и не собирался уходить, — подметил он про себя.

— Вы потеряли много крови. Кстати, мне поручили наблюдать за вашим состоянием, а еще позаботиться о завтраке!

Айла подошла к камину и дернула за шнурок, который тянулся вдоль стены. Через несколько минут в комнату вошел лакей, и девушка приказала ему принести завтрак для гостя. Выслушав пожелания хозяйки, он с учтивым поклоном удалился.

— Так значит, ты выслеживала убийцу, — проговорил Дэнни, не в состоянии уложить это в своей голове.

— Ну да.

— Убийцу, который буквально потрошит женские тела. Ты нормальная?

— Простите, но почему вы со мной говорите в таком тоне?! — возмутилась Айла, опешив от его слов.

— Или ты думаешь, что бессмертная? — продолжил Дэнни, пропустив ее замечание мимо ушей. — Если ты молодой, не значит, что бессмертный. Многие молодые люди почему-то именно так и думают. Именно поэтому они записываются добровольцами на войну, до которой им, в общем-то, нет никакого дела, и воображают, что вернутся с нее героями, совсем не задумываясь, что могут с нею вовсе и не вернуться. И когда они оказываются на волосок от смерти, то понимают, что умирают не только старые. Умирают все. И зачем тебе это было надо?

— Я не понимаю, о чем вы говорите... — растерялась девушка.

— Я о том, зачем тебе понадобилось выслеживать Потрошителя? И неужели тебе не было страшно?

— Вообще-то, было, но у меня был с собой револьвер.

— Да уж. И как, смогла им воспользоваться? К чему ты вообще все это затеяла? Жить надоело?

— Вы меня будете осуждать? Я благодарна за то, что вы спасли меня от неминуемой смерти, но сейчас вы находитесь в моем доме, а потому не в том положении, чтобы так со мной разговаривать!

— Завтрак для гостя! — провозгласил лакей, вошедший в комнату с тележкой, полной подносов.

— Можете надеть его ему на голову, — пробурчала Айла.

— Мисс?.. — не понял лакей.

— Да проходите уже.

Лакей прикатил тележку к дивану и быстро смылся.

— Так что там про голову? — спросил Дэнни, приступив к еде.

— Если продолжите меня критиковать, то будете носить этот завтрак вместо шляпы.

Дэнни усмехнулся.

Все такая же, — подумал он.

— Что смешного? — спросила Айла, порозовев.

— Ты такая забавная.

— Думаю, вы будете еще забавнее с тарелкой на голове! — парировала она.

— Не стану этого отрицать. А этот завтрак достаточно недурен. Передавай мое восхищение повару.

Айла ничего не ответила. Пока Дэнни ел, она пристально за ним наблюдала.

— Ну а чем ты занимаешься, помимо выслеживания опасных маньяков-убийц? — спросил Дэнни.

— Мне нравятся расследования. Я уже раскрыла две пропажи драгоценностей, так что хотела бы заниматься частным сыском.

— Леди Шерлок, значит.

— А что, думаете, женщина на это не способна?

— Почему? У меня знакомая работает в полиции. И довольно неплохо. Так что не вижу такой работы, с которой бы не справилась женщина.

— В Америке женщина может стать полицейским?

— Ну, вполне.

— А вы чем занимаетесь? — полюбопытствовала Айла.

— Я... Я писатель!

— Ого. И что вы пишете? Рассказы, романы?

— Ну... небольшие заметки о происходящих событиях, которые потом публикуют в периодических изданиях, выходящих очень крупными тиражами.

— Вы журналист, что ли?

— Я думал, это будет не так очевидно.

— Так вы хотите написать статью о Кожаном фартуке? Как та американская журналистка, Нелли Блай, которая нарядилась женщиной определенной профессии, чтобы его выслеживать?

— Что? — Дэнни едва не подавился чаем.

— Очень странная девушка! Но она молодец. Не каждая на такое пойдет. А ее заметки о сумасшедшем доме просто сенсация!

— Ты знакома с Нелли Блай? — не верил Дэнни.

А ведь когда они встретились в Нью-Йорке, обе даже не подали виду, что знают друг друга.

— Не совсем. Мы вчера с ней пересеклись. Она мне сказала: «Иди отсюда, куколка, тебе тут в таком виде не место». А я и правда слишком разоделась для того района, из-за чего на меня все смотрели с неприкрытой злостью.

— Безумие.

— Да. Я и не подумала, пошла в том, в чем ходила обычно. Но не одежда привлекла ко мне убийцу. Будь я хоть в каком наряде, он бы все равно попытался меня убить.

Да я не о нарядах, — подумал Дэнни. — А о Нелли Блай. Удивительно, что обе девушки, которые мне нравятся, выслеживали Джека-Потрошителя одновременно!

Вслух он, конечно, такого сказать не осмелился.

Дэнни зевнул. Когда он покончил с завтраком, то на него неожиданно накатила усталость. Видимо, на этом сказывалась большая потеря крови. А Дэнни был уверен, что потерял ее немало. Он лёг обратно на подушку и начал медленно погружаться в сон.

— Ложитесь-ложитесь, — услышал он голос Айлы, а потом ощутил, как она подоткнула одеяло, и уснул уже с теплотой на душе.

Его разбудили поздним вечером. Пришёл брат Айлы и уселся напротив дивана.

— Так-так, как тут у нас раненый в бою? — проговорил он.

Это был взрослый мужчина лет на десять старше самого Дэнни. У него было добродушное круглое лицо с густыми усами над верхней губой. Коротко подстриженные

волосы были такого же темного цвета, как и у Айлы. Дэнни видел сходство между братом и сестрой, но вообще они выглядели так, точно были отцом и дочерью. Интересно, какая у них разница в возрасте? Лет пятнадцать-то наверняка есть.

— Доктор Ватсон? — промямлил Дэнни, приподнимаясь на подушках.

Брат Айлы и впрямь походил на персонажа из рассказов о Шерлоке Холмсе, и Дэнни просто не мог не пошутить на этот счет.

— Вы меня с кем-то перепутали. Зоран Вукчич.

— Э? — Дэнни не понял, имя это или какое-то речательство.

— Зовите меня Зак.

— Ладно, доктор Зак, какой прогноз на мой счет?

— Жить будете. Не берусь утверждать, как долго, но эта рана вашей жизни больше не угрожает. Однако все же будет лучше, если мы с вами поменяем повязку.

— Ладно... — растерялся Дэнни.

Доктор Зак, видно, тоже был не лишен чувства юмора, но юморок у него был жуткий. Впрочем, он работал в морге, так что удивляться не стоило.

Дэнни послушно позволил доктору отодрать старую повязку. Половина живота была пересечена черными нитками, на которых засохла кровь. Когда рану ничего не прикрывало, Дэнни сам смог оценить вред, нанесённый Джеком-Потрошителем. По площади рана была крупной — это было следствие того, как маньяк ворочал в ней ножом. Но в глубину она казалась небольшой, по крайней мере, до органов Потрошитель добраться не смог, и, наверное, за это стоит благодарить многочисленные одежды.

Доктор сделал новую беленькую повязку, которая, в отличие от старой, уже не должна была запачкаться кровью, если, конечно, не разойдутся швы.

— Ну вот и все, — сообщил он. — А теперь предлагаю вам перебраться на второй этаж, где у нас расположены гостевые комнаты. Вероятно, спать на диване не очень удобно.

— Вы предлагаете мне задержаться у вас еще на ночь?

— Я предлагаю вам задержаться у нас еще на неделю. Айла рассказала о том, что вы не местный, так что присматривать за вами некому. Есть еще вариант перебраться в больницу, но, думаю, вы сами не захотите туда, потому что спать на больничной койке еще хуже, чем на диване.

Остаться на неделю в доме Айлы? Значит, встреча с Джеком-Потрошителем того стоила.

Вернуться домой Дэнни все равно не мог. Что подумала бы мама, увидев его в таком состоянии? Она и так считала, что он встречается со всякими мафиозиными чуть ли не каждый день, хотя это было вовсе не так. Ну, или не так часто. Рана в животе бы только подтвердила ее опасения. Вернуться домой он всегда может ровно тогда, когда уходил.

Доктор Зак помог ему подняться на второй этаж. Айла как раз закончила приводить в порядок гостевую комнату, в которой они собирались поселить Дэнни. Точнее, она не столько ее приводила в порядок, сколько распорядилась слугами, которые это делали.

— Ну вот, укладывайтесь в кровать, — сказал доктор. — Завтра я вас еще проведаю. Если что-то будет нужно, дергайте за шнур у изголовья кровати, и вам все принесут. Сестра, ты тоже иди отдыхать.

— Да, сейчас пойду, — ответила Айла.

Когда Дэнни улегся в кровать, Зак ушел, а Айла еще ненадолго осталась.

— Ну и как ваше самочувствие сейчас? — спросила она.

— Уже намного лучше, хотя голова пухнет после сна. Я, наверное, вряд ли смогу уснуть в ближайшее время, так что, если у тебя найдётся какая-нибудь книжка, будет очень здорово.

— Конечно. — Айла начала метаться по комнате, в поисках какой-нибудь книжки.

В каждой гостевой комнате, как объяснила Айла, были небольшие полки с книгами, чтобы гости могли свободно выбирать себе почитать, не спускаясь в библиотеку. Там были в основном самые популярные произведения, которые читало большинство людей в Англии.

— Так, Библия, — проговорила Айла, читая названия на корешках. — Шекспир... Ага! Я знаю, что вам надо.

Она вытащила с полки тоненькую книжку и протянула ее Дэнни.

— «Этюд в багровых тонах», — прочитал он название. — Это что, шутка?

— Я решила, что вам нравится эта книга.

— Нравится-то нравится, — ответил он. — Но уж слишком много Дойла за последние два дня.

— Тогда берите «Робинзона Крузо». — Айла вытащила еще одну книгу и отдала ее Дэнни.

— Премного благодарен. Спасибо за гостеприимство. Думаю, тебе стоит отправиться спать. Ты, наверное, очень устала за эти два дня.

— Да, — согласилась Айла. — Вообще-то, да. Тогда спокойной ночи. Увидимся завтра.

— Спокойной ночи.

Завтра я расскажу ей, что путешествую во времени, — решил Дэнни.

Утром доктор Зак, как и обещал, проведал Дэнни. Он снова поменял повязку и проверил, как держатся швы. Все было в порядке, так что надолго доктор не задержался. Через какое-то время к Дэнни пришла Айла. Она села рядом и поинтересовалась, о чем все время утреннего визита говорил брат.

— Он сказал, что я скоро пойду на поправку, — весело ответил Дэнни. — Кстати, я хотел узнать, какая у вас с братом разница в возрасте?

— Он старше меня ровно в два раза. Я родилась, когда ему было семнадцать.

— То есть тебе сейчас... семнадцать?

— Да.

— А где сейчас ваши родители? Судя по всему, дома их нет.

— Да, дома их нет. Они в Индии. Как вы могли заметить, живем мы не бедно. За это спасибо индийскому чаю. Но мы не аристократы, хотя родители очень мечтают, чтобы наша семья каким-нибудь образом получила дворянский титул. Угадайте, кто может это сделать практически очень просто? Конечно, я, выйдя замуж за какого-нибудь аристократа.

— Никогда не понимал эти ваши английские гонки за титулами.

— Гонки эти не только английские, — возразила Айла. В ее голосе звучала печаль. — Отец с Балкан, но за титулом гонится по большей части именно он.

— Ну а ты? У тебя отличный британский акцент. Ты родилась здесь?

— Да. Моя мама англичанка. У Зорана была другая мама, но она умерла еще там, в Цетине, когда брату было лет шесть. Возможно, отец уехал из Черногории именно поэтому. В Англии он встретил мою маму. Не сразу, конечно. Она была из состоятельной семьи, поэтому ее родители не очень-то одобрили выходца с Балкан, причем достаточно бедного. Да еще и с сыном. Да ещё и православного. Ладно хоть не католик, заметили они тогда. Их самым страшным кошмаром был зять-католик. Что ж, кошмар этот, надо заметить, не

воплотился в жизнь. Во всяком случае, со временем они все равно оттаяли и приняли моего отца в семью. Сейчас отец и мать продолжают чайное дело моих бабушки и дедушки и мечтают выдать меня замуж за графа. Вот так обстоят дела в моей семье.

— А брат пошёл в медицину?

— Ему нравится помогать людям. — Айла пожала плечами. — Никто не был против.

— Он показался мне добрым малым, — заметил Дэнни.

— Это пока он не начал рассказывать о том, как вскрывает тела мертвецов. Он очень любит эти истории. Особенно за семейным ужином.

— Очень... мило, — пробормотал Дэнни. — На самом деле я рад узнать немного о твоей семье. Да и о тебе самой. В прошлый раз ты была скрытна.

— Наверное... — протянула Айла.

Она так и не поняла, какой именно прошлый раз имел в виду Дэнни.

— Кстати, я хотел сказать тебе одну важную вещь... — загадочно начал Дэнни и поднялся в кровати, чтобы приблизиться к Айле.

— Да?

— Где мои вещи? — резко выдал он.

Он действительно хотел сказать одну важную вещь. Он хотел рассказать о путешествиях во времени. Точнее даже их показать. Но без одежды этого сделать не мог.

— Я приказала убрать их в шкаф, — ответила девушка, в смятении сдвинув брови к переносице.

Дэнни откинул от себя одеяло и бодро подскочил на ноги, будто вовсе не был ранен в живот. Он прыгнул к шкафу и распахнул дверцы, как следует рассмотрев его содержимое.

— Ага, вот и мое пальто!

— Ваши жилет и рубашка были в плачевном состоянии, так что мы приготовили для вас новую одежду, которой вы можете пользоваться, — пояснила Айла.

Дэнни как раз критично оглядывал чужую белую рубашку, не припоминая ее на себе в тот роковой день.

— Ладно, — сказал он и накинул эту рубашку на себя.

— Не за что, — бросила Айла.

Дэнни вытащил пальто и натянул его поверх рубашки, морщась от боли в боку. Все же рана давала о себе знать, так что много двигаться ему не стоило.

— Куда вы собрались? — удивилась девушка.

— Кое-что тебе показать. Для начала скажу, что твое имя я знал давно и пришел спасти тебя от Джека-Потрошителя намеренно. Просто я из будущего и умею путешествовать во времени.

— Наверное... вам лучше лечь обратно, — забеспокоилась Айла, и на ее лице было такое выражение, будто она уже начинала строить план усмирения сумасшедшего.

— Видишь эти часы? — Дэнни вынул из кармана часы на длинной цепочке. — Я хочу их тебе подарить. И подарю я их тебе неделю назад. Ладно? Поехали!

Не успела Айла ничего ответить, как Дэнни уже растворился в воздухе. Он надеялся, что от увиденного зрелища, Айла не потеряет сознание, хотя и был уверен, что она не из тех девушек, которые падают в обморок от малейшего эмоционального потрясения.

Дэнни очутился ровно неделю назад недалеко от особняка Вукчичей в Белгравии. Его способность была такой удобной, что он оказался в нужном месте и в нужном времени. Айла как раз неспешно направлялась в сторону своего дома. Она была в платье изумрудного цвета,

по юбке которого, словно волны, струились огромные складки. На ее голове была маленькая аккуратная шляпка, украшенная светлым цветком и пышным пером.

— Простите, мисс! — воскликнул Дэнни, догнав девушку.

— Вы мне? — спросила Айла, развернувшись и выглянув из-под полей шляпки.

— Да-да. Я просто увидел вас и решил сделать небольшой подарок. — Дэнни вложил ей в руку часы. — Просто возьмите их. И до скорой встречи!

Айла ничего не успела ему ответить, потому что Дэнни уже понёсся за угол дома, а оттуда он переместился обратно в комнату в особняке.

Айла сидела на кровати бледная, как полотно. Когда она увидела появление Дэнни из воздуха, то даже не моргнула глазом. В ее голове словно что-то перестраивалось.

— Не может быть, — проговорила она, едва шевеля губами. — Это были вы. Вы подарили мне эти часы...

Девушка вытащила из-под воротника цепочку, к которой крепились большие часы. Дэнни удивился, что она все это время носила их на шее. Они были громоздкими и тяжелыми для такого использования. Но все-таки ему было приятно. Она с ними не расставалась, значит, они для неё что-то значили.

— Вот почему ваше лицо показалось мне знакомым. Невероятно просто! Кто вы такой?

— Я же говорю, что я путешественник во времени. Я прибыл из будущего. Из двадцатого века.

— Но... как такое возможно?

— Понятия не имею. Просто возможно.

— Я... — Айла вдруг поднялась на ноги и попятилась к двери. — Извините. Но мне нужно...

Она не договорила и просто выскочила из комнаты.

Дэнни совсем не ожидал такого поворота событий. Но все же был уверен, что Айла убежала не навсегда. Иначе они бы не общались так близко, как это было в Нью-Йорке.

Дэнни был прав. Айла вернулась через несколько часов и неуверенно прошла в комнату, точно заходила в клетку с тигром. Дэнни отложил «Робинзона Крузо» в сторону и взглянул на девушку, терпеливо ожидая, когда она заговорит первая.

— Так значит, вы из будущего? — начала она, в волнении перебирая юбку платья.

— Типа того, — ответил Дэнни.

— И... из какого года?

— Из 1923.

— Невероятно!

— Знаю.

— Как это происходит? Как вы путешествуете во времени?

— Не знаю. Просто происходит.

— А вы сможете взять меня с собой?

— Не знаю, — задумался Дэнни. — Но мы можем попробовать.

Он взял Айлу за руку. Девушка встрепенулась от его прикосновения и взглянула на него испуганным взглядом. От той дерзкой молодой леди не осталось и следа. И Дэнни только сейчас увидел в ней девочку-подростка, которой она на самом деле и была.

— Да здравствует Колумб! — провозгласил Дэнни и подумал о таверне, в которой они с Колумбом не так давно пили вино.

Декорации сменились. Перед глазами возникла средневековая таверна с обшарпанными деревянными столиками и приставленными к ним расшатанными скамьями.

— Ну вот и таверна, — сказал Дэнни, повернувшись в сторону.

Но Айлы рядом с ним не оказалось.

— Черт!

Он вернулся обратно. Айла так и сидела на кровати и глядела на Дэнни круглыми от удивления глазами.

— Ты тут и была? — уточнил он.

— Да.

— Не получилось. Мне очень жаль, Айла. Я бы хотел отправиться в какое-нибудь путешествие вместе с тобой. Видимо, мы с тобой сможем прогуливаться только по Лондону 1888.

— Не пристало юной леди прогуливаться с малознакомыми молодыми людьми.

— Да ладно. Тебе-то точно должно быть пофигу.

— А? — не поняла она.

— Ну ты-то точно не должна заморачиваться по этому поводу, — перевёл он для неё.

— Почему вы так считаете?

— Потому что ты сама себе на уме. И тебя не волнует мнение окружающих.

— Откуда вы знаете?

— Ну я же из будущего.

— Почему вы оказались в том районе, когда на меня напали? — спросила Айла.

— Я же говорил, что пришёл спасти тебя.

— Почему? Я должна была погибнуть в тот день? Вместо Энни Чэпмен должна была погибнуть я?

— Не думаю... — протянул Дэнни. — Нет. Не должна. Я должен был прийти и спасти тебя.

— Но вы же ещё не родились. Значит, когда-то я там все-таки погибла?

— Я... не знаю. Нет. Не бери в голову. Это выше нашего человеческого понимания, я уверен. Главное, что ты жива. А как и почему — не важно.

— Но почему жива именно я? Почему тогда вы дали погибнуть двум другим женщинам? Вы слышали об обстоятельствах смерти Энни Чэпмен? Это было просто ужасно! Это немыслимое зверство. Кем нужно быть, чтобы такое делать? Вы запомнили лицо маньяка? Вы сможете помочь расследованию?

— Я... нет, — растерялся Дэнни от ее напора. — Мне вообще-то вспороли живот, так что я как-то не смог разглядеть.

— И...извините, — тут же ступевалась девушка. — Вы, конечно же, сделали все, что было в ваших силах. Я не смею вас упрекать.

— Ничего страшного. Но ты права. Я могу. Я могу остановить Джека-Потрошителя. И я сделаю это тридцатого сентября. Я убью Джека-Потрошителя до того, как он совершит своё знаменитое двойное убийство.

НЬЮ-ЙОРК, 1923 ГОД

Дэнни пробыл у Айлы не больше недели. Зак убрал швы: рана практически затянулась, осталась только толстая корка. Дэнни выглядел вполне здоровым и чувствовал себя отлично, так что задерживаться в чужом доме уже было некрасиво. За эти дни ничего интересного не произошло. Дэнни просто лежал в комнате, читал книги и всего один раз выходил погулять вместе с Айлой. Прогулка оказалась короткая и скомканная, потому что Айла была поглощена новым расследованием — она помогла своей подруге отыскать пропавшую породистую собачку.

Когда Дэнни покидал дом Вукчичей, он пообещал Айле, что обязательно вернётся.

— Я буду вас ждать, — на прощание сказала она.

От этих простых слов у Дэнни стало тепло на душе.

Она будет ждать.

Это было самое лучше, что он мог услышать.

Однако Дэнни понимал, что так скоро он вернуться не сможет. Для начала ему нужно окончательно вылечиться, чтобы вступить в бой с Джеком-Потрошителем, потом раздобыть новое оружие и придумать план. Только после этого он может вернуться обратно.

Говоря с Айлой о Потрошителе, Дэнни немного слукавил. Он видел его лицо. Правда не очень отчётливо, так как маньяк прикрывался шляпой и воротником, но все же некоторые детали его внешности разглядеть смог. Массивный нос, изогнутый в безумной ухмылке тонкий рот и горящий предвкушением новой смерти взгляд. Кто этот человек — Дэнни не знал. Но был уверен, что смог бы узнать Джека-Потрошителя, если бы столкнулся с ним на улице.

Впрочем, это уже и не важно. Джек-Потрошитель все равно будет мертв и не успеет больше никому причинить вред.

Но для начала Дэнни нужно было долечиться. А между делом можно совершить путешествие куда-нибудь ради развлечения. Все-таки он это заслужил.

Лёжа на кровати в своей комнате, Дэнни долго размышлял, куда бы ему отправиться. А потом вытацил свой блокнот с недописанным рассказом и решил: Война за независимость. Почему бы и нет.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

— Война за независимость, — сказала Жаклин, взволнованно схватив Эдварда за рукав. Она глядела перед собой остекленевшим взглядом, словно находилась в трансе. Когда она видела, как меняется история, то всегда впадала в такое состояние.

— Что «война за независимость»? — переспросил Эд.

— Я вижу войну за независимость США. Великий Нью-Йоркский пожар. И ещё рыжеволосого парня. Возможно, это тот, кто пытался спасти Линкольна, не знаю, но, исходя из твоего описания, очень на него похож.

— Что он хочет сделать сейчас? — оживился Эдвард.

После ареста Жана прошло всего четыре дня, но эти дни были необычайно скучными. У Эда больше не было дела всей его жизни. Казалось бы — он должен радоваться, что Жан заперт за решеткой, но Эдвард, наоборот, впал в какую-то меланхолию. Было ещё и другое дело: поимка Невё. Но этот тип и его прихвостни залегли на дно и больше не высывались.

Отталкиваться в этом деле было не от чего. Жан на допросах отрицал свою причастность к изменениям истории, так что о Невё ничего узнать не удалось. Теперь они вчетвером — Эдвард, Жаклин, Гюстав и Эдит — сидели в отделении и умирали со скуки.

После странного намёка Гюстава Эдвард старался не пересекаться с Эдит, что было проблематично, потому что они работали под одной крышей. Более того Эдит часто пыталась поговорить с Эдвардом и наладить с ним отношения, и ему приходилось нарочно грубо ей отвечать, чтобы она больше к нему не приставала.

Эдит и впрямь нравилась Гюставу — это было очень заметно. И Эдвард решил, что никоим образом не должен им мешать.

Хотя Гюстав все же был прав. Все женщины, которые присутствовали в жизни Эдварда, были друг на друга чем-то похожи. Блондинки с короткими волосами, миниатюрные, большеглазые, необычайно умные и у всех имена начинались на «Э». Не удивительно, что друг забеспокоился.

Эмма Круз была первой любовью Эдварда. Они учились в одном классе и встречались несколько лет, но после окончания школы разошлись. Так часто бывает. Школьная любовь на века после выпускного неожиданно проходит. Эдвард не очень-то тосковал, потому что инициатором разрыва был именно он. Да и Эмма, в общем-то, тоже не устроила из этого конец света — через пару месяцев нашла себе нового ухажера из университета. Эд ничего бы о ней больше не слышал, если бы она теперь не была директором НАСА.

Эстель Жаккар. Возможно, здесь бы что-то и вышло, но на момент знакомства Эдвард ей не заинтересовался. Но теперь... Надо признать, она была вполне ничего. Правда, Эдварду сейчас не нужны отношения, да и марсианин из будущего был очень против такого союза. Но то, что президент Франции Эдварду немного нравилась, было фактом.

Эль де Ла Фере. Наверное, она была его второй любовью. Они познакомились в прошлом, во времена испанской инквизиции, когда Эдвард учился в университете и писал доклад о Томасе де Торквемаде. Эль оказалась путешественницей во времени из 2015 года. Они встречались лишь несколько раз, но, когда Эдвард попытался ее поцеловать, она его отшила. Потом он узнал, что Эль является директором Лувра.

Элинор Дебюсси. Его жена. Они познакомились уже после того, как Эдвард закончил университет. Они встречались почти год, а потом оказалось, что Элинор беременна. Эдвард как добропорядочный человек на ней женился, хотя понимал, что ещё совсем не готов к семейной жизни. Впрочем, когда родился малыш, Эд понял, что семейная жизнь не так уж и плоха. Дани был чудесным ребёнком и умным не по годам. Он изучал работы Элинор по астрофизике и понимал в них больше, чем Эдвард. Элинор рассказывала сыну о космосе и показывала голографические модели строения солнечной системы. Дани привлекали планеты и звезды и в будущем он мечтал стать космонавтом или ученым-астрофизиком, как мама. Вообще, он много кем хотел быть. Его пристрастия менялись каждую неделю, но, в отличие от других увлечений, космос оставался с ним на протяжении всей его недолгой жизни.

Эдит Фабре. Кто она такая? Эдвард о ней ничего не знал. Да и узнавать не рвался. Но, надо признать, Эдит очень походила на всех предыдущих и была очень красивой и милой. Это, конечно, ещё ничего не значило. Эдвард все равно не смог бы строить новые отношения и тем более семью. Не после того, чем это обернулось в последний раз. Вряд ли он вообще еще на что-то такое способен.

— Если я вижу этого парня, значит, он затевает что-то нехорошее, — сообщила Жаклин,

вырвав Эдварда из размышлений. — Отправляйся срочно туда.

— Нью-Йоркский пожар был 21 сентября 1776 года, — на автомате сказал он. — Что он хочет сделать? Добавить жару?

— Может, предотвратить пожар? — предположил Гюстав.

— Вряд ли это входит в разряд нехорошего, — заметила Эдит.

— Может, это ещё одна попытка совершить покушение на Вашингтона? — задумался Эдвард. — Он как раз был там и пытался удержать Нью-Йорк. Учитывая, что эти типы испытывают интерес к американским президентам, я просто уверен, что дело в Вашингтоне!

НЬЮ-ЙОРК, 1776 ГОД

Когда закончилась франко-индейская война, положение Британии оказалось тяжелым, и это было, в общем-то, не удивительно, ведь любая война очень затратна. У Британии появилась огромная империя, а еще — масса долгов. Чтобы повысить свои доходы, она решила ввести новые налоги, которые оказались открыто несправедливы к колониям. Больше всего недовольства среди колонистов вызвал Акт о гербовом сборе, так как все деньги, полученные с этого налога, утекали в Англию и никак не использовались для развития колоний. Более того, новые налоги были введены без учета мнения американских представителей, что противоречило Британской конституции.

В 1765 году, как бы в ответ на несправедливое отношение метрополии к своим колониям, возникло движение «Сыны свободы». Они стали революционной организацией, которая боролась против колониальных властей. Среди «Сынов свободы» был знаменитый Джон Адамс — отец-основатель и второй президент США.

Однако среди населения колоний были не только борцы за независимость. Население расколосось на «патриотов» и «лоялистов». Последние считали выступления против короля изменой. Надо полагать, что такие люди подвергались унижениям и травле со стороны патриотов. Самым знаменитым способом расправы с лоялистами было публичное вымазывание в смоле и перьях, что было не только унижительно, но и достаточно больно.

Но не все патриоты устраивали самосуды. Большинство из них боролось за правое дело, и вскоре их старания увенчались успехом — налоги были отменены, за исключением пошлины на чай, которая была оставлена лишь для того, чтобы показать, что Англия до сих пор является главной и колонии ей вовсе не указ.

«Сыны свободы» увидели в этом веский повод продолжить борьбу.

В 1773 году у Ост-Индской компании оказался переизбыток чая, и она оказалась на грани банкротства. Чай было решено сбыть на американском рынке. Злополучная пошлина не была отменена, но в силу вступил «Чайный закон». По этому закону цена на легальный чай была уменьшена, что, казалось, должно было порадовать колонистов, но их до сих пор волновал вопрос налогообложения без представительства, поэтому закон произвёл противоположное впечатление. Также нельзя было забывать о том, что множество купцов процветало на контрабанде, а дешевый легальный чай мог отбить у них покупателей. Купцы увидели угрозу разорения в дешевом чае и объединились с «Сынами свободы».

В Бостоне «Сыны свободы» переоделись в индейцев и потопили большой груз чая. Инцидент получил название «Бостонское чаепитие» и вызвал гнев метрополии. Правительство закрыло Бостонский порт и распустило ассамблею Массачусетса, что вызвало очередную волну недовольства у других колоний. В ответ на эти недовольства правительство распустило законодательные собрания и у них. Ситуация накалилась до предела. Жители колоний отреагировали на роспуск законодательных собраний созывом незаконного

Филадельфийского конгресса — Первого континентального конгресса, на котором присутствовали Джон Адамс, его кузен Сэм Адамс, а также Джордж Вашингтон. На Конгрессе создали петицию к королю с требованием справедливости к колониям, а пока эта справедливость не восторжествует, будет прекращена торговля с метрополией. Англию это не впечатлило, и многострадальный Массачусетс объявили мятежной территорией. Восставших колонистов намеривались разоружить и арестовать, однако они дали отпор, практически разгромив отряд британцев под командованием Томаса Гейджа. Данная стычка получила название Сражение при Лексингтоне и Конкорде и стала прологом Войны за независимость США.

10 мая 1775 года собрался Второй континентальный конгресс, который принял решение создать континентальную армию и назначить главнокомандующим Вашингтона. На этом же Конгрессе 4 июля 1776 года был одобрен важный документ — Декларация независимости США. Но документ этот был только одобрен. Независимость же США предстояло получить уже в ходе войны.

Во время принятия Декларации Джордж Вашингтон находился в Нью-Йорке и готовился к вторжению англичан. Армия американцев была из ряда вон выходящая, поэтому англичанам не составило труда подобраться к городу. Ходили идеи сжечь Нью-Йорк, чтобы он не достался британцам, ведь он являлся достаточно удобной базой, способной вместить в себя любой флот. Но идеи о поджоге не собирались воплощать в жизнь, хотя Вашингтон был их сторонником.

Дэнни прибыл в Нью-Йорк не ради пожара. Он прибыл на экскурсию и даже не знал какое было число. А было 20 сентября 1776 года и до Великого Нью-Йоркского пожара оставалась пара часов.

Нью-Йорк показался совершенно чужим. Он всегда был очень оживленным и кипел жизнью, но здесь... Здесь было пустынно. Многие улицы вообще казались заброшенными и призрачными, потому что большинство гражданских просто-напросто покинуло город. Однако, блуждая по улицам в полнейшей растерянности, Дэнни понял, что Нью-Йорк на самом деле не так пустынен, как ему показалось сначала. Здесь еще находились лояльные к британскому правительству жители и... сами британцы.

Дэнни удивился, увидев двух солдат в красных мундирах, которые вывалились из-за угла, хохоча и придерживая друг друга за плечи. Значит, город уже захвачен, и англичане наслаждаются своей победой. Дэнни тут же усомнился в правильности выбора эпохи, ведь не так давно он был ранен Джеком-Потрошителем и до сих пор оставался слаб. Если здесь начнется какая-нибудь заварушка, то он вряд ли сможет выбраться отсюда целым и невредимым.

Но, как бы там ни было, Дэнни вовсе не собирался поворачивать назад. Все происходящее казалось вполне хорошим материалом для рассказа, поэтому он вытащил блокнот и коротко записал:

Британцы наводнили Манхэттен, решив, что раз они заняли Нью-Йорк, то подавить мятеж им уже не составит труда. Но они даже не догадывались, что одухотворенные идеей Свободы повстанцы устраивали не мятежи, а вели настоящую войну. И война эта проиграна ещё не была.

Набросав это на страницах блокнота, Дэнни отправился в порт. По Ист-Ривер были раскиданы внушительные суда с флагами британского флота. От этого зрелища внутри все

болезненно свернулось. Несмотря на своё смешанное происхождение, Дэнни был американцем до мозга костей, а Нью-Йорк для него являлся лучшим городом в мире, поэтому не удивительно, что у него возникло желание взяться за оружие и погнать отсюда британцев.

Конечно, ничего такого он делать не собирался. А вот персонаж его рассказа — ещё как. Дэнни разместился в порту и, используя башню деревянных ящиков в качестве стола, продолжил писать. Ветер с реки хлестал так сильно, что едва не вырывал листки из блокнота. Но Дэнни был поглощен в пучину мыслей, так что ни ветер, ни шум воды не могли отвлечь его от писательства.

Через некоторое время, когда поток мыслей оборвался, Дэнни словно очнулся и просмотрел свои записи.

— Неплохо, — сказал он. Сегодня к рассказу прибавилось целых десять страниц. — Совсем неплохо.

Неожиданно неподалёку раздался шорох, за которым последовало недовольное бормотание:

— Давай, черт возьми, быстрее!

Дэнни спрятался за ящик, чтобы его не заметили. В мыслях вдруг возникло, что если его поймают британцы и прочтут все то, что он о них сегодня понаписал, то ему несдобровать.

Но это были вовсе не британцы. Выглянув из-за ящика, Дэнни разглядел две темные фигуры в скромной поношенной одежде. Они озирались по сторонам, точно проверяя, не подслушивает ли их кто. Один из них держал в руках короткую палку, конец которой был чем-то обмотан и пропитан.

— Спички взял? — спросил держатель палки.

— Взял. Если кто-то увидит, то нас вздёрнут и глазом не моргнут, — беспокоился его товарищ.

— Лучше пусть вздёрнут, чем мы будем жить в городе с погаными англичашками.

Фигуры двинулись к темному зданию, которое оказалось таверной под названием «Бойцовые петухи». Дэнни отправился следом за ними, потому что все происходящее ему совсем не понравилось. Новый пистолет ему ещё не удалось раздобыть, но безоружным назвать его было нельзя. В кармане был армейский нож, который Дэнни предусмотрительно вытащил и спрятал за спину.

Зловещие типы зашли за здание таверны и стали колупаться в каких-то коробках, деревяшках и прочем мусоре. Дэнни молниеносно понял, что они собираются сделать. Они собираются поджечь Нью-Йорк.

Эдвард знал, где находился Джордж Вашингтон перед Великим Нью-Йоркским пожаром. На высотах Гарлема у него был обустроен штаб. Какой-то художник изобразил Вашингтона, работающего с картами вечером перед пожаром, и Эдвард с радостью воспользовался этим изображением для того, чтобы переместиться в штаб.

Вашингтон сидел за столом практически точно так же, как на изображении. Эдвард материализовался за его спиной, поэтому Вашингтон не сразу его заметил. Эду пришлось покряхтеть, чтобы привлечь к себе внимание. Когда главнокомандующий понял, что находится в комнате не один, то подскочил на ноги и в удивлении воззрился на незваного гостя. Он выглядел очень уставшим, под его глазами залегли темные круги, а лицо словно сдулось, как старый воздушный шар. Но он нашёл в себе силы возмущённо и даже истерично

воскликнуть:

— Вы?!

Вашингтон производил впечатление сдержанного человека, но Эдвард знал, что будущий президент подвержен вспыльчивости, которая иногда шокировала его современников. Например, во время Лонг-Айлендского сражения, когда американцы сломя голову бежали от англичан, разъяренный Вашингтон скакал на коне и хлестал своих людей шпагой плашмя, призывая их вернуться на поле боя. Иногда он мог быть настоящим ураганом, но в основном оставался джентльменом.

— Вам угрожает опасность, сэр, — спокойно сообщил Эдвард. — Я здесь, чтобы вам помочь.

Вашингтон быстро взял себя в руки, важно задрал подбородок и ровным голосом произнёс:

— Я не нуждаюсь в вашей помощи, сэр.

— Думаю, нуждаетесь.

— Кто вы такой? Откуда вам было известно о форте Дюкень? До сего момента я считал, что это был и правда сон. Но теперь... вы ничуть не изменились, а прошло уже больше двадцати лет!

— Скажем так, я тот, кто охраняет историю. Хранитель истории. Я здесь только для того, чтобы устранить угрозу, которой вовсе не должно быть. Не замечали ли вы здесь кого-нибудь подозрительного? Кого-то, кто не особенно вписывается в вашу эпоху?

— Да, — ответил Вашингтон. — Вас.

В ухе Эдварда щёлкнул наушник, а потом раздался возмущённый голос Жаклин:

— Эдвард, ты все испортил! Зачем ты ему столько наговорил?!

— Замолчи, — кинул Эдвард, чем вызвал удивление Вашингтона. — Простите. Дурацкий голос в голове. Он направляет меня, когда я выполняю свой долг по спасению истории. Иногда я к нему прислушиваюсь, а иногда — нет.

— Вы безумны.

— Вовсе нет.

— Вы полагаете, что я буду воспринимать это всерьёз, мистер?..

— Бонд, — подсказал Эдвард. — Джеймс Бонд.

— Это невыносимо, — вздохнула Жаклин. Эдвард почти увидел, как племянница закатывает глаза.

— Ну а что? Я всегда так хотел сказать, — пробормотал Эд.

— Вы объясните, что здесь происходит, мистер Бонд?

— Как бы это сказать? Я из будущего. Вашей жизни грозит опасность. Некая преступная группировка уже пыталась вас убить в 1754 году, чему мы успешно смогли помешать. Теперь они взялись за это снова. Я должен проконтролировать, чтобы вам никто не причинил вреда.

— И вы считаете, я в это поверю?

— Вспомните космический корабль, на котором вы были. По-моему, это достаточно убедительное доказательство.

— Это... — Вашингтон осекся. — Это было не по-настоящему.

— Разве?

Вашингтон резко побледнел. Его взгляд стал стеклянным, точно в памяти воскресли моменты из прошлого.

— Что такое космический... корабль? — едва слышно спросил он.

— Это такая машина, которая может путешествовать во времени и в космосе. Вам не обязательно понимать, что это и как это работает. Главное вам нужно понять, что вам грозит опасность от другого путешественника во времени, поэтому я здесь, чтобы ему помешать.

Главнокомандующий побледнел ещё сильнее.

— Но... если это правда, то почему меня хотят убить?

— Ну как. Вы же находитесь в эпицентре борьбы за независимость! Думаю, найдётся много людей, которые бы хотели переписать этот эпизод истории.

— Неужели мы победим? — сделал вывод Вашингтон, и Эдварду почудилось, что прозвучало это скептически.

— А вы сомневаетесь?

— Сомневаюсь? Ещё как! С такой-то армией... Вы понимаете, что одной лишь идеи свободы мало для того, чтобы выиграть войну? У противника тысячи обученных профессиональных солдат. А наши ничего не умеют и бегут с поля боя, как только начинается сражение. Просто позор! Но одно я знаю точно, какой бы наша армия ни была, я буду стоять до конца. И если мне суждено будет погибнуть в сражении, я погибну с мыслью о том, что сражался за правое дело и сделал все возможное, чтобы доказать миру, что значит быть американцем.

— Так, никто не погибнет, — оборвал его Эдвард. — Вы главнокомандующий. И вы должны остаться живым, чтобы продолжить сражения, которые, будьте уверены, рано или поздно принесут плоды. Не доверяйте незнакомцам, говорящим со странным акцентом и одетым не так, как подобает. Люди из будущего будут пытаться переписать ход истории, и вы должны быть начеку.

— Эдвард, — проговорила Жаклин, когда тот закончил напутствовать. — Уходи оттуда, ты не должен там быть. У меня снова было видение. Тот рыжий парень даже близко не подошёл к Вашингтону. Он рядом с таверной «Бойцовые петухи» и он действительно собирается предотвратить пожар!

— А зачем я тогда рассказал Вашингтону о путешествиях во времени?! — воскликнул Эдвард.

— Не поверишь, — это к разговору подключилась Эдит. — Мы все здесь задаемся тем же вопросом.

— Ты должен был взять меня с собой, — упрекнул его Гюстав. — До сих пор не верю, что я так просто сдался!

После того, что случилось с Гюставом во время миссии в 1754 году, Эдвард не желал брать друга с собой на задания. Гюстав сегодня очень рвался в прошлое вместе с Эдвардом, как было в старые добрые времена, но Эд заявил, что рыжий паренёк стал его личной заботой, особенно после того, как ему удалось улизнуть во время миссии с Линкольном.

— Я с ним согласна, — сказала Жаклин. — Его мы должны были приставить к Вашингтону, а ты бы пошёл искать этого парня.

— Поздно, — отрезал Эдвард и повернулся к главнокомандующему. — Мистер Вашингтон, вы же понимаете, что все это не должно быть предано огласке? Если кто-то, помимо вас, что-то об этом будет знать, то — вы поверьте — я узнаю и приду за вами. И разговаривать мы с вами будем совсем по-другому. Все понятно?

— Вы мне угрожаете?

— Ну что вы! — Эдвард фыркнул. — Даю дружеский совет. Не более. Ну, счастливо оставаться. Берегите историю!

— Ты неповторимый, — прокомментировала Жаклин.

— Спасибо.

— Хуже повторить невозможно.

Дэнни собирался выскочить из-за угла и остановить негодяев, которые умыслили сжечь Нью-Йорк, но... это же Дэнни. Его планы редко идут так, как задумано. Вот и сейчас у него ничего не вышло, потому что кто-то схватил его за шкуру и отбросил в сторону. Это было так неожиданно, что Дэнни выронил нож и едва не упал на спину.

— Попался, — проговорил человек.

Дэнни тут же его узнал, но не успел ужаснуться, так как поджигатели после такого шума их сразу заметили.

— Твою мать! — взревел один из них. — Я же говорил, что эта затея ничем хорошим не обернется!

— Это мы еще посмотрим, — сказал второй, спешно забросил факел в кучу коробок и вооружился ножиком, который висел у него на поясе.

В коробках медленно стало разрастаться пламя. Дэнни понял, что уже ничего не изменить. А виной тому снова этот черноволосый тип, который помешал ему в прошлый раз спасти Линкольна.

— Так это вы сожгли Нью-Йорк? — спросил этот тип. — Чтобы он не достался англичанам?

— Уж лучше паленый Нью-Йорк, чем английский, — ответили ему.

— Он уже английский, если вы не заметили. Тогда это будет паленый английский Нью-Йорк. Впрочем, что сделано, то сделано. Я вообще пришел забрать этого парня, а до поджога мне нет никакого дела. Если вы не против, то мы пойдем.

Дэнни сразу сделал вывод, что вряд ли этот человек из «хороших».

— Ну нет! — Один из поджигателей кинулся в их сторону с ножом. — Живыми вы не уйдете.

Его целью стал черноволосый тип.

Второй поджигатель подскочил к Дэнни и с размаху разбил ему нос. Дэнни даже не успел опомниться и что-то предпринять. Навыки, приобретенные на тренировках по боксу, ему сейчас ничуть не помогли. Да и рана на животе вдруг сильно заныла, из-за чего перед глазами все поплыло. Дэнни свалился на землю, и его стали запинывать ногами. Боль теперь острыми иглами пронзало все тело. Один пинок даже попал по зашитой ране, и Дэнни опасался, что она могла открыться и закровоточить. Зря он в это ввязался. Почему он просто не продолжил писать чертов рассказ, а решил остановить поджигателей? Зачем ему вообще нужно везде вмешиваться?

Причина на самом деле была проста — ему хотелось исправить ужасы прошлого и хоть где-то ощутить себя героем, ведь на войне этого ощутить не удалось. По той же причине он хотел спасти Линкольна и убить Джека-Потрошителя. И Дэнни был уверен — если бы ему довелось переиграть все эти моменты снова, он бы все равно попытался вмешаться и изменить историю.

Неожиданно раздался глухой щелчок, и человек, который пинал Дэнни, вдруг замер, а потом, как подкошенный, свалился на землю. Первое, что Дэнни увидел, разлепив тяжелые веки, оказалось навсегда удивленное мертвое лицо и дыра в голове, чуть прикрытая волосами.

У Дэнни все сковало от ужаса. Он опять на войне. Опять на землю падают развороченные трупы. Больше в такое он по доброй воле не ввяжется. Надо как можно скорее найти силы, чтобы отсюда убраться.

В наушнике Эдварда было слышно, как на заднем плане возмущается Гюстав, говоря что-то о том, что Эдвард совершил величайшую ошибку, не взяв его сегодня с собой. Но Эд не особенно в это вслушивался, ведь у него были дела поважнее — отбиться от поджигателей, которые будто с цепи сорвались.

Если Эдвард мог справиться со своим противником, то у рыжего парня были большие проблемы. Эдвард осознал, что без жертв сегодня не обойтись. Вот только в роли жертв ни в коем случае не должны были оказаться ни он сам, ни этот рыжий парень.

Блокировав удар человека с ножом, Эдвард свернул его руку за спиной и зарядил ему пинок по зад, благодаря чему противник свалился на землю. Годы карате, оказывается, были не пустым звуком. Следом Эдвард в одну секунду вытащил пистолет и выстрелил во второго. Пуля попала точно в голову. Эдвард метко стрелял. За это спасибо тренировкам в полицейском тире.

Убив один раз, убьешь и во второй, — пронеслось в его голове.

Эдвард постарался об этом не думать. Что он мог ещё сделать? Паренька так запинывали, что у него совсем не было сил сопротивляться. Эдвард не мог допустить, чтобы он вот так просто погиб и унёс в могилу важную информацию, которая поможет найти Невё и других типов, удумавших изменить историю.

Человек с ножом, с которым Эдвард боролся, соскреб себя с земли, выругался и понёсся с задворок таверны так быстро, что засверкали пятки. Почему они не могли сделать так сразу, Эдвард не знал.

Таверна уже занялась пламенем, которое медленно, но верно поглощало стены. Стало жарко как в аду, а дым проникал в лёгкие, спирая дыхание.

Рыжий парень кое-как поднялся на четвереньки и, по-видимому, собрался телепортироваться, но Эдвард резко поднял его за шкуру и впечатал в стену, приставив ему под подбородок пистолет.

— Да черт, — простонал тот. — Что, убьешь теперь и меня? Я не с ними. Я хотел их остановить. До того, как ты все испортил.

— Имя.

— Чьё?

— Папы римского, блин. Твоё!

— Пол... Томпсон.

— Пол Томпсон, — повторил Эдвард.

Жаклин, несомненно, все ещё потрясённая тем, что происходило тут минуту назад, среагировала быстро:

— В интернете написано, что это имя основателя газеты «Нью-Йорк Ньюз». И нет, это не наш парень.

— А теперь настоящее имя. Ну? — Эдвард встряхнул его и сильнее прижал пистолет к его лицу.

— Ладно-ладно! Дэнни Готтфрид. И что дальше?

— Дэнни Готтфрид, — сказала Жаклин. — Это он.

— А дальше хочу знать, зачем Невё послал тебя остановить таких как они? Что-то мне

подсказывает, что он бы сам с радостью устроил поджог и спалил весь Нью-Йорк.

— Что?

— Где Невё? — потребовал Эдвард.

— Понятия не имею, кто это.

— Замешан ли в этом Вашингтон?

— Какой Вашингтон?!

— Отвечай на вопросы.

— Да ничего я не знаю!

— Мы не можем тут стоять вечно. Скоро здесь все к черту сгорит, так что ты либо отвечаешь, либо получаешь пулю в лоб.

— Ну давай, — с вызовом сказал Дэнни. — Стреляй, что ты тянешь? Так или иначе, ты все равно меня убьешь.

Он храбрился, но все равно глядел так, как олень глядит на фары надвигающейся машины. У Эдварда внутри все оборвалось от этого взгляда. Даже если бы он хотел пристрелить этого парня, то не смог бы. Но в том-то и дело, что он не хотел.

Эдвард его отпустил.

— Ты пойдешь со мной, — сказал он.

Но планам этим не суждено было сбыться, потому что откуда-то возникло человек пять англичан в ярких красных мундирах и наставили на них мушкетеры.

— Поджигатели! — воскликнули они. — Вы будете повешены за выступления против Его Величества короля Георга III. Подняли руки, чтобы мы их видели!

Дэнни смылся раньше, чем Эдвард успел моргнуть глазом.

— Вот черт, — выругался он.

А потом смылся сам.

Следующим утром Вашингтон и ещё двое офицеров стояли над столом и рассматривали карту. В голове у главнокомандующего была каша — пожар в Нью-Йорке, путешествия во времени, кто-то из будущего хочет его убить. Все это тревожило его так сильно, что ночью снились просто ужасные сны.

Тут в штаб ворвался мужчина в идеально отутюженном синем мундире, из-за чего Вашингтону пришлось отвлечься от своих мыслей.

— Мистер Вашингтон, — изрёк гость. — Меня зовут Бенджамин Уильямс. У меня есть для вас некоторые сведения.

— Правда? — Вашингтон прищурился, окинув гостя подозрительным взглядом. Странная стрижка, синий мундир слишком светлого оттенка и такой новенький, точно его только что сшили. Не похоже, чтобы этот человек хоть раз был в бою. И не похоже, чтобы он вообще — как бы это странно ни звучало — был из этого времени.

Вашингтон сделал знак своим солдатам. Те кивнули и подошли к незнакомцу. Не успел тот опомниться, как ему по затылку ударили прикладом мушкета, и он без сознания свалился на пол.

— Форма не настоящая, — вынес вердикт Вашингтон. — Думаю, именно об этом человеке предупреждал меня Джеймс Бонд.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Эдвард переместился обратно в отделение. Не успел он отойти от того, что случилось в 1776 году, как Жаклин принялась рассказывать все, что ей удалось узнать из интернета о

Дэнни Готтфриде.

— Дэнни Готтфрид. Полное имя — Демосфен Жан Готтфрид. Мда, не повезло парню с именем, — протянула она. — Пропал в мае 1923-го года. Полиция, которая занималась поисками Демосфена, так и не смогла его найти. Он работал репортером в газете «Нью-Йорк Ньюз» и писал рассказы, некоторые из которых были опубликованы его матерью Луизой в издательстве «Скрибнерс» уже спустя много лет после его исчезновения. Самым знаменитым стал его рассказ, хм, не поверите, «Нью-Йоркский пожар», в котором метафорически пожаром называются английские солдаты в красных мундирах, заполонившие Манхэттен. Редактор Максвелл Перкинс замечал, что у Демосфена был литературный талант, который удалось бы развить, не сложись судьба юноши таким печальным образом. Однако есть один интересный факт. Зельда и Скотт Фицджеральды столкнулись с неким репортером по имени Дэнни Готтфрид в баре «Динго», что в Париже. Это произошло в 1927-ом году, то есть уже спустя четыре года после его исчезновения. Что думаете?

— Парень путешественник во времени, — коротко ответил Гюстав.

— Это да. Однако он родился в 1899 году, и то время было его настоящим, то есть он не мог переместиться в свое будущее, — возразила Жаклин.

— Может, он не пропал, а спрятался, — предположила Эдит. — Жил четыре года в глуши в другой стране.

— Но зачем ему представляться Фицджеральдам? — нахмурился Гюстав. — Эти ребята были уже тогда довольно известными личностями. Если он так хотел скрыться, то называть им свое имя — не лучший вариант.

— Кто он вообще такой? — проговорил Эдвард. — Может ли он быть связан с Невё и какую цель вообще преследует в прошлом?

— Это нам и нужно выяснить, — сказала Жаклин.

— Ну, — протянула Эдит. — Исходя из того, что он делал, — а это спасение Линкольна и предотвращение пожара, — то выходит, он пытался изменить историю к лучшему.

— Но это же полное дерьмо! — воскликнул Эдвард.

— Ага, злодей года, — не удержалась от замечания Жаклин.

— В следующий раз я не буду сидеть на скамье запасных, — заявил Гюстав.

— Еще чего, — бросил Эд.

— Не забыл, что ты больше не капитан? — напомнил тот. — У нас вообще не команда. Единственный наш начальник Жиллен, и он сказал, что при необходимости мы можем отправиться в прошлое вместе.

— У нас не команда, — повторил он его слова. — И необходимости не было.

— Ну да, ты же сам прекрасно со всем справился, — язвительно заметил Гюстав.

— История спасена. Чего тебе еще надо?

— Ты упустил того парня!

— Ребята, заткнитесь! — оборвала их Жаклин. — Я понимаю. У нас долгое время не было никаких зацепок на Невё, а сейчас, возможно, кое-что появилось, поэтому все хотят взяться за дело. И открою вам страшный секрет — мы все еще команда. Дед разделил нас на время выслеживания Лобера. Может, это было несправедливо, зато объективно и вполне понятно. Сейчас же мы снова должны работать вместе. Эдвард был не прав, когда отправился в прошлое один, и сейчас уже ничего с этим не сделаешь. Однако если у нас и дальше будут возникать подобные конфликты, то нам придется думать о лидере.

— Полностью поддерживаю слова внучки, — раздался голос со стороны двери.

Все разом повернули головы и увидели на пороге долговязую фигуру Жиллена.

— Значит так, — сказал он, взмахнув тощими руками. — Вас всего четверо, но вы наша вневременная команда. И если у вас возникают такие споры, которых я совершенно не ожидал, то вам действительно нужен капитан. Им станет Жаклин. Сейчас мы ловим довольно опасного типа, возможно, даже более опасного, чем Жан Лобер, поэтому я надеюсь на ваш серьезный подход и слаженную работу. Не забывайте, что на первом месте у нас стоит сохранность истории. Правительство на вас рассчитывает. Если облажаетесь, то нас к черту закроят. Все понятно? Мадемуазель Фабре, я, вообще, пришел за вами, — резко перевел он тему. — Попрошу вас зайти в мой кабинет. Сейчас же.

— Я... да, хорошо, — растеряно проговорила Эдит.

Под удивленные взгляды друзей она двинулась в коридор вслед за Жилленом. Сегодня она была в черных джинсах с завышенной талией и в коротком белом свитере, который немного открывал живот. От Эдварда не укрылось, что Гюстав весь день пялился на ее этот живот, отчего хотелось дать другу подзатыльник.

Когда Эдит скрылась, Жаклин развернулась на крутящемся кресле и хитро улыбнулась.

— Ну что, неудачники, за работу! Ищем всю информацию о Дэнни Готтфриде, которую только сможем найти.

Спустя час поисков ребята знали практически все о жизни Дэнни Готтфрида. Однако обнаружить что-то полезное для расследования они не смогли. Он был обычным для своего времени молодым парнем, который прошел войну, работал в газете и иногда писал рассказы. Никаких намеков на то, что он был связан с Невё, не было. Попадались, правда, упоминания, что он появлялся на местах преступлений и часто ошивался в нелегальных питейных заведениях вместе с мафиози, но это, конечно, было связано с его опасной работой.

Просматривая информацию о Готтфриде, Жаклин сообщила, что хочет проверить еще одного человека, и через некоторое время обнаружила кое-что интересное.

— Ребята, — проговорила она. Эдвард и Гюстав подобрались ближе к ее компьютеру. — Я прошерстила информацию о Вашингтоне. Во время своей остановки в Гарлеме, как раз после Нью-Йоркского пожара, он захватил одного человека по имени Бенджамин Уильямс, который, как они считали, был английским шпионом. Уильямса допросили, и он рассказал, что принадлежит к древнему тайному ордену. К какому именно ордену, Уильямс не сообщил, потому что через некоторое время его нашли мертвым. Однако он успел пообещать, что этот орден «неизбежно наведет порядок». Что это означало, никто не понял. Но Вашингтон стал относиться с подозрением ко всем тайным обществам, в том числе и к масонам, среди которых, как известно, был Франклин и многие другие влиятельные люди того времени.

— И что? — Гюстав явно не был впечатлен данным открытием.

— Что за тайный орден? — спросил Эдвард. — Так и не удалось выяснить?

— Нет.

— А кто такой этот Уильямс?

— О нем ничего нет, — ответила Жаклин. — Он просто появился. Не известно кто и не известно откуда.

— Думаете, путешественник во времени? — догадался Гюстав.

— Значит, не зря я предупредил Вашингтона! — воскликнул Эд. — Вот ведь молодчина,

теперь сам ловит путешественников во времени.

— По-твоему, это хорошо? — заметил Гюстав. — У нас теперь Вашингтон — охотник на путешественников во времени?

— Пока ничего плохого не случилось. — Эдвард пожал плечами.

— Ты вообще хоть думал, что делаешь? Так рьяно всегда защищаешь историю, а тут взял — и рассказал Вашингтону о путешествиях во времени!

— Иной раз чтобы защитить историю, можно ее чуть-чуть изменить. — Эд уразумел это после случая с Линкольном. — И что ты взъелся из-за этого? В чем вообще твоя проблема?

— Моя проблема?! — переспросил Гюстав. — В чем твоя проблема? Считаешь, раз ты провел парочку успешных операций в одиночку, то теперь можешь сбросить балласт?

— Какой балласт?..

— Не забывай, что Жана ты поймал только потому, что к тебе пришел парень из будущего и привел тебя к нему за ручку! Это не твоя заслуга. Любой дурак на твоём месте стал бы героем дня.

— По-твоему, это соревнование? — переспросил Эд.

Он что, завидует?

— Так, ну хватит. — Жаклин хлопнула руками по подлокотнику стула. — Вам сколько лет? Из-за какой-то ерунды вы тут устроили непонятно что.

— Разве ерунда то, что он забил на команду? — спросил Гюстав.

— Гюстав, — сквозь зубы проговорила девушка. — Тебя волнует то, что он не взял с собой тебя. Он не забил на команду. Это ваши разборки. Решите их после работы. А теперь сели и продолжаем искать.

— А ты быстро влезла в шкуру капитана, — сказал Эдвард и в его голосе прозвучали злые ноты.

— Тебя просто бесит, что капитаном стал не ты, — заметил Гюстав.

Далеко мы сегодня не уедем, — подумал Эдвард, поднимаясь на ноги.

— Ну и куда ты собрался? — спросила Жаклин.

— Ухожу, — бросил он и без лишних объяснений вышел в коридор.

Удивительно. Какая муха сегодня их всех укусила? Эдвард не знал. Но понимал, что если бы остался там еще ненадолго, то конфликт вылился бы во что-то похуже.

Он брел по коридору со стенами из матовых стекол, держа путь в сторону гардеробной. Нужно было переодеться, ведь он до сих пор был в той одежде, в которой отправлялся в XVIII век.

Неожиданно на его пути возникла Эдит.

Ну вот, только ее сейчас не хватало, — раздраженно подумал Эд и неосознанно закатил глаза.

От Эдит не укрылась такая реакция, поэтому она остановилась и сложила на груди руки. Эдвард хотел пройти мимо неё, но не тут-то было.

— Почему ты так делаешь? — возмущенно спросила она.

— Как?

— Ведёшь себя так, точно я сделала тебе какую-то гадость.

— Мне не до разговоров с тобой.

— А когда я пытаюсь поговорить, ведёшь себя... вот так.

Эдвард устало на неё посмотрел и заметил, что у неё красные глаза, точно она недавно плакала. Что ей сказал Жиллен? Было интересно, но Эдвард не собирался спрашивать. Раз

он начал эту игру, то должен был вести ее до конца.

— Ты все ещё думаешь, что я вынашиваю какой-то коварный замысел, чтобы вас предать? — продолжила Эдит. — Но это не так. Может, надо было сразу рассказать, почему я здесь.

— Мне это не интересно.

Черт. Вообще-то интересно, — тут же пронеслось в его голове.

На удивление, Эдит оказалась упрямой.

— Но я все равно расскажу, — заявила она, и Эдвард не стал ее перебивать. — Мои родители оба путешественники во времени. Моя тетья и сестра тоже. Но я — нет. Я обратилась к Жиллену, чтобы он помог мне разобраться, почему я не могу путешествовать во времени. Он спросил, могла ли я перемещаться в пространстве и времени с кем-нибудь другим, и я ответила, что не могла. Сколько раз я просила маму, папу или сестру переместить меня, у них ничего не получалось. Тогда Жиллен взял у меня анализы крови, и сегодня он вынес вердикт — у меня нет гена путешественника во времени. Объяснение оказалось простым, но оно не укладывается у меня в голове. Как бы там ни было, я пришла сюда не потому, что злодейка и сотрудничаю с Невё. Я просто хотела понять, что со мной не так. Так уж вышло, что я пришла сюда в неподходящий момент. Но сегодня меня устроили официально, так что теперь я часть вашей команды. И поскольку мы одна команда, я хотела бы, чтобы мы друг другу доверяли. Твое отношение ко мне не справедливо. И я не виновата в том, что бывший член вашей команды вас предал.

— Я... — проговорил Эдвард. От услышанного он даже растерялся. — Я не считаю тебя злодейкой.

Она всю жизнь мечтала путешествовать во времени, а теперь выяснилось, что у нее нет гена. Не удивительно, что она плакала.

— Но ты всегда так со мной говоришь, будто я в чём-то виновата.

— Не бери на свой счёт. И я думаю, тебе стоит все это рассказать остальным. Точнее, Гюставу, раз у вас с ним получилось поладить и он уже в курсе всех твоих этих проблем. Постой-ка, — неожиданно осенило его. — Говоришь, нет гена? Но ты же не воспринимала измененную историю настоящей. Например, тогда, когда Вашингтона заменил Келли, то есть Камиль, ты знала, что настоящим президентом был именно Вашингтон.

— Да, точно! Но ведь тесты показали...

— Мало ли что они там показали. Поговори с Жилленом еще раз. У тебя просто не может не быть гена.

Эдит немного повеселела, а в глазах загорелся огонек надежды. От этого у Эдварда внезапно что-то екнуло внутри.

— Ну, — протянул он. — До завтра.

— Стой, а ты куда?

— Домой.

— Но рабочий же день ещё не закончился.

— И что?

— Ладно, — нахмурилась Эдит.

Эдвард отправился дальше и скрылся в дверях гардеробной, где хранилась историческая одежда для вневременных агентов. Большинство одежды было выкуплено у Анаис. Она хорошо заработала, когда продала половину домашнего гардероба, ведь исторические костюмы — дело не дешевое. Раньше в отделении было много путешественников во

времени, поэтому гардероб был очень востребован. Сейчас же их осталось двое, и путешествовали они очень редко, поэтому на вешалках уже появился слой пыли.

Эдвард переоделся, забрал оставленные в шкафу вещи и переместился в гостиную своего дома. Он подошёл к столику, где стояла бутылка со стаканом, плеснул себе два сантиметра коньяка и сразу же запрокинул его в себя.

— Как дела? — спросила Анаис, которая сидела за столом и вручную вышивала эполеты. Длинные рыжеватые волосы укрывали ее спину, словно шелковистое покрывало.

— Нормально, — бросил Эд.

— Звонил Леон, спрашивал, живы ли мы ещё.

— Очень мило с его стороны справиться о нашем здоровье, — съязвил он.

— А ещё он хочет на выходных заскочить в гости. Типа на ужин. И меня пригласили на показ мод на следующей неделе.

— Я не пойду.

— А я тебя и не звала. Захвачу Шарлин и Жаклин. Кстати, ты не рано ли освободился? — Она глянула на наручные часы.

— Отменили последнюю пару.

— Очень смешно. Что, Жиллен опять сказал что-то не то?

— На этот раз Гюстав, — ответил Эдвард. — Если ты не против, я пойду полежу. Сегодня опять видел Вашингтона. Вымотался как собака.

Эдвард проспал в своей комнате несколько часов. Оказалось приятно выпасть на время из проблемной реальности. Он проснулся, но не вставал — просто лежал, глядя в потолок и думая о чём-то своём.

Неожиданно в комнате материализовалась фигура. Эдвард подпрыгнул и выругался. Это оказался чертов Гюстав, которого сюда вовсе не приглашали.

— Совсем уже обнаглел? — спросил Эд.

— Я пришёл сказать, что перегнул сегодня палку. Просто меня задело то, что ты отказался брать меня сегодня с собой.

— Ты... — Эдвард хотел его как-то обозвать, но смягчился. Гюстав выглядел уж очень виноватым, значит, действительно раскаявался. — Я не взял тебя потому, что прошлая встреча с Вашингтоном обернулась пулей тебе в живот!

— То есть ты не взял меня потому...

— Потому что не хотел, чтобы ты снова пострадал. Ты для меня как младший брат, понимаешь?

— А я подумал... — тяжело вздохнул Гюстав, и на его лице отразился стыд. Кто знает, что он там успел подумать об Эдварде. — Извини. Я думал, что тебе больше не нужна моя помощь... Друзья?

— Ну конечно!

— Тогда выпьем? Тащи бутылку.

— Ну, ты как всегда. — Эдвард усмехнулся, смотался в гостиную за бутылкой, заодно прихватив пачку чипсов, и вернулся обратно.

Они уселись на кровати, и Гюстав решил поделиться тем, что сегодня с ним произошло, когда Эдвард ушёл.

— Ко мне ведь подошла Эдит. Она рассказала мне о своём походе к Жиллену и о том, что он провёл тесты, которые показали, что у неё нет гена путешественника во времени. Но

она уверена, что он у неё есть, потому что она помнит настоящую историю, когда ее кто-то изменяет.

— Да неужели? — Эдвард сделал вид, что удивился. Видимо, Эдит не упомянула, что уже обсудила этот вопрос с ним.

— Да. Я пригласил ее прогуляться, а заодно предложил ей попробовать совершить путешествие вместе. Она сказала, что у меня не получится ее никуда перенести, потому что она уже не раз пробовала это с родней. И оказалась права. У меня не получилось, хотя по всем правилам путешествий во времени путешественник во времени может перенести другого путешественника во времени.

— Нет, — возразил Эдвард. — Жаклин. Ее не получится никуда перенести. Но, с другой стороны, она и не путешественник во времени. У неё есть ген, но проявился он по-другому. Я вот думаю, что у Эдит точно так же. Главное понять, как именно он у неё проявился.

— А ведь и правда, — задумался Гюстав.

— Ну и что было дальше? — полюбопытствовал Эдвард.

— Она, конечно, расстроилась. Тогда я пригласил ее в кафе, где мы долго сидели и говорили. Я рассказал немного ну... о тебе, о том, как мы с тобой долго дружим и все такое. А она рассказала о своей кузине Эве, с которой они с детства соперничают. Оказалось, Эва ее задирала из-за того, что она не может путешествовать во времени, и Эдит пыталась добиться высот в других областях. Она хорошо шарит в компьютерах, прямо настоящий хакер, ну и разбирается в истории.

Отлично, хакер появился тогда, когда он уже не нужен, — подумал Эдвард, вспомнив, как искал хакера для взлома камер во время поисков Жана.

— Ну а что было потом? — спросил Эд.

— Ну а потом я пошёл к тебе.

— И все?

— Если ты хочешь узнать, полез ли я к ней целоваться, то нет. Она мне нравится, и я не хочу все испортить.

— Ясно.

Эдвард ожидал немного другой концовки рассказа.

Однако от мысли, что у них ничего не было, Эдварду стало даже как-то легко.

ЛОНДОН, 1888 ГОД

Дэнни с трудом отошёл от того, что произошло в Нью-Йорке 1776-го. Зато у него появился хороший материал для рассказа. Дэнни привел в порядок свои записи и завершил рассказ, пока заживали его старые — да и новые — раны. От выполненной работы он остался в восторге и решил, что после редактуры будет готов отправить рассказ Перкинсу.

Когда знакомый принёс ему пистолет, Дэнни без промедления отправился на охоту за Джеком-Потрошителем. Тянуть с этим больше не хотелось. Он горел желанием наказать чудовище, а заодно и вновь увидеть Айлу.

Возможно, в этом деле Дэнни преследовал не совсем благородные цели. Если он накажет убийцу, то произведет на Айлу большое впечатление. Хоть Дэнни об этом и не задумывался, но основная его цель наверняка была такой.

30 сентября 1888 года Джек-Потрошитель совершил своё знаменитое двойное убийство, за которым позже закрепилось название «двойное событие». Его жертвами стали Элизабет Страйд и Кэтрин Эддоус. Дэнни собирался избавиться от Потрошителя именно на этом моменте, никак не раньше, ибо он уже участвовал в событиях, связанных с этим безумным маньяком, и вмешательство в них могло аннулировать его знакомство с Айлой.

Дэнни зарядил пистолет и переместился в нужное место на улице Бернер-стрит в Уайтчепеле.

Так вышло, что он пришёл в самый подходящий момент. Человек в темном пальто с высоко поднятым воротом приближался со спины к невысокой женщине сомнительной репутации. Она, казалось, даже не подозревала о надвигающейся угрозе.

Дэнни среагировал за секунду. Он вскинул пистолет и стал стрелять в человека.

Первая пуля попала в поясницу. Вторая куда-то в шею. Третья уже в голову. Джек-Потрошитель замертво повалился наземь, но Дэнни наступал на него, сопровождая каждый свой шаг очередным выстрелом, пока все патроны не оказались в безжизненном теле убийцы. Дэнни остановился только тогда, когда прозвучало несколько пустых щелчков, которые он произвёл словно по инерции.

Потрошитель лежал на животе, голова была повернута, щека и подбородок забрызганы кровью. Дэнни глядел в его безжизненное лицо, навсегда застывшее в гримасе удивления, и ощущал странное чувство триумфа.

Самого известного маньяка в истории больше нет. Вот так просто. О нем ходит столько легенд, его так боялись люди викторианской эпохи, а на деле он самый обыкновенный человек из плоти и крови, которого можно убить примерно так же, как он убивал своих жертв.

— Сэр, что вы наделали?! — воскликнул кто-то.

Дэнни не заметил, что к месту происшествия уже подбежало двое мужчин. Один из них опустился перед телом и стал проверять пульс.

Как будто и так не ясно, что эта тварь мертва, — подумал Дэнни.

Второй с перекошенным от злости лицом уставился на Дэнни.

— Какого дьявола вы натворили?!

— Этот человек является маньяком, который совершил убийства в Уайтчепеле, — спокойно ответил Дэнни. — И он собирался напасть ту женщину.

Дэнни указал на несостоявшуюся жертву Потрошителя. Женщина вышла из тени, и в тусклом свете газового фонаря удалось разглядеть ее бледное удивлённое лицо. У Дэнни едва не отвисла челюсть, когда он понял, что эта женщина вовсе не проститутка, а Айла.

— Что за?.. — изумленно пробормотал он.

Он был уверен, что это первая жертва Потрошителя! Как же он сразу не обратил внимания, что женщина невысокого роста? Элизабет Страйд, за которой закрепилось прозвище Долговязая Лиз, была достаточно высокой.

— Мы прекрасно знаем, кем был этот человек! Вы испортили абсолютно все! — продолжил ругаться незнакомец.

— Что это значит, Айла? — Дэнни обратил непонимающий взгляд на девушку.

Айла подошла к ним ближе и неловко взглянула на Дэнни.

— Я пригласила своих друзей, — проговорила она. — Они частные сыщики. Только они могли поверить, что у меня имеется информация о новых убийствах и при этом не задавать лишних вопросов.

— Но я же говорил, что приду и спасу этих женщин! — воскликнул Дэнни. — Ты мне не поверила?

— Я решила... — Айла покраснела. — Я решила, что помощь не помешает.

— Ты нарядилась как... — он не договорил.

— Как кто? — с вызовом спросила она, и от ее смущения не осталось ни следа.

— Не хочу прерывать этот занимательный диалог, — проговорил мужчина, который накричал на Дэнни. — Но нам лучше убираться отсюда. Экипаж стоит на соседней улице, если ваши выстрелы, конечно, не спугнули нашего бедного кучера!

— Вы предлагаете бежать, когда мы расправились с одним из самых жестоких маньяков в истории? — спросил Дэнни. — Надо рассказать, что Лондону больше нечего бояться!

— Если останемся, то нас арестуют. Вы как хотите, но я за решетку идти не намерен!

— Кто вы такой? Что вы тут раскомандовались?!

— Шерлок Холмс, к вашим услугам. — Тот картинно поклонился.

Дэнни остолбенел, во все глаза уставившись на странного типа. Высокий, светловолосый, в шляпе-цилиндре и с тростью в руках. У него было квадратное, но худое лицо, широкий подбородок и глубоко посаженные глаза, сверкавшие безумным блеском.

Друзья Айлы частные сыщики. Один — безумец. Второй, по виду, — доктор, раз он до сих пор сидит и рассматривает мертвое тело.

Не могут же они на самом деле быть?..

— Ха! — воскликнул безумец. — Видели бы вы свое лицо!

— Прекрати, — неодобрительно сказала Айла.

— Я пошутил. Меня зовут Натаниэль Харди. А тот хмурый тип — мой напарник, Артур Ричардсон. Мистер Ричардсон, вы с нами?

Мистер Ричардсон оторвался от трупа, поднялся на ноги и холодно бросил в сторону Натаниэля:

— Невыносимый заносчивый сукин сын.

— Очень мило, — пробормотал Дэнни. — Я Дэнни Готтфрид.

— Очень рад знакомству, мистер Готтфрид, — улыбнулся Натаниэль. — А теперь предлагаю бежать, — бросил он и нырнул в освещенный фонарями переулок.

Все остальные поспешили следом. Дэнни все хотел отчитать Айлу за ее выходку. Она нарядилась девушкой сомнительной репутации и стала приманкой для маньяка. Это же

настоящее самоубийство! Неужели она взяла пример с Нелли Блай, которая сделала нечего подобное в прошлый раз? Поразительно, на что только готовы люди ради того, чтобы добиться своих целей! Нелли — ради хорошей статьи, Айла — ради раскрытия преступлений. Но, с другой стороны, это говорит о смелости, которая, несомненно, есть у них обеих, пусть эта смелость и граничит с безумием. Не каждый мужчина решится на такое, а эти две молодые девушки, живущие в викторианской эпохе, — решились. Стоить задуматься.

Ярость в груди Дэнни поутихла, и когда они добрались до экипажа, он чувствовал только необычайную гордость за Айлу. Всё-таки она молодец. Она все продумала и подстраховалась, на случай если Дэнни бы не пришёл. А он вполне мог не прийти, случись с ним что в 1776-ом!

— Куда мы едем? — любопытствовал Дэнни, когда экипаж тронулся с места и поехал по мрачным улочкам ночного Лондона.

Некоторые жители неблагополучного Уайтчепела, попадавшиеся на пути, неодобрительно косились на экипаж и сидящих внутри пассажиров, поэтому Натаниэль резко зашторил окна.

— Мы едем ко мне домой, — ответил он. — Нужно обсудить некоторые моменты, касающиеся вашего участия в расследовании.

— Можете взять все лавры себе, — сказал Дэнни. — Я ни на что не претендую.

— Если вы называете лаврами срок за убийство человека, то я откажусь.

— Натаниэль, — проговорила Айла. — Потрошитель не остановился бы на своих злодеяниях. Он бы так и продолжил убивать этих бедных женщин. Его бы все равно казнили.

— Я понимаю, и это было бы законно, нежели то, что произошло сегодня. И вообще, я хотел раскрыть это преступление сам.

— У вас бы ничего не получилось, — заметил Дэнни.

— Почему вы в этом так уверены?! — оскорбился Натаниэль.

— Личность Джека-Потрошителя так и не была раскрыта. Никто не знает, кто он и сколько совершил убийств.

— О чем вы там толкуете? — нахмурился сыщик. — Вы как-то с ним связаны? Вы знали его в лицо? Откуда вы его знали? Вы были уверены, что этот человек и есть Потрошитель, хотя он просто шёл следом за девушкой. Откуда была уверенность, что это не просто очередной клиент?!

— А вы сами-то откуда знали, что этот человек Джек-Потрошитель? — парировал Дэнни.

— А мы и не знали, — ответил Натаниэль. — Мы только догадывались, а вы подтвердили нашу догадку. Так что отвечайте на вопрос: откуда вам известно, как выглядит Потрошитель?!

— Я... — замялся Дэнни. Все с любопытством на него уставились, даже мистер Ричардсон, который все это время держался холодно и отстранённо. — В прошлый раз, когда он на меня напал, я видел его лицо.

— Значит, ты мне солгал, — проговорила Айла.

Дэнни и правда солгал. Когда они были у неё дома, он рьяно уверял, что не видел его лица.

— Прости. Я не хотел, чтобы ты в это ввязывалась.

— Конечно, это меня непременно остановило, — буркнула она.

Экипаж затормозил и тем самым прервал нелегкий разговор. Натаниэль первым выбрался из кабины и отправился в сторону серого узкого дома, вытащив из пальто ключ. Когда дверь была открыта, он, как швейцар, пригласил всех внутрь, а после заперся изнутри на три замка.

По количеству замков Дэнни решил, что у парня имеются некоторые проблемы. Правда, с головой или какие-то реальные угрозы, он ещё не успел узнать, но склонялся к первому варианту.

— Поднимайтесь на второй этаж, — сообщил Натаниэль. — Там сразу будет гостиная. А я сделаю чай.

— Как это по-английски после убийства сразу выпить чайку, — пробормотал Дэнни.

Натаниэль пожал плечами и скрылся где-то на первом этаже. Ричардсон, никого не дожидаясь, отправился наверх. Айла собиралась последовать за ним, но Дэнни перехватил ее и сказал:

— Айла, меня все занимает один вопрос.

— Какой?

— Что думает обо всех твоих вылазках брат? Будь ты моей сестрой, я бы вряд ли одобрил такое, несмотря на всю твою эту храбрость.

— Он... ничего не думает. Он об этом не знает.

— То есть он думает, что ты ищешь кошек или потерянные драгоценности своих подруг, когда на самом деле ведёшь дела наравне с полицейскими?

— Все верно.

— Как он вообще тебя выпустил в такое время из дома?!

— Я сама себя выпустила. Брат на ночной смене. Он ни о чем не узнает. А если от кого и узнает, то я своими собственными руками вырву этому болтуну язык! — зловеще проговорила она и, хмыкнув, поскакала наверх.

Дэнни с удивленным лицом, словно на автомате, двинулся следом. В гостиной, при свете ламп он смог внимательнее разглядеть Айлу. В красном платье с распущенными кудрявыми волосами и с яркой помадой на губах она походила на разбойницу, атаманшу, а вовсе не на уличную женщину. Дэнни проникся к ней ещё более тёплыми чувствами, если такое вообще было возможно, ведь его чувства к ней и без того уже были безгранично тёплыми.

— Так значит, вы расследуете преступления вместе? — полюбопытствовал Дэнни.

— Вообще-то, мы конкуренты, — ответила Айла. — Но тут мне просто не к кому больше было обратиться.

— И эти сыщики необычайно похожи на персонажей Дойля. Не странно ли?

— Натаниэль? — скептически заметила Айла. — Нет уж. Какой из него Шерлок Холмс? Единственная схожесть с ним — это употребление наркотиков. А Артур. — Она указала на Ричардсона, который сидел в кресле как каменное изваяние. — Он копает могилы.

— Так вы не врач? — спросил Дэнни.

— Я не лечу людей, я их закапываю, — глухо ответил тот.

Теперь от этого типа стало жутко. На вид ему было лет тридцать пять, и он, как видно, был самым старшим в этой компании. У него были чёрные волосы, такие же чёрные густые брови и необычайно бледная кожа, на которой самыми яркими пятнами были фиолетовые мешки под глазами. Если бы Дэнни верил во всякую мистическую чепуху, то решил бы, что этот тип вампир.

— Зачем вы тогда так пристально разглядывали тело? — спросил Дэнни.

— Думаете, не смыслю в ранах?

— Мистер Ричардсон имеет познания в области судебной медицины, — объяснила Айла.

— Натаниэль нанял меня, чтобы я разглядывал мертвяков.

— Ясно, — протянул Дэнни.

— А вот и чай! — воскликнул вошедший в комнату Натаниэль. В его руках был поднос, заставленный маленькими фарфоровыми чашками.

Дэнни поразился, насколько сильно Натаниэль отличался от своего товарища. Этот полоумный сыщик производил впечатление достаточно активного и жизнерадостного человека. В нем просто кипела энергия, которую он выплескивал на окружающих. Наверное, в нем было даже что-то ребяческое, несерьезное, хотя выглядел он на тридцать лет.

Натаниэль двинулся к комоду и взял с него бутылку из толстого стекла, наполненную янтарной жидкостью.

— Чай с капелькой бренди — то, что нужно после такого насыщенного дня! — объявил он, разлив напиток по чайным чашкам, а потом не постеснялся сделать еще несколько глотков из горла бутылки.

Дэнни удивленно приподнял брови, но воздержался от комментариев.

— Ух! — Натаниэль поморщился. — Приглашаю за стол. О чем толковали? Вы не против, если я закурю?

Не дожидаясь ответа, он вытащил трубку и плюхнулся в кресло.

— Мы обсуждали персонажей Дойля, — ответила Айла.

— Не читал эту книгу, хотя и прекрасно знаю о том, насколько гениальный там главный герой. — Натаниэль пожал плечами и затаился. — Давайте лучше обсудим Потрошителя. Вы знали, где и когда он совершит своё новое преступление, не так ли мистер Готтфрид. Откуда?

Дэнни неожиданно придумал, что можно на это ответить.

Сейчас будет глупо, — подумал он, но все же ответил:

— Мне рассказали призраки.

— Призраки? — Натаниэль резко подался в кресле.

— Призраков не существует, — грубо сказал Артур.

— Существуют! — воскликнул Натаниэль. — Я с ними не сталкивался, но я искренне верю, что они есть!

— Да, — неуверенно подтвердил Дэнни. Сам он в призраков никогда не верил. — Мне явился дух погубленной Джеком женщины, и она рассказала, где и когда тот планирует совершить очередное убийство.

— Он был прозрачным? — спросил Натаниэль, взволнованно затягиваясь трубкой.

— Скорее да, чем нет. Он был словно соткан из тумана.

— Как он мог говорить? Ведь у него нет голосовых связок.

— Мысленно, — нашёлся Дэнни. — Он словно говорил в моей голове.

— Поразительно! Я так и думал.

Натаниэль ещё раз затаился и выпустил облако дыма едва ли не в лицо стоявшему рядом Дэнни.

— Что это за запах? — закашлялся Дэнни. — Это не табак.

— Это опиум, — ответил он.

— Ах, опиум.

Неудивительно, что он ведёт себя как полный психопат.

Натаниэль одним глотком выпил свой чай, а после откинулся на спинку кресла и начал прикрывать глаза, одновременно делая неспешные затяжки.

— Сейчас вырубится, — сказал Артур, глядя на товарища.

— Чего? — спросил Дэнни.

— Вон этот. — Он ткнул на Натаниэля. — Необычайно тупое создание.

— Не стану этого отрицать, — чуть слышно сказал Дэнни.

— Быть может, тогда по домам? — предложила Айла. — Раз уж мы выяснили роль мистера Готтфрида в этом расследовании.

Она хмуро посмотрела на Дэнни, как бы спрашивая, что за бредовое представление он тут устроил. Дэнни только пожал плечами. Не говорить же ему всем, что он из будущего.

— Нет уж, юная леди, — категорично сказал Артур. — Вы идёте в соседнюю комнату и ложитесь спать там. А мы втроём поспим здесь.

— Ну что ж, — сказала Айла. — Не стану говорить, что подумала бы обо мне общественность, узнай, что я провожу ночь в квартире с тремя мужчинами. Но думается мне, они подумают гораздо больше, если я вернусь домой посреди ночи да ещё и в таком платье.

— Давайте уже, ступайте отсюда, — поторопил ее Артур. — Надеюсь, сами уляжетесь? Служанки у нас все равно нет.

— Уверяю вас, мистер Ричардсон, я в состоянии сама улечься в постель. Желая всем доброй ночи.

— Доброй ночи, Айла, — проговорила Дэнни.

Он хотел поговорить с ней, провести немного времени вместе, но час и правда был уже поздний, так что они все наверняка жутко вымотались после ночного расследования.

Девушка ушла, шурша пышными красными юбками. Дэнни решил, что она не впервые в этой квартире, раз знает расположение комнат. Значит, она довольно часто общается с этими странными детективами. Из-за этого он почувствовал укол ревности. В особенности он приревновал к Натаниэлю, ведь тот был молодым и имел недурную внешность. Однако, взглянув на спящего сыщика, у которого по подбородку уже потекла слюна, Дэнни решил, что беспокоиться не о чем.

— Чего задумались, мистер как вас там? — окликнул его Артур.

— Готтфрид, — подсказал Дэнни.

— Располагайтесь в кресле, будете спать в нем.

Артур, который сидел на диване, лёг в подушки и вытянулся во весь рост, как бы говоря, что он единственный в этой комнате, кто сегодня будет спать лёжа.

— Очень... гостеприимно с вашей стороны, — прокомментировал Дэнни.

— Ложитесь давай.

Дэнни уселся в кресло. Спать он не хотел, ведь покинул своё настоящее в самый разгар дня, и это означало, что ночь в 1888-ом для него окажется долгой.

Ему удалось заснуть только под утро. Когда наступило часов десять, всех на ноги подняла Айла.

— Просыпайтесь, лентяи! — воскликнула она, войдя в комнату.

— Чего так орать?... — промямлил Артур и перевернулся на другой бок.

— Катастрофа! — снова воскликнула она.

— Все будет хорошо, не беспокойтесь, мы в два счета раскроем это дело... — пробормотал сквозь сон Натаниэль.

— Дэнни! — Айла подбежала к нему, видимо, решив, что он самый здравомыслящий из присутствующих. Она сунула ему газету и выжидающе посмотрела.

Дэнни сам ещё не отошёл ото сна, поэтому долго пытался сфокусировать зрение на тексте. Когда ему это удалось, сон сняло как рукой. Он подскочил на ноги и воскликнул:

— Вот же дерьмо! Но это невозможно.

— Но это случилось, — сказала Айла.

Этой ночью две женщины, Элизабет Страйд и Кэтрин Эддоус, стали жертвами Джека-Потрошителя.

— Может, тот мужчина был не Потрошитель? — предположила девушка.

— Именно он! Это был тот человек, который ранил меня в тот раз. Я уверен в этом.

У Дэнни земля пошла из-под ног. Он рухнул обратно в кресло и задумался.

Кто их убил? Потрошитель был мертв! Но это было даже не самое странное. Самым странным было то, что в газетах написали только о двух мёртвых женщинах, но о мертвом мужчине — ничего, будто он вовсе и не умирал.

НЬЮ-ЙОРК, 1923 ГОД

После многочисленных неудач Дэнни совсем сник. Он пытался как лучше, а все выходило даже не хуже — все выходило никак. На работе были проблемы. Повторить свой успех Дэнни уже не смог. В мае 1923 года старик Томпсон вовсе вышвырнул его из газеты. С рассказами тоже ничего не клеилось. Хотел сесть и отредактировать «Нью-Йоркский пожар» да так и не смог собраться с мыслями. История с Джеком-Потрошителем все не выходила из головы и мучила его вопросами.

Дэнни провёл в 1888 году ещё день, и весь этот день они дискутировали по поводу двойного убийства. Натаниэль выдвинул вполне разумное объяснение — Дэнни убил не того. Вот только Дэнни был уверен, что убитый им тип был подлинным Потрошителем.

Чтобы решить вопрос с не упомянутым в газетах телом маньяка, Натаниэль свозил всех на место происшествия, где они смогли поговорить с полицией. Как оказалось, полицейские были знакомы с Натаниэлем и его напарником Артуром, поэтому игнорировать вопросы не стали. Ничего дельного, однако, узнать все равно не удалось. Дэнни аккуратно поинтересовался, мог ли в эту ночь погибнуть кто-то ещё, на что ему ответили, что больше убитых обнаружено не было.

Тело Джека-Потрошителя исчезло при загадочных обстоятельствах, но преступления продолжились. Это было очень странно и заставило Натаниэля крепко призадуматься. Но у Дэнни уже было готово объяснение, которым он ни с кем не мог поделиться, — в этом замешаны гости из будущего. А точнее тот мужчина, который пытался помешать ему спасти Линкольна и предотвратить пожар. Дэнни не сомневался, что этот человек именно из будущего, а иначе, как он узнает об изменениях в истории?

Из-за всего случившегося Дэнни настигла очередная депрессия. Он ничего больше не хотел делать. Хотелось все бросить к черту и забыться. В спикизи-баре он уже был как постоянный клиент, поэтому его пропускали без разговоров.

Дэнни пил, когда напротив него опустился заросший щетиной человек в странной плоской шляпе.

— Мистер Готтфрид? — осведомился он.

— Ну типа того, — бросил Дэнни.

— Меня зовут Джон Уильямс. И у меня есть предложение, которое вас должно устроить.

— Ничего не хочу, — ответил тот, закинув в себя остатки виски.

— Вы не поняли. Я знаю, кем вы являетесь. И знаю, что вы пытались сделать, но не смогли. Мы — такие же как вы. И хотим того же.

— Вот сейчас точно ничего не понял, — проговорил он.

— Я говорю о путешествиях во времени, — чуть тише добавил мужчина.

Дэнни подавился. Вот такого услышать в подобном месте он точно не ожидал!

— Ваша неудачная выходка с Линкольном очень позабавила нас. А ещё Джек-Потрошитель и Великий Нью-Йоркский пожар. Но мы видим ваш потенциал. Вы могли бы быть с нами. Мы располагаем большими ресурсами, которые могут быть вам полезны.

— И что же вы хотите?

— У нас намечается одна миссия. Мы хотим спасти «Титаник». Вы могли бы нам в

ЭТОМ ПОМОЧЬ.

— Вот это уже интересно.

— А ещё вы можете путешествовать в будущее. Знали ли вы об этом? Достаточно вам посмотреть на фотографию и вообразить место.

— Будущее? — При этом слове в голове Дэнни что-то промелькнуло, но очень быстро, как вспышка, так что ничего уловить он не успел.

— У нас есть нечто вроде базы. Во Франции 1927 года. Там мы живем и разрабатываем спасение «Титаника». Если желаете, можете к нам присоединиться. Лишние руки нам точно не помешают.

Уильямс улыбнулся. Дэнни задумчиво повертел в руках пустой стакан, а потом ответил:

— Я с радостью вам помогу.

ПАРИЖ, 1927 ГОД

Дэнни глядел на фотографию, которую ему протянул Уильямс, словно визитную карточку. Они стояли в коридоре бара недалеко от уборных, чтобы переместиться в будущее без свидетелей. Но Дэнни перемещаться, кажется, не очень-то спешил.

— Не передумали, мистер Готтфрид? — осведомился Уильямс, занервничав из-за нерешительности своего неофита.

— Нет. Просто... это точно будущее?

— Двадцать седьмой год. Вы готовы?

— Так, ну ладно.

Дэнни втянул в легкие воздух, точно собирался сделать прыжок в воду, и в мгновение, без особых усилий переместился в изображенное на фотографии место.

Это была совершенно обыкновенная комната с кроватью, двумя тумбами, шкафом и письменным столом. Она была маленькой, очень скромной и совсем не походила на комнату будущего.

Хотя за четыре года вряд ли что-то должно было измениться, — решил Дэнни.

— Здесь вы будете жить, пока мы не выполним наше задание с «Титаником», а, возможно, будете жить и дальше, если захотите продолжать с нами сотрудничество, — холодно сообщил Уильямс, прибывший в комнату вслед за Дэнни.

— Понятно, — кивнул Дэнни. — Вы говорили, что вас несколько? Кто ещё с вами?

— Мой брат Бенджамин и наш командир Невё. Именно Невё готовит большинство наших планов, советую с ним не пререкаться.

— Невё? — переспросил Дэнни. В его мозгу что-то шевельнулось. — Именно его разыскивал тот человек из будущего!

— Какой человек? — На суровом лице Уильямса появилось заинтересованное выражение.

— Когда я пытался изменить прошлое, меня каждый раз останавливал человек. По крайней мере, два раза из трёх точно. Но я уверен, что и Джека-Потрошителя исправил тоже он!

— Как он выглядел?

— Могу нарисовать. Мне уже однажды доводилось рисовать его для полиции...

— Давайте. Карандаш, бумага — на столе. — Уильямс резким жестом указал на письменный стол.

Дэнни удобно за него уселся, нашёл все, что ему было нужно, и принялся рисовать. Минут через десять был готов портрет лица, точно удачно составленный фоторобот.

— В этот раз вышло гораздо лучше, — похвалил себя Дэнни.

Уильямс взял бумагу и стал внимательно рассматривать изображение.

В этот момент в комнату вошёл человек с копной темных волос и разноцветными глазами. Он подошёл к Дэнни и протянул ему левую руку. Вместо правой из рукава торчал металлический протез.

— Михель Невё, приятно познакомиться, — сказал он с французским акцентом и добродушно улыбнулся.

— Дэнни Готтфрид.

— Погляди на это. — Уильямс протянул рисунок своему командиру.

— Знакомое лицо, — усмехнулся Невё, ничуть не удивившись. — Этот человек вам тоже мешал?

— Мягко сказано, — протянул Дэнни.

— Ещё у него есть друг с глупыми гусеничными усами.

— Я видел только этого человека.

— Вам известно его имя?

— Нет.

— Эдуард Дебюсси, — ответил Невё. — Имя друга нам не известно. Но если вы из когда-либо встретите, то убивайте, не задумываясь.

— Как вы собираетесь спасти «Титаник», если этот Эдуард Дебюсси постоянно все возвращает на место? — задал закономерный вопрос Дэнни.

— Для этого вы нам и нужны, — ответил Невё. — У нас дикая нехватка кадров. Бенджамин недавно отправился в 1776 год, а для задания с «Титаником» нужно два человека. Джон возьмёт на себя часть по непосредственному спасению лайнера, а вы должны будете исполнить роль солдата и защитить спасение «Титаника» любой ценой. Вы уже были солдатом, так что это не должно составить для вас труда. Оружие мы вам предоставим.

— У меня есть.

— Мы предоставим вам более... современное оружие. Впрочем, подробнее расскажем чуть позже. А пока можете... — Невё не договорил, так как его прервал протяжный писк неизвестного происхождения. Он резко вскинул левую руку, отчего задрался рукав пиджака, и уставился на часы, которые светились красным цветом.

— Что это значит?! — взревел Уильямс, и впервые его голос перестал быть монотонным.

— Похоже это... сработала капсула Бенджамина, — тяжело ответил Невё и поднял растерянный взгляд на своего подопечного. — Мне жаль.

Уильямс смертельно побледнел и раскрыл бледные губы в немом удивлении. В его глазах отразился первозданный ужас, какой Дэнни прежде видел только на фронте. А потом этот ужас сменился яростью.

— Ты... ты... — зло начал он, указывая пальцем на Невё.

Сказать он ничего не смог. Дэнни был уверен, что в голове Уильямса вертятся самые едкие ругательства, какие только мог придумать мозг, но эмоции они бы выразить все равно не помогли. А если эмоции невозможно выразить через слова, то найдётся иной способ, и Дэнни приготовился к тому, что вот-вот может начаться драка.

Но Уильямс — надо отдать должное его выдержке — ничего не сделал. Он просто вышел из комнаты и хлопнул дверью.

— Пока отдыхайте, — глухо сказал Невё, даже не взглянув на Дэнни. — Если хотите, можете погулять по городу. Ключи от квартиры на столе.

С такими словами он отправился вслед за Уильямсом.

Дэнни не совсем понял, что произошло, но, кажется, догадывался — Эдуард, путешественник из будущего, убил брата Уильямса. Этот же человек застрелил Линкольна, одного из поджигателей Нью-Йорка и порезал женщин, которые должны были стать жертвами Джека-Потрошителя. Похоже, он настоящее чудовище, и если они встретятся на «Титанике», то Дэнни, не задумываясь, его убьёт.

Решив так, Дэнни собрался последовать совету Невё и отдохнуть. Впереди сложное задание и нужно набраться сил, чтобы выполнить его хорошо.

— Что у нас в новостях в 1927 году? — проговорил Дэнни себе под нос и вытащил из-под груды бумаг какую-то старую газету, которая явно использовалась как подставка для кружки. Она была датирована 1926-м годом, и Дэнни решил, что такая тоже сойдёт.

Заголовок, который кричал французскими буквами, полностью разрушил мир Дэнни. Такого он совсем не ожидал увидеть в ближайшем будущем.

«ВЕЛИКИЙ МЕРТВ.

СМЕРТЬ ГАРРИ ГУДИНИ ВО ВРЕМЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ДЕТРОЙТЕ»

МОНРЕАЛЬ, 1926 ГОД

Гарри Гудини славился стальным прессом. Он предлагал людям ударить его в живот и уверял, что при этом он ничего не почувствует. Желаящие в этом убедиться действительно наносили удары и чувствовали его непробиваемый пресс.

В октябре 1926-го года Гарри был на гастролях в Монреале. Когда он отдыхал в гримерной, к нему подошли студенты, один из которых, Гордон Уайтхед, был боксером. Уайтхед поинтересовался, правда ли пресс Гудини такой непробиваемый. Фокусник отвлечено кивнул, и студент нанёс ему несколько ударов в живот. Гарри согнулся пополам и остановил молодого человека, сказав, что для начала ему нужно подготовиться. Он напрягся и пригласил Уайтхеда ударить ещё раз. Студент убедился в том, в чем пришёл убедиться, и преспокойненько ушёл.

В течение последующих дней Гарри чувствовал боль в животе, но не обращал на неё внимания. Во время шоу в Детройте он потерял сознание прямо на сцене, и его увезли в больницу. Оказалось, что удары, которые ему нанёс Уайтхед, послужили причиной разрыва аппендикса. Гарри скончался через несколько дней от развившегося перитонита.

Известие о смерти фокусника шокировало Дэнни до глубины души. Он вычитал все эти подробности из статьи и принял решение остановить глупого студента от ненамеренного убийства величайшего фокусника на свете.

Дэнни без промедления переместился в Монреаль к двери гримерной Гудини и стал поджидать Уайтхеда. Что именно он собирался сделать с этим парнем? Первая мысль: хорошенько приложить ему по голове, чтобы тот ни на шаг не приближался к Гудини. Но после Дэнни решил, что можно обойтись и без драки, лишь сказав Уайтхеду, что Гудини сегодня не принимает гостей. Нужно было сделать так, чтобы этот парень и Гарри никогда не встретились, а драка, наоборот, могла привлечь внимание фокусника.

Дэнни бродил взад-вперёд перед дверью гримерной и от волнения и злости сжимал кулаки. Как бы ярость не затмила рассудок в самый ответственный момент и не заставила его наброситься на злополучного студента!

Вот в конце коридора появилась внушительная фигура крепко сложенного юноши.

Дэнни заскрипел зубами. Этот громила мог прикончить любого, если бы этого только пожелал. Нужно спровадить его отсюда, пока он не добрался до Гарри.

Дэнни направился ему навстречу, но неожиданно его кто-то схватил за локоть и толкнул к стене. Уайтхед косо глянул в его сторону и прошёл мимо. Дэнни дернулся за ним следом, но его снова припечатали к стене.

— Идиот! — шикнул на него человек.

Это был Невё, командир команды, в которую Дэнни только что вступил с таким воодушевлением.

— Он же его убьёт! — Дэнни указал в сторону гримерной, за дверью которой уже скрылся студент.

Дэнни снова порывисто дернулся, но Невё толкнул его обратно.

— Двинешься с места — и будешь об этом очень жалеть.

Дэнни в удивлении посмотрел на Невё. Что мог ему сделать однорукий человек? В принципе ничего. Но взгляд Невё был таким жестким и злым, что Дэнни невольно застыл истуканом.

— Тебе повезло, что пришёл я, а не Эдуард, — прошипел Невё. — Он бы пристрелил тебя на месте.

— Но как вы узнали, что история изменена, раньше него? — тяжело сглотнув, спросил Дэнни.

Может, было бы лучше, если бы пришёл Эдуард?..

— Это происходит подобно волне. Ты изменяешь историю и перво-наперво её чувствуют люди ближайших лет. Постепенно эти изменения идут в будущее. Я уверен, что это изменение ещё не успело дойти до того времени, в котором живёт Эдуард. И слава богу. Не хотел бы я лишиться ещё одного человека. Ничего больше не делай самостоятельно, понял? Я подробно разрабатываю планы каждого изменения истории, а ты действуешь глупо и необдуманно. Пока ты с нами, ты должен слушать меня. Ясно?

— Гарри мой друг...

— И он умрет так, как ему положено.

— Зачем вы вообще тогда нужны?!

— Мы не будем спасать каждую почившую знаменитость!

— Не каждую. Только его.

— Да что же это такое, — устало протянул Невё. — Выбирай сейчас. Пойдешь спасать Гудини — и ты не с нами.

— Вы предлагаете выбрать либо вас, либо Гудини? Вам не кажется, что выбор очевиден.

— Предлагаю тебе выбрать либо нас, либо собственную смерть. Ну?! — рявкнул Невё и приставил к его голове неизвестно откуда взявшийся пистолет.

— Но я ведь вам... нужен.

Да сколько можно мне угрожать пистолетами! — мысленно взвыл Дэнни.

— Нужен. Но не забывай, что незаменимых людей нет. Больше всего не могу терпеть, когда кто-то идет наперекор моим командам. Я даже не поленюсь поискать кого-то другого на твое место.

— Вы ведь не сможете меня убить.

— Ты уверен? — Невё сверкнул глазами, и Дэнни понял, что для него это будет проще простого. — Делай выбор. Если ты ступишь в гримерку Гудини, то уже больше никого не

сможешь спасти.

— Это мне еще Уильямс показался слишком жестким...

— Жду ответ. Сейчас же. Ну?!

— Да понял я! Выбираю вас.

— А теперь возвращайся в 1927-ой. И сходи проветришься. Рядом с нами есть интересный бар, который может тебя заинтересовать.

ПАРИЖ, 1927 ГОД

Дэнни еще никогда не чувствовал себя таким неудачником. Неве́ едва ли не за шкуру притащил его в Париж и посоветовал хорошенько думать, прежде чем что-либо делать.

— Если, конечно, тебе дорога жизнь, — добавил он, а потом, точно компенсируя свои угрозы, бросил на стол несколько смятых банкнот. — На, сходи в бар. Уверен, что это место тебе понравится.

На такой ноте он вышел из комнаты.

Дэнни сгрел деньги, вытащил из кармана пальто пачку сигарет и отправился в этот бар. Оставаться в комнате одному все равно не хотелось, а тут представилась возможность выпить за чужой счет, так что грех было ее упускать. Несмотря на то, что Дэнни и так уже был не очень-то трезв после посиделок в спикизи-баре, ему хотелось напиться еще. Да так, чтобы напрочь забыть собственное имя.

Бар «Динго», который находился в соседнем доме, был оформлен в красных и золотых тонах. Залы заполняли женщины в коротких блестящих платьях и мужчины в нарядных костюмах; между ними крутились официанты в бордовой форме. Дэнни подобрался к барной стойке, что тянулась вдоль одной из стен, забрался на высокий стул и заказал порцию виски.

В противоположной стороне была сцена, на которой музыканты играли джаз, а темнокожая девушка в блестящем топе и короткой юбочке пела и танцевала. Девушка была очень улыбчивая и заряжала веселостью всех вокруг. Настроение немного поднялось, и Дэнни невольно начал пританцовывать, насколько это было возможно, сидя на стуле.

Бармен поставил заказ. Дэнни одним глотком влил в себя напиток и хлопнул толстостенным стаканом по столешнице. Потом он достал сигарету и стал нервно и быстро курить.

Полученный эффект был слабым. В голове все крутились невеселые мысли о смерти Гудини и о том, во что Дэнни ввязался. Он даже ничего толком не обдумал, когда соглашался на предложение Уильямса. Но, может, спасение «Титаника» все же стоило того, чтобы потерпеть этих людей несколько дней. А ещё возможность переместиться в будущее и помощь в избавлении от Эдуарда тоже были не лишними. Втроём с ним справиться будет куда проще, чем поодиночке. А после Дэнни будет волен делать все, что захочет.

Дэнни выпил ещё и скользнул взглядом по толпе людей. Недалеко от сцены мелькнул знакомый светловолосый человек, одетый в серебристый костюм с жёлтым галстуком. Дэнни показалось, что он раньше видел его лицо с прямым носом и смягченными чертами. Но где? Дэнни поднялся со стула и отправился в его сторону.

Мужчина заметил, что им заинтересовались, поэтому приосанился и выжидающе посмотрел на Дэнни.

— Такое чувство, что я вас где-то раньше видел, — пролепетал Дэнни. — Вы случайно не Скотт Фицджеральд?

— Именно он. — Скотт довольно улыбнулся. — Читали мои книги?

— «По эту сторону рая» стала для меня настоящим открытием!

— А как вам моя последняя?

Последняя... — повторил про себя Дэнни.

«Прекрасные и проклятые» — второй роман Фицджеральда. Опубликовал ли он после что-то ещё? Дэнни не знал.

— Скотт, — проговорил кто-то за спиной писателя, избавив Дэнни от ответа на этот вопрос.

К ним подошла женщина, круглолицая, с маленькими ярко накрашенными губами и желтоватыми кудрявыми волосами, которые были разделены на пробор. Она была в чёрном платье с кружевами, в длинных перчатках выше локтя и с ниткой жемчуга на шее.

— Моя жена Зельда, — представил её Фицджеральд. — Дорогая, это... Простите, не знаю вашего имени.

— Дэнни Готтфрид, — представился тот, тяжело сглотнув.

— Очень приятно, — улыбнулась Зельда.

— Вы ведь американец, мистер Готтфрид? — уточнил Скотт. — Фамилия у вас немецкая, но акцент точно американский.

— Мать из Франции, отец из Германии, я сам американец. Живу в Нью-Йорке. Пока на время перебрался в Париж.

— А чем вы занимаетесь в Нью-Йорке? — поинтересовался Скотт.

— Я... работал в газете «Нью-Йорк Ньюз».

— В газете? — Зельда нахмурилась.

— Меня выперли, и я решил писать рассказы. Перкинс просил меня выслать ему что-то, да я так и не решился.

— Так вы знакомы со стариной Перкинсом?! — воскликнул Скотт. — Я как раз помогаю ему найти новых авторов. Если у вас есть, что предложить, можем попробовать выслать.

Дэнни пожал плечами:

— Пока ничего. Довожу до ума свои произведения, медленно, зато верно.

— Вот что мы сделаем. — Скотт вытащил из кармана записную книжку, что-то в ней черкнул, а потом выдернул листок и протянул его Дэнни. — Пишите мне. Я почитаю ваши работы и смогу дать рекомендацию или чем-нибудь помочь.

Дэнни точно оглушили. Скотт Фицджеральд хочет помочь ему издать рассказы?..

Надо будет серьёзно поразмыслить над этим на трезвую голову.

— Спасибо, мистер Фицджеральд! — воскликнул Дэнни.

— Обращайтесь.

К Фицджеральдам подобралась компания людей, которая их отвлекла. Дэнни, как тень, прошёл по залу и скрылся в уборной, где хорошенько умыл лицо холодной водой. Встреча с Фицджеральдом случилась в реальности или он уже пьян настолько, что ему мерещится?

Вроде бы ещё не настолько, — заключил Дэнни.

Тогда это просто чудеса! Писатель, которым он восхищался, предложил свою помощь.

Вот только... Это же будущее. Вряд ли в настоящем Фицджеральд вспомнит о своём обещании помочь, ведь этого ещё не случится.

— Черт! — воскликнул Дэнни. — Как всегда все не так, как у нормальных людей...

Когда Дэнни, сильно расстроенный, вернулся назад, темнокожая девушка уже закончила своё выступление. Он прошёлся по залам в поисках ещё каких-нибудь интересных

личностей, на которых мог бы поглядеть, и заметил Коко Шанель, молодого художника Пикассо, о котором пару раз слышал, и все тех же Фицджеральдов, общавшихся со всеми подряд.

— Интересненькое местечко, — пробубнил Дэнни себе под нос и воротился к барной стойке. — Дайте-ка ещё виски.

Бармен водрузил стакан, и на этот раз Дэнни стал пить не так быстро, поочередно делая то глоток, то затяжку сигаретой.

Стоящий рядом крупный усатый мужчина с бутылкой в руке глянул на сигарету Дэнни.

— Простите, — проговорил он, немного качнувшись. — Не найдётся закурить?

— Пожалуйста. — Дэнни протянул пачку.

— Как вам шоу, а? — спросил мужчина, затягиваясь.

— Очень подняло настроение.

— Джози это умеет.

— Джози? — переспросил Дэнни.

— Жозефина Бейкер. Танцовщица. Не слышали?

— Нет.

— Много потеряли!

— А вы вообще кто? — нахмурился Дэнни.

— Эрнест Хемингуэй.

— Дэнни Готтфрид.

— Как вам Париж, мистер Готтфрид?

— Хороший город. И выпивка тут легальная. — Дэнни пожал плечами.

— Ох, это чертовски хороший город! Особенно для творческих людей.

— Эрнест Хемингуэй? — В голове Дэнни что-то запоздало шевельнулось. — Мне кажется, я где-то слышал ваше имя.

— Может, слышали о моей книге?

— Так вы писатель?

— Значит, не слышали. — Хемингуэй, казалось, поник.

— В мыслях почему-то появилась Нобелевская премия.

— Тогда вы с кем-то меня перепутали.

— Забудьте, — отмахнулся Дэнни. — Иногда в моей голове появляется всякий бред. Наверное, это от того, что в последнее время меня часто бьют по лицу.

— Не позволяйте никому бить вас по лицу! — воскликнул Хемингуэй и треснул огромным кулаком по столешнице. — Хотите покажу вам пару боксерских приемов?

— Да нет. Я занимался боксом. С приемами я не в ладах. Слишком долго думаю, поэтому в настоящей драке ни один приём не помог. А на войне уж тем более.

— Вы воевали?

— К сожалению.

— Я ведь тоже. Поразительно. Сколько вам было лет? Вы выглядите очень молодо.

— Девятнадцать.

— А где именно воевали?

— В Италии. Это было жутко. Меня ранили довольно скоро, и я долгое время пролежал в госпитале.

— Я работал водителем скорой помощи, но как хотел воевать! Когда ранило минометным огнём, пыл поutih. Но я ни о чем не жалею. Всякий опыт войны важен для

писателя.

— А вот я, признаться, жалею.

— Мистер Готтфрид, предлагаю вам выпить и обсудить это. Думаю, мы во многом с вами похожи и нам есть, о чем поговорить.

Дэнни не стал противиться. Ему хотелось с кем-то поговорить и тем более найти себе собутыльника. Они уселись за столик и проговорили полночи, прикончив бутылку Хемингуэя и заказав ещё выпивки за счёт Невё.

Дэнни вернулся в квартиру в полуобморочном состоянии. Он плохо помнил подробности разговора с новым знакомым, но помнил, что тем у них было много — война, быки, репортёрская работа, писательство, бокс, Париж, снова быки и многое другое. Дэнни не знал, как так вышло, что он встретил настолько похожего на себя человека, зато знал, что после разговора с ним ему стало значительно легче.

ТИТАНИК, 1912 ГОД

Бежевый пол шлюпочной палубы «Титаника» был усыпан шезлонгами, на которых наслаждались вечером хорошо одетые господа и дамы. Небо темнело, на нем уже зажглись редкие звездочки, хорошо различимые с борта корабля. Лайнер сиял золотыми огнями, которые отражались на глади соленой воды. Позади него оставалась дорога из пены, которая возникала из-за трёх усердно работающих гигантских винтов. Казалось, что с каждой минутой «Титаник» движется только быстрее, а дорога из пены становится плотнее и шире.

Дэнни брел вдоль борта и рассматривал людей. Все были в прекрасном настроении и весело друг с другом щебетали, не подозревая, что до страшной катастрофы остались считанные часы.

Было прохладно, и многие пассажиры посчитали лучшим скрыться в помещениях. Дэнни, завершив свою прогулку, решил последовать их примеру и спустился на палубу А по парадной лестнице. Дэнни читал об этой лестнице в документальной книге, которую ему дал Невё для подготовки к миссии. В верхней части в стену, сделанную из орехового дерева, были вмонтированы роскошные часы с бронзовыми фигурами Чести и Славы. Вся композиция называлась — «Честь и Слава, венчающие Время». Над головой был большой стеклянный купол, поделенный ажурными металлическими переплетами на равные части, точно большой воздушный торт. На последней ступени стоял пьедестал с херувимом, держащим в руках светильник в виде факела. Дэнни находил все это настоящим произведением искусства, уж точно не заслуживающим того, чтобы гнить на океанском дне.

Затаив дыхание, Дэнни отправился по шикарным коридорам в курительный салон первого класса. Он хорошо здесь ориентировался, ведь много раз пересекал Атлантику на больших судах — несколько раз на «Мавритании», пару раз на «Аквитании» и один раз на «Лузитании», которая в 1915 году была торпедирована немецкой субмариной. Все это были корабли компании «Кунард Лайн». Мать всегда выбирала именно эту компанию, точно не доверяла другим, хотя Дэнни однажды предлагал ей отправиться на «Олимпике», старшем брате «Титаника». Путешествовали они всегда в каютах второго класса, хотя иногда Дэнни мог сбежать и провести некоторое время на палубах первого класса. Он хорошо изображал из себя важную шишку, поэтому его принимали за своего.

Сегодня Дэнни был отлично наряжен. Все пропускали его и кланялись ему, точно высокородному аристократу. Его всегда это забавляло — неважно, что ты собой представляешь, важно, во что ты одет и можешь ли ты убедить людей в том, что у тебя есть куча денег.

Стюард на входе открыл двери, и Дэнни прошел в курительный салон. Стены помещения были обшиты резными панелями из красного дерева и украшены перламутровой мозаикой. Единственный дровяной камин находился именно в этом помещении, все другие камины на корабле являлись угольными. В зале стояли квадратные столики, вокруг которых располагались темно-зеленые креслица, занятые джентльменами из первого класса. Они курили, пили кофе или бренди и играли в карты. Женщин здесь не наблюдалось; мужчины считали это место своей обителью, где они могли обсуждать политику и бизнес.

Дэнни отправился искать свободный стол. Когда он проходил мимо двух мужчин лет пятидесяти на вид, то нечаянно услышал их разговор.

— ...В последние годы суда становятся только больше и больше, — сказал усатый мужчина с кудрявой посеребренной сединой шевелюрой.

— Компании соревнуются в роскоши и размерах своих судов, но скоро может настать день, когда результатом сего размаха будет невиданных размеров катастрофа, — ответил ему его собеседник. Он был грузным, имел круглое лицо и короткую вьющуюся бородку.

Дэнни остановился рядом с ними и бесцеремонно вмешался в их разговор.

— Почему же вы тогда отправились в путешествие на самом большом в мире судне? — спросил он.

— Простите, сэр? — встрепенулся грузный мужчина.

На Дэнни смотрели, как на ума лишенного, и он тут же понял, что повел себя очень некрасиво по меркам этого общества.

— Приношу свои извинения, — тут же потупился он. — Меня зовут... сэр Дэниэл Готтфрид. Я проходил мимо, и случайно услышал, как вы говорите о катастрофе.

— Полковник Арчибальд Грейси, — представился первый джентльмен и протянул руку, которую Дэнни в замешательстве пожал.

— Чарльз Мэлвилл Хейс, — представился второй.

Дэнни в замешательстве пожал и его руку.

— Вы не переживайте, — сказал Грейси. — Мистер Хейс преувеличивает насчёт катастрофы.

— И все же... — пролепетал Дэнни. — Почему вы отправились именно на этом лайнере?

— «Титаник» прекрасный корабль, — ответил ему Хейс.

— А что, если катастрофа, о которой вы говорите, случится именно с ним?

— Исключено. «Титаник» непотопляем.

— Мистер Готтфрид, — сказал полковник. — Не воспринимайте так близко к сердцу слова мистера Хейса. «Титаник» действительно добротное судно.

Дэнни пожал плечами. Такая вера людей в непотопляемость корабля была просто поразительной. Как только «Уайт Стар Лайн» удалось убедить пассажиров в крепости своего детища? Любой здравомыслящий человек должен понимать, что непотопляемых судов не бывает.

Дэнни ещё раз извинился за своё вмешательство в разговор и отправился за свободный столик, борясь с желанием сказать Арчибальду Грейси, что он читал его книгу «Правда о «Титанике»», которую тот написал сразу после своего спасения.

Его приятель Чарльз М. Хейс, который являлся канадским железнодорожным магнатом, к сожалению, был среди 1500 человек, которые не смогли спастись во время крушения.

Дэнни уселся в кресло и принялся ждать. Они с Уильямсом условились, что встретятся на шлюпочной палубе через час. Уильямс ушел в один из ресторанов, чтобы повидать какого-то своего знакомого, и наказал Дэнни не уходить далеко.

Перед тем, как отправиться на «Титаник», Невё изложил свой план, и этот план Дэнни показался очень сложным. Уильямсу предстояло взять управление кораблем на себя и провести его другим, более безопасным маршрутом.

— Почему нельзя просто предупредить капитана, чтобы он сделал это сам? — спросил тогда Дэнни.

— Разве опытные моряки станут слушать своих пассажиров? — ответил ему Невё. — К тому же предупреждения на «Титанике» имели необъяснимую тенденцию игнорироваться.

— То есть?

— Другие суда предупреждали о том, что впереди ждет очень опасный участок. С судна «Месаба» пришло четкое сообщение о льдах, но оно так и не было передано ни капитану, ни его помощникам. Так же с судна «Калифорниан» послали что-то вроде: «привет, дружище, мы тут застряли во льдах», что старший радист «Титаника» не воспринял всерьез. Многие радисты были приятелями и иногда так друг с другом болтали. Вообще, сообщений поступало достаточно, чтобы заставить «Титаник» насторожиться, однако почему-то ни одно из них так и не добралось до капитана.

— Как будто все сговорились, чтобы капитан ничего не узнал, — пробормотал Дэнни.

— Да, в тот день словно всё было против «Титаника». Но мы-то и идем туда, чтобы все сложилось иначе. У меня есть маршрут, по которому «Титаник» может благополучно преодолеть сложный участок. Он был составлен с помощью приборов из будущего. Конечно, кораблю придется сбавить скорость, ведь он идет чересчур быстро. Голубую ленту Атлантики в итоге он не получит, зато все его пассажиры будут живы.

Оказалось, Уильямс умел управлять судами. Большая часть плана была возложена на него, ему нужно было для вида попытаться предупредить офицеров о надвигающемся айсберге, а после взять их всех в заложники и повести корабль самостоятельно. Задача же Дэнни была совсем не сложной: стоять на ходовом мостике и охранять рубку от Эдуарда. Ему выдали внушительного вида пистолет со странной шпуковиной на дуле, которая называлась «глушителем». Этот пистолет теперь оттягивал плечо, покоясь в кобуре под фраком. Дэнни сейчас нарочно воздерживался от алкоголя, чтобы иметь твёрдую руку, хотя он был бы рад пропустить пару стаканчиков. Дождаться назначенного времени в полном одиночестве было довольно волнительно, и он стал искать, на что можно отвлечься.

За столиком напротив он неожиданно увидел женщину, которой — он готов был поклясться — еще минутой назад там не было. Она была в облегающем черном платье, пила прямо из бутылки и курила сигарету без мундштука. Дэнни решил, что это очень любопытная особа, поэтому посчитал, что можно попытаться поговорить с ней.

— Вы позволите? — спросил он, подобравшись к ее столу.

— Пожалуйста, — разрешила та, указав сигаретой на свободное место.

— Я Дэнни Готтфрид. А вы?

— Элинор Ригби.

— Мисс Ригби...

— Миссис, — поправила она.

— Миссис, — согласился Дэнни. — Так странно увидеть женщину в этой комнате.

— Мы что, по-вашему, не пьем и не курим?

— Ну почему же? На моей родине женщины делают не только это.

— А вы откуда родом?

— Я из Америки. А вы из Англии?

— Нет. — Миссис Ригби покачала головой, отчего её темные кудри тяжело качнулись над открытыми плечами. — Я много откуда. Нигде не задерживаюсь надолго.

— Так вы любите путешествовать?

— Типа того.

Дэнни прищурился и хорошенько разглядел её лицо. Узкий подбородок, прямой нос, высокие скулы и странно изогнутые тонкие брови, выкрашенные в темный цвет. В уголках глаз — маленькие морщинки. На вид ей было чуть за тридцать. А еще выглядела она как-то

знакомо.

— А мы с вами никогда раньше не виделись? — спросил он.

— Сомневаюсь. Я вижу вас впервые.

— В последнее время мне каждый человек кажется знакомым.

— Дежавю?

— Да. Постоянно.

— Интересно. — Миссис Ригби подалась вперёд и посмотрела в глаза Дэнни.

Заинтересованность на её лице мгновенно сменилась испугом. Она отпрянула, как будто в неё чем-то брызнули, и поднялась на ноги.

Дэнни подскочил вслед за ней.

— Что-то не так?

— Нет-нет, — ответила она. — Я вспомнила, что забыла выключить... ну этот... камин в каюте. Мне надо бежать.

Она полетела через курительный салон в сторону выхода.

— Постойте! — Дэнни кинулся её догонять. — Что-то не так, да? И вы поняли, что именно! Мы с вами раньше виделись, ведь так? Я это знаю, хоть и не помню!

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — кинула миссис Ригби.

— Пожалуйста, не уходите. Это нечестно.

Около двери она резко остановилась и развернулась.

— Что вы от меня хотите?

— Просто скажите, что вам известно? — спросил Дэнни.

— Мне ничего не известно.

— Где мы раньше виделись?

— Мы с вами никогда не виделись.

— Я знаю, что вы не одна из пассажирок «Титаника».

— Да? Ну вот я — и я на «Титанике», значит, я пассажирка. Разве нет? — Она развела руками.

— Нет! — возмутился Дэнни. — Скажите, кто вы?

— Я уже говорила.

— Элинор Ригби — не ваше настоящее имя, а песня группы «The Beatles»!

— Я... я не слышала о...

— Да все вы о них слышали! Кто вы?

— До свидания, мистер Готтфрид, — отрезала она и прыгнула за дверь курительного салона.

Когда Дэнни вышел в коридор, то уже не смог её отыскать. Он был уверен, что она путешественница во времени. Иначе и быть не могло. Вот только кто она и где они раньше виделись?

А ещё — кто, черт возьми, такие «The Beatles» и откуда Дэнни знает, что «Eleanor Rigby» их песня?

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Жаклин собирала досье на Дэнни Готтфрида, но Эдварду казалось, что она решила написать о нем биографию, потому что найденная информация занимала в текстовом редакторе уже около восьмидесяти страниц. Она решила начать писать о нем с самого начала, то есть — с его рождения, что, по мнению Эда, было бессмысленно, ведь эта информация никакой погоды им сделать не могла.

— Не могу найти, где он родился, — поделилась Жаклин. — Кстати, его мать француженка и детство свое Дэнни провел в Париже.

— И что? — безразлично спросил Эдвард.

— А то, что его родители тоже могли быть путешественниками во времени, а значит, нужно составить досье и на них. О Луизе много чего можно найти, но вот о Дирке Готтфриде — ничего. Ну, кроме того, что он был немцем. Мог ли Дэнни родиться в Германии?

— Чего ты так заиклилась на этом парне? Понравился, что ли?

— Заткнись. Вообще-то, в отличие от тебя, я работаю. А вот чем в последние дни занимался ты... — Жаклин резко застыла, не договорив фразу. Ее взгляд остекленел, и Эдвард понял, что она видит изменение истории.

— Народ, у нас, кажется, что-то случилось, — тут же сообщил Эдвард в наушник.

Эдит и Гюстав, бродившие где-то вдвоем, поспешили вернуться на рабочее место. Эдвард смерил их недовольным взглядом, сдерживаясь от комментария по поводу их совместных отлучек.

— Кто-то меняет историю?! — спросил Гюстав. В его глазах точно зажегся огонь, и Эдвард понял, что друг радуется.

Совсем больной что ли, — подумал Эд.

— «Титаник» спасён! — воскликнула Жаклин.

Эдит без лишних слов села за свободный компьютер и стала клацать по его экрану.

— Спасён? — переспросил Гюстав. — То есть уже спасён? Или его только собираются спасти?

— Спасён, — ответила Эдит, уже изучившая этот вопрос в интернете.

— Почему твой дар перестал работать нормально?! — возмутился Эдвард. — Обратись к Жиллену, может, он и тебе поможет. Проведёт какие-нибудь тесты или еще что.

— Но я... я не знаю, — проговорила Жаклин. — Думаешь, стоит?

— Стоит, — твердо ответил он.

Во многом настоящее и будущее зависели от нее. Если ее дар так тормозит, то в один ужасный день от их привычной жизни может ничего не остаться.

— Вот же черт, — пробормотала Эдит, глядя в монитор. — Все, что как-то было связано с «Титаником», тоже исчезло. А моя тетя очень любила фильм с Ди Каприо...

— А в чем причина? — спросил Гюстав. — Кто его спас?

— «Некий мистер Джон Уильямс предупредил палубных офицеров об опасности, которая ждала лайнер на пути, — начала читать Эдит статью из интернета. — А именно, он утверждал, что впереди будет большой айсберг, который следует объехать по другому маршруту. Офицеры, конечно, не восприняли слова незнакомца всерьез, что заставило того прибегнуть к жестоким методам. Уильямс вытащил из-за пояса странное современное оружие, судя по всему, немецкого производства, и взял всех в заложники. Он сказал, что если ради спасения всех пассажиров нужно будет застрелить нескольких офицеров, то он на это пойдет. Офицеры сдались. Уильямс связал их и запер двери, а после сам взялся за штурвал корабля, пустив его по другому маршруту. «Титаник» благополучно добрался до Нью-Йорка. И уже на берегу Уильямса арестовали. Правда, преступник таинственным образом исчез прямо из-за решетки, и его больше никто никогда не видел».

— Джон Уильямс, — повторил Эд. — Как Бенджамин Уильямс, которого схватил Вашингтон! У них что, семейка говнюков, пытающихся испортить историю?

— Значит, мы сейчас отправляемся на «Титаник»? — спросил Гюстав.

— В видении я только что видела одного человека в порту Саутгемптона, — сказала Жаклин. — Думаю, неспроста его видела. Это наверняка был Уильямс.

— Как он хоть выглядит? — спросил Эд.

— Да вот же. — Эдит нашла фотографию и повернула монитор компьютера так, чтобы всем было видно. — Это Уильямс.

На черно-белом фото был изображен обросший щетиной мужчина лет тридцати пяти. Он был закован в наручники и в сопровождении толпы полицейских спускался с борта только причалившего «Титаника». Он явно был доволен собой и ничуть не переживал по поводу своего ареста.

— Твою же мать... — Эдвард даже побледнел.

— Что? — нахмурилась Эдит.

— Этот тип... Это он тот третий человек с фотографии, где изображены Невё и Жан. Это его я тогда поймал в катакомбах в 1927 году! Ну, помните, еще в прошлом году. Это был первый приспешник Жана, который сбежал у меня из-под носа.

— Да ладно... — пробормотал Гюстав. — Тот тип, который убил Пьера, когда мы отвлеклись на девочку и её неадекватного ухажера?

— О чем вы? — спросила Эдит.

— Долгая история, — бросил Эд.

— Выходит, он не был связан с Жаном? — в замешательстве спросила Жаклин.

— Я не знаю, — пробормотал Эдвард. — Но я был уверен, что рано или поздно этот тип снова покажется. И вот он показался! И теперь мы знаем, как его зовут.

— Мы схватим его в Саутгемптоне? — спросил Гюстав.

— Мне в Саутгемптон нельзя, — ответил Эд. — Когда я писал диплом, то был в порту и наблюдал отплытие «Титаника».

Эдвард писал о больших кораблях начала двадцатого века и о соперничестве судоходных компаний. В своей работе он, конечно, не мог не затронуть «Титаник» и то, что с ним произошло.

Он начал главу о «Титанике» с его неудачного отплытия из гавани Саутгемптона. Чтобы написать как можно правдоподобнее, Эдвард отправился посмотреть на это памятное событие.

Тысячи людей в порту наблюдали за отплытием самого большого в мире корабля. Все радовались, кидали в воздух шляпы и махали на прощание пассажирам. Но тут стоявший в гавани небольшой пароход «Нью-Йорк» неожиданно стал будто бы притягиваться к лайнеру. Стальные тросы, которыми «Нью-Йорк» был пришвартован, натянулись и лопнули, и судно пошло на столкновение с «Титаником». На счастье буксиру и матросам удалось спасти суда от столкновения, и «Титаник» двинулся дальше. На этом сложности выхода «Титаника» из гавани не закончились. Когда величественный лайнер проходил рядом с еще одним небольшим пароходом под названием «Оушеник», ситуация практически повторилась. Тросы, которыми «Оушеник» крепился к месту стоянки, натянулись и едва не лопнули. «Оушеник» опасно накренился и едва не столкнулся с «Титаником», однако тросы выдержали, и плавучему дворцу-таки удалось покинуть гавань. После этого случая некоторые суеверные пассажиры посчитали лучшим сойти с борта «Титаника» в Шербуре, о чем после наверняка нисколько не жалели.

Примечательно, что похожая ситуация случилась с собратом «Титаника»,

«Олимпиком», за полгода до того, как «Титаник» отправлялся в путь. «Олимпик» столкнулся с крейсером «Хок», в результате чего на правом борту лайнера появилась большая пробоина. Избежать столкновения было невозможно — «Хок» притягивался к «Олимпику», точно магнитом, и не реагировал на действия офицеров.

Это была проблема огромных судов — а «Олимпик» и «Титаник» на тот момент были самыми большими в мире — они притягивали к себе маленькие суда в результате всасывающего эффекта, который появлялся от движения огромных винтов. Эту проблему должны были изучить, прежде чем отправлять лайнеры в плавание, ведь в открытом море все могло привести к трагическим последствиям.

И может, «Титаник» не смог обойти айсберг, потому что тот к нему притянулся?..

— Ну ладно, — проговорил Гюстав. — Что тогда будем делать? Схватим Уильямса на «Титанике»? Или пристрелим? Он точно нужен нам живым? Он убил Пьера, не забывайте.

— Нам нужен хоть кто-то, у кого есть информация о Неве, — сказал Эдвард. — Поэтому желательно, чтобы Уильямс был живым. Схватим его и наденем «Наручник», если он на нем работает.

— Мы могли бы усовершенствовать «Наручник», — намекнул Гюстав.

— И тогда к нам бы пришёл марсианин и исправил историю. Хочешь иметь с ним дело?

— Как знаешь. Ну что, тогда на «Титаник»?

ТИТАНИК, 1912 ГОД

Эдвард и Гюстав нарядились в джентльменов и отправились на борт «Титаника». Местом своего появления они выбрали шлюпочную палубу, потому что в тот вечер на ней практически никого не было. Воздух оказался очень холодным; ход судна создавал морозный ветер, отчего становилось еще холоднее. Небо было именно таким, каким его описывали выжившие — безоблачное, темное, с яркими и будто бы выпуклыми звездами.

— Как будем действовать? — спросил Гюстав, выпустив слова белым паром.

— Если Уильямс пойдёт предупреждать офицеров, то нужно быть рядом с ходовым мостиком. Пойдем с разных сторон: я по правому борту, ты по левому.

— Понял.

Для того чтобы попасть на левый борт, Гюставу нужно было преодолеть многочисленные ограждения, но он не стал утруждаться — он просто туда телепортировался.

Эдвард уже был на правом борту, поэтому, не мешкая, отправился в переднюю часть корабля. Проходя мимо беленьких шлюпок, подвешенных на шлюпбалках, он тут же подумал, что места было предостаточно, чтобы прикрепить дополнительные шлюпки. Как могло получиться так, что для 2208 человек было приготовлено только 1178 спасательных мест? Конечно, жертв «Титаника» было очень жаль — они доверили свои жизни судоходной компании, а та должным образом не соизволила о них позаботиться. Несправедливо, подло, особенно в отношении третьего класса, который во время эвакуации оказался заперт за железными решетками, дабы для начала дать занять все свободные места «слишком важным» людям из первого класса. Но как бы ни было их жаль, нельзя было позволить Уильямсу спасти «Титаник» — это слишком сильно изменит историю.

— Что странно, — раздался из наушника голос Гюстава. — В последнее время эти типы заделались в спасатели.

— Наверняка не просто так, — ответил Эдвард.

— Интересно, для чего им понадобилось спасти «Титаник»?

— Без понятия.

Эдвард добрался до ограждения, которое отделяло ходовой мостик от основной части палубы, и услышал разговоры офицеров. Впереди был внушительный нос корабля, который стремительно рассекал воду. «Титаник» и вправду двигался очень быстро; его скорость на участке, где была большая вероятность наткнуться на льды, всегда вызывала у Эдварда вопросы.

Кто-то вышел из рубки и прошёлся по открытой части мостика. Эдвард прижался к белой стене, молясь, чтобы его не заметили. Офицер в синей форме и фуражке лишь поглядел немного вперёд и вернулся обратно.

Эдвард облегченно выдохнул и стал озираться по сторонам, чтобы не проглядеть Уильямса.

А он точно придет сюда? — тут же засомневался Эд. — Хотя в принципе, куда же еще?..

— Я вижу Уильямса! — неожиданно выдал Гюстав.

— Что?!

Эдвард сорвался с места и побежал в обратную сторону, чтобы как-то попасть на левый борт, но из-за угла возник человек с пистолетом в руке и преградил ему дорогу.

— А я тебя ждал, — сказал человек.

Это был Дэнни Готтфрид.

Ну конечно, Уильямс тут не один! Вряд ли одному человеку было под силу спасти «Титаник».

— Вот же сволочь, — проговорил Эдвард.

— Кто? — спросил в наушнике Гюстав.

— Демосфен Жан Готтфрид, — объявил Эдвард. — Засада.

— Откуда ты знаешь моё полное имя?! — возмутился Дэнни.

— Вот черт, — проговорил Гюстав. — Я тебя выгашу.

— Лови Уильямса.

Дэнни в мгновение переместился Эдварду за спину, выдернул из его уха наушник и швырнул за борт.

— Черт, — выругался Эдвард. — Ты хоть знаешь, сколько он стоит?

— Вперед. — Дэнни упёр пистолет ему в затылок, схватил за шкуру и потащил к двери, за которой находился гимнастический зал.

Когда они вошли внутрь, Дэнни запер дверь изнутри и приставил пистолет к лицу Эдварда.

— Не нравится, когда в рожу тыкают дулом? — спросил Дэнни. — Мне вот не нравится.

От Эдварда не укрылось, что оружие было из двадцать первого века. Это было странно, ведь когда Дэнни приходил спасать Линкольна, у него был старинный пистолет (этот пистолет теперь стоит в кабинете Жиллена на видном месте, точно музейный экспонат). Плюс раньше Дэнни действовал один и менял историю как будто бы к лучшему, в то время как Невё менял историю под себя. Что если этот парень раньше действительно не был с ними знаком?

— Невё завербовал тебя недавно, — озвучил Эдвард свою догадку. — Что они тебе пообещали? Деньги? Ты знаешь, что потом они тебя кинут? Вероятнее всего — просто убьют.

— Что ты мелешь?

— После 1923-го года твой след обрывается. Тебя больше не существовало. Наверное, они избавились от тебя, когда ты стал им не нужен.

— Не знаю, о чем ты болтаешь. — Было видно, что Дэнни ему несколько не верит.

— Зачем вы здесь?

— Мы пришли сюда, чтобы спасти «Титаник»!

— А зачем? Ты спрашивал, для чего им это понадобилось? — спросил Эдвард.

— Для того, чтобы все эти люди не погибли страшной смертью!

— Уверен?

— Замолчи. — Дэнни сильнее прижал дуло к его лицу.

Эдвард тяжело сглотнул. Он вспомнил, как в Нью-Йорке сам Дэнни был в таком же незавидном положении; сейчас они буквально поменялись местами. Тогда Эдвард не смог его пристрелить и теперь, видно, за это поплатится.

— Собираешься меня пристрелить? — уточнил Эд.

— Меня именно для этого и наняли.

— Тогда чего ты ждёшь?

Чего ты ждёшь?.. — повторил про себя Дэнни.

От напряжения у него уже свело руку. Он глядел на Эдварда, подгоняя себя завершить свою миссию, которая поначалу казалась очень простой. Он был на войне и убивал людей — убить кого-то еще не должно было быть сложно. Однако на войне все было по-другому; там он убивал, чтобы не убили его. Здесь же это походило на умышленное убийство, и Дэнни, уже вообразивший себя героем, подумал, что ничем не будет отличаться от самого Эдварда, которого он окрестил самым гнусным злодеем во времени.

А, возможно, всему виной было ощущение, что они когда-то были знакомы. То же самое Дэнни показалось в гостинице, когда полицейские пришли расследовать убийство туриста. Самое странное — до всех этих путешествий во времени они определено никогда не встречались. Тогда откуда берется это ощущение? Дэнни не мог понять, что происходит с его головой. Однако теперь он кое-что осознал — эти «дежавю», как назвала их женщина из курительного салона, начались именно с Эдварда.

Дэнни смотрел на человека, которого пришёл сюда убить, и неожиданно понял, что не сможет.

— Это ты убил Бенджамина Уильямса и порезал тех женщин в Лондоне?

— Чего?.. — переспросил Эдвард и будто бы удивился.

Его эмоции показались Дэнни вполне искренними.

— Кто ты? Почему ты мешаешь нам улучшать историю? — продолжил спрашивать он.

— Это моя работа — делать так, чтобы всякие придурки, вроде вас, не портили будущее.

— И ради этого ты готов стать Джеком-Потрошителем?

— Джеком... чего?

И снова это недоуменное выражение лица.

У Дэнни стало стрелять в голове, и от этого он поморщился. Он видел какие-то непонятные картинки, будто из... будущего?

— Почему мне кажется, что мы знакомы? В голове появляются какие-то голографические модели... А я ведь даже не понимаю, что это такое! Но знаешь, «Титаник» все равно будет сегодня спасен. Я знаю план, поэтому даже если твой друг с гусеничными усами сделал что-то с Уильямсом, то я справлюсь сам!

Дэнни не собирался больше ничего говорить. Он не понимал, что вообще происходит — в особенности с его головой, — но это не должно было помешать им спасти сегодня «Титаник». Он перекинул пистолет в другой руку и резко залепил Эдварду кулаком под челюсть. Тот не успел опомниться, как свалился на пол. Дэнни не знал, сколько он так проваляется. Просто воспользовался моментом, чтобы улизнуть и отправиться к ходовому мостику.

Когда Эд пришел в себя, то тяжело поднялся и подергал дверь — она оказалась заперта. Снаружи или изнутри, он даже не проверял. Он просто телепортировался на палубу и помчался к ходовому мостику.

Дэнни уже был там и объяснял что-то одному из офицеров — первому помощнику капитана, Уильяму Мэрдоку, который после будет руководить эвакуацией пассажиров с правого борта и погибнет при спуске складной шлюпки.

— Все в полном порядке, сэр. Если мы встретим лед, то сумеем вовремя его обойти. Отправляйтесь отдыхать. — Мэрдок вытолкнул Дэнни на палубу и удалился в рубку.

Дэнни с выражением полнейшего возмущения на лице собирался кинуться за ним следом, но неожиданно какая-то фигура в темном пальто и шляпе-цилиндре промчалась по палубе и приложила деревянной тростью ему по затылку. Дэнни упал ему прямо в руки, и они вместе испарились с борта корабля.

Эдвард, наблюдавший эту сцену, раскрыл от удивления рот.

Это ещё что был за клоун?.. — в замешательстве подумал он.

Он порылся в карманах и вытащил второй наушник, чтобы связаться с Гюставом и узнать, как его успехи с Уильямсом.

— С каждой минутой становится все страннее, — проговорил Эдвард. — Где ты?

Из наушника он услышал только треск и помехи.

— Гюстав?..

Эдвард похолодел от ужаса. Уильямс мог быть не так великодушен, как Дэнни. Что если с Гюставом что-то случилось?

— Черт подери, отвечай!

— Сэр, вернитесь, пожалуйста, в каюту, — раздался настойчивый голос с ходового мостика.

Эдвард понесся туда, вытащив пистолет, перемахнул через ограждение и влетел в рубку. Все офицеры, которые там находились, в замешательстве уставились на него. Посреди рубки стоял Уильямс, тоже явно озадаченный. Как видно, теперь о поджидающем на пути айсберге пытался рассказать он. Еще минута — и Уильямс бы взял всех в заложники!

— Мой друг немного выпил, я отведу его в каюту, — сказал Эдвард, схватив Уильямса под локоть и незаметно приставив к его пояснице пистолет. — Дёрнешься — убью, — едва слышно пригрозил он.

Они вышли на палубу. Уильямс был так шокирован, что едва не потерял дар речи. Вероятно, он думал, что победа уже у него в кармане. Как бы не так.

— Где Гюстав, черт возьми?! — яростно спросил Эд, когда они отошли от рубки на приличное расстояние.

— А где Дэнни? — вторил Уильямс, взяв себя в руки. — Что, минус один в каждой команде?

Уильямс резко вырвался, заехал локтем Эдварду в нос и побежал.

— Сволочь! — воскликнул Эдвард и, не обращая внимания на тяжелую боль в носу, бросился за ним следом.

Вход для первого класса находился между первой и второй трубой, и Уильямс прыгнул как раз туда. Эдвард прыгнул следом, увидел, как Уильямс сбегает по лестнице, и свесился с перил, начав в него стрелять. Пули пробили беспорядочные дыры в ступенях и поручнях. Казалось, что Уильямсу удалось от них увернуться, но самой последней пуле-таки удалось добраться до цели.

Уильямс, как подкошенный, приземлился лицом на белую плитку и остался лежать среди алых брызг собственной крови.

Присутствовавшие в зале люди в ужасе закричали. Кто-то спрятался, кто-то побежал прочь. Никто не пытался приблизиться к неподвижно стоящему Эдварду, в голове которого вертелся один единственный вопрос — кем я стал?

Тут по кораблю прошла легкая вибрация, которая очень скоро затихла. Эдвард понял, что это айсберг разорвал дно корабля, а значит, делать ему здесь больше нечего.

— Эдвард, — раздался в ухе голос Жаклин. — Ты где? Ты цел? Гюстав в клинике. У него сотрясение мозга. Он сказал, что какой-то тип ударил его тростью.

— Что? — едва слышно отозвался Эд, пытаясь отогнать звон в голове. — Тростью? Он жив?

— Живее всех живых. А ты как?

— «Титаник» только что столкнулся с айсбергом.

— Возвращайся назад.

Клоун с тростью, — думал Эдвард, перемещаясь в отделение. — Это что, какая-то третья сторона?..

КОНКОРД, 1717 ГОД

Дэнни тяжело открыл глаза и приподнялся на локте. Он обнаружил себя лежащим на деревянном полу, который пах потом, гнилью и нечистотами; от этого резкого запаха появился рвотный позыв, а из глаз едва не брызнули слезы.

— Фу, — скривился Дэнни. — Что за гадюшник?..

Он огляделся. Комната раскачивалась из стороны в сторону. Дэнни не мог вспомнить, где он и как тут вообще оказался. Карабкаясь по деревянной колонне, он встал на ноги, но тут что-то звякнуло, дернуло его назад, и он свалился обратно. Только спустя некоторое время он понял, что его руки и ноги скованны кандалами.

— Да какого хрена?.. — Он в панике стал дергать руками, но от этих манипуляций кандалы только натерли кожу.

— Не выйдет, — проговорил кто-то позади.

Дэнни обернулся. Он совсем не заметил, что находится в этой комнате не один. В глубине, во тьме блестели десятки пар белых глаз. Сначала Дэнни решил, что они ему привиделись, но потом он различил очертания черных человеческих фигур, которые сливались с темнотой комнаты.

— Что?

— Их не снять, — пояснил человек.

— Где я?

— На «Конкорде», судне французских работарговцев.

— Вы говорите по-английски? — удивился Дэнни.

— Я Ривер. Служил у одного купца в Нью-Йорке. Меня освободили, но... — Он показал

на кандалы. — Теперь меня снова схватили.

— Черт.

Картина в голове Дэнни прояснилась. Он находился на корабле с африканцами, которых хотели продать в рабство. Но как он сюда попал? И что собирались сделать с ним?

— Ривер, да? Меня зовут Дэнни. Вы не знаете, при каких обстоятельствах я попал на этот корабль?

— Нет, сэр. Вас, вроде, нашли на обломках корабля. Вы были без сознания, когда вас принесли сюда. Сказали, что вы пират.

— Сволочи.

Дэнни порылся в карманах, чтобы найти что-нибудь, что помогло бы ему освободиться, но все его вещи куда-то пропали. Вероятно, когда его здесь запирали, то отобрали все то немногочисленное, что он брал с собой на «Титаник». Обиднее всего было за пистолет — это уже второй пистолет, потерянный в прошлом.

Дэнни поглядел на кандалы, думая, как бы из них выбраться. Гудини бы эта задача показалась наипростейшей. Жаль Дэнни не овладел искусством взлома замков, хотя иногда его посещали такие мысли.

Тут дверь люка распахнулась, и по крутой лестнице спустилась тощая фигура в огромных сапогах и надвинутой на глаза треугольной шляпе. Дэнни оглядел ее с ног до головы и решил, что это подросток, с которым он с легкостью справится, если тот подберется ближе.

Дэнни притаился, сделав вид, что находится в полубессознательном состоянии.

Подросток спустился с лестницы и подобрался к заключённым.

— Дэнни? — шепотом позвал он, звякнул ключами и стал расстегивать кандалы.

Дэнни остолбенел. Откуда этому человеку было известно его имя и почему он решил помочь?

— Нужно уходить отсюда. Ты слишком часто попадаешь во всякие переделки, тебе не кажется?

Когда руки освободились, Дэнни потянулся к шляпе подростка и убрал ее с его головы. Из-под шляпы показалась густая челка и собранные в пучок темные волосы. Это был не подросток, а женщина!

— Элинор Ригби! — воскликнул Дэнни. — Что здесь вообще происходит?!

— Я пришла вытащить тебя отсюда.

— Кто ты на самом деле? — спросил он.

— Зови меня L, — спокойно сообщила она.

— Это твоё настоящее имя?

— Теперь да.

— Почему оно состоит из одной буквы?

— Я из будущего. Ну, мы так и будем трепаться или свалим с этой чертовой посудыны?

— А как же они? — Дэнни указал на африканцев, которые с непониманием на них глядели. Многие наверняка даже не знали языка и не понимали, что с ними хотят сделать. У Дэнни защемило сердце от жалости. По какому вообще праву белые люди делали чёрных своими вещами?

— У нас нет на это времени.

— Нельзя их здесь оставлять! — Дэнни выхватил ключи у L и бросился освобождать несчастных пленников.

— Да тебя тут вообще быть не должно!

— Ну раз уж я здесь, то я их вытащу.

— Как ты это себе представляешь? Мы не сможем вывести незамеченными целую толпу чернокожих людей! А переместить мы их не сможем, так как они не обладают способностью телепортироваться!

— Выведем так, как сможем.

— Ох, Дэнни! — воскликнула она, а потом замерла и уставилась перед собой невидящим взглядом, точно увидела то, что не могут видеть обычные люди.

Дэнни глянул на нее исподлобья.

— Ты чего?

— Смотрю, что будет дальше, — ответила она. — Ага. Сейчас на эту посудину нападут пираты во главе с Чёрной Бородой. Ого... так это же будущая «Месть королевы Анны», а я даже не знала. Всех африканцев высадят на острове Бекия. Я думаю, мы можем свалить отсюда со спокойной душой.

— С ними все будет в порядке?

— У каждого своя судьба. Будут ли они живы? Многие будут. Но они темнокожие среди белых, а темнокожим среди белых всегда было непросто.

Дэнни подобрался к Риверу и вручил ему ключи от кандалов.

— Освободите остальных от цепей, — сказал он. — А потом, когда вас высадят на берег, бегите. Сможете сообщить об этом остальным?

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Вы и правда пират?

— Нет, сэр. Я просто парень, который пытается сделать этот мир лучше, но пока у меня это плохо получается.

— Дэнни, — позвала его L. — Нам стоит отсюда уйти.

— Удачи вам, Ривер, — сказал Дэнни. — Надеюсь, у вас все будет хорошо.

L взяла Дэнни под руку и потащила к лестнице.

— Сейчас поднимемся и сразу смотаемся.

Но Дэнни это не очень устроило. Он выдернул свою руку и остановился.

— Для начала я задам тебе пару вопросов, — заявил он.

— Задашь их, когда свалим.

— А если ты опять уйдешь?

— Не уйду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Дэнни хотелось ей верить.

— Куда мы сваливаем? — спросил он.

— У меня есть на примете одно местечко, — ответила она. — Тебе оно понравится. Там мы сядем и за стаканчиком рома все обсудим. Согласен?

— Согласен.

— Чудно.

— Только для начала заберём мои вещи. Их, должно быть, отняли, когда я был без сознания.

— Твои вещи у меня. Верну позже.

L снова взяла его под руку, и они стали подниматься по крутой лестнице, которая упиралась в деревянный квадратный проём в потолке.

— Вот ведь превратности судьбы, — заметила L как бы невзначай.

— Ты о чем?

— Ривер — предок моей подруги Карлы. Бывает же такое, да?..

НАССАУ, 1717 ГОД

Они переместились на улицу какого-то города, который пах ничуть не лучше трюма корабля. Был темный вечер, так что ничего рассмотреть не представлялось возможным. L распустила волосы и водрузила на голову свою шляпу, после чего потащила Дэнни к кривому зданию, из которого раздавались пьяные разговоры и песни.

— Здесь так душно, — заметил Дэнни.

— Ты на Багамах, дружок. Это райское местечко.

— Не думал, что в райском местечке может пахнуть хуже, чем в общественном туалете.

— Сейчас выпьешь, и тебе станет все равно.

Они прошли в двери таверны, заказали бутылку рома и уселись за свободный столик. Кругом были люди в потрепанной, висящей лохмотьями одежде, с грязными лицами, шрамами, говорящими о нелегких испытаниях, через которые им пришлось пройти, но все до одного совершенно счастливые. Они запрокидывали в себя напитки, смеялись, пели и веселились, позабыв обо всех условностях и приличиях, как будто это был их последний день, от которого они стремились получить все.

— Неужели это настоящие пираты? — спросил Дэнни.

— Самые настоящие.

— Эй, Эли! — воскликнул какой-то в хлам пьяный мужчина, сидящий за соседним столиком. У него была чёрная, заплетенная косичками борода и такие же чёрные длинные волосы. — Это твой новый ухажёр? Неужели ты предпочтешь меня ему?

Он сказал это без злобы, в шутку и тут же расхохотался.

— Отстань, Тич, мы с тобой никогда не были вместе и не будем, — бросила L.

— Это мы еще посмотрим! — ответил он и снова расхохотался.

— О Господи, — пробормотала L. — Это Эдвард Тич. Он на меня запал. Более того, он думает, что я на него тоже, — объяснила она, словно извиняясь.

— Эдвард Тич? Чёрная борода? — удивился Дэнни.

— К сожалению.

— Но он же сейчас захватывает судно...

— Это было несколько месяцев назад. Дэнни, мы же путешественники во времени.

— Если это Чёрная Борода, то я представлял его не таким... веселым.

— На самом деле он милый. — L пожалала плечами. — Ладно. Давай выпьем.

Она разлила ром и тут же осушила свой стакан.

— Ты, кажется, хотел задать вопросы, — напомнила она.

Дэнни тоже опрокинул в себя напиток и поморщился.

— Да, — ответил он. — Что произошло? Как ты меня нашла? И как я оказался на том корабле?

— Ты извини, что так вышло, — тут же проговорила L. — Я попросила друга, чтобы он вытащил тебя с «Титаника».

— Так я попал на «Конкорд» из-за тебя?!

— Я не думала, что он закинет тебя туда.

— Мне сказали, что меня нашли на обломках. Без сознания. Он ударил меня по голове!

— Я ему скажу, чтобы больше так не делал.

— Что значит «больше»?..

— Ты извини, я бы и сама пришла, просто я уже была на «Титанике» и могла встретить саму себя, а это нехорошо. Мы тогда впервые с тобой познакомились. Ах, как же это было давно!

— Впервые? Мне показалось, что ты меня узнала.

— Не совсем. Понимаешь, я могу видеть время.

— Что это значит?

— Как ты видишь прошлое, так я вижу время. Я вижу прошлое, будущее, а ещё то, что когда-то могло произойти, но не произошло, или то, что может произойти, но не произойдёт — словом, я вижу абсолютно все.

— От этого можно свихнуться.

— Да, я однажды уже свихнулась и померла в психушке. Такой себе опыт. Я была женщиной. Слабые вы существа, мужчины.

— А?..

— Кстати, вот твои вещи. — L вытащила из безразмерных карманов своего камзола пистолет, деньги, билет на «Титаник», карту «Титаника», часы на цепочке и пачку сигарет с зажигалкой. — А вообще, не одобряю. — Она тут же забрала пачку сигарет и сунула ее обратно в карман.

— Эй! — возмутился Дэнни.

— Не «эйкай», — строго сказала она. — Радуйся, что я вообще все это тебе возвращаю.

— Почему ты вообще за мной пришла?

— Чтобы ты не спас «Титаник».

— Да какого черта?!

Они все, что ли, сговорились?

— Есть вещи, которые менять нельзя, понимаешь? «Титаник» должен был утонуть, и это не обсуждается.

— Полный бред, — не впечатлился Дэнни.

— Когда-то ты это поймёшь, я надеюсь.

— Ты говоришь, что видишь прошлое и будущее? Тогда, в первую нашу встречу, ты увидела что-то обо мне? Что тебя так напугало?

— Я не могу тебе это сказать.

— Ты сказала, что ответишь на мои вопросы!

— На этот ответить не могу, — стояла она на своем, но потом чуть мягче добавила: — Ещё пока не время. Но я обязательно на него отвечу. Только... позже.

— И когда это?

— Не сегодня точно.

— Ну, супер. — Дэнни закатил глаза. Отлично она отвечала на вопросы, ничего не скажешь. — Значит, мы ещё с тобой встретимся?

— Встретимся.

— И кто ты такая? Ты сказала, что ты из будущего. Мы родственники? — рассуждал Дэнни.

— Это... я не могу тебе сказать.

— Значит, да?

— Я этого не говорила.

— Но я-то все понял.

L вздохнула:

— Думай что хочешь. Мы с тобой ещё об этом поговорим. Но не сегодня.

— Элинон Ригби. — сказал Дэнни. — Почему ты назвалась песней и откуда я знаю, что это песня каких-то «The Beatles»?

— Мне-то откуда знать, откуда ты это знаешь.

— А мне кажется, что ты знаешь.

— Тебе кажется.

— Что насчёт этого типа, Эдуарда. Ты знаешь, кто он?

— Вообще-то, знаю, но о нем тебе не стоит беспокоиться. Тебе лучше стоит побеспокоиться о том, во что ты ввязался. Невё не тот, кем тебе показался сначала. Он не исправляет катастрофы прошлого, он губит историю, переписывает ее, чтобы одна группка много возомнивших о себе людей правила миром. Это опасно, Дэнни. Ты должен найти себе новый дом в какой-нибудь неожиданной эпохе, где тебя не станут искать, потому что после провала с «Титаником» Невё тебя убьёт.

— С какой стати ему меня убивать? — скептически спросил Дэнни.

— Потому что ты не смог убить Эдварда. Поверь мне. Я вижу будущее. Я могу тебе помочь, пристроить тебя в одном месте, но оно тебе не очень понравится. Тебя там найдёт Эдвард. Тебе нужно будет его выслушать и пойти с ним.

— Эдвард или Эдуард? — спросил Дэнни.

— Как хочешь.

— И с какой стати я должен идти с ним?

— Выслушаешь его и поймёшь. Он тебе не враг.

— Он заменил Джека-Потрошителя!

— Джека-Потрошителя заменил Невё и его люди. Они первые узнали об изменении истории и поспешили все исправить, пока об этом не узнал Эдвард. Как было с Гудини.

— Но... зачем им это?

— Это не вписывалось в их планы. Соображай, Дэнни. Тебя обманули, они заставили тебя им помогать, потому что ты... хорошо перемещаешься во времени.

— Но «Титаник»-то они пытались спасти на самом деле!

— Потому что там ехал человек, который помог бы им изменить ход Второй мировой войны!

— Второй мировой?! — в ужасе переспросил Дэнни, а потом у него закололо в виске, и в голове возникли странные образы. — Вторая мировая, Холодная война. Интернет, смартфоны. «The Beatles»! Мой друг Эрнест Хемингуэй получит Нобелевскую премию Точно. Я не сумасшедший, это будущее!

L смотрела на него, точно он был восьмым чудом света.

— Я вижу время как ты? — спросил Дэнни.

— Ты просто видишь прошлое, — ответила она.

— Но это будущее!

— Нет, Дэнни, — мягко сказала она. — Для тебя это прошлое.

— Что это значит?

— Вскоре ты все поймешь.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Эдвард появился в отделении рядом с рабочим местом Жаклин.

— Хочу поведать Гюстава, — сообщил он. — В какой он палате? Я ведь решил, что говнюк Уильямс его убил! Черт возьми, я бы себе этого никогда не простил.

— А что с Уильямсом? — глухо и как-то отстранённо спросила Жаклин.

— Пошёл ко дну вместе с «Титаником».

— Значит, все в порядке?

— Если это считается порядком, то да.

Эдвард внимательно посмотрел на племянницу, которая во время разговора ни на секунду не подняла на него взгляд, и понял, что с ней что-то не так. Она глядела в одну точку и яростно мяла в руках край расстегнутого серого жакета; её определённо что-то расстроило, и теперь она об этом нервно думала, не в состоянии выкинуть из головы.

— Что с тобой случилось? — спросил Эд.

— Просто... Эдит сейчас в палате вместе с Гюставом. Ну, знаешь, они там всю болтают, а я как будто третий лишний, — со злостью выдала она.

— И что? — нахмурился Эдвард.

— Да ничего.

— Погоди-ка. Ты запала на Гюстава? — понял он и неожиданно развеселился. — Серьезно? Почему я об этом ничего не знал? Ну надо же!

— Что в этом смешного?! — возмутилась Жаклин.

— Нет-нет. Ничего.

— Ему нравится Эдит, ведь так?

— Ну... — замялся Эд.

— Только честно.

— Да.

— Так я и думала. Тебе ведь она тоже нравится.

— Что?! Еще чего!

— Да брось, — фыркнула Жаклин. — Это ясно как день. Да она же... она же как все остальные. А когда ты видишь ее вместе с Гюставом, то смотришь так, будто готов разорвать их обоих.

— Подожди. — Лицо Эдварда вдруг окаменело. Веселость резко пропала, и он стал серьёзен, как черт.

— Раве я говорю неправду?

— Я не об этом. Что-то не так.

— Что не так? — Жаклин совсем не обеспокоилась, выказала лишь толику заинтересованности, чтобы показать свою вовлеченность, которой на самом деле не было.

Эдвард медленно, с опаской стал поворачиваться, словно затылком почувствовал, что позади находится нечто странное. Чутье не подвело. На стене вместо французского флага, который всю жизнь там висел, алела нацистка свастика.

— Давно ты её туда повесила, — сглотнув, спросил он.

— Кого?

Жаклин повернулась и в ужасе соскочила со стула.

— Это не я!

— Тогда дело дрянь.

Отделение выглядело как обычно, но его неожиданно заполнили незнакомые люди, которых тут раньше никогда не было. По стеклянным коридорам стали снова мужчины и женщины в серой форме с многочисленными нашивками на груди и рукавах.

— Это ещё кто такие? — прошептал Эдвард.

Жаклин побледнела и опустилась обратно на стул.

— Мы стали нацистами? — проговорила она.

Рядом появился знакомый человек из техподдержки, который обслуживал компьютеры, и стал проверять монитор за соседним столом. На его плече была нашивка с орлом, который взлетал вверх и держал в лапах венки со свастикой. Эдвард тут же глянул на свое плечо и обнаружил там точно такую же нашивку.

— Откуда это?.. — Он попытался ее оторвать, но она держалась крепко.

Потом он глянул на плечо племянницы — у неё было то же самое.

— Клянусь, что пять минут назад все было в порядке, — проговорила Жаклин. — Эй, Луис, — позвала она парня из техподдержки.

— Да, герр капитан? — спросил он.

— Ты не заметил ничего необычного?

— Нет, герр капитан.

— Ладно, свободен.

Луис пожал плечами и продолжил рассматривать монитор. Эдвард и Жаклин дождались, когда он уйдёт, а потом продолжили паниковать.

— Что случилось?! — воскликнула Жаклин.

— Мы все ещё живы, и это главное. Значит, можем еще все исправить.

— Мы все ещё в отделении, но мне кажется, это обычное полицейское отделение. Посмотри на тех, они вылитые копы. — Она показала на стоящих около кулера двух мужчин, которые были экипированы как обыкновенные полицейские, а потом глянула на Эдварда и добавила: — Ты, кстати, тоже. О, черт... — Жаклин вдруг схватилась за голову.

— Дар тормозит? — понял Эдвард. — Жаклин, я настоятельно рекомендую обратиться за помощью. А то ведь может случиться, что все исправлять потом будет некому.

— Эль, — сказала она, пропустив рекомендацию Эдварда мимо ушей. — Это она. Она убила Жана в прошлом. Ты должен все изменить. Она убила Жана, и нацисты выиграли в войне!

— Что?! И как это связано?

— Отправляйся в 2015 год. Она убила Жана, и вневременное полицейское отделение перестало существовать, потому что оно было создано для поимки Жана. А раз нас не стало существовать, то Невё спас «Титаник» и обработал какого-то человека, который помог Гитлеру выиграть в войне. Теперь у них почти вся Европа. А ещё Камиль заменил Вашингтона, и Америка тоже у них. Все, что мы делали, обнунилось! Они захватили мир!

— Все твой тормознутый дар, — с обвинением бросил Эдвард, как будто Жаклин собственноручно помогла Гитлеру победить.

— Я же не виновата.

— Куда отправляться?

— В библиотеку нашего дома в 2015 году.

ПАРИЖ, 2015 ГОД

Эль де Ла Фере была девушкой, в которую Эдвард влюбился, будучи студентом. Они встретились в средневековой Испании во время суда над еретиком — именно тогда Эдвард писал доклад об инквизиторе Томасе де Торквемаде. Эль слонялась по улицам Толедо и не знала, куда себя пристроить, поэтому Эдвард решил составить ей компанию. Ей было пятнадцать лет, но она казалась гораздо старше, что было немудрено — ей пришлось рано повзрослеть, потому что в её жизни произошло немало трагедий. Она потеряла всех своих родственников, а старший брат вовсе оказался одной из жертв Жана Лобера и погиб прямо на ее руках. Эль ненавидела Жана так сильно, что стала готовить настоящий план его убийства. Кто бы мог подумать, что она действительно воплотит его в жизнь.

Перед тем как отправиться в 2015 год, Эдвард изучил то, что стало с Эль после убийства Жана, и скачал эту информацию себе на часы. Ее новая судьба несколько его не устроила, поэтому он был очень зол, когда появился в библиотеке своего дома.

Жан стоял рядом со столом, подняв руки вверх. Эль целилась в него из пистолета времен Первой мировой, из кольта M1911, который был при ней ещё в катакомбах Парижа в 1927-ом году. Когда они там пересеклись, Эд удивился, увидев у нее оружие, но решил, что она носит его для защиты, ведь в прошлом бывает очень опасно. Особенно если туда отправляются типы, пытающиеся перекроить историю. В катакомбах она была не одна, а вместе со своим другом Александром, которому показалось, что там происходит нечто противозаконное. Это и вправду таковым могло показаться (а может, таковым и было), ведь Эд и его команда — Гюстав, Камиль и Пьер — поймали первого приспешника Жана в закоулке бара «Динго», притащили его в катакомбы и привязали к стулу. Не удивительно, что Александр подумал, что они похитили человека, и поспешил остановить этот беспредел. Возможно, у них бы ещё тогда получилось узнать о том, что происходит, если бы Александр не начал стрелять в ребят, заставив их отвлечься от охраны приспешника. В результате приспешник сбежал, убив при этом Пьера, и больше они ничего о нем не слышали. По крайней мере, до того момента, пока он не попытался спасти «Титаник». Был ли Уильямс когда-либо приспешником Жана, Эдварду выяснить ещё предстояло. Он как раз собирался отправиться сегодня к Жану в тюрьму и обо всем потолковать, но вряд ли это получится, если Жан будет мертв.

Жан стоял бледный и растерянный. Эль хотела его убить до того, как он убьёт ее брата. Эдвард вполне понимал её ненависть, но не мог допустить, чтобы она изменила этим порывом мести себя, свою жизнь и весь мир.

— Опустит пистолет! — воскликнул Эдвард, нацелившись на нее.

Эль повернулась в его сторону и растерялась.

— Опустит оружие, — повторил Эд. — Сейчас же!

Секунду она думала, а потом собралась с мыслями и резко ответила:

— Нет! Я не отступлю!

— Не думай, что я не выстрелю.

— Я не отступлю, — сказала она, вероятно, решив, что Эдвард не способен в неё выстрелить.

А потом Эд выстрелил.

Его пистолет был с глушителем, поэтому звук выстрела не раздался. Пуля вошла в стену в нескольких сантиметрах от головы Эль. Эдвард стрелял, конечно, не в нее. Он нарочно выстрелил рядом, чтобы ее напугать. Это сработало — она испугалась и шарахнулась назад. Эдвард тут же подлетел к ней, продолжив держать ее на прицеле.

Жан тем временем успел вытащить свой пистолет и тоже нацелился на Эль. Теперь в нее целились двое.

— Эдвард, сынок, знал, что ты не дашь ей меня убить, — вдруг сказал Жан с напускной небрежностью.

— Что? — нахмурился Эд.

— Ой, да ладно. Жозефина ещё не рассказала? Ты же сам мне это рассказывал в подвале.

— В каком, к черту, подвале?!

— Не буду говорить спойлеры. И так уже сказал самый главный. Ну, удачи.

Он начал стрелять в них обоих. Эдвард сегодня был одет в пиджак из пуленепробиваемой ткани, так что ни одна пуля не причинила ему вреда. На секунду ему показалось, что Жан это знает и нарочно стреляет только в пиджак и ни разу в ноги или в голову, но размышлять об этом не было времени. Эдвард закрыл собой Эль, схватил ее за руку и настолько быстро, насколько это вообще было возможно, переместился в другое место.

Они оказались на крыше дома. Эль вдруг накинулась на Эдварда с кулаками и закричала:

— Какого черта ты натворил?! Какого черта?! Почему?! Я могла его остановить! Почему ты помешал?! Мой брат был бы сейчас жив! Почему ты это сделал? Ненавижу тебя! Ненавижу, чертов предатель!

— Успокойся! — воскликнул Эд, схватив ее за руки и хорошенько встряхнув. — Если хочешь узнать, почему я это сделал, то заткнись и выслушай меня! Ты своим проклятым убийством Жана перевернула все мое время, но ничего этим не добила!

— То есть?!

— Твой брат умер почти сразу же, как в доме появилась полиция. Он выскочил на дорогу, и его сбила машина. Ты убила Жана, но твой брат все равно умер, понимаешь? — жестко сказал он. — А ты сама... — Тут в его словах появилась горечь. — Ты спрыгнула с крыши. С вот этой самой, на которой мы сейчас стоим, и разбилась насмерть.

— О чем ты вообще?..

— Ты мне не веришь? Вот, смотри. — Он выпустил ее и вывел из часов голографические изображения.

Их было несколько; на всех была запечатлена девушка, лежавшая в луже собственной крови. Ее лицо было испачкано и казалось лицом восковой куклы, которую бросили на дорогу для съемок какого-нибудь фильма ужасов.

Когда Эдвард впервые увидел эти фото, то не поверил своим глазам. Он знал, что в будущем Эль должна стать директором Лувра, так что поверить в то, что она умерла в пятнадцать лет, было невозможно.

Впрочем, он здесь как раз для того, чтобы и сделать это невозможным.

Но фото девушки, распластанной на асфальте, были не единственными. Далее Эдвард показал фото сбитого машиной парня, ее брата, которого она так пыталась спасти. А напоследок — фото двух могил. На одной — Стефан де Ла Фере (1996–2015), на другой — Габриэль де Ла Фере (2000–2015).

Она плакала, когда смотрела на это. Он не хотел причинять ей боль, но иного выхода не видел. Если задуматься, то это была небольшая плата за то, чтобы сохранить ей жизнь. Хоть они виделись с ней нечасто, хоть их разделяло много лет, он чувствовал к ней щемящую

нежность, а точнее — к воспоминаниям о ней, а потому желал ей только добра. Если для того, чтобы совершить это добро, нужно было стать в её глазах злодеем, то... что ж, не так это было и страшно.

— Убийство Жана изменило все, — тяжело сказал Эдвард, погасив голографию. — Абсолютно все. Я не мог позволить тебе так умереть. У тебя была прекрасная жизнь. Да, в ней было место боли, но это же жизнь. Перестань пытаться вернуть прошлое, начни жить настоящим. Рядом с тобой будут хорошие люди, и у тебя будет хорошая... семья.

— Я... Как я могу в это поверить?.. Такого просто не может быть...

— Ты думаешь, я стал бы так шутить?! Ты даже не представляешь, как много изменилось! Взгляни хотя бы на вот эту нашивку! — Он указал на своё плечо.

— Как это?..

— Убийство Жана повлекло за собой тяжелые последствия. Наше отделение перестало существовать, а без существования нашего отделения Уильямс спас «Титаник», на котором плыли какие-то важные для его плана люди, а после сблизился с Гитлером. Со знаниями будущего и с оружием будущего, он помог Третьему рейху победить в войне.

— Что?..

— Я не шучу. Думай о последствиях. Всегда вспоминай эффект долбанной бабочки!

— Я хотела как лучше... — Из ее глаз снова брызнули слезы.

Эдвард понимал, что ей непросто в это поверить, что ей непросто признать, что как бы она ни пыталась спасти брата, у неё это не получится.

— Я знаю. — Эд неожиданно смягчился и погладил ее по плечу. — Просто, пожалуйста, остановись, пока не поздно. Может случиться так, что ничего исправить уже не удастся.

— Но я его ненавижу. Он убил моего брата и моих родителей. Он должен быть наказан!

— Жан не убивал твоих родителей, они погибли в автокатастрофе, и виновата в том была только педаль тормоза, которую заело, — резко возразил он, точно оправдывал этого человека, а потом понял, как жестоко прозвучали его слова. — Извини. Мне жаль, что он так поступил с твоим братом. Но Жан был за все это наказан. Я лично его посадил. И он получил сполна за все то, что натворил. По крайней мере, в той вселенной, в которой я не носил нацистский герб на своём плече.

— То, что он сказал... Это правда? Он твой отец?

Эдвард еще не успел это обдумать и как следует этому удивиться, но неожиданно понял, что такое вполне могло быть. Жан встречался с матерью недолго, но уже переехал к ней в дом, чтобы подобраться к Анаис. Когда он убил брата Эль, то смог где-то скрыться. Мама, разбитая осознанием того, что едва не связала свою жизнь с убийцей, часто навещалась в бар, где и познакомилась с папой. Что если на тот момент она уже была беременна? Эдвард даже решил посчитать — он родился в августе, а родители познакомились в декабре, с Жаном же мама познакомилась в ноябре. Чей же он тогда сын? Эдвард решил, что если он сын Жана, то это вполне могло бы объяснить, во что он стал превращаться.

— Я... не знаю, — наконец ответил он. — Но вероятность, как видно, процентов пятьдесят.

— Эд... это...

— Ужасно? Да. Узнать, что ты сын самого ужасного человека, которого мечтал засадить несколько лет, не очень-то приятно.

— Может, он солгал?

— Но зачем ему лгать?

— Чтобы сбить тебя с толку? — предположила она.

— Не знаю, — вздохнул Эд. — Я узнаю у него, когда вернусь в своё время. Если меня не встретит, конечно, то ужасное государство.

— Неужели на этом конец? Неужели я так и не смогу вернуть Стефана? Неужели он в любом случае погибнет?

— Эль, мне жаль, правда. Я знаю, что значит, потерять родного человека. Я недавно потерял сына. Но мы не можем их вернуть, как бы нам этого ни хотелось. Мне кажется, такими вещами распоряжается сила, стоящая выше всех нас.

— Ты хочешь сказать, что Бог?

— Бог или не Бог. Никто не может с точностью сказать, что находится там. Но все-таки я думаю, что там что-то есть. По крайней мере, пытаюсь верить в это. Вера в то, что человек, которого ты любил, попал в мир лучший чем тот, из которого он ушёл, очень... утешает.

— Не знаю. Возможно.

— Пообещай, что не станешь больше ничего делать, — попросил он.

— Я не...

— Эль.

— У меня правда будет хорошая жизнь?

— Очень хорошая.

— Тогда я... постараюсь.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Эдвард возвратился в отделение в таком состоянии, как будто ему врезали по голове дубиной. В ушах бешено шумела кровь, заглушая все остальные звуки, а в мыслях была ужасная путаница. Жан знал Эдварда, как видно, давно. Он дал понять это ещё во время ареста. Он сказал, что Эдвард станет ему помогать, и оказался прав. А ещё он говорил, что от его жизни зависит и жизнь Эдварда. Неужели он намекал на своё отцовство?.. Эдвард был в смятении. Спасение жизни Жана закончилось совершенно неожиданно. Утешало лишь то, что с часов пропала вся информация о смерти Эль и что на стене снова появился французский флаг. Это означало, что история стала прежней.

Но вот жизнь Эдварда прежней уже никогда не станет.

Он стремительно направился к выходу. Нужно было добраться до бомбоубежища, где была организована тюрьма для Жана, и как можно скорее все прояснить. Эдвард должен знать правду прямо сейчас, а иначе он сойдёт с ума.

Жаклин, увидев, что дядя вернулся, понеслась вслед за ним.

— Эдвард, — позвала она на ходу.

Он никак не отреагировал, просто продолжил нестись меж стеклянных стен.

— Эдвард! — воскликнула Жаклин, догнав и схватив его за рукав.

Он остановился и посмотрел на неё злым взглядом.

— Чего тебе?

Жаль, что в бомбоубежище нельзя было телепортироваться, иначе бы он сразу так и поступил.

В отношении тюрьмы существовали некоторые правила. Самое главное: путешественникам во времени запрещено попадать туда с помощью телепортации, если датчики засекут нечто подобное, то система охраны приравняет это к побегу заключённого, в результате чего включится сирена и отправится сигнал во все инстанции — в отделение,

министру внутренних дел и даже президенту. Вход только через дверь и только с разрешения охранника, который сидит около двери в бомбоубежище. Он отключает систему и наблюдает за диалогом между посетителем и заключённым, сидящем в особой камере, из которой невозможно выбраться.

— Ты куда? — спросила Жаклин.

— Надо.

— Все получилось. Все на своих местах. И нашивки исчезли, — констатировала она.

— Я заметил.

— Куда ты идешь?

— Мне надо потолковать с Жаном.

— Об Уильямсе? — предположила она.

— И о нем тоже.

— Пока ты исправлял историю, я узнала кое-что насчёт Жана.

От этих слов Эдвард похолодел. Она узнала то же, что узнал он?..

— Точнее это касается биографии Дэнни Готтфрида. — Жаклин сделала тревожную паузу. — Дирк Готтфрид это на самом деле Жан. Дэнни сын Жана.

— Чего?..

— Я обнаружила одну фотографию, — объяснила Жаклин. — Там Луиза и Жан вместе. И подпись, что это Луиза и ее муж Дирк Готтфрид, который пропал, когда Дэнни было около шести лет. Она была в архивах издательства «Скрибнерс», которые мне взломала Эдит. На фото не было самого Дэнни, а когда я искала среди этих архивов фото с Дэнни, то делала это по программе распознавания лиц. Тут я решила поискать про его мать и пустила в программу ее лицо. Среди архивов нашлась эта фотография, где она вместе с Жаном. Луиза передала все свои фотографии в «Скрибнерс», потому что Дэнни был их автором, и она хотела, чтобы вся информация о нем хранилась у них на случай, если о нем захотят написать биографию.

Долго же они ждали.

— Ты в этом уверена? — хриплым от потрясения голосом спросил Эдвард.

— Да. Могу показать фото. Вот. — Она включила часы и вывела в воздух изображение.

Прага. Год — 1904. На фоне Тынского храма были запечатлены женщина и мужчина в теплых пальто и шапках. Так сразу и не скажешь, но рядом с Луизой стоял Жан. На несколько лет моложе, чем сейчас, но это действительно был он.

— Какого же черта? — пробормотал Эдвард.

— Это многое объясняет.

— Что объясняет?

— Почему Дэнни портит историю. У них это, видно, семейное. Гюстав говорил, что ты столкнулся с ним на «Титанике» и что он был там вместе с Уильямсом. Возможно, они все заодно — и Жан, и Дэнни, и Уильямс. А главный у них — Невё!

— Я так не думаю.

— Почему? — нахмурилась она.

— Все гораздо сложнее. Не надо сгребать всех в одну кучу, — жестко сказал он. Семейное? Надо же. — И Жан, и Дэнни, и Невё, и мы, и тот тип с тростью — все мы не абсолютно разных сторонах. Кто за что борется, ещё не совсем понятно.

— Но тогда почему Дэнни пришёл на «Титаник» вместе с Уильямсом?

— Если ты помнишь, Дэнни исправляет трагедии, произошедшие в прошлом. Наверняка

его действия привлекли Невё, и он взял его с собой под предлогом того, что надо спасти «Титаник». Но «Титаник» им нужно было спасти для того, чтобы помочь Гитлеру, о чем, очевидно, Дэнни не подозревал, да и вряд ли он вообще знал о существовании какого-то Гитлера. Можешь записать это в свою биографию. А сейчас, если ты не возражаешь, я поговорю с Жаном.

Он развернулся и рваными шагами направился к выходу. На лестнице он столкнулся с Эдит. Она хотела ему что-то сказать, но Эдвард выставил перед собой руку, словно отгораживаясь от назойливого существа, и прошёл мимо. Не хватало ещё с ней стоять и трепаться. И так уже потратил кучу времени на разговор с Жаклин.

Бомбоубежище находилось глубоко под землёй. Нужно было спуститься по бесконечной лестнице прежде, чем достичь толстой металлической двери, рядом с которой сидел за столом охранник. Когда Эдвард отметился на планшете, охранник отворил дверь, пропустил его внутрь, а после зашёл сам и заперся изнутри, оставшись стоять у порога.

Внутри бомбоубежище давно было перестроено. Там сделали несколько тесных камер для путешественников во времени, и одна из них была занята Жаном. Во второй Эдвард мечтал увидеть Невё. Ну, а в других — ещё кого-нибудь.

Жан не мог переместиться, пока не убьёт какого-нибудь путешественника. А если и убьёт в пределах своей камеры, то не сможет переместиться из-за некоего напряжения, под которым находятся стены и решетка. Эдвард не знал, что это за напряжение, потому что разработка держалась в секрете, её курировал непосредственно министр внутренних дел Эммануэль де Ла Сиверр, поэтому секрет был государственного уровня, о чем таким простым смертным как Эдвард знать было не положено. Так или иначе, о побеге Жана можно было не беспокоиться, но для подстраховки на нем был ещё «Наручник», чтобы уж наверняка.

— Эдвард, — без эмоций сказал Жан. — Чему обязан чести видеть тебя?

Жан сидел на кровати и читал книгу в неестественном белом свете лампы, которая освещала его камеру. Выглядел он не очень. Весь зарос бородой, побледнел и даже похудел. Наверняка ему было тут невесело. Вполне вероятно, что он возненавидел Эдварда за то, что он заточил его в этом месте, в котором ему предстоит провести всю свою оставшуюся жизнь.

— Есть разговор. Я был в Париже 2015-го года и только что спас тебя от Эль.

Жан оживился, отложил книгу и подскочил к решетке.

— И что дальше? — вкрадчиво спросил он.

— То, что ты там сказал. Это правда?

— Не припомню, что именно.

Эдвард с подозрением глянул на охранника, который стоял в нескольких шагах от него. Наверняка он внимательно слушал, хоть и сохранял отстранённое выражение лица. Эду совсем не хотелось, чтобы чужие люди узнали об этом неожиданном открытии, поэтому приблизился к решетке и прошипел:

— Не строй из себя идиота! Ты понял, о чем я.

Жан вздохнул.

— Я не знаю, Эдвард. Ты сам мне это сказал в подвале. Но если ты так сказал, значит, так оно и есть.

— В каком подвале? Тогда ты тоже его упомянул.

— В подвале паладинов. Больше ничего не скажу. Это твоё будущее. Узнаешь тогда, когда придёт время. Поговори с Жозефиной. Она наверняка лучше знает.

— Она мертва.

— А на что тебе путешествия во времени?

Действительно. Вот только после смерти матери Эдвард ещё ни разу не навещал ее в прошлом.

— Но если хочешь знать моё личное мнение, — продолжил Жан. — Я считаю, что так это и есть. Вижу некоторое... сходство. — Он указал пальцем сначала на себя, а потом на Эдварда.

— Как бы там ни было, это ничего не изменит. Ты так и останешься здесь. Навсегда. Моё отношение к тебе тоже не изменится. Ты подонок.

— Это все?

— Нет. Невё. Говори, знаешь ли ты, кто это? — потребовал Эдвард.

— Меня уже миллион раз допрашивали, и я миллион раз говорил, что не знаю, кто это. Не все злодеи Вселенной со мной связаны.

— А Джон Уильямс тебе известен?

— Нет.

— Тогда почему ты был изображен с ними на одной фотографии?

— Какой фотографии?

— Когда я пытался тебя найти, то нашёл фотографию из 1926-го года. Париж. Здесь ты, Невё и Уильямс. — Эдвард нашёл эту фотографию в своих часах и вывел её голограммой в воздух. — Я стал искать этих людей, потому что считал, что они выведут меня на тебя.

Фотография была сделана случайно. Какой-то фотограф снимал парижское кафе, где за столиком пристроилась воркующая парочка. На заднем плане сидело три человека — Невё, Уильямс и Жан. Они пили кофе и вели какую-то беседу, как лучшие друзья.

— Эти люди? — скептически переспросил Жан, разглядывая фото. — Я встретил их тогда в первый и в последний раз. Они подсади ко мне за стол и поболтали о том, о сём. В основном о моей жизни. Много расспрашивали, а я много выдумывал. Мне это показалось странным, но я не сильно придавал этому значения. Поразительно. И ты связал меня с ними только потому, что мы оказались на одной фотографии?

— А как я ещё должен был это связать?

— Можно подумать, что ты не болтаешь с незнакомцами в прошлом.

Эдвард замолк. Да, он часто болтает с людьми в прошлом, особенно если знает, с кем нужно болтать. С Вашингтоном, например, с Колумбом, с Кеннеди, Хемингуэем, Сноуденом... Теперь уже много знаменитостей можно приписать к его друзьям. Но вот зачем Невё и Уильямсу нужно было болтать с Жаном? Или он уже тоже своего рода знаменитость в кругах путешественников во времени?

— Это все? — осведомился Жан.

— О чем именно они тебя спрашивали?

— Не помню.

— А если подумать? — спросил Эдвард тоном, в котором сквозила угроза.

Жан послушно задумался.

— Да ни о чем таком важном. Спросили мое имя, парижанин ли я, часто ли я путешествую, а ещё откуда я родом и надолго ли я здесь. Сказали, что по мне видно, что я не отсюда, причём не отсюда не в смысле страны, а... как будто знали, что я из другой эпохи.

— Думаю, они это знали наверняка.

— В общем, понятия не имею, что им было нужно. Их очень заинтересовала моя

персона, — закончил Жан.

— Не сомневаюсь. И что было потом?

— Ничего. Мы просто разошлись.

— И ты думаешь, я в это поверю? — скептически переспросил Эдвард.

— Эдвард, да зачем мне с ними связываться?! Вы обвиняете их в изменениях истории, а мне невыгодно менять историю. Я сам бы их с радостью убрал, если бы знал, кто они такие. Я просто хочу домой. Я думал, ты знаешь, ради чего все это было.

Эдвард внимательно на него посмотрел и вдруг понял, что верит ему.

— Ладно, — согласился он. — Принимается.

— Теперь все?

— Пока что все.

Эдвард отправился на выход.

О Дэнни Готтфриде он не собирался с ним говорить. После всего, что сегодня случилось, Эдвард больше не считал этого парня злодеем. Дэнни вполне мог убить его сегодня на «Титанике», но не сделал этого. Он вообще выглядел каким-то потерянным, словно не до конца понимал, ради чего ему приказали все это делать. Дэнни завербовали недавно, Эдвард был в этом уверен, в Нью-Йорке он ещё не был в команде Невё. И уж он точно не был связан с Жаном. Исходя из записей Жаклин, Дэнни вырос без отца и всю жизнь считал, что тот исчез. Очевидно, что они с Жаном больше никогда не встречались.

Теперь Эдвард думал о Дэнни совершенно иначе. У бедолаги, видно, комплекс бога — надо всех спасти, всем помочь, чем и воспользовались настоящие злодеи. Дэнни не может найти свой путь, применить свои способности на благо, а потому кидается исправлять различные катастрофы. Нужно ему помочь, возможно, даже рассказать обо всем, что происходит. Может, тогда он поймёт, как его действия могут повлиять на будущее, и перестанет менять историю. Правда, где он теперь? Куда забрал его тип с тростью и оставил ли он его в живых? Наверное, оставил. Если бы он хотел его убить, то убил бы сразу. Эдвард ощутил ответственность за Дэнни, ведь этот парень мог быть его братом.

Выяснить, является ли Жан отцом Эдварда, могла помочь только мама, но Эдвард не знал, хватит ли ему духу отправиться к ней и вновь увидеть ее живой. Это будет невыносимо больно и тяжело. Он еще не до конца смирился с тем, что её не стало. Такая встреча разворошит еще не зажившие раны. Вряд ли он сможет говорить с ней так, точно ничего не произошло, и даст ей понять, что в его времени ее уже нет. А он больше всего боялся, что она хотя бы приблизительно узнает год своей смерти.

За советом он отправился к Анаис. Она была старше почти на двадцать лет и всегда помогала решать ему сложные вопросы. Может, и здесь она сможет что-то посоветовать.

Анаис была дома и, как всегда, шила. У неё был заказ для театра, и она создавала костюмы мушкетеров, которые стояли около её рабочего стола, надетые на манекены.

— Опять отменили последнюю пару? — решила пошутить она, увидев вернувшегося Эдварда.

— Мне нужна твоя помощь, — ответил он, упав на стул рядом с ней.

Анаис заметила его тревогу, поэтому обеспокоено спросила:

— У тебя все в порядке?

— Нет. Я был в прошлом. Спасал жизнь Жана. Ты не заметила, что мы на некоторое время стали нацистами?

— Что? Нет. Я работала.

Эдвард вкратце объяснил кузине о том, что произошло и рассказал новость про Жана.

— Он сказал, что он мой отец. Он. Ублюдок Жан Лобер, убийца, которого я всю жизнь мечтал бросить за решетку. Об этом наверняка может знать только мама. Но я... я не знаю, стоит ли навещать ее в прошлом? Справлюсь ли я с этим?

— Если тебе нужны ответы, то... я могу их дать. Но для начала...

— Ты знала?! — перебил её Эдвард. — Все это время ты знала и молчала?!

— Эдвард, отец — это тот, кто был с тобой всю твою жизнь. Это Этьен. А этот преступник не твой отец. Он всего лишь... биологический отец.

— Но ты знала, что он мой биологический отец?! Как ты... как ты могла об этом молчать?!

— Меня попросила твоя мама. Просто выслушай меня. Она попросила меня молчать до того момента, пока не придёт время. Вот это время пришло. Она мне поведала об этом за несколько дней до своей смерти и передала письмо, которое написала для тебя. Но для начала я хочу сказать, что поскольку Жан Лобер является самым первым путешественником во времени, то мы все его потомки. Он родственник всем нам. То, что он твой биологический отец, ничего не значит. Мало лишь одной репродуктивной способности, чтобы быть отцом. Это может любое живое существо. Быть родителем это нечто большее, поэтому не считай этого человека тем, кем он не является на самом деле.

— Как можно было это от меня скрывать?.. — не верил Эдвард, пропуская ее слова мимо ушей.

— Я передам тебе письмо. Твоя мама объяснила там, почему молчала.

Анаис подобралась к книжному шкафу, встала на стул и с самой верхней полки вытащила старую коллекционную книгу. В этой книге между страниц лежал сложенный кусок бумаги. Анаис отдала его Эдварду, и он дрожащими руками его развернул.

Эдуард, мой любимый сынок. Я не хотела говорить тебе правду, потому что эта правда ужасна. Она бы уничтожила весь твой мир. Но, с другой стороны, скрывать от тебя эту правду было бы несправедливо. Если я так и не решилась сказать это при жизни, то очень надеюсь, что после моей смерти ты получишь это письмо. Прости меня. За то, что скрывала, или за то, что все же это сказала. Я не знаю, как поступить правильно. Надеюсь, ты сможешь справиться с тем, что я дальше скажу. Хотя я уверена, что ты со всем справишься. Ты ведь у меня самый лучший.

У вас с Леонардом разные отцы. Мне жаль, но Этьен Дебюсси не твой биологический отец. Твоим отцом является Жан Лобер. Как бы мне ни хотелось это изменить, но это так. Прости меня. Об этом не знал почти никто. Особенно Этьен. Будешь ли ты кому-то об этом рассказывать, тебе решать. Но знай, что отец это не тот, кто произвёл тебя на свет, а тот, кто был все время рядом, заботился о тебе, видел, как ты растёшь, разделял с тобой минуты печали и радости и любил тебя.

Надеюсь, что ты сможешь понять меня и простить. Я не часто это говорила, но я люблю тебя, очень люблю. Всегда помни об этом.

Твоя мама.

Мир перед глазами поплыл. Эдвард отбросил письмо и замотал головой, точно отрицая прочитанное. Почему все молчали? Почему не сказали раньше? Всю жизнь он гонялся за ужасным преступником, который на самом деле являлся его отцом!

— Эдвард, — тихо позвала его Анаис.

— Ты ведь никому не говорила об этом?

— Нет. Никому.

— И не говори. Пусть этого как будто не было. Я не хочу, чтобы об этом кто-то знал.

Жаклин. Или Леон. И особенно папа.

— Как скажешь. Я никому не скажу, обещаю.

— Спасибо. Я... я должен пойти проведать Гюстава. Он сегодня опять получил. — Эд поднялся на ноги, а потом глянул на письмо матери, брошенное на столе. — Уничтожь эту бумагу. Никаких доказательств.

Сам он не сможет уничтожить то, что было написано рукой матери. Ее последнее послание. Ее последние сказанные ему — пусть и через бумагу — слова.

— Уверен?

— Да. Сожги его.

И все же у бумажных носителей есть плюсы. Их проще уничтожить и нельзя восстановить.

Эдвард узнал у администратора, в какой палате лежит Гюстав (племянница ведь не соизволила ему это сказать), и пришёл его проведать.

— Ну как самочувствие? — спросил Эд.

Гюстав лежал с перебинтованной головой, словно египетская мумия.

— Нормально. Этот тип хорошо мне зарядил. Я даже не понял, откуда он взялся.

— А что вообще произошло?

— Я хотел тебе помочь, но на меня сзади набросился тип и с размаху врезал мне тростью. Вот и все. Я потерял сознание, а очнулся уже здесь. — Гюстав почесал голову под бинтами.

— Ты сам переместился?

— В том-то и дело, что нет.

— Странно, — протянул Эдвард.

— Надеюсь, из-за этого ты не захочешь снова посадить меня на скамью запасных?

— Я и сам сегодня получил по башке, так что нет.

— От Демосфена Жана Готтфрида?

Жана, — осенило Эдварда.

Второе имя Дэнни было Жан. Луиза назвала его в честь своего мужа, скрывавшегося под именем Дирка Готтфрида. Значит, она знала настоящее имя отца Дэнни. Таких совпадений не бывает.

— От него, — ответил он. — А потом тип с тростью его похитил.

— Похитил?

— Именно.

— Может, переместил в другое время? — предположил Гюстав. — Как меня.

— Может.

— Я думал, что ты в большой беде, поэтому поднял всех на уши. Хотел сам отправиться тебе на выручку, но Жаклин успела до тебя дозвониться. Откуда взялся этот тип с тростью? Кому он помог — им или нам?

— Выглядит как будто бы обоим. А может, никому из нас. Может, он просто хотел, чтобы история «Титаника» шла своим чередом. Надеюсь, когда-нибудь мы узнаем, кто это был. Кстати, пока ты тут отдыхал мы неожиданно стали нацистами. Ты это заметил?

— Что?! — Гюстав даже подскочил. — Не заметил. Мы с Эдит тут разговаривали. И...

нет, ничего не изменилось.

— Значит, я неплохо поработал. Во всяком случае, это продлилось не больше десяти минут. Вся история изменилась и... ты все это время так и лежал в палате?

— Да.

— Значит, настоящее меняется, но мы остаёмся в тех же локациях. Как будто так и должны в них быть. Интересно. Может, это корректирует он?

— Кто? — не понял Гюстав.

— Хозяин времени. Мы должны через все это пройти, чтобы стать теми, кем должны стать. И он специально все это подстраивает.

— Кому должны? Мы никому ничего не должны! — возмутился Гюстав. — Я понимаю, что ты веришь в существование Хозяина времени, но по мне так это бред.

— Ты же веришь в инопланетян! — напомнил Эдвард.

— Внеземная жизнь существует. Ты сам убедился в этом. Томас Форд, помнишь его?

— Я видел Хозяина времени. Собственными глазами.

— Ты говорил, что это был человек из психушки.

— Людей, утверждающих, что они путешествовали во времени, сажают в психушки ничуть не реже, чем людей, утверждающих, что они видели инопланетян. Сечёшь?

— Но он не может быть богом, — возразил Гюстав.

— Я не говорю, что он бог. Возможно, Хозяин времени — это путешественник, обладающий более сильными способностями. Наверняка из будущего, какой-нибудь супер модифицированный человек. Он может играть чужими жизнями и считает себя богом, почему нет.

Эдвард задумался. Все то, что сегодня произошло, должно было произойти, чтобы он узнал о Жане и Дэнни. Все это было точно запрограммировано, ведь с Жаном это уже случилось в прошлом, а с Эдвардом многое ещё только должно будет произойти в будущем.

Что это может быть?

Судьба — где-то там уже прописан сценарий жизни и остаётся только, самому того не ведая, по нему жить?

Или нет никакого сценария, все это только происки Хозяина времени, который выдумал от скуки игру и таким образом развлекается?

При первой же возможности Эдвард постарается это узнать, но пока ему придётся разгребать то, что он имеет. Теперь у него появилась новая забота — Дэнни.

КАИР, 2020 ГОД

Высокое здание каирского отеля было окружено пальмами и бассейнами с голубой водой, в которой отмокали отдыхающие люди. Позади этого райского уголка был кусочек города с неприметными серыми зданиями, а дальше — бежевая пустыня с торчащими треугольниками пирамид, очертания которых дрожали в мареве. Михель Невё стоял у окна и разглядывал этот пейзаж, чуть отодвинув легкую занавеску.

— Красиво вы тут устроились, мсье Коэн, — одобрил Невё на английском языке.

— Меня зовут Хару, — ответил ему сидящий на диване мужчина.

У него были чёрные кудрявые волосы длиной до плеча, такая же чёрная короткая борода и вытатуированные под глазами и на лбу иероглифы. Это были не единственные татуировки на его теле, обе руки покрывали различные символы, понятные только посвящённым людям.

— И все-таки вы уже десять лет живете под именем Гарри Коэна. — Повернулся к нему Невё. — Лучше, если я буду звать вас именно так.

Хару нахмурился, но никак не прокомментировал это заявление. Выдуманное имя ему не нравилось, но Невё дал ему возможность начать новую жизнь, поэтому пусть зовет, как хочет.

Принять новое имя было не самым сложным, что он должен был сделать взамен.

— С чего вы вдруг решили посетить Каир? — любопытствовал Невё. — Он же вам не очень нравится. Или все-таки чувствуется единение с родиной? Скучаете по ней?

— Относительно.

Так и будешь трендеть, — недовольно подумал Хару.

Он знал, что Невё явился к нему не просто поболтать, за все эти десять лет он навещал его только для того, чтобы дать какое-нибудь задание. Сейчас наверняка было не иначе, поэтому все эти якобы вежливые расспросы были совершенно ни к чему.

— Номер классный, даже пирамиды видно.

— Печальное зрелище.

— Ладно. Для вас есть работа, — приступил к делу Невё. — Мы нуждаемся в ваших непревзойденных навыках. Нужно поймать одного человека, который может быть где угодно и когда угодно. На счастье, мы нацепили на него жучок и знаем, где он находится. Его нужно привести живым, не обязательно в абсолютной целости, но живым. Его фотографию и сведения о нем сейчас дам. — Он стал рыться в сумке в поисках Айпада. — Как у вас с французским?

— Более-менее.

— Вы говорили, что выучите его.

— Я учил немецкий.

— Тоже не лишнее. И как успехи?

— Когда я жил в Берлине, многие замечали, что акцент почти не отличить от берлинского.

— Очень хорошо, — ответил Невё. — Но все же французский приоритетнее.

— Это не проблема. Изъясниться на нем я смогу.

— Поверю вам на слово. Итак, вышеупомянутого человека может преследовать другой человек. Вот его нужно будет убить.

— Что он сделал, чтобы заслужить в наказание смерть? — решил уточнить Хару.

Убивать невинных он совсем не хотел, а от Невё можно было ожидать все, что угодно.

— Он мешает нашему делу. И это ещё мягко сказано. Из-за него все, что мы делаем, идёт прахом. Никто толком не может с ним справиться, поэтому мы нанимаем вас. Сделайте запрос на оружие, мы вам предоставим все, что пожелаете. А пока вот, почитайте информацию о ваших целях. — Невё протянул ему Айпад.

Хару долго и внимательно читал и рассматривал фотографии двух мужчин. Один был молодой, совсем юноша. Второй примерно такого же возраста, как и сам Хару.

— Воин и меджай? Вы предлагаете мне убить меджая?

— Предлагаю? Нет-нет. Я приказываю. И... это не меджай. Во всяком случае, не такой, какими их понимаете вы. Так вы способны это сделать? Или мне вернуть вас туда, откуда я вас забрал?

Я могу прямо сейчас вспороть тебе глотку, придурок, и ты даже не успеешь пискнуть, — подумал Хару, но подавил желание сказать это вслух.

Невё ему не нравился, но за спасенную жизнь нужно было платить. От этого никуда не деться. Не будет Невё, так будут другие, может, даже гораздо хуже него.

Как ему дали новую жизнь, так в любой момент могли её и забрать.
— Все будет сделано, — заверил Хару. — Куда нужно отправиться?
— Вы любите средневековый Париж?..

ПАРИЖ, 1462 ГОД

— А ты уверена, что видела его в этом свинарнике? — спросил Эдвард, бредя по улицам средневекового Парижа.

— Да. Мой дар наконец-то сработал как надо, — ответила ему в наушнике Жаклин, явно довольная тем, что сегодня ее способности не подвели.

— Что он тут собирается изменить? Что тут вообще можно изменить? Эпоха ни о чем.

— Не знаю. Я видела его в таверне в Университетском квартале. Он там просто сидел.

— Отлично. И что за таверна? Как ее найти?

Эдвард огляделся. Улицы были узкими, их словно рекой заливал народ в безразмерных одеждах. Верхушки домов словно не могли выдержать тяжести верхних этажей и накренялись, едва не касаясь друг друга. На первых этажах были подвешены на цепи многочисленные деревянные вывески, которые поскрипывали от каждого дуновения ветра. Под козырьками домов располагались торговцы, предлагавшие различные товары — выпечку, овощи, изделия из дерева, шерсти, железа. Один человек даже остановил Эдварда, чтобы предложить ему какую-то бесполезную ерунду, но он спешно от него отмахнулся.

— «Старая кошелка», — заявила Жаклин.

— Это ты мне?

— Это название таверны.

— Понятно.

Эдвард еще какое-то время бродил по кварталу, внимательно всматриваясь в названия заведений, и вскоре обнаружил то, что искал. «Старую кошелку» оказалось трудно не заметить. Там даже в дневной час было сборище немывтого народа, который голосил во всю пьяные песни. Маленькие окна были выбиты, поэтому то, что происходило внутри, было прекрасно видно и слышно.

— Внедряюсь, — проинформировал Эд, переступая порог таверны.

На него дыхнуло неприятным запахом: выпивка, пот, испорченные продукты и еще что похуже. Эдвард поморщился, но занял свободный столик в центре зала. Оставалось лишь найти Дэнни среди этого сброда.

Эдвард на протяжении трех дней пытался отыскать Дэнни, но искать одного человека во всей мировой истории было все равно, что искать иголку в стог сена. Порой его посещали мысли, что Дэнни уже нет в живых, но он гнал их прочь. Эдвард не хотел верить, что для них все может закончиться так. Не каждый день узнаешь, что у тебя есть еще один младший брат. Конечно, Эдварду вполне хватало и Леона, но количество младших братьев не выбирают.

Эдвард не мог представить, что было бы, если бы в предыдущие встречи им все же удалось друг друга прикончить. У обоих был такой шанс, но они оба им не воспользовались. Что их остановило? Наверное, они что-то такое почувствовали, ведь кровные узы, если они есть, то должны как-то чувствоваться.

Может быть, Эдвард еще долго пытался отыскать Дэнни, если бы сегодня Жаклин вдруг не схватилась за голову и не начала говорить про средневековый Париж. Было удивительно, что ее дар наконец сработал как надо, ведь в последнее время он очень сильно тормозил. Она даже обратилась за помощью к Жиллену, чтобы он провел какие-то тесты совместно с

Триалем, но они еще толком ничего не успели изучить.

Отправляясь в 1462 год, Эдвард чувствовал обязанность помочь Дэнни. Он мог бы сделать это и раньше, если бы не узнал обо всем так поздно. Но все-таки лучше поздно, чем никогда.

Эдвард разглядывал посетителей таверны — бородатые мужики с черными зубами, полураздетые женщины со спутанными волосами и плохой кожей. Дэнни должен был сильно выделяться на их фоне, но Эдвард не мог его отыскать. Зато в глубине таверны за отдаленным столиком он заметил кое-кого другого. Девушка с круглым лицом, большими голубыми глазами и короткими белыми волосами, кончики которых торчали из-под капюшона накидки. Слишком аккуратная для такого места. Слишком маленькая. Это была девушка из его прошлого. Эль. Ей было лет пятнадцать, как и тогда, когда Эдвард с ней познакомился. Он и не подозревал, что их дороги еще когда-то могут вот так пересечься. Узнала ли она его? Увидела ли? И вообще — знакома ли еще с ним?

Она была не одна, рядом с ней сидел молодой парень, и Эдвард тут же его узнал. Александр. Парень, который однажды доставил ему немало хлопот. Сейчас он был лет на десять моложе, чем тогда, но все-таки это был он. Он взирал на посетителей злым взглядом, точно отгоняя любого, кому вздумается к ним приставать. Эдвард подвил желание подойти к Эль и поздороваться. Он там совсем ни к чему. Она с Александром, всегда была и будет с ним.

— Эдвард, — позвала Жаклин.

— Да? — спросил он, прикрыв рукой рот, чтобы никто не заметил, что он говорит сам с собой.

— Что там в таверне?

— Призраки прошлого.

— Что? — не поняла она.

— Ничего.

— Ты нашел Дэнни?

— Нет еще.

Эль и Александр поднялись и последовали к темному проему, который вел к лестнице на второй этаж, где располагались комнатки для постояльцев. Эдвард проводил их взглядом, поняв, что это последний раз, когда он видит юную Эль.

Тут к Эдварду подошли какие-то пьяницы, неуклюже схватили его за плечи и заставили подняться на ноги.

— Что надо? — недовольно проговорил Эд, вырываясь из их рук.

— Хозяин таверны сказал, что тебе нужно убраться отсюда, приятель. А почему — лучше не спрашивать.

Эдвард посмотрел в сторону стойки, где стоял хозяин таверны и замотанный в плащ парень, и неожиданно усмехнулся. Это был Дэнни. Ну надо же, парень не промах.

— Нет проблем, я постою у выхода, — сообщил он, направляясь к двери.

Американский акцент нередко доставлял некоторые неудобства, но избавиться от него было не так-то просто. Вероятно, пьяницы его услышали, потому что один из них вдруг толкнул Эдварда в спину и прокричал:

— А ну стоять, проклятый англичанин! Зря ты сюда заявился, потому что живым отсюда ты вряд ли уйдешь!

Прошло уже девять лет с того момента, как закончилась Столетняя война, а англичан

тут до сих пор ненавидят.

— Seriously?! — нарочно по-английски воскликнул Эдвард, развернувшись на сто восемьдесят градусов. — Что бы ты знал, я не англичанин, а живым попробуй отсюда выбраться сам!

— О боже... — прокомментировала Жаклин.

Пока они не набросились первыми, Эдвард заехал говорившему в челюсть, а потом на всякий случай заехал и второму. Кто-то закричал, кто-то вскочил. Не прошло и нескольких секунд, как в таверне началась потасовка. На Эдварда набросилось еще несколько человек, но он их быстро раскидал и проскользнул к выходу. Еще недавние собутыльники стали бить друг друга, как будто им было решительно все равно, с кем драться, и они только и ждали момента, чтобы пустить в ход кулаки.

Дэнни уже убежал на улицу. Эдвард заметил это еще во время потасовки. А еще он заметил, что за ним бросился какой-то высокий тип в черных одеждах. Кто это был, Эдвард не знал. На всякий случай он вытащил пистолет и стал разглядывать улицу. Ни Дэнни, ни его преследователя уже видно не было.

— Ну и что это было? — спросила Жаклин. — Обязательно было устраивать представление?

— Впервые за столько времени я развлекся. Это что, плохо?

— Они могли тебя прикончить.

— Я тебя умоляю. Они собственную руку от бутылки с бухлом отличить не смогут. И вообще, такой национализм мне не очень нравится.

— Ты его нашел? — оборвала она его.

— Да.

— И где он?

— Убежал.

— Прекрасно. Останови его, пока он еще что-то не сделал.

— Да, герр капитан.

— Да хватит меня так называть. И вообще, это впервые придумал твой марсианский потомок, а вы все как стадо бегемотов стали это повторять.

— Простите, герр капитан.

Жаклин, конечно, не знала, почему Эдвард искал Дэнни. Он не собирался никому говорить о своем родстве с Жаном. Особенно своей команде, с которой они все эти годы мечтали его запереть в тюрьме. Гюстав бы наверняка такое воспринял не очень адекватно. Благо сейчас он отдыхает дома, и Эдвард выслеживает Дэнни сам. Не то, чтобы Гюстав так сильно получил по башке, но доктор Триаль выписал ему больничный и запретил сильно напрягаться. Жиллен отнесся к этому очень серьезно, поэтому если бы Гюстав захотел отправиться на задание, то ему бы этого не позволили. Эдит сейчас тоже не было в отделении. Она неожиданно взяла отпуск по семейным причинам и куда-то уехала. Эдвард отчего-то вздохнул с облегчением. От того, что она не крутилась рядом, стало гораздо спокойнее.

Эдвард двинулся по улице, рассматривая толпу. Дэнни он не увидел, но его преследователя нашел быстро. Его было трудно не заметить, потому что он был очень высоким и носил на голове белый платок, который хорошо отличал его от прочих людей. Эдвард решил следовать за ним, решив, что он выведет его на Дэнни.

Человек в платке завернул за угол дома, где было относительно мало народа. Фасады

были усыпаны крыльчками со стоящими рядом деревянными ящиками и бочками. Эдвард маневрировал между ними, стараясь двигаться бесшумно, но преследователь быстро уловил, что его самого кто-то преследует, и неожиданно обернулся, выпустив что-то из рук. На Эдварда полетел сверкающий кинжал, от которого он едва успел увернуться.

— Что за черт?.. — пробормотал он.

Такого он еще не видал.

За кинжалом почти беззвучно полетели пули. Эдвард спрятался за бочонками у крыльца и толкнул ногой дверь. Она оказалась заперта.

— Влип.

— Что происходит? — обеспокоенно спросила Жаклин.

— Ничего. Продолжаю развлекаться.

Бежать было некуда, поэтому Эдвард вступил в перестрелку. Человек в платке тут же укрылся, и Эдвард стал думать, что делать дальше.

Придумать он не успел, потому что дверь неожиданно отворилась, и чья-то рука втащила Эдварда внутрь. Он разглядел в полутьме своего спасителя и едва сдержал удивление.

Это был Дэнни.

Радоваться, однако, было рано, потому что Дэнни сам наставил на него пистолет.

От одного парня с пушкой он отделался, так появился второй.

Эдвард тут же отключился от Жаклин. Разговоры с Дэнни она не должна была слышать. Более того — она не должна была их записывать.

— Так. Я ничего не понимаю, но этот самурай хотел тебя убить. Объясняй, — сказал Дэнни.

— Я его вижу впервые, — ответил Эдвард.

Дверь неистово стали выбивать, и они переглянулись.

— Наверх, — скомандовал Дэнни и схватил Эдварда за рукав, потащив по деревянной хлипкой лестнице, еле втиснутой между каменных стен. — Там можно выйти на крышу и перепрыгнуть на другое здание.

— С крыши?

— Я не заставляю. Если хочешь остаться с самураем, то пожалуйста.

— С крыши так с крыши.

Они забрались на самый верх и вышли через небольшой люк на покатуую, облицованную скользкой черепицей крышу. Дэнни ступал по ней так, точно всю жизнь только этим и занимался. Он ловко перепрыгнул на соседнее здание, ухватившись за трубу, и посмотрел на Эдварда.

— Ты идешь или нет?

— Ну что ж... — приготовился Эдвард и прыгнул за ним следом. Расстояния между домами оказались небольшими, так что прыгнул он без приключений.

Дэнни разбежался и прыгнул на следующее здание, у которого крыша была уже плоская. Пока Эдвард повторял этот трюк, Дэнни открыл крышку люка.

— Давай туда.

Эдвард спорить не стал, нырнул на лестницу и проследил, как Дэнни запирает люк изнутри.

— Это мой чердак, — пояснил он. — Под ним комната, в которой я живу.

— Стоп. Ты тут живешь?

— L сказала, что Невё попытается меня убить, поэтому поселила здесь. Сегодня меня весь день преследует этот самурай, а потом еще и ты появился.

— Что за L? — не понял Эдвард.

— Не важно. Важно, что это за самурай.

— Почему ты мне помог?

— Потому что он тоже хотел тебя убить. Почему?

— Если он от Невё, то они давно мечтают меня убить. — Эдвард пожал плечами. — Зачем ты натравил на меня пьяниц?

— А ты как думаешь? Все это время ты только и делал, что пытался меня прикончить.

— Сегодня я пришёл не за этим, — заверил Эдвард.

— Зачем ты здесь?

— Надо поговорить.

— L сказала мне то же самое. Поговорить. — Дэнни сказал это так, будто ни слову не верил. — А еще она сказала, что я должен последовать за тобой. Почему я должен следовать за тобой?

— Потому что я хочу тебе помочь, — честно ответил Эдвард.

— Почему?

— Потому что я знаю, кто такой Дирк Готтфрид.

— Что?.. — Дэнни даже побледнел.

— Ты знал своего отца?

— Он пропал, когда мне было пять лет.

— Но ты хорошо с ним общался?

— Не помню. Первые годы своей жизни я совершенно не помню. Я упал с велосипеда и ударился головой, поэтому у меня... как это... — Он пощелкал пальцами, вспоминая нужное слово. — Амнезия.

— Этого в биографии Жаклин не было, — заметил Эдвард.

— Где?

— Не важно.

— Так что насчет моего отца? — напомнил Дэнни.

— Знаешь, Дэнни, я думаю, что Дирк Готтфрид не просто пропал. Он переместился во времени. В будущее. Он тоже путешественник во времени, только немного другой.

— Я это подозревал.

— Да? — удивился Эдвард.

— Когда я начал путешествовать во времени, то понял, что это не просто с неба свалилось. И раз мать ничего такого не могла, значит, мог отец. Но... я не был в этом уверен. Значит, я был прав.

— Это еще не все.

— Что еще?

Эдвард решил выложить всю правду:

— Дирк Готтфрид на самом деле не немец. Он француз. Его зовут Жан Лобер. И он из будущего. Он застрял в прошлом, и чтобы вернуться назад, ему нужно убивать других путешественников во времени. Только так он может перемещаться во времени, точнее перемещаться в будущее. И он переместился в мое время, где познакомился с моей матерью. Он и мой отец тоже.

— Что-о?.. — Дэнни даже подскочил от удивления.

— Он преступник и убийца, — спокойно сообщил Эдвард.

— Ты тоже!

— Ну и ты тоже.

— Я помогаю людям, спасаю их, а что делаешь ты?! — негодуяше воскликнул Дэнни.

— То же самое. Послушай. Невё и его группировка — это люди, которые изменяют историю ради власти. Они заменили Вашингтона, чтобы один из них стал первым президентом США. Они пытались спасти «Титаник», чтобы Гитлер победил в войне.

— Но первым президентом и был Вашингтон.

— Конечно, ведь я это исправил. Я не знаю точно, чего они добиваются, но уж точно не чего-то хорошего. Я возвращаю всю исправленную ими историю на место. Это моя работа. Я работаю в полиции.

— Ну конечно, — фыркнул Дэнни.

— Могу показать удостоверение.

— Валяй.

Эдвард вытащил удостоверение, которое было напечатано на пластиковой карточке, и продемонстрировал его Дэнни. Там до сих пор значилось, что Эдвард капитан полиции, хоть это и было уже не так. В электронном варианте удостоверение уже давно отредактировали, но его Эдвард показывать не собирался.

— Ну, допустим, — сказал Дэнни, будто бы поверив. — Кстати, я знаю, кто такой Гитлер.

— Что? — тут уже удивился Эдвард.

— Они действительно хотели, чтобы он победил в войне?

— Хотели, но у них бы это не вышло, пока я здесь. Но откуда ты знаешь его?

Дэнни замялся:

— Я вижу... некоторые вещи. Типа... будущее. Но не до конца понимаю их.

— На «Титанике» ты сказал про голографические модели.

— Я их увидел, когда увидел тебя. Я не знаю, что это. Просто знаю, что они так называются.

— Такие голографические модели? — Эдвард включил часы и вывел из них голограмму той фотографии с Жаном, Невё и Уильямсом.

— Да, но... — Дэнни пригляделся. — Это он. Да, это мой отец. Но он...

— Он с ними не связан, — поспешил объяснить Эдвард. — Он, конечно, преступник, но он сам по себе.

— Но он сидит с ними!

— Просто сидит.

То же ведь подумал, что он с ними, — пронеслось в голове Эдварда. — Значит, я не дурак.

— И в какую эпоху ты хочешь меня отправить? — неожиданно спросил Дэнни.

— Откуда ты знаешь, что я хочу, отправить тебя в другую эпоху?

— Мне сказала L.

— Да что это за L?

— Это женщина, которая видит будущее, — коротко объяснил Дэнни.

— Так же, как и ты?

— Ну, практически.

— Ладно, с ней можно разобраться потом. Я могу спрятать тебя в одном месте на

первое время. Потом решим, что дальше делать. Главное, обратиться отсюда подальше.

— Я соберу вещи, — неожиданно согласился Дэнни.

— Все прошло проще, чем я думал, — пробормотал Эдвард.

— Идем вниз.

Дэнни открыл люк в полу и спустился по лестнице. Эдвард отправился за ним и оказался в небольшой комнатке с деревянной кроватью, тумбочкой и несколькими коврами. Обстановка была очень скудная, необжитая, словно жили тут совсем недолго.

— Давно ты тут? — решил поинтересоваться Эдвард.

— Несколько дней. Меня тут устроила L. Сказала ждать тебя.

— Что за тип с тростью, который тебя похитил. Ты в курсе?

— Это друг L, он забрал меня с «Титаника», чтобы я его не спас.

— Отлично. Друг L. Стоит его опасаться? — Эдвард ничего не понимал, но уже не удивлялся.

— Я его не видел. Но раз он друг L, то думаю, что не стоит.

А стоит опасаться L? — тут же подумал Эдвард.

Но не успел развить эту мысль, потому что наверху что-то взорвалось. Дэнни тут же прыгнул в соседнюю комнату и звякнул там чем-то железным. Эдвард не понял, что происходит, но приготовил пистолет.

Через потолок в комнату черной тенью метнулась фигура и тут же выпустила кинжал. Эдварда отбросило назад и пригвоздило к стене. Пистолет из руки выпал. Мужчина в белом платке вытащил из-за пояса оружие и приготовился стрелять, как вдруг Дэнни возник за его спиной и опустил на его голову железный таз.

Незванный гость тут же свалился на пол без сознания.

— Самурай, не самурай, а если приложить по башке тазом, все равно потеряет сознание. — Дэнни был явно доволен тем, что провернул.

У Эдварда плясали перед глазами черные точки. Он глянул на свое плечо и увидел торчащую из него ручку кинжала. Клинок разрезал кожу и приковал рукав плаща к стене. Если бы он летел на пару сантиметров правее, то Эдвард отделался бы не так просто.

— Ты жив? — удостоверился Дэнни.

— Пристрели его, — прокряхтел Эдвард, дергая за рукоятку. — Чертов самурай.

— У меня нет патронов.

— Ты угрожал мне пистолетом без патронов?! Там где-то выпал мой пистолет, возьми его. Или пистолет самурая. Давай же!

Дэнни наклонился над тем, кого они условно окрестили самураем, и отодвинул с его лица край платка. Он успел разглядеть только татуировки на загорелых щеках, потому что самурай резко распахнул глаза и подскочил.

— К черту! — провозгласил Дэнни и подбежал к Эдварду.

Пистолет он так и не успел поднять, поэтому просто схватил Эдварда за рукав и переместился вместе с ним в другое место.

ПАРИЖ, 1927 ГОД

— Где мы? — спросил Эдвард, оглядываясь по сторонам.

— Париж, 1927 год. Штабик Невё. Мы тут жили, когда готовились к спасению «Титаника».

— И ты притащил нас прямо к ним в гости?

Эдвард глянул на свою руку и обнаружил, что до сих пор сжимает в ладони

окровавленный кинжал вместо привычной ручки своего пистолета. Теперь кроме этого кинжала оружия у них не было. Если им сейчас встретится неприятель, то они вряд ли смогут справиться с ним даже вдвоём.

— Сейчас тут никого нет, — объяснил Дэнни. — Они меняют свои штабы почти каждую неделю. Но они рассчитывали, что потом в этом месте буду жить я.

— А у них есть что-то типа постоянной базы?

— Наверное, есть.

— Ты знаешь, где и когда она?

— Нет. — Дэнни покачал головой. — Я был с ними не так долго. Они мне даже не рассказали о том, кто они такие и чем занимаются на самом деле.

— Вероятно, они тебе ещё не очень доверяли.

— Я думаю, «Титаник» был проверкой. И я ее не прошёл.

— Но что ты такого сделал, раз они отправили за тобой наемного убийцу?

— Я не убил тебя. Они слышали наш разговор через переговорное устройство в ухе и поняли, что я усомнился в них. Меня наняли не для того, чтобы я спасал «Титаник», этим занимался Уильямс. Моей задачей было убить тебя. Когда я отправился на ходовой мостик, не завершив дело с тобой, Невё сказал, что я за это отвечу. А потом L сказала, что они убьют меня.

— У тебя осталось это устройство?

— Нет. Я потерял его. А может, человек, который вытащил меня с «Титаника», отобрал его. Я не знаю.

— Значит, L спрятала тебя в Средневековье, чтобы они тебя не нашли, — заключил Эдвард. — Но они все равно тебя нашли.

— Да, этот самурай меня сегодня весь день преследовал.

— Почему ты назвал его самураем?

— Не знаю. У него сначала был кривой такой меч, похожий на серп, но, когда я от него отстреливался, он его потерял. Потом он начал преследовать меня с пистолетом.

— Похожий на серп, — задумался Эдвард. — Я знаю только хопещ, древнеегипетский меч.

— Ну не важно, что это за меч, важно, что самурай находил меня повсюду, хотя я хорошо прятался.

— Как он тебя вообще нашёл в Средневековье?

— Не знаю. L специально отправила меня туда, чтобы они меня не нашли. Но этот человек как будто заранее знал, где я буду.

Эдвард внимательно посмотрел на Дэнни и вдруг выдал:

— Открывай рот.

— Зачем?! — опешил тот.

— Тебе делали что-то с зубами?

— Да, но... как ты узнал?

— Капсула самоубийства. У тебя и кодовая фраза для этого есть?

Эдвард вспомнил, как погиб Камиль, когда они притащили его на космический корабль Томаса. У него была встроенная в зуб капсула с ядом, чтобы в любой момент можно было покончить с собой. Только полный псих добровольно захочет такое себе делать. Что же это за группировка у них такая?

— Самоубийства?.. — растерялся Дэнни. — Нет, там пломба.

— Пломба, как же. Открывай рот.

Эдвард схватил его за челюсть здоровой рукой и повернул к свету. На нижнем зубе, как он и подозревал, что-то было. Там мигала маленькая точка, заключённая в прозрачное твёрдое вещество.

— Надо убрать.

— Нет!

— А иначе они тебя найдут и убьют. Они следят за тобой через эту, как ты выразился, пломбу.

— Но... — замешкался Дэнни. — Я не понимаю. Они сказали, что это обычное лечение в качестве подарка за будущую помощь.

— Не всегда бесплатное бывает хорошим, — сказал Эдвард. Обнадеживало то, что Дэнни установил это себе в зуб не добровольно. Значит, он не такой псих, как они. — Тебе не говорили какую-нибудь кодовую фразу? Это может быть высказывание известного человека или ещё что-то в этом роде. Только не произноси вслух!

— Нет. Ничего такого не припомню.

— Ну ладно. Все равно это нужно вытащить из твоего зуба.

Эдвард огляделся, решая, чем можно подцепить эту штуковину. Нужно было что-то острое. Он посмотрел на окровавленный кинжал в своей руке и решил, что это точно не подходит.

— Нужен маленький острый предмет.

— Иголка?

— Это слишком маленький. Какой-нибудь... нож для писем! — Он бросился к столу и стал рыться в ящиках. В начале двадцатого века в любом столе должен был быть нож для писем.

— Нет уж! — воскликнул Дэнни. — Может, маленькие ножницы?

— А они у тебя есть?

— Тут есть набор для шитья.

Дэнни вытащил с полки коробку и выбросил на пол нитки и чью-то начатую салфетку.

— Ты вышиваешь?

— Нет. Это тут уже было. Вот ножницы. — Дэнни продемонстрировал мелкие тупые ножницы с изогнутыми концами.

— Ну что ж. Поехали.

Эдвард взял эти ножницы и приблизился к Дэнни, но тот шарахнулся от него, точно он собирался выколоть ему глаз.

— Спокойно! — гаркнул Эдвард, да так, что это вряд ли могло принести спокойствие и без того сбитоному с толку парню. Он решил добавить уже более миролюбиво: — Это в твоих же интересах. Самурай гоняется за тобой, а не за мной.

— Ладно.

Дэнни смирился и открыл рот.

Эдвард быстро отковырял маленькую пластину и, использовав ножницы, как щипцы, вытащил ее на свет. На капсулу с ядом она была не похожа. Эдвард, конечно, не знал, как должна выглядеть капсула с ядом, но решил, что это не она.

— Наверное, это обычный жучок.

— Жу... что? — промямлил Дэнни, разминая челюсть и ощупывая рукой подбородком, как будто Эдвард выдрал ему зуб.

— Жучок слежения.

Дэнни сделал вид, что понял, хотя, вероятно, вряд ли понимал, что это такое.

Эдвард подошёл к кровати и бросил жучок под неё.

— Пусть поищет тебя. Теперь сваливаем.

— Один момент. Мне ещё дали вот это. — Дэнни снял с пальца перстень и протянул Эдварду. — Если в каждой мелочи, которую они мне дали, есть подвох, то пусть это тоже останется здесь.

Это был перстень-печатка. Эд всмотрелся в рисунок.

— Интересно, — проговорил он. — На всякий случай я это сфотографирую.

Он включил камеру на часах, сделал быстрый снимок печати и забросил кольцо вслед за жучком.

— А теперь я отправлю тебя в твой новый штаб.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Эдвард спрятал своего новоиспеченного младшего брата в одном секретном месте, о существовании которого никто не знал. Оно находилось на берегу озера в лесной глуши, полностью изолированное от внешнего мира. Эдвард сделал его для себя еще много лет назад, чтобы скрываться там, когда в жизни все крайне дерьмово. Он решил, что более безопасного места для того, на кого охотится наемный убийца во времени, придумать невозможно, потому что оно не зафиксировано в истории и как будто бы вовсе не существует.

Дэнни осмотрелся в своем новом логове, а потом они сели на кухне и выпили по кружке чая. Эдвард попросил рассказать о вербовке у Невё с самого начала, и Дэнни выложил все во всех подробностях. Теперь его исчезновение из 1923-го года и неожиданное упоминание Фицджеральдами в 1927-ом не выглядело странно. Как оказалось, Дэнни был немного иным путешественником во времени, чем они все — он мог проводить в прошлом столько, сколько пожелает, а значит, путешествие в будущее не должно было быть для него билетом в один конец.

— А могу я кое-куда отправиться? — между делом поинтересовался Дэнни.

— Куда?

— Кое-кого навестить.

— Девушку? — догадался Эдвард.

— Ну... да.

— Пока нельзя. Ты в опасности, поэтому будет лучше, если на некоторое время заляжешь на дно. Обещай. Ради своей же шкуры.

— Ладно. Обещаю.

Когда все вопросы были решены, Эдвард стал собираться в отделение, но пред тем, как вернуться туда, переоделся в привычную современную одежду и обработал рану от клинка, чтобы не было никаких свидетельств его стычки с наемным убийцей. Только после этого он вернулся на рабочее место, где его встретили с предсказуемым недовольством.

— Как ты мог опять от меня отключиться! — воскликнула Жаклин.

Рядом с ней в воздухе парила огромная и тоже очень недовольная голографическая голова Гюстава — племянница разговаривала с ним по видеосвязи.

— Наушник сел.

— Нет, ты отключился! Что там вообще произошло?

— Я не смог поймать Дэнни. Но он там ничего не менял. На него охотился наемный

убийца, и он от него скрывался.

— Опять все веселье тебе, — вставил Гюстав.

— Наемный убийца — это не веселье! — воскликнула Жаклин. — И зачем вообще на него охотился наемный убийца?

— Не знаю, но зато у нас кое-что появилось, — сказал Эдвард, выводя фотографию печати. — Дэнни потерял это кольцо, когда убегал. Я не стал его брать, вдруг там какие-нибудь жучки, поэтому сделал фото.

— Ого! — воскликнул Гюстав. — У них точно секта. Я сейчас буду у вас.

— Не стоит, — сказал Эдвард.

Но Гюстав уже материализовался рядом с ними и носом упёрся в голограмму.

— Так, цапля, РСТ — что все это значит? — спросил он.

— Не знаю. Но РСТ, вероятно, аббревиатура.

— Смотрите, внизу какие-то символы, — заметила Жаклин.

— Похоже на древнеегипетские иероглифы, — решил Эдвард.

Дэнни видел лицо преследователя, точнее иероглифы на его щеках. Он даже попытался нарисовать его портрет, но не смог, так как кроме этих иероглифов ничего не успел увидеть. Когда Эдвард спросил, были ли эти иероглифы египетскими, Дэнни только пожал плечами. Но даже без этого Эдвард был уверен, что наемный убийца вовсе не самурай. Он как-то связан с Древним Египтом.

— Иероглифы расшифровать можно, — сказала Жаклин и тут же схватилась за компьютер. — Давайте поищем.

Она открыла в интернете список древнеегипетских иероглифов и начала искать нечто похожее на то, что было изображено внизу печати.

— Итак, — сказала она. — Два последних символа это хлеб и две черточки. Читается как tj или ty. А первый это... dhw получается dhwtu. Джехути.

— И что это? — нахмурился Гюстав.

Жаклин собрала это слово в текстовом редакторе и скопировала его.

— Сейчас загляну. — Она вставила слово в поисковик, и результат появился мгновенно. — Это бог Тот. Бог мудрости, знаний, библиотек, государственного и мирового порядка. Бог с головой ибиса. Значит, это ибис, а не цапля.

— Говорю же — секта, — заметил Гюстав.

— Получается, печать из Древнего Египта, — заключил Эдвард. — И РСТ — это аббревиатура на коптском.

— А разве не на нашем?.. — проговорил Гюстав.

— Нашего тогда еще не было.

— Кто-то знает что-то на коптском? — спросила Жаклин.

— Глаз птицы, — вдруг сказал Гюстав.

— Что? — Эдвард пригляделся.

— Он в треугольнике. Масоны?

— Нет, не совсем, — сказала Жаклин, посмотрев это в интернете. — Уаджет. Левый глаз бога Гора, исцелённый Тотом, символ, который носили фараоны. Он олицетворял миропорядок. Но уаджет соколиный глаз, а здесь он у ибиса.

— Но уаджет не в треугольнике, — настоял Гюстав. — У масонов глаз в треугольнике.

— Да. Но как он попал к древнеегипетским символам?

— Значит, печать не обязательно из Древнего Египта, — задумался Эдвард. —

Различные общества заимствуют символы из прошлого. Если она принадлежит Невё и его людям, то они наверняка сделали ее гораздо позже.

— Ещё тут есть ветка с оливками, — заметил Гюстав.

— Ветка оливы, — проговорила Жаклин, вбивая в поисковик. — Это символ мира. А вы знаете, что на большой печати США тоже изображена ветка оливы и глаз в треугольнике? Просто учитывая, что эти люди действовали в Америке, то это больше чем просто совпадение.

— А что вообще значит глаз в треугольнике? — спросил Эдвард. — Ну, масоны — и что дальше?

Жаклин загуглила и это.

— Великий Архитектор Вселенной, наблюдающий за трудом вольных каменщиков, — изрекла она.

— Значит, бог Тот — это Архитектор Вселенной? — трактовал Гюстав.

— Или то, что миропорядок должен поддерживаться мудрыми людьми, — сказала Жаклин. — Архитектор Вселенной — мудрый человек, который следит за тем, чтобы в мире был порядок.

— Они много о себе возомнили, — заметил Гюстав.

— А что, если они не портят историю, — сказал Эдвард.

— Это ты сейчас о чем? — насторожился Гюстав.

— Что, если они верят, что исправляют историю к лучшему? Ради якобы миропорядка.

— Нацисты — это, по-твоему, к лучшему? — не поддержала его Жаклин.

— Я не говорю, что это к лучшему. Я говорю: что, если они верят, что это к лучшему. Может быть, их цель — взять все под свой контроль, чтобы установить в мире то, что в их понимании является порядком.

Ситуация с Дэнни заставила его по-другому на все посмотреть. Парень ведь тоже думал, что делал как лучше.

— Но это... все равно неправильно, — заметил Гюстав.

— Неправильно, — согласился Эдвард. — Все должно идти своим чередом. Тогда какой вообще смысл развития цивилизации? Какой смысл развития нашего вида, если все заранее уже будет кем-то сконструировано?

— Я не понял — по твоей логике они всё-таки плохие или хорошие?

— Они никакие. Не бывает чего-то плохого или хорошего в чистом виде.

— Но мы все равно будем их останавливать?

— Разумеется. Только мы имеем дело не с простыми террористами во времени. У них есть идеология, а с такими справиться ещё труднее. Я напишу Жиллену. Пусть придёт сюда немедленно. Мы ему обо всем расскажем.

Эдвард написал сообщение начальнику, и они стали его ждать. Жаклин и Гюстав ещё разглядывали печать, а Эдвард призадумался о секте. РСТ — это её название, решил он. Аббревиатура, за которой может скрываться все, что угодно. Сколько у них последователей? Если убрать Невё, то изменит ли это что-то? Кто у них самый главный? И как их вообще остановить?

С этого момента Эдвард понял, что спасение истории — уже не единственная их задача. Им нужно остановить эту секту, а иначе вмешательства в историю не прекратятся никогда.

Неожиданно рядом с ними возникла злая девушка лет тридцати. У неё были светлые волнистые волосы средней длины и четко очерченные скулы. Взгляд — жесткий и

пронзительный, губы недовольно сжаты в тонкую линию. Кто это такая, никто не понял. Раньше ее определенно здесь не видели.

— Вы, придурки, сейчас все мне расскажете! — заявила она.

— Вот как? — переспросил возникший позади Жиллен, который, видно, быстро откликнулся на сообщение Эдварда. — Вы в курсе, что это государственное учреждение? Не знаю, каким образом...

Девушка развернулась, и Жиллен удивлённо замер.

— Эва?.. — проговорил он.

— Эва? — нахмурившись, повторил Гюстав.

— Жерар? — спросила Эва.

— Жерар? — снова повторил Гюстав.

— Ты будешь повторять все, что они скажут?! — рявкнул на него Эд.

— Эва, как же ты выросла! — Жиллен подобрался к ней и поцеловал три раза в щеки. — Последний раз видел тебя, когда ты училась на первом курсе. Сколько лет уже прошло!

— Почти десять лет, — ответила она.

— Что тебя сюда привело?

— Эдит.

— А что с Эдит?

— Она пропала.

— Пропала?! — воскликнул Гюстав.

— И вы, придурки, скажете мне, где она! — Она устремила яростный взгляд на Гюстава и Эдварда.

— Так, полегче, — сказал Эдвард. — Эдит взяла отпуск. При чем тут мы?

— Она не появлялась уже три дня. Ни дома, ни у родителей. Никто не знает, где она. На звонки и сообщения не отвечает. Её родители собрались нанять детективов. Если вы что-то знаете, то лучше выкладывайте сейчас же!

— Но... — Побледнел Гюстав. — Что, если её похитили? Что если эта секта с ней что-то сделала?!

— Мы разберёмся, — сказал Эдвард. — Где она была последний раз?

— Я не знаю! — воскликнула Эва. — Здесь, наверное. Дома она не появлялась. Консьержка сказала, что видела ее только тем утром три дня назад.

— С кем она живёт?

— Одна.

— Её друзей спрашивали?

— Конечно! У неё и друзей-то нет, есть только одна подруга, но и та не знает, где она может быть. Вот я и пришла сюда. Вы ее видели в последний раз. Выкладывайте, что с ней могло случиться!

— Она сидела со мной в больнице, — сказал Гюстав. — После этого я ее не видел.

— Я видел ее на лестнице, когда она поднималась на наш этаж. Она хотела что-то сказать, но... я спешил. — Эдвард тоже побледнел. Что если она хотела сказать что-то важное?

— Ну а потом она пришла ко мне и взяла отпуск, — сказал Жиллен. — А ты, Жаклин, ее потом видела?

— В последний раз я видела её в палате Гюстава.

— Значит, она вышла из отделения и пропала? — спросила Эва. — Что... куда она

пошла? Что с ней сделали? С ней могли что-то сделать? Во что вы ее втянули?!

— Так, никому не паниковать, — резко сказал Жиллен. — Я свяжусь с кем надо. Если она пользовалась своей картой или документами, то её быстро найдут.

— Мы обращались в полицию!

— Полиция работает медленно. Я свяжусь со спецслужбами.

Через десять минут Жиллен сказал, что Эдит зарегистрировала свою карту в отеле «Алмаз». Эдвард, Гюстав и Эва тут же переместились туда и спросили на стойке регистрации, в каком номере поселилась Эдит Фабре.

— Мы не можем выдавать информацию о наших постояльцах, — деловито сказала женщина за стойкой.

— Так, дамочка... — Эва едва на нее не набросилась, но Гюстав взял её за локоть и оттянул назад.

— Полиция. — Эдвард показал своё электронное удостоверение обычного полицейского, сделанное специально для таких случаев.

— Оу, — смутилась та. — Минуточку.

Она забарабанила наманикюренным пальцем по экрану компьютера, а потом сказала:

— Двести первый. Второй этаж.

— Она ещё тут? — осведомился Эдвард.

— Она не выезжала.

— Я ее убью, — прошипела Эва.

Они поднялись на второй этаж и отыскивали нужный номер.

Гюстав легонько постучал в дверь и проговорил:

— Эдит, открой, пожалуйста. Это Гюстав. А ещё тут Эдвард и твоя сестра Эва. Мы хотим узнать, в порядке ли ты.

Как и ожидалось, никакой реакции за этим не последовало.

— Отойди, — сказал Эдвард, оттолкнув Гюстава в сторону.

— Что ты будешь?.. — Он не успел договорить.

Эдвард выбил дверь с ноги, и та с треском ввалилась внутрь.

Эва оттолкнула их обоих и первая влетала в комнату.

— Эдит, черт тебя дери! Я знаю, что ты тут!

Окна были закрыты плотными шторами. В номере была полнейшая темнота, и Эва об что-то запнулась. Гюстав включил свет. На кровати что-то зашевелилось, и из-под одеяла вынырнула лохматая голова.

— Вот ты где, — сказала Эва не то со злостью, не то с облегчением.

— Эва? — спросонья проямлила Эдит.

Она некоторое время бессмысленно моргала, а потом заметила, что Эва не одна, и тут же прикрылась одеялом.

— Ой. Что вы тут делаете?

— Ты издеваешься?! — закричала Эва.

— Не ори, — поморщилась Эдит.

Эдвард заметил несколько бутылок, которые стояли на тумбе и валялись в подушках на кресле, и у него появилась масса вопросов и опасений.

— О тебе никто ничего не слышал целых три дня! — продолжила кричать Эва. — Чем ты все это время занималась? Ты что, бухала? Ты вообще думаешь своей головой, идиотка?!

— Так, — вмешался Гюстав. — Не кричи. Давайте разберёмся с этим как адекватные люди. Эдит, почему ты не сообщила, где ты?

— Я взяла отпуск.

— Почему ты не сообщила семье?

— Зачем мне им сообщать? Они вспоминают обо мне только по праздникам.

— Мама звонит тебе каждый день! — воскликнула Эва. — Три дня, черт возьми!

— Я же не знала, что уже прошло три дня.

— Ты так бухала, что даже не заметила, что прошло три дня?! С кем ты тут была?

— Ни с кем.

— Могла быть хоть кому-то сказать, что решила уйти в загул. Ты просто эгоистка!

— Эгоистка?! — не выдержала Эдит. От криков сестры ее сон сняло как рукой. — А ты помнишь, какой это был день? Конечно, не помнишь. Никто не вспомнил. — На последней ноте на ее глазах выступили слезы.

Эва застыла с потерянным выражением лица. Гюстав и Эдвард встревоженно переглянулись. Они не поняли, о чем речь, но спрашивать тактично не стали.

— Выйдите, пожалуйста, — попросила Эдит. — Я соберусь.

Эдит жила в XIV округе совсем недалеко от отделения. Гюстав и Эдвард вызвались проводить девушек до её дома на такси. Когда машина подъехала, Эва и Гюстав забрались на заднее сидение вместе с Эдит, а Эдварду пришлось занять место рядом с водителем.

Эдит вся сжалась в комок, став внезапно очень маленькой и хрупкой. Эва, хоть и была злой, но обняла ее за плечи и всю дорогу гладила по руке. Ехали в тревожном молчании, только водитель пытался разбить тишину своей болтовней, но, натолкнувшись на мрачные лица, пристыжено замолк.

Эдвард все размышлял, что могло такого произойти, раз Эдит, никому не сказав, сняла номер в отеле и в полном одиночестве напилась до потери сознания. Какой такой день все забыли? Точно не её день рождения. Гюстав говорил, что по знаку зодиака она близнецы, а май и июнь уже давно были пройдены. Да и вряд ли вообще это был радостный день, скорее, темный и трагичный. Именно такие дни вынуждают человека искать спасение в алкоголе, Эдвард хорошо это знал. Но как бы там ни было, это были их личные, семейные дела, и Эдит уж точно не хотела, чтобы коллеги с работы в это вмешивались и видели ее в такое тяжелое время.

До дома Эдит доехали быстро. Таксист остановился около шестиэтажного здания, на углу которого располагался ресторан с красным навесом.

— Вам не обязательно идти за нами, — сказала Эва.

Эдвард уже успел заметить, что сестра Эдит не очень дружелюбна.

— Мы проводим вас до квартиры, — настоял Гюстав.

Все выбрались из салона и поднялись на второй этаж, на котором находилась квартира Эдит.

Эва открыла дверь и втолкнула сестру внутрь, но Гюстава с Эдвардом пускать не стала.

— Спасибо, что проводили. И за такси спасибо. Но дальше мы справимся сами. До встречи, — отчеканила Эва и захлопнула дверь у них перед носом.

— Милая девушка, — прокомментировал Эдвард.

— Я очень встревожен, — сообщил Гюстав.

— Ты не знаешь, что был за день?

— Понятия не имею.

— Она ничего тебе не говорила? Например, про какую-нибудь трагедию?

— Трагедию? — переспросил Гюстав. — Нет. С чего ты решил, что тут обязательно трагедия?

— Я в этом уверен.

— Ладно, давай вернёмся назад и скажем Жиллену, что Эдит в порядке, — сказал Гюстав. — Я потом попытаюсь у неё что-нибудь узнать, если она захочет об этом говорить.

Когда Жиллен был успокоен, Эдвард отправился якобы в уборную, но на самом деле переместился в прихожую квартиры Эдит, которую успел разглядеть, пока они обменивались любезностями с Эвой. Вся эта ситуация не давала ему покоя, и он сам не уловил тот момент, когда решил совершить незаконное проникновение в чужой дом.

Голоса девушек раздавались из глубины квартиры. Эдвард бесшумно пошёл на их звук, однако по пути через открытую дверь кабинета заметил нечто интересное и нырнул туда. На тумбе так по-старинному стояла фотография, заключённая в красивую маленькую рамку. На ней была запечатлена Эдит вместе с родителями. Эдвард не заинтересовался бы этой фотографией, если бы на ней не была изображена хорошо знакомая ему женщина. И это была вовсе не Эдит.

Девушка из прошлого. Директор Лувра. Мать Эдит.

Это Эль де Ла Фере.

Какого черта?.. — изумленно подумал он.

Он знал, что у Эль есть дочь, но никогда не интересовался тем, кто она. Как так могло произойти, что эта самая дочь придёт к ним в отделение и — нет уже смысла обманывать самого себя — понравится ему не меньше ее матери? Это уже поистине злые шутки. Только чьи — Хозяина Времени или судьбы?

Однако кое-что сбивало с толку. У Эдит была другая фамилия. Не такая, как у её матери и не такая, как у ее отца. Это было самое странное, и Эдвард после собирался с этим обязательно разобраться.

Он отправился дальше по коридору и обнаружил Эдит и Эву в гостиной. Они сидели на диване и разговаривали. Попадаться им на глаза он, конечно, не собирался. Если Эва его увидит, то наверняка набросится на него с кулаками.

— Я знаю, что забыла, — говорила Эва. — Но это же не дело. Твои родители не смогли до тебя дозвониться и позвонили мне. Они очень переживали.

— Вы все забыли. Ей бы уже исполнилось два года.

— Иди сюда. — Эва притянула ее к себе и крепко обняла. — Ты же знаешь, что я тебя очень люблю.

— Ты сейчас серьезно? Ты меня ненавидишь!

— Эдит. — Эва посмотрела на неё так, как будто она дала ей пощёчину. — Это ведь не так. Наверное... я дерьмовая сестра, если ты так обо мне думаешь. Я... я всегда восхищалась тобой и даже завидовала.

— Ты? Мне?

— Ты ведь очень умная, столько всего знаешь и умеешь. Я всегда хотела быть на тебя похожей.

— Это неправда, — возразила Эдит. — Ты меня унижала из-за того, что я не могла путешествовать во времени.

— Это было единственное, что умела я, но не умела ты. Я... самоутверждалась. Но в основном, я завидовала тебе. Прости. Правда, прости. Эдит, мы были подростками. Но я люблю тебя и очень ценю. Я бы не пережила, если бы с тобой что-то случилось. Да черт возьми, я думала, что тебя убили, похитили или... что ты сделала что-то с собой сама. Я места себе не находила!

— Мне было очень плохо.

— Я знаю. — Эва поцеловала её в щеку и крепче стиснула в объятиях.

— Как будто только я одна помнила, что она когда-то существовала.

— Мы все это помним.

Эдит печально покачала головой.

— Не очень-то на это похоже. Но это касается только нас. Зачем ты их привела?

— Они помогли тебя найти.

— Как я теперь там появлюсь? Обо мне и так не очень хорошо думают, но теперь... Мне так стыдно, что они меня увидели в таком виде. Особенно он, — проговорила Эдит и шмыгнула носом.

Эдвард напрягся. «Он» — это наверняка Гюстав.

— Тебе так нравится этот парень?

— Да.

— Ну, он... Ладно, о вкусах не спорят. Главное, что ты движешься дальше. Но если он тебя обидит...

— Я туда больше не вернусь. Я уволюсь и...

— Ты что, глупая? — перебила ее Эва. — Даже не думай. Если хочешь, я поговорю с Жилленом или с этими парнями, чтобы они тебе и слова плохого не сказали, а если скажут...

— Эва, не надо этого. Если ты поговоришь с ними, то я точно туда не вернусь.

— Если ты туда не вернёшься, то я точно с ними поговорю. Я понимаю, что тебе сейчас все кажется так, будто наступил конец света, но... ты уже взрослая женщина, и там работают взрослые люди. Это ведь не школа.

— Только не вспоминай школу. Я забыла ее как страшный сон.

— Здесь такого не будет. Пообещай мне, что вернёшься туда.

— Тогда пообещай мне, что не станешь ни с кем говорить. Ты меня опозоришь.

— Обещаю. — Эва улыбнулась. — И все-таки он не худшее, что могло с тобой случиться.

— Не начинай.

Эдвард скользнул вглубь коридора, внезапно пристыженный тем, что слушал то, что его не касалось. Но зато он узнал, что именно был за день. По крайней мере, догадывался.

Вернувшись в отделение, он решил проверить информацию об Эдит в интернете. Наверняка о дочери таких известных родителей что-то писали.

И он не ошибся.

Полтора года назад Эдит Бейль — в замужестве Эдит Фабре — отправилась в путешествие по Средиземному морю вместе с мужем и пятимесячной дочерью. Их личная яхта потерпела крушение, и Эдит оказалась единственной выжившей.

Два дня назад был день рождения ее дочери, Адель. Как сказала Эдит, ей бы исполнилось два года.

Прочитав это, Эдвард неосознанно провел параллель между собой и Эдит, и ему стало

жутко от того, как их истории оказались похожи.

КАИР, 2020 ГОД

— Как это понимать?! — негодовал Невё. — Мы для чего тебя нанмали? Ты умудрился упустить двух парней, но сразу после этого смог уничтожить два грузовика с террористами в пустыне!

Вежливое «вы» куда-то испарилось, и Хару решил, что и сам выкатить уже не будет.

— Террористы не перемещаются во времени, — без эмоций ответил Хару.

— Зачем тебе вообще это было нужно?

— Ты же не позволил взять с собой гранатомёт. Надо было пустить его в дело.

— Зачем? Нам это никакой погоды не сделает.

— Я делал это не для вас. Это моя страна. И мне не нравится, что здесь происходит.

— Это не твоя страна. Далеко уже не твоя. Если выкинешь что-то подобное ещё раз, то нам придётся принять меры. И скажи честно, у тебя был шанс его убить или ты его пощадил?

— Шанса не было, — коротко сказал Хару.

— Ладно. Верни гранатомёт вместе с зарядами. Надо убрать его от греха, черт возьми, подальше.

— Он лежит в сумке. — Хару указал на чёрную спортивную сумку, лежащую у ножки журнального столика.

Невё подобрался к ней и проверил содержимое.

— Зарядов было шесть, — проговорил он. — Осталось пять. Грузовика было два. Ты уничтожил их одним зарядом?

— Грузовики стояли рядом. Они сами по себе взрываются хорошо. Особенное если в них перевозят оружие.

— Откуда ты стрелял?

— С вершины скалы.

— Интересно. Хороший прицел. Возможно, мы найдём тебе другое применение, — задумался Невё.

— Почему вы не можете убрать их в вашем настоящем? — перевёл тему Хару. — Ты говорил, что у вас есть информация о том, где они живут и базируются.

— Это не вариант. Они секретная организация, о которой никто не знает. На их стороне президент. Если мы вломимся к ним в отделение и всех перестреляем, то начнётся расследование, которое, надо полагать, закончится быстро. Президент быстро выйдет на нас и найдёт нашу базу. Но никто не должен знать, где находится наша база, поэтому так важно убрать их в прошлом. Не все наши люди могут перемещаться во времени, но мы работаем над этим.

— Что ж, судя по мне, вы эту работу уже почти закончили.

— Именно. И вскоре мы сможем переехать. Но нам нужен этот чертов парень, а без жучка найти его будет проблематично.

— Они объединились, — сообщил Хару.

— О чем ты?

— Оба этих парня. Они помогли друг другу и сбежали вместе.

— Черт! — воскликнул Невё. — Этого-то мы и опасались. Он должен быть с нами!

— Он для вас так важен?

— Важнее нас всех. Он — Человек вне времени.

ПАРИЖ, 2048 ГОД

Утро в отделении началось с перекуса. Все уселись за общий стол со стаканчиками кофе и круассанами, купленными в соседней кондитерской, и принялись обсуждать обыденные дела. О РСТ говорить надоело — вчера и так целый день мусолили ее название, пытаясь подобрать подходящие по смыслу слова из разных европейских языков, поэтому от одной мысли об этой секте уже начинало тошнить.

Эдвард ждал, когда придёт Эдит. Весь вчерашний вечер он думал о том, что случилось, и искал разную информацию о ней на просторах интернета. Ему хотелось знать все: в какой школе и в каком университете она училась, кем был ее муж и был ли у неё кто-то до него, что она любит и чем интересуется, кто такая эта ее единственная подруга и все в том же духе.

Больше всего информации он выудил из соцсетей. Оказалось, общественность интересовалась Эдит не меньше, чем её мать. В одном только инстаграме у неё было около ста тысяч подписчиков. Разные старые фотографии, выложенные в сеть, и подписи под ними рассказывали о ней гораздо больше, чем хорошо прописанные, но безликие статьи журналистов.

Почему Эдвард не заходил на страницу дочери Эль раньше? Наверное, ему было неприятно, что у Эль семья с другим мужчиной, с этим Александром, который ему совсем не нравился. Но эта неприязнь была несправедлива, ведь Эль была старше Эдварда на шестнадцать лет и, когда он только родился, уже жила под одной крышей с Алеком. Между ними изначально ничего не могло быть, но на момент их знакомства они об этом ещё не знали. Во всяком случае, когда пришло время делать выбор, Эль выбрала Алека, и Эдвард ее больше не беспокоил. Последний раз — или он думал, что это был последний, — они виделись, когда ему было двадцать, поэтому с 2036-го года и ровно до вчерашнего дня он не просматривал никакую информацию о ней и её семье, решив оставить все, что связано с этой девушкой, в прошлом.

Кто бы мог подумать, что ее дочь окажется с ним на одной работе, да ещё и заполнит собой все его мысли.

Блондинка на «Э». Неужели он настолько предсказуемый, раз все поняли это гораздо раньше него? Но что бы он ни чувствовал по отношению к Эдит, это не имело значения. Он обещал Гюставу, что не станет мешать ему, а ссориться с лучшим другом из-за девушки совсем не хотелось. К тому же важнее было то, кого из них выберет Эдит. И её выбор явно склонялся в сторону Гюстава.

Вся эта ситуация была очень похожа на ситуацию с Эль, и это была ещё одна неприятная шутка злой судьбы.

Опять в пролёте?! — вопил внутренний голос, но Эдвард пытался его игнорировать.

Сейчас его тревожило то, что Эдит могла оставить работу. Сделала она это или нет, наверняка мог знать только Жиллен, поэтому после перекуса Эдвард собирался обо всем у него узнать. К счастью, это оказалось не нужно. С небольшим опозданием, но Эдит все же пришла в отделение. Она коротко со всеми поздоровалась и скользнула по коридору в сторону раздевалки.

Эдвард молча поднялся и последовал за ней, ощутив при этом, каким пристальным

взглядом провожает его Гюстав. Переживать другу, однако, было не о чем. Эдвард просто хотел сказать Эдит пару слов, чтобы после вчерашнего дня она не чувствовала себя здесь иначе, чем прежде.

Когда Эдвард подошел к двери раздевалки, Эдит резко выпрыгнула наружу, и они столкнулись.

— Ой, — неловко сказала она и, опустив глаза, попыталась его обойти.

— Подожди. — Эдвард положил руку ей на плечо, отчего Эдит вздрогнула. Она была похожа на маленькую испуганную кошку, которую нещадно потрепала сволочь-жизнь, и ему стало стыдно за то, как все это время он вёл себя рядом с ней. — Все хорошо, Эдит... Ты часть нашей команды и... если тебе нужна будет помощь, то можешь смело обратиться к нам. Мы... мы все к тебе очень хорошо относимся, и я хочу, чтобы ты знала, что ты наш друг.

Эдит подняла на него удивленный взгляд. Она явно ожидала услышать не это.

— Значит, ты не ненавидишь меня? — едва слышно спросила она.

— Нет, конечно. Почему я должен тебя ненавидеть?

— Я... не знаю.

— Ладно. Мы вчера столько всего нашли, — перевёл он тему. — Точнее — я. Тебе обязательно надо на это взглянуть.

— Эдвард, — позвала она.

— Да?

— Это было из-за того... из-за того, что...

— Тебе не нужно ничего объяснять. К тому же, я все равно уже знаю.

— Знаешь? — едва слышно переспросила она и даже побледнела.

— Прости. Я посмотрел в интернете.

— Понятно, — вздохнула она. — Но это было не только из-за этого. Просто все навалилось. Когда я брала отпуск, то Жиллен сообщил кое-что о моем гене.

— Ты все-таки поговорила с ним ещё раз?

— Да. И он сказал, что ген у меня всё же есть, но он заблокирован. И... кто-то это сделал намеренно. Кто-то намеренно отредактировал мою ДНК.

— Намеренно? Но кто? Я думаю, это недёшево. Кому это могло понадобиться?

— Моим родителям, в этом нет сомнения. Но я не знаю, зачем. Хотя... нет, все же знаю. Наверное, прошлое им казалось опасным. Но я не понимаю, почему они все это время молчали. Они знали, как я мечтала путешествовать во времени и с самого детства ждала, когда наступит этот момент. Почему они мне не сказали правду?

— Ты с ними говорила?

— Нет.

— Может, они ни при чем.

— А кто ещё станет тратить на это такие деньги?

Эдвард не был уверен, что Эль поступила бы так с собственной дочерью. Хотя кто знает, каким человеком она могла стать, все же она уже не та пятнадцатилетняя девочка, которую он знал. Но с другой стороны — если Эль хотела скрыть от дочери правду о гене, то зачем отправила ее к Жиллену? Что-то тут не вязалось.

— Где ты родилась? — спросил Эдвард.

Эдит посмотрела на него с непониманием.

— Здесь. В клинике. Все женщины нашей семьи тут рожали: моя мама, тетя Софи и...

— И ты, — договорил Эдвард.

— Да.

— Я тоже тут родился. И Жаклин, и мой брат и... мой сын. Разве это не странно?

— К чему ты клонишь?

Эдварда охватила тревога. Члены их семей так или иначе были связаны с клиникой «Триаль», и многие из них погибли при странных обстоятельствах. Но какой во всем этом смысл? Чего они добивались своими действиями? Связаны ли они с РСТ? Нужно было как можно скорее во всем этом разобраться, пока ещё кто-то не пострадал.

— Не бери в голову. — Эдвард выдавил из себя улыбку и погладил Эдит по плечу. От этого жеста она замерла, как каменное изваяние, и почти перестала дышать. Эдвард поспешно одернул руку, потому что ему показалось, что это ее пугает. — Пошли к остальным. Надо рассказать тебе о последних событиях. Там очень интересно.

Он не стал делиться с ней своими опасениями, чтобы лишний раз ее не тревожить. Может быть, все это полный бред. Сначала нужно во всем разобраться, а потом уже кидаться обвинениями в сторону «Триаль».

Когда они пришли к рабочему месту, Гюстав тут же подскочил и поприветствовал Эдит объятием.

— Ну как ты? — проговорил он, уткнувшись носом в её белые волосы.

— Нормально.

Жаклин печально на них глянула, а потом быстро отвела взгляд.

— Включи картинку печати, — попросил ее Эдвард.

Жаклин открыла фото со своего компьютера, и Эдит, отделавшись от Гюстава, стала её рассматривать. Эдвард коротко рассказал байку о том, как вчера совершенно случайно обнаружил это кольцо, и хотел уже объяснять расшифровку символов, но это оказалось ненужно.

— Птица ибис и иероглифы, обозначающие бога Тота, — с ходу сказала Эдит.

— Ты так сразу это определила? — удивился Гюстав. — Мы вчера черт знает сколько это переводили.

— Я знаю, как пишутся иероглифами древнеегипетские боги. — Она пожала плечами, как будто в этом не было ничего особенного. — Люблю Древний Египет. Но что значит РСТ? Это аббревиатура на коптском?

— Не понятно, — сказала Жаклин. — Мы вчера подбирали разные слова из разных языков, но ни к чему не пришли.

— Мы как Роберт Лэнгдон, — сказал Гюстав. — Расшифровываем древние символы, боремся с сектами ну и спасаем мир.

Все посмотрели на него, как на сумасшедшего.

— Что? — переспросил Гюстав. — Это же классика.

— Ребята! — воскликнул появившийся рядом с ними Жиллен. — Я только что получил сообщение от президента!

— Что-то случилось? — насторожился Эдвард.

— Да! Наконец-то мы дожили до этого дня! Нас переименовывают в Агентство времени! — Жиллен радостно хлопнул в ладоши.

— Агентство? — нахмурился Гюстав. — Это значит, что нас повысили?

— Вроде того, — ответил начальник. — Но самое главное, нам увеличат финансирование. Надо заметить, что с ресурсами у нас все было не особенно густо.

— Значит, это отличные новости! — воскликнула Жаклин. — А то ты так начал

говорить, как будто нацисты опять выиграли.

— Я уже заказал нам шампанское и роллы, — сказал Жиллен. — Через два часа соберёмся и будем праздновать. А пока продолжайте заниматься тем, чем вы тут занимаетесь. И кстати, зовите меня теперь директор Жиллен.

Эдвард стоял, словно оглушенный, и пытался переварить то, что они больше не отделение полиции, а Агентство времени.

Не доверяй агентству, — вспомнил он слова Элинора.

Она говорила об этом? Но откуда она могла знать об этом заранее?..

— Эдвард, ты побледнел, как будто тебе сказали о катастрофе, — заметил Гюстав.

— Мне что-то нехорошо, я схожу проветрюсь, — сообщил он.

— Эй, только ненадолго. Вдруг придётся что-то исправлять в прошлом, — крикнула ему вдогонку Жаклин.

— Позвонишь, — бросил он в ответ.

Не доверяй никому. Не доверяй агентству. Все на самом деле не так, как выглядит.

Слова Элинора вертелись в голове, точно запись на повторе. Что если она узнала об этом что-то важное, и за это её убили? Хоть Томас и говорил, что она убила себя сама, но он мог узнать об этом только из исторических источников, а историю пишут не всегда достоверно. Но почему Элинора не сказала все напрямую, а стала говорить какими-то мутными фразами?

Что вообще происходит и кому можно доверять?

Эдвард вывалился на улицу в поток прохожих и оглядел фасад здания, как будто пытаясь увидеть в нем то, чего раньше не замечал. Однако, вопреки его ожиданиям, все было по-прежнему.

Кто-то позвонил. Эдвард решил, что это Жаклин, но на экране часов высветилось «папа».

— Да? — ответил Эдвард.

— Привет, слушай, ты не видел брата?

— Леона?

— А у тебя есть еще какой-то брат? — нервно переспросил папа.

Ты даже не представляешь, насколько твой сарказм вовсе не сарказм, — подумал Эд.

— Не видел. А что?

— Он пропал.

— Да вы издеваетесь?! — воскликнул Эдвард. — Это уже не смешно. Ты проверил его значные места?

— Да.

— Все?

— Все, о которых знаю. Я думал, он у своей девушки, но она сказала, что он отправился в путешествие, а потом хотел вернуться домой. Но домой он не вернулся.

— Думаешь, с ним могло случиться что-то в путешествии? Куда он отправился?

— Я без понятия.

— Так... я постараюсь что-нибудь сделать. Если что-то выясню, то позвоню.

Эдвард отключился от отца и стал названивать брату. Один звонок, два, три... Трубку никто ни разу не взял. На Леона это было не похоже. Обычно он либо сразу отвечал, либо сразу сбрасывал, если не мог ответить.

Леонард Вивьен Дебюсси. Сейчас же отвечай на чертовы звонки! — гневно напечатал Эдвард.

Могло ли с Леоном случиться что-то плохое? Или он, как и Эдит, забрался в какой-нибудь отель и устроил загул? У Эдварда внутри все похолодело. Что если секта РСТ, «Триаль», Агентство или ещё какая-нибудь фигня добрались до его брата?

— Простите, сэр, — внезапно позвали его по-английски.

Эдвард поднял взгляд и увидел перед собой мужчину лет тридцати с чёрными волосами, такими же чёрными густыми бровями и носогубными складками, которые появлялись, когда он шевелил губами.

— Что?! — резче, чем рассчитывал, ответил Эд.

— Я должен вам кое-что передать, — сказал тот.

— Вы кто?

— Заинтересованный гражданин, который хочет помочь.

Эдвард прищурился, разглядывая странного типа, и вдруг понял, что раньше он уже с ним встречался.

— Это ты! — воскликнул он, схватив человека за ворот пижонского костюма, и втолкнул его в переулок между особняком и соседним домом. — Ты напал на Гюстава и похитил Дэнни с борта «Титаника»!

— Это я, — ответил тот.

— Кто ты?!

— Меня зовут Томас Форд. Приятно познакомиться, Эдвард.

— Я знаю, как выглядит Томас Форд. И ты точно не он!

— Ты, наверное, говоришь о моем отце, Томасе Форде Первом. Я Томас Форд Второй. Привет, дедушка.

Эдвард тут же от него отпрянул и посмотрел на него, как на невиданное существо.

— Второй, ну конечно, — проговорил он.

Раз был Третий, то должны были быть Первый и Второй.

— У меня есть для тебя информация. Я только что был в кабинете доктора Триалья и скачал с его компьютера все, что успел. Точнее все, что смог расшифровать. — Он протянул ему маленькую карту памяти. — Здесь есть данные о том, что они сделали с твоим первым сыном и дочерью ба... эээ... с дочерью Эдит.

— Что?

— Возьми это и прочитай. Там есть подробные отчеты. L сказала, что пришло время тебе узнать всю правду.

— Что за отчеты? Почему вы все делаете то, что говорит вам L? Кто она? Почему я должен доверять ей и тебе? И откуда мне знать, что ты настоящий Томас Форд?! — У Эдварда было столько вопросов, что взрывалась голова.

Томас Форд чуть подумал, а потом ответил:

— Я не запомнил ни один вопрос. Просто проверь эти данные. От тебя ничего не убудет.

Эдвард поставил карту памяти в свои часы и открыл файлы. Там были отчеты о каких-то исследованиях. Первая папка называлась «Даниэль Дебюсси». У Эдварда от этого подкосились ноги, и он прислонился спиной к стене. Сведения о весе, росте, группе крови, родителях и прочая информация, которую заполняют в медицинских карточках. Но кое-что там было новое — в отдельной графе значилось «путешественник во времени».

Дальше следовали страницы с каким-то цифрами и буквами, а в конце каждой были написаны выводы.

Томас Форд пролистал страницы и открыл ту, которую, по его мнению, Эдвард должен был прочитать прежде всего.

... В ходе эксперимента «Человек вне времени» был изменён и усовершенствован изначальный ген, отвечающий за путешествия во времени. Ребёнок в возрасте пяти лет успешно перенёс путешествие во времени на длительный срок (4 дня) и вернулся назад спустя полминуты с момента исчезновения, чего не наблюдалось ни у одного путешественника во времени. В ходе повторных тестов результаты оказались такими же впечатляющими. С уверенностью можно считать, что Даниэль Дебюсси является первым удачным экспериментом...

... Ребенок изъят у родителей и отправлен в прошлое в новую семью. В голову вживлена пластина, уничтожившая память о прожитых пяти годах в двадцать первом веке. Ребенок ничего не вспомнит о своей прошлой жизни и будет считать, что родился в двадцатом веке. Родителям сообщено, что он погиб...

— Ген, отвечающий за путешествия во времени, у каждого проявляется по-разному. Доктор Триаль и его люди уже несколько десятилетий пытаются отредактировать ДНК путешественников во времени так, чтобы ген проявлялся одинаково. А именно, чтобы путешественник во времени мог перемещаться куда угодно и насколько угодно. Это сделали с тобой, твоим братом и племянницей, но результатов они не добились. Ты, конечно, проводишь в прошлом гораздо дольше, чем любой путешественник во времени до тебя, но это все равно было не то, чего они добивались. Твой сын оказался первым, с кем у них получилось добиться желаемого. Когда они это поняли, то отняли его у тебя, инсценировав его смерть. Они отдали тебе тело не твоего сына. Как они сказали? Вероятно, попал в пожар и поэтому вернулся до неузнаваемости обожженным? Бред собачий! Они вернули тебе тело чужого ребенка, которого перед этим намеренно обожгли. А настоящему Даниэлю вскрыли череп, заставили забыть обо всем, что он когда-либо знал, и отправили в прошлое, подальше от тебя и твоей семьи, чтобы внушить ему потом свои идеи и ненависть к тебе. У них ведь это почти получилось, так? Хорошо, что я забрал его с «Титаника» и передал в руки Л. Она, конечно, не все ему рассказала, но заставила поверить в то, что эти люди хотят его смерти. На самом деле он нужен им живым в качестве биологического материала для создания сывороток. Они уже взяли его кровь и создали первую партию ампул, которые могут наделить любого человека безлимитной способностью путешествовать во времени. Ты ведь хорошо его спрятал? Он не должен больше попасть в их руки.

— Ты... что ты имеешь в виду?.. — промямлил Эдвард.

— Твой сын. Дэнни. Он же с тобой?

— Дани?.. Он же умер два года назад.

— Ты слышал, что я тебе сейчас говорил? Соберись, Эдвард! Это был не твой сын.

— Я держал на руках изуродованное обожженное тело!

— Это был не он, — повторил Томас.

У Эдварда в голове что-то резко переключилось. Агентство сотрудничает с «Триаль», а «Триаль» с РСТ. Они все были изначально связаны.

— Они... они с ними. Это все их рук дело. Все это время они были у нас под носом. Сраные ублюдки. Я их убью.

— Нет. Так не решить. Сейчас ты должен сделать вид, что ничего не знаешь, и продолжить работу. У тебя теперь есть преимущество...

— Сделать вид?! Ты думаешь, что несёшь? Я их убью. Точно убью. — Эдвард вытащил

из-под пиджака пистолет.

— Нет! — воскликнул Томас, вцепившись в его руку, чтобы отобрать оружие, но Эдварда уже было не остановить.

Он хорошенько приложил потомку по голове и переместился в кабинет Триалья. Доктор стоял у стола и тыкал в свой компьютер. Эдвард вскинул руку и стал в него стрелять, но старик оказался проворным и успел нырнуть под массивный деревянный стол.

Из соседней комнаты выскочило несколько человек и накинулось на Эдварда. Они выбили из его рук пистолет и надавали тумаков, оторвав при этом ещё рукав пиджака. Эдвард удивился силе хлюпиков-врачей, но не сдался и несколькими хорошенько врезал. Его выпустили из рук, и он тут же поднял с пола пистолет, выстрелив в кого-то наугад.

Триаль так и прятался под столом, и Эдвард, поняв, что никто больше не собирается на него кидаться, стремительно отправился к убежищу этого лжеца.

Тут в кабинет влетели ещё люди, и Эдварду пришлось от них отстреливаться. Но их было слишком много, и кто-то успел воткнуть ему в спину что-то острое. Не нож, а скорее иглу шприца. В глазах потемнело. Эдвард сделал несколько шагов в сторону стола с вытянутым в руке пистолетом, но пальцы онемели, и оружие выпало. Потом онемели ноги, и он свалился на пол без сознания рядом с убитыми им врачами.

Эдвард очнулся на простой кровати с тонким матрасом. В голове стреляло, а в глазах точно был насыпан песок. Он огляделся и понял, что валяется в тюремной камере. В одной из тех, где мечтал увидеть Невё. На запястье вместо часов был «Наручник», а на теле вместо привычного костюма была серая тюремная роба. Все его вещи отобрали. И наверняка уничтожили. Доказательства деятельности клиники были утеряны так же быстро, как и получены, а ведь он ещё не все успел прочитать и в особенности не успел узнать о том, что сделали с дочерью Эдит.

— Ты убил трёх врачей и ещё четырёх серьезно ранил, — жёстко изрёк кто-то, стоящий по ту сторону решетки.

Эдвард прищурился и увидел непроницаемое лицо Жиллена. Остальных здесь не было. Знали ли они о случившемся? Наверняка уже знали.

— Тебя допросят, когда ты окончательно придёшь в себя. Это буду не я. Но я уже знаю, что тебе собираются дать пожизненный срок. — Жиллен подошёл чуть ближе и выжидающе посмотрел через решетку. — Что ты молчишь?! Оправдайся как-нибудь! Почему ты это сделал? Что должно было произойти, чтобы ты взял оружие и напал на беззащитных врачей?

Эдвард упёрся взглядом в стену и напряг челюсть. Говорить с ним он не собирался. Он не знал, мог ли ему доверять. Не после того, что сегодня узнал.

— Понятно, — сказал Жиллен. — Я мог бы что-то сделать, чтобы тебе сгладили наказание, если бы знал, почему ты это сделал. Но раз молчишь, то... как знаешь.

— Заткнись, старик, — раздался голос Жана из соседней камеры. — Тут люди пытаются читать.

— Тебя не спрашивали, — бросил Жиллен. — Я вернусь к тебе завтра. Если не захочешь говорить, то я ничего не смогу для тебя сделать.

С такими словами он развернулся и отправился на выход из тюрьмы. Эдвард упал обратно на кровать и зажмурился, желая, чтобы все это оказалось страшным сном. За одно лишь утро он умудрился лишиться всего. Нет, сны не бывают настолько страшными.

— Не ожидал от тебя такого, — сказал Жан. Эдвард его не видел, но, к несчастью,

прекрасно слышал. — Похоже, мы теперь тут застряли вместе...

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net